

СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В VIII - НАЧАЛЕ XI ВЕКА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

А. В. ГРИГОРЬЕВ

А. В. ГРИГОРЬЕВ

СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В VIII - НАЧАЛЕ XI ВЕКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Государственный военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово поле»

**ТРУДЫ ТУЛЬСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск 2

А. В. ГРИГОРЬЕВ

**СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
В VIII – НАЧАЛЕ XI ВЕКА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ДАНЫМ**

**ТУЛА
«ГРИФ И КО»
2000**

УДК 930.26
ББК 63.4(2)43г
Г 834

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. К. Зайцев
кандидат исторических наук А. В. Кашкин

Григорьев А. В.

Г 834 Северская земля в VIII—начале XI века по археологическим данным.—Тула: «Гриф и К^о», 2000.—263 с.: ил.—(Труды ТАЭ; Вып. 2).

ISBN 5-7927-0003-6

Монография посвящена истории славянского племени северян в VIII—нач. XI в. Исследование в значительной степени базируется на неопубликованных ранее материалах археологических исследований.

Издание адресовано как специалистам—историкам и археологам, так и широкому кругу интересующихся отечественной историей читателей.

УДК 930.26
ББК 63.4(2)43г

ISBN 5-7927-0003-6

© Григорьев А. В., 2000
© Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2000

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших в истории возникновения Древнерусского государства, несомненно, является вопрос о так называемых «племенных княжениях», предшествовавших и, как полагают, ставших основой относительно единого государства периода Владимира и Ярослава. Несмотря на многочисленные исследования, характер этих объединений, их происхождение, взаимоотношения и соотношение с Древнерусским государством в настоящее время не могут считаться окончательно выясненными. В отечественной историографии имеются различные, порой взаимоисключающие, взгляды на эту принципиальную проблему [Шаскольский И. П. 1978. С. 128—141], поэтому трудно переоценить важность детального изучения истории отдельных племенных объединений.

Предлагаемая работа посвящается одному из крупнейших объединений—летописному племени север. Из числа прочих его выделяют не только значительная территория и пограничное положение между Киевом и Хазарским каганатом, но и то, что, по мнению некоторых известных ученых, северяне полностью или частично входили в состав так называемой «Русской земли», ядра Древнерусского государства [Насонов А. Н. 1951. С. 29; Рыбаков Б. А. 1952. С. 59—62; 1982. С. 72; Толочко П. П. 1987. С. 18].

К сожалению, сведения письменных источников о северянах крайне скупы и противоречивы, что не позволяет получить сколько-нибудь полного представления об этом объединении исключительно на их основе. На сложность проблемы указывал еще в XVII в. автор Густинской летописи: «но каковы обладатель, или кое строение тогда въ нихъ бѣ, не мощно есть въдати, понеже писания не имяху». [ПСРЛ. 1846. Т. I. С. 234]. Расширить наши познания, связать воедино разрозненные летописные известия на сегодняшний день могут прежде всего данные археологии. Согласно летописи, север

«сѣдоша по Деснѣ, и по Съми, по Суль» [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 6]. Очерченная летописью территория на удивление точно совпадает с ареалом памятников роменской культуры левобережья Днепра [Сухобоков О. В. 1975. С. 132].

История изучения археологических памятников этой культуры насчитывает уже около полутора столетий. Весь этот период, конечно в значительной степени условно, можно разделить на три основных этапа. На раннем, охватывающем весь XIX и нач. XX в., основное внимание исследователей было сосредоточено на выявлении памятников различных эпох, в т. ч. и VIII—X вв. В последние годы вышел целый ряд работ, специально посвященных истории изучения древностей Днепровского Левобережья [Кулатова И. М. Супруненко О. Б. 1990. С. 41—46; Супруненко О. Б. 1990 а. С. 6—10; 1990 б. С. 5—42; Звагельский В. Б. 1990. С. 21—32; Коваленко В. П. 1993. С. 13—16 и др.], и потому лишь вкратце остановимся на этом вопросе.

Еще в 1838 г. В. В. Пассек осмотрел ряд памятников в окрестностях Харькова и Полтавы [Пассек В. В. 1839. С. 201—209]. Позже городища Харьковской губ. обследовались Ю. А. Морозовым [Морозов Ю. А. 1902. С. 82—97]. Большой вклад в дело выявления памятников в бассейнах рек Сула, Псел и Ворскла внес В. Г. Ляскоронский [Ляскоронский В. Г. 1901; 1907]. Ряд городищ в Среднем Подесенье был изучен А. С. Гатцуком [Арх. ИИМК: Ф. 1. 1907. № 41]. Большое количество памятников обнаружено местными краеведами и любителями старины. В то время появилось множество различных историко-географических описаний указанной территории [Филарет (Гумилевский). 1852; 1857; 1874; Багалей Д. И. 1890; 1905; Уварова П. С. 1906 и т. д.].

Одновременно с выявлением и первоначальным описанием памятников начинаются активные раскопки курганов. Так, в 1823-м и 1830 гг. А. Дмитриюков производит раскопки курганов в могильнике у с. Горналь, а в 1842 г. в г. Рильске [Дмитрюков А. 1854. С. 26—30; 1863. С. 512, 515, 516]. Н. Беляшевским раскапываются курганы у д. Богданово [Беляшевский Н. 1900. С. 146—148], И. С. Абрамовым — у с. Воронезж [Арх. ИИМК: Ф. 1. 1907. № 54. Л. 6—12], В. П. Каншиным — у с. Гнездилово [Каншин В. П. 1911. С. 118, 119]. Могильник волынцевского типа был исследован в 1906 г. Н. Е. Макаренко и В. Ф. Беспальчевым между с. Малые Будки и с. Константиново [Макаренко Н. Е. 1907. С. 50—54; Беспальчев В. Ф. 1911. С. 214, 215].

Особое место в изучении северянских древностей принадлежит Д. Я. Самоквасову. На основе опросных листов и личных обследований он ввел в научный оборот большое количество не известных ранее памятников, произвел раскопки большей части известных кур-

ганов, а также попытался обобщить полученный материал. При этом был сделан ряд важных наблюдений относительно северянских древностей довеликокняжеского периода [Самоквасов Д. Я. 1908 а; 1908 б]. Так, правда в значительной мере интуитивно, было определено время существования изученных памятников. В частности, подкурганные погребения, совершенные по обряду кремации на стороне, были отнесены к IX—X вв. [Самоквасов Д. Я. 1908 б. С. 92, 93]. Говоря же в целом о времени памятников языческой поры на указанной территории, автор отмечал, что оно может быть определено не ранее VIII в. [Самоквасов Д. Я. 1906. С. 8—11]. Работы Д. Я. Самоквасова в определенной мере подвели итог первому, начальному этапу изучения роменских древностей. На этом этапе была выявлена значительная часть известных на сегодняшний день памятников, прежде всего городищ и курганов, и произведены раскопки большинства курганных могильников, была установлена принадлежность конкретных памятников летописным северянам довеликокняжеского периода.

Несомненно, обобщения, сделанные в нач. XX в., несмотря на то, что многие из них нашли в дальнейшем свое подтверждение, носили гипотетический характер. Археологические материалы выступали прежде всего в качестве иллюстрации к историческим построениям. Определенная односторонность информации объяснялась и отсутствием материалов поселений.

В своей работе «Историческое значение городищ», опубликованной еще в 1878 г., Д. Я. Самоквасов указывал на особую важность изучения этой категории памятников [Самоквасов Д. Я. 1878 а]. Возвращаясь к той же теме позже, исследователь предложил использовать для датировки поселений расположенные поблизости курганы, а также, что особенно важно, материал культурного слоя самого памятника [Самоквасов Д. Я. 1908 б. С. 9—14].

Планомерные раскопки городищ, за которые ратовал Д. Я. Самоквасов, начались уже в нач. XX в. Небольшие раскопки были произведены В. Е. Козловской на поселении в уроч. Буромка у г. Сосница [Козловская В. Е. 1912. С. 135—143], В. А. Городцовым — на Донецком городище [Городцов В. А. 1905. С. 111—116], Д. Я. Самоквасовым — на Гочевском городище [Самоквасов Д. Я. 1915 а. С. 5—7]. Наиболее масштабные и важные работы были проведены Н. Е. Макаренко на городище в уроч. Монастырище на окраине г. Ромны [Макаренко М. О. 1925 а]. Эти исследования открыли новый этап в изучении культуры славян Днепровского Левобережья, получившей по месту расположения памятника название «роменской».

В результате раскопок, проведенных Н. Е. Макаренко в 1906, 1910, 1912, 1915, 1922 и 1924 гг. на городище Монастырище, а

также менее значительных его работ на городищах у с. Медвежье, в г. Глинске и в имении Вашкевича [Макаренко Н. Е. 1907. С. 38—90; 1925. С. 3—23], были определены такие важные черты культуры, как тип жилых построек и характер керамического материала [Макаренко М. О. 1925 б. С. 323—338].

После Октябрьского переворота 1917 г. исследования памятников роменского типа в значительной мере сократились. Крупные полевые работы проводились лишь в 1928—1934 гг. на поселениях Среднего Дона, по своему облику близких роменским [Ефименко П. П. 1931. С. 5—9; Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948]. На собственно северянской территории крупномасштабные раскопки поселений возобновились в конце 30-х гг., но были прерваны начавшейся войной [Эдинг Д. Н. 1938; Рыбаков Б. А. 1945. С. 15; Левенок В. П. 1941. С. 99; Третьяков П. Н. 1947. С. 123—139; Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 217].

Недостаток материалов не позволял однозначно решить многие первостепенные задачи и оставлял широкий простор для фантазии. Так, датировка памятников роменского типа не была четко обозначена в работах Н. Е. Макаренко. Он очень осторожно относился к времени до IX—X вв., возможно, — к VI—VIII вв. [Макаренко М. О. 1925 а. С. 23]. Так же, в целом до времени образования Древней Руси, датировали эти памятники В. Е. Козловская и А. А. Спицын [Козловская В. Е. 1914. С. 17, 18; Спицын А. А. 1922. С. 10]. Впервые четкая дата роменских поселений была установлена по аналогии с памятниками Подонья [Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. С. 11]. Однако в 1939 г. Б. А. Рыбаковым была предложена датировка роменской культуры в пределах VI—VII вв. [Рыбаков Б. А. 1939. С. 322]. Эта точка зрения, поддержанная некоторыми учеными, подверглась резкой и обоснованной критике со стороны И. И. Ляпушкина в 1947 г. [Ляпушкин И. И. 1947 б. С. 121—136].

Значение работ И. И. Ляпушкина по изучению роменской культуры трудно переоценить. В послевоенные годы наблюдается общее повышение интереса к славянским памятникам Днепровского Левобережья. Раскопки, прежде всего поселений, проводятся многими авторами в различных регионах Северской земли [Іллінська В. А. 1952. С. 36; Довженко В. Й. 1952. С. 251—270; Рыбаков Б. А. 1951 а. С. 34; Бліфельд Д. І. 1952. С. 126, 127 и др.], однако наиболее крупные и целенаправленные работы были проведены И. И. Ляпушкиным. Им были осуществлены многочисленные разведки с целью выявления новых памятников [Ляпушкин И. И. 1946. С. 117—127; 1947 а. С. 122—132; 1947 в. С. 96—98; 1948. С. 27—37; 1949. С. 58—75; 1952 а. С. 285—306; 1959 б. С. 81—86]. Крупномасштабные раскопки на таких, ставших впоследствии эталонными, па-

мятников, как Новотроицкое [Ляпушкин И. И. 1958 в], Опошня [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 268—304], Битица [Ляпушкин И. И. 1959 а. С. 58—83], Полтава [Ляпушкин И. И. 1949. С. 58—75] и других. На основе обширного материала И. И. Ляпушкину удалось установить границы распространения культуры и составить каталог роменских памятников [Ляпушкин И. И. 1961 а; 1968], более полно аргументировать время существования культуры в пределах VIII—X вв. [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 180—192; 1961 а. С. 243, 244], определить характер поселений, типы жилищ и хозяйственных сооружений [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 193—210]. Следует отметить, что даже по вопросу о конструкциях жилищ в послевоенные годы существовали значительные разногласия [Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. С. 11, 12; Ляпушкин И. И. 1957. С. 3—13]. Найденные в ходе раскопок многочисленные изделия из черного и цветного металлов позволили И. И. Ляпушкину представить хозяйственную деятельность северян, их торговые и культурные связи. Впервые был поставлен под вопрос тезис Н. Е. Макаренко о примитивности материальной культуры славян Днепровского Левобережья в кон. I тыс. н. э. Главным итогом работ И. И. Ляпушкина стало оформление разрозненных памятников летописных северян в единую археологическую культуру. В своей основе характеристика роменской культуры, предложенная им, сохраняется до сегодняшнего дня.

Наряду с работами И. И. Ляпушкина необходимо особо отметить деятельность его главного оппонента — Д. Т. Березовца, также посвятившего себя изучению северянских древностей [Березовец Д. Т. 1969; 1975]. В те же годы он вел обширные разведки и раскопки памятников роменской культуры [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 242—251; 1953 а; 1953 б. С. 28—44; 1955. С. 49—66], причем особое значение имели исследования поселения и могильника у с. Волынцево [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 249—251]. По мнению автора, древности волынцевского типа предшествовали роменским и являлись связующим звеном между достоверно славянскими памятниками VIII—X вв. и культурой Днепровского Левобережья предшествующей поры [Березовец Д. Т. 1969. С. 18]. Эта теория вызвала серьезные возражения со стороны И. И. Ляпушкина [Ляпушкин И. И. 1959 а. С. 58—83; 1968. С. 61—62].

Дискуссия, возникшая по вопросам происхождения роменской культуры и соотношения роменских и волынцевских древностей, не может считаться завершенной и по сей день. Точку зрения И. И. Ляпушкина, считавшего, что Северская земля была заселена славянами в VIII в. из районов, лежащих к западу от Днепра [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 356—366], позднее поддержали В. В. Седов, Е. А. Горюнов [Седов В. В. 1982. С. 136, 137; Горюнов Е. А. 1981.

С. 89—92] и многие другие. К наиболее последовательным сторонникам Д. Т. Березовца несомненно относятся О. В. Сухобоков и С. П. Юренко [Сухобоков О. В. 1975. С. 132—149].

Как это часто бывает, успехи в изучении роменской культуры, достигнутые учеными в 50-е—60-е гг., привели к возникновению новых, еще более сложных проблем. Помимо вопроса о происхождении северян, актуальной стала проблема их соотношения с носителями последующей древнерусской культуры. Большинство исследователей считало и считает сейчас, что роменские древности так или иначе трансформируются в общедревнерусскую культуру [Ляпушкин И. И. 1952 б. С. 36; 1961 а. С. 335; Сухобоков О. В. 1975. С. 153, 154]. При этом следует отметить, что некоторые ученые указывали на значительные различия этих культур [Третьяков П. Н. 1949]. Резкость, скачкообразность перехода к общей для всей Руси культуре либо ставилась под сомнение, либо объяснялась теми или иными социальными причинами [Сухобоков О. В. 1985. С. 131]. Слабость приводимой при этом аргументации вынуждает считать этот вопрос также открытым.

Обобщенный И. И. Ляпушкиным и Д. Т. Березовцом материал поставил на повестку дня массу частных вопросов, таких, как вопрос о топографии поселений, их внутренней планировке, о конструкции фортификационных сооружений и построек жилого и хозяйственного назначения, о развитии погребального обряда и различных категорий находок, и многие другие. Решение всех этих вопросов непосредственно связано с разработкой сколько-нибудь подробной внутренней хронологии культуры.

К сожалению, дальнейшее изучение роменской культуры пошло преимущественно по экстенсивному пути. Раскопками были исследованы десятки памятников, получен значительный фактический материал, но при этом ни один из вопросов не был решен. Более того, многие из них не были даже четко сформулированы. Как бы итогом этого этапа изучения северянских древностей стали вышедшая в 1975 г. книга О. В. Сухобокова «Славяне Днепровского Левобережья» и целый ряд последующих работ того же автора, в основном являющихся кратким изложением указанного труда [Сухобоков О. В. 1985. С. 125—135; 1986. С. 191—211]. По сути своей это исследование возникло в результате компиляции основных работ И. И. Ляпушкина и Д. Т. Березовца с привлечением в качестве иллюстрации незначительного количества нового материала, дополненной обзором памятников 2-й пол. I тыс. н. э., предшествовавших роменским. Автором, правда, была предпринята попытка создания внутренней хронологической шкалы культуры. Выделив несколько хорошо исследованных памятников, потому и имеющих достаточно надежные абсо-

лютные датировки, автор, однако, не смог на их основе построить сколько-нибудь приемлемой шкалы для всей культуры. Единственная характеристика поселений, рассмотренная О. В. Сухобоковым в динамике—их расположение на местности,—как выяснилось позднее, не может служить хронологическим индикатором. Нельзя признать удачной и попытку О. В. Сухобокова аргументировать раннюю дату волынцевских древностей [Щеглова О. А. 1987 б. С. 82; 1988. С. 101—103; Григорьев А. В. 1988 б. С. 68, 69; 1990 в. С. 51, 52].

Оценивая весь второй этап изучения роменских древностей, охватывающий период с нач. XX в. до наших дней, можно отметить, что за это время был проделан огромный путь от первых, интуитивных гипотез до базирующихся на обширном материале выводов. Познания о материальной культуре северян достигли того уровня, когда данные археологии могут стать уже не иллюстрацией, пусть и очень яркой, к историческим построениям, основанным на других источниках, а полноправным самостоятельным историческим источником, во многом более точным и объективным, чем отрывочные летописные данные. Для того чтобы это произошло, необходим принципиально новый подход к самому археологическому материалу, отвечающий современному уровню развития науки. Первые признаки такого подхода отмечаются в работах последних десятилетий.

Так, в нач. 70-х гг. впервые при изучении роменских поселений было уделено необходимое внимание их стратиграфии [Башилов В. А., Куза А. В. 1977. С. 17—23]. Наблюдение за слоем и соотношением комплексов Большого Горнальского городища открыло простор для изучения самого разнообразного материала в его развитии. Еще в процессе работ было обращено внимание на изменения конструкции жилищ во времени [Башилов В. А., Куза А. В. 1977. С. 21]. Создание относительной хронологической шкалы памятника позволило А. А. Узанову отметить целый ряд закономерностей в развитии казалось бы однообразного керамического комплекса культуры [Узанов А. А. 1979. С. 96—107; 1982. С. 122—135]. Стратиграфические исследования были продолжены А. В. Кузой при раскопках в Новгороде-Северском [Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. 1980. С. 280, 281; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. 1981. С. 259; 1983. С. 269, 270; 1984. С. 272]. При исследовании поселения у с. Горбово, а также некоторых других автором настоящей работы были проведены наблюдения за культурным слоем, в т. ч. за особенностями заполнения ям и построек, что также расширило информативность памятников [Григорьев А. В. 1988 б. С. 22—25].

Постепенно изменялось отношение и к уже имеющемуся материалу. Это отразилось в попытках статистической обработки керамики [Винников А. З. 1982. С. 165—180; Дьяченко А. Г. 1988], поисках

новых подходов к реконструкции жилищ [Борисевич Г. В. 1978; Дьяченко А. Г. 1991. С. 37—43], привлечении роменских материалов при исследовании отдельных категорий украшений [Школьникова Н. А. 1978. С. 97—104; Шинаков Е. А. 1980. С. 110—127; Сарачева Т. Г. 1994. С. 85—99]. Особый интерес представляют исследования памятников по микрорегионам [Узянов А. А. 1985. С. 77—83; 1993. С. 79—97; Узянов А. А., Кашкин А. В. 1987. С. 15, 16; 1990. С. 159—162; Куриленко В. Е. 1990. С. 34—41].

К сожалению, новый уровень обработки материала является для роменской культуры скорее исключением, нежели правилом, что объясняет актуальность тем, затронутых в предлагаемой работе. Основная задача работы—выяснить, в какой степени современный уровень знаний о материальной культуре северян позволяет решить те или иные проблемы, и тем самым определить наиболее очевидные направления дальнейших исследований. С этой целью предпринята попытка подойти к решению некоторых важных проблем роменской археологии на основании прежде всего известных, в большинстве своем опубликованных материалов и научных разработок. Во-первых, необходимо проверить возможности имеющегося в научном обороте материала для решения задач внутренней хронологии культуры, во-вторых, постараться проследить динамику развития отдельных черт материальной культуры и, наконец, посмотреть, насколько данные археологии на сегодняшний день пригодны для исторических построений. Поэтому полученные в ходе исследования выводы не могут считаться окончательными, они лишь отражают современный уровень изучения источников. Данная работа призвана не столько решить, сколько поставить вопросы и привлечь к ним внимание специалистов.

Книга, в основной своей части, была написана в 1991 г. Небольшие дополнения в нее внесены в 1994 г.

ГЛАВА 1

ОСНОВЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Чтобы попытаться проследить развитие тех или иных черт материальной культуры северян во времени, необходимо, пусть в самом общем виде, определить признаки, позволяющие отнести имеющиеся материалы к различным этапам развития роменской культуры. Вопрос о внутреннем хронологическом членении роменских древностей был поставлен одновременно с определением общих временных границ существования культуры. В своих поздних работах И. И. Ляпушкин отмечал, что основой такого деления могут стать прежде всего импорты [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 244]. Свое несогласие с мнением исследователя выразил О. В. Сухобоков, однако его попытки разделить памятники на раннероменские (VIII—IX вв.) и позднероменские (X—нач. XI в.) также основывались на абсолютных датах ряда памятников, в свою очередь датированных импортами, как-то: арабскими монетами, салтовскими и древнерусскими вещами и керамикой [Сухобоков О. В. 1975. С. 83—86].

Вероятно, в своем подходе к проблеме оба автора были отчасти правы. С одной стороны, справедливым представляется оптимизм О. В. Сухобокова, основанный на том, что на протяжении трехсот лет существования роменской культуры в ее облике должны были произойти заметные изменения, которые и могут послужить для создания хронологической шкалы древностей. В то же время, и тут прав был И. И. Ляпушкин, первичная датировка возможна на основе импортов.

Для первоначального грубого хронологического деления культуры необходимы признаки, отвечающие двум основным требованиям: во-первых, они должны присутствовать на большом количестве памятников, во-вторых, быть легко и, по возможности, однозначно определимы. Более других этим требованиям отвечают материалы, не

связанные своим происхождением с собственно роменскими. В большинстве своем это не импорты в полном смысле этого слова, поэтому правильнее будет обозначить их как «инородные древности».

Характерной чертой памятников роменской культуры является присутствие в них материалов инородного происхождения не только в виде отдельных вещей и комплексов, но и образующих целые пласты древностей. В понятие «пласт инородных древностей» включается вся совокупность материалов и объектов, не связанных с рассматриваемой археологической культурой, но объединенных общим происхождением и периодом бытования. Это как бы наложение элементов той или иной культурной общности на массив северянских древностей, наличие которых столь сильно влияло на их облик, что зачастую приводило к терминологической путанице. Так, памятники X—нач. XI в. различными авторами рассматривались то как роменские, то как древнерусские. Еще большая неясность возникла в отношении волынцевских памятников. Введение указанного понятия позволяет во многом снять эти противоречия.

Пласт инородных древностей следует рассматривать прежде всего как историческое явление, имеющее свои причины, индивидуальные особенности и хронологические рамки. Материалы, составляющие суть этого явления, приобретают новую смысловую нагрузку. Так, если отдельный предмет может иметь весьма широкую датировку, а место его производства зачастую определяется неоднозначно, то совокупность инородных элементов позволяет определить хронологию и происхождение пласта древностей весьма точно. Материал, указывающий на принадлежность объекта к тому или иному пласту, соответственно имеет относительно узкую дату. Многие элементы, такие, как жилые постройки и керамика, имеющие в пределах своей культурной общности широкую дату, в составе пласта инородных древностей становятся четким хронологическим показателем. Помимо хронологического аспекта, вычленение инородных материалов позволяет более четко проследить изменения, происходившие в собственно северянских древностях.

В роменской культуре прослеживаются три пласта инородных древностей. Все они глубоко различны по своей сути. Объединяющими чертами являются лишь резкое отличие их от роменских, достаточно широкая распространенность и более или менее надежная датировка.

К наиболее раннему, «архаическому» пласту относятся материалы культур, предшествовавших появлению на левобережье Днепра памятников роменского типа. Прежде всего это керамика и отдельные типы украшений, характерные для колочинской и пеньковской культур VI—VII вв. Причина появления этого пласта древностей очевидна—его носителями были представители автохтонного населения,

принявшие участие в формировании северянской культурной общности.

Самые ранние из известных роменские комплексы, такие, как жилище 2 поселения Стрелица на Десне [Третьяков П. Н. 1974. С. 110—112] и жилища I, X, XII селища у с. Хитцы в Посулье [Горюнов Е. А. 1981. С. 111—128], по конструкции построек и набору керамики являются прямыми предшественниками северянских. Они резко отличаются как от колочинских, так и от пеньковских древностей Днепровского Левобережья, на что неоднократно указывали исследователи [Горюнов Е. А. 1981. С. 21, 47, 127. Рис. 5]. Однако в этих комплексах, помимо новых для Левобережья керамических форм, имеются и формы предшествующего времени. Архаическая керамика встречена в ряде комплексов таких несомненно роменских памятников, как Волынцево, Вовки и некоторые другие [Щеглова О. А. 1986. С. 15—23].

Архаический пласт древностей отражает, очевидно, начальную стадию формирования роменской культуры. Его абсолютная датировка по причине малочисленности материала затруднена. Традиционно памятники этого типа датируются кон. VII—1-й пол. VIII в. [Горюнов Е. А. 1981]. Можно лишь отметить, что, вероятно, период бытования архаической керамики на северянских памятниках был крайне непродолжителен и, скорее всего, соответствовал периоду активной деятельности одного-двух поколений. Косвенно на это указывает то обстоятельство, что традиции производства местной керамики никак не отразились в материалах последующего времени.

Подавляющее большинство памятников, содержащих в своих отложениях архаическую керамику, носит следы присутствия еще одного пласта древностей—волынцевского. Хронологическое соотношение этих пластов в настоящее время не до конца понятно. Вполне возможно, что они синхронны, а отсутствие волынцевских древностей в материалах Стрелицы и Хитцов объясняется какими-то иными, нехронологическими причинами. Но даже если волынцевские древности появляются и позднее времени бытования названных памятников, их временной разрыв был очень невелик. Верхняя хронологическая граница волынцевского пласта древностей относится к значительно более позднему времени, чем верхняя граница архаического материала. Об этом говорят множество памятников, содержащих материалы только волынцевского типа, а также керамический набор Волынцевского поселения [Щеглова О. А. 1986. С. 15—23].

Прежде чем попытаться определить абсолютную хронологию волынцевского пласта инородных древностей, необходимо коротко остановиться на истории изучения этой проблемы. После раскопок, проведенных в кон. 40-х гг. на поселениях и могильниках у с. Волынцево и недалеко от г. Сосница, Д. Т. Березовцом была выдвину-

та гипотеза о существовании особой группы памятников, отличных от роменских как по хронологии, так и по ряду элементов культуры. В первую очередь внимание исследователя привлекла специфическая волынцевская круговая керамика, по технологии резко отличающаяся от лепной роменской посуды. Однако если это отличие от других роменских памятников было очевидным и не вызывало возражений, то характер других признаков новой археологической культуры был не столь бесспорным. Эти признаки волынцевской культуры, выделенные Д. Т. Березовцом и позже уточненные О. В. Сухобоковым и С. П. Юренко, сводятся к различиям в топографии поселений, погребальном обряде и типах лепной керамики, в частности в ее орнаментации. Все эти различия там, где они действительно присутствуют, носят исключительно хронологический характер, чего не отрицают и сами авторы, сторонники существования волынцевской культуры. В своей последней работе О. В. Сухобоков даже объединил культуры в единую волынцевско-роменскую [Сухобоков О. В. 1992. С. 74]. Возникает закономерный вопрос: имеются ли основания вычленять один из хронологических этапов роменских древностей в самостоятельную археологическую культуру? Кроме того, сам термин «волынцевско-роменская» культура вызывает возражения еще и потому, что ареал волынцевских древностей значительно шире ареала роменской культуры. Сосуды волынцевского типа хорошо известны на салтовских памятниках, полный набор элементов этого пласта древностей зафиксирован на славянских памятниках правобережья Днепра (рис. 1).

В то время, когда работал Д. Т. Березовец, эталонным памятником роменской культуры, с которым и проводились все сравнения, служило городище Новотроицкое. Позднее часть комплексов этого памятника С. П. Юренко отнесла к волынцевским древностям [Юренко С. П. 1984. С. 34, 35]. Напротив, отличия Новотроицкого от поселений X в., в частности городища Монастырище, весьма велики. Очевидно, попытки разделить единую археологическую общность северян, непрерывно развивавшуюся от поселений типа Хитцов до памятников нач. XI в., на несколько археологических культур были бы неправомерны и ни к чему, кроме терминологической путаницы, не привели.

Если отвлечься от собственно роменских древностей, то основной отличительной чертой волынцевских памятников являются прежде всего круговые сосуды с вертикальным венчиком. Технология изготовления и орнаментация этих сосудов наиболее близки традициям салтово-маяцкой керамики. Другие элементы волынцевского пласта древностей, такие, как амфоры, большая часть ювелирных изделий, предметы вооружения и конской сбруи, орудия труда, также находят прямые аналогии в салтовских памятниках, что послужило автору

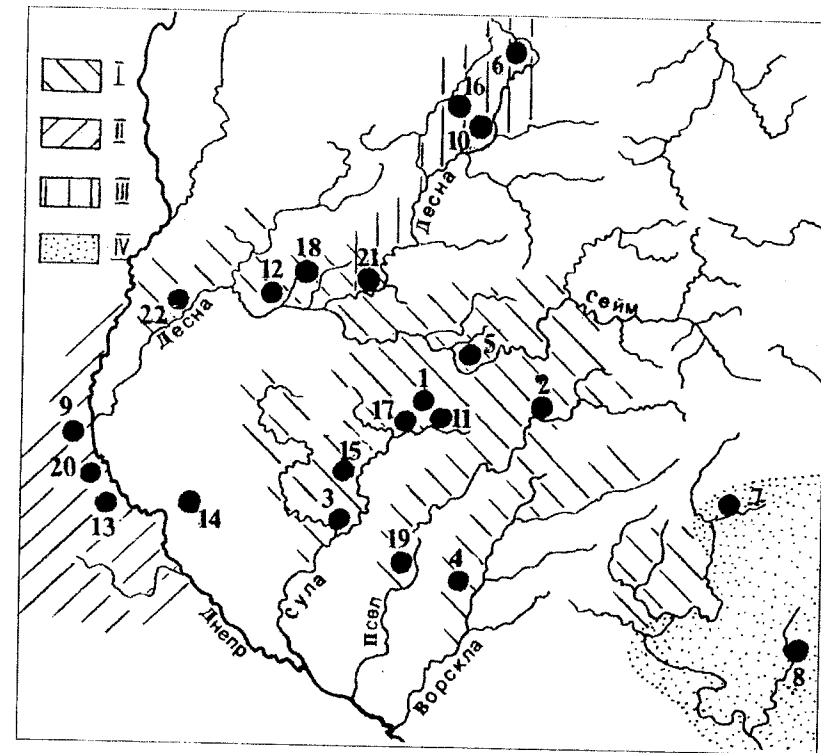

Рис. 1. Распространение древностей волынцевского типа на памятниках различных археологических культур:

I — роменская культура; II — культура типа Луки Райковецкой; III — культура типа Колочин; IV — салтово-маяцкая культура

1 — Беседовка; 2 — Битица; 3 — Васильки; 4 — Вовки; 5 — Волынцево; 6 — Голяжье; 7 — Дмитровка; 8 — Жовтнево; 9 — Киев; 10 — Макча; 11 — Малые Будки; 12 — Мена; 13 — Обухов; 14 — Переяслав; 15 — Пески; 16 — Посудичи; 17 — Раковая Сечь; 18 — Сосница; 19 — Терновий; 20 — Ходосовка; 21 — Целиков Бугор; 22 — Шестовица

предлагаемой работы основанием для отнесения волынцевских материалов целиком к импорту [Григорьев А. В. 1988 б. С. 68]. Однако ряд фактов, в частности материалы раскопок О. В. Сухобокова на Битицком городище, заставляют в корне пересмотреть предлагаемую концепцию.

Волынцевские сосуды имеют нехарактерную для салтовской керамики форму. Отдельные горшки этого типа, найденные на ала-но-болгарских памятниках, были отнесены к чужеродным элементам [Плетнева С. А. 1967. С. 121; 1989. С. 136]. Вероятно, они производились родственным салтовскому населением, но за пределами ареала самой культуры. Малый процент такой посуды на памятниках

левобережных и правобережных славян не позволяет говорить о повсеместном ее производстве на славянской территории. Остается предположить существование одного крупного гончарного центра, который снабжал качественной посудой обширную территорию, или, что менее вероятно, нескольких. Сам центр, к сожалению, пока не найден. Значительный процент круговой керамики (55–65 %), а также характер построек и вещевого материала позволяют связывать его с Битицким городищем [Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 104].

Таким образом, в качестве причины возникновения волынцевского пласта древностей можно предполагать наличие иноэтничного населения, сосредоточенного на отдельных роменских поселениях, и связанную с этим деятельность гончарного центра. Определив суть явления, представляется возможным с большой долей вероятности установить его хронологические рамки. Сам факт культурной близости носителей «волынцевской» и салтовской культур позволяет думать, что волынцевские древности возникли не ранее, а, вероятно, несколько позднее, чем памятники салтовского типа.

Различные вещи салтово-маяцкой культуры, встреченные совместно с волынцевской керамикой, явились предметом специального исследования О. А. Щегловой, приведшей к выводу, что их, а следовательно, и весь пласт древностей, можно датировать 2-й пол. VIII — нач. 1-й пол. IX в. [Щеглова О. А. 1987 б. С. 81–83]. Полностью соглашаясь с аргументами О. А. Щегловой, добавим, что предложенная ею датировка подтверждается и хронологией собственно салтовских памятников, в материалах которых присутствуют сосуды волынцевского типа [Плетнева С. А. 1967. С. 121; 1989. С. 136. Рис. 76, 77]. Славянские памятники, расположенные к западу от Днепра, также содержат волынцевские материалы в комплексах 2-й пол. VIII–IX вв. Следует особо отметить, что на поселении Обухов II волынцевским комплексам типа 6 предшествуют комплексы типа 5, датируемые VIII в. [Кравченко Н. М. 1979. С. 89, 90].

Особо большое значение сторонники ранней датировки придают комплексам Харьевского и Фативижского кладов [Сухобоков О. В. 1975. С. 57]. Согласно публикации Харьевский клад был найден в сосуде волынцевского типа, точнее, в местном подражании ему [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 118], а в составе Фативижского имеются прямые аналогии вещам с городища Битица и из Волынцевского могильника. Согласно мнению В. В. Приймака «основные информативные возможности по хронологии волынцевских памятников кроются в собственно волынцевских комплексах — Фативижском и Харьевском кладах, последних материалах Битицы» [Приймак В. В. 1988 а. С. 35]. Представляется необходимым еще раз обратиться к хронологии указанных комплексов.

Время зарытия Харьевского клада изначально было определено весьма широко: VII–VIII вв. [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 119]. Позднее автор публикации отнес этот комплекс к VIII в. [Березовец Д. Т. 1955. С. 65]. Более поздним временем, а именно 2-й пол. VIII–IX вв., датировала клад Н. М. Кравченко [Кравченко Н. М. 1979. С. 89]. О. А. Щеглова относит Харьевский клад к поздней группе «древностей антов», а время его зарытия определяет сер. VIII в. [Щеглова О. А. 1990. С. 182]. В работах О. В. Сухобокова и С. П. Юренко сохранилась первоначальная ранняя датировка клада [Сухобоков О. В. 1975. С. 113, 114; Юренко С. П. 1985. С. 123]. Несмотря на значительное количество вещей, входивших в Харьевский клад, определение времени его сокрытия затруднено. Часть предметов, таких, как браслеты с расширяющимися концами и серьги в виде полых с зернью шариков, имеют очень широкие и разновременные аналогии [Айбабин А. И. 1973. С. 71]. Паяные звездообразные сережки «дунайского» типа датируются, согласно А. И. Айбабину, VII в. [Айбабин А. И. 1973. С. 66–69]. Антропоморфные фибулы А. К. Амброзом отнесены к позднему этапу развития этого типа украшений и датированы VIII в. [Арх. ИА, р-2: № 2142. Л. 355]. Полые гривны, аналогичные гривне, фрагмент которой найден в Харьевке, бытовали в придунайских землях в кон. VII–1-й пол. VIII в. [Svoboda B. 1953. S. 38]. В то же время известны в Подунавье и дротовые гривны, по типу близкие харьевским [Chropovsky B. 1985. Tab. 16]. Поясная пряжка из клада, по мнению В. Б. Ковалевской, «не составляет отдельного типа, она несет на себе ряд типичных черт VIII–IX вв.» [Ковалевская В. Б. 1979. С. 34. Табл. XV, 12]. Отметим, что близкая ей пряжка происходит из Моравии, где она датируется VIII в. [Hanuliak M., Zabožnik J. 1982. S. 496. Tab. 115]. Приведенные для отдельных вещей датировки указывают на время их возможного сосуществования в пределах 1-й пол. VIII в. (рис. 2). При определении даты сокрытия клада необходимо учитывать и целый

	VI в.	VII в.	VIII в.	IX в.
Антропоморфные фибулы				
Серьги с шаровидной привеской				
Звездообразные серьги				
Кованые браслеты				
Фрагмент полого браслета				
Дротовые гривны				
Фрагмент полой гривны				
Пряжка				

Рис. 2. Возможное время формирования Харьевского клада

ряд косвенных свидетельств. Так, во-первых, наиболее ранние его вещи либо носили следы долгого ношения и ремонта, как, например, звездобразные серьги, либо выступали в качестве лома, как фрагменты гривен и браслета с полыми концами [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 112, 114, 118]. Во-вторых, весь состав клада указывает на то, что он сформировался далеко за пределами Северной земли, вероятно, в районах Подунавья, и для его формирования и поступления на левобережье Днепра требовалось определенное время. И, наконец, выявленный О. А. Щегловой хронологический разрыв между «древностями антов» позднего и раннего периодов позволяет предположить, что клад был зарыт не ранее сер. VIII в.

Значительно точнее может быть определена дата Фативижского клада и аналогичных ему вещей из Битицы и Волынцева. В. Е. Козловская, опубликовавшая клад в 1928 г., отнесла его к «гуннскому времени» и датировала V—VI вв. [Козловська В. Е. 1928. С. 115], основанием для чего послужили поясной набор и бубенчики. По наличию того же поясного набора, несомненно, аварского происхождения, О. В. Сухобоков отнес клад к VII в. [Сухобоков О. В. 1975. С. 57]. Что послужило основанием для такой датировки,—не вполне понятно. Вслед за И. Эрдели О. А. Щеглова датировала клад 2-й пол. VIII—IX вв. [Щеглова О. А. 1988. С. 101—103]. По мнению А. К. Амброза, литые прорезные поясные украшения, аналогичные поясному набору из Фативиха, относятся к последнему, третьему периоду развития аварских древностей. Время их появления у аваров определяется 720—730 гг. [Амброз А. К. 1971. С. 123]. К тому же времени относят подобные вещи и зарубежные исследователи [Csallany D. 1948. Tabl. LXXV—LXXVII; Fettich N. 1965. S. 50. Abb. 80, 3, 4; S. 65. Abb. 108, 2, 3; 109, 10; S. 92—94; Tocik A. 1963; S. 171—173; Cilinska Z. 1963. S. 104, 105]. Появление указанного набора на территории Сумской обл. вряд ли могло произойти ранее сер. VIII в., а возможно, и позднее. Что касается бубенчиков из Фативижского клада, Волынцевского могильника и с Битицкого поселения, то, по мнению А. К. Амброза, они являют собой «важный признак VIII в. (и позже) в Восточной Европе вообще» [Амброз А. К. 1971. С. 130]. Аналогии серьгам из клада и серьге с Битицкого городища [Ляпушкин И. И. 1959 а. С. 72. Рис. 10] О. А. Щеглова находит в могильнике VIII—IX вв. Кестхея в Венгрии [Щеглова О. А. 1988. С. 102]. Прямая аналогия этим серьгам известна на Гнёздовском поселении [Пушкина Т. А. 1987. Рис. 1, 7]. Несмотря на существующие различия в датировках последнего памятника, все исследователи сходятся на том, что он возник в IX—нач. X в. [Авдусин Д. А. 1967. С. 75—77; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. С. 36—40; Ляпушкин И. И. 1966. С. 127—136]. Таким образом,

датировка Фативижского клада и аналогичных ему вещей с памятников волынцевского типа определяется 2-й пол. VIII—нач. IX в.

Новые материалы Битицы, на которые ссылается В. В. Приймак, к сожалению, еще не полностью введены в научный оборот. Клад орудий труда и украшений, найденный на городище в 1984 г., имеет многочисленные аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры [Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 92—104] и, несомненно, синхронен последним. То же можно сказать и о предметах вооружения и конской сбруи [Сухобоков О. В. 1992. С. 76—82. Рис. 5, 6]. Все эти вещи имеют весьма широкие рамки бытования, не уточняют, но и не противоречат предложенной дате функционирования Битицкого городища: 2-я пол. VIII—нач. IX в.

Что же послужило основанием для относительно ранней датировки волынцевских древностей? В последней работе О. В. Сухобокова в качестве датирующего материала ранних волынцевских слоев приводятся браслеты из Волынцевского могильника, аналогичные фативижским [Сухобоков О. В. 1992. С. 32, 33], которые, как показано выше, могут датироваться значительно более поздним временем. Браслеты с зооморфными концами, действительно относящиеся к VII в., были найдены в слое поселения Хитцы и в жилище III того же памятника и датируют не раннероменский, а предшествующий ему слой пеньковской культуры [Горюнов Е. А. 1981. С. 80. Рис. 29]. Привлечение для датировки раннего волынцевского пласта материалов колочинских памятников, в частности Княжинского могильника, не совсем понятно [Сухобоков О. В. 1992. С. 33]. Для среднего периода Волынцева, который О. В. Сухобоков датирует кон. VII—нач. VIII в., в качестве датирующих приводятся материалы Харьевского клада и зеркало VII—VIII вв. с Сосницкого поселения. Очевидно, все перечисленные выше вещи либо имеют широкую датировку, как-то: браслет и копье из Волынцева и зеркало из Сосницы, что не противоречит общей дате волынцевского пласта древностей, либо относятся к другим культурным общностям (материалы Хитцов, Княжинского могильника). Не выдерживает критики и последний аргумент О. В. Сухобокова, в качестве которого он использует отсутствие на памятниках волынцевского типа арабских дирхемов [Сухобоков О. В. 1994. С. 207]. Первый период обращения куфического серебра в Восточной Европе датируется 1-й трет. IX в. [Кропоткин В. В. 1978. С. 114], поэтому нет ничего удивительного в том, что монеты отсутствуют в материалах памятников VIII—нач. IX в.

Таким образом, совокупность всех датирующих элементов позволяет определить время волынцевского пласта древностей как единого исторического явления сер. VIII—нач. IX в. (рис. 3). Никаких оснований для удреждения этой даты в имеющихся на сегодняшний день материалах нет.

	VII в.	VIII в.	IX в.
Керамика типа Колочин, Пеньковка	_____		
Керамика салтовского типа		_____	
Амфоры		_____	
Харьевский клад	_____		
Фативижский клад		_____	
Битицкий клад 1984 г.		_____	
Сосница, уроч. Лан, зеркало		_____	
Ходосовка, жил. 1 /1972 г./, серьга		_____	
Ходосовка /1972 г./, бляшки		_____	
Ходосовка /1972 г./, бусы		_____	
Ходосовка /1972 г./, пряжка		_____	
Волынцево, погр. 1, браслеты		_____	
Вовки, бляшка		_____	
Битица, серьга		_____	
Ходосовка, Битица и др., бубенчики		_____	

Рис. 3. Хронология волынцевского пласта древностей

Последний, третий пласт инородных древностей на роменских памятниках представлен древнерусской круговой керамикой, пряслицами из розового овручского шифера, костяными гребнями и другими общедревнерусскими вещами. Нижняя хронологическая граница бытования этих вещей не вызывает споров и определяется временем их распространения на собственно русской территории, в районах Киева и Чернигова, не ранее рубежа IX—X вв. Отложившийся на памятниках завершающего периода существования роменской культуры, этот пласт в силу достаточной разработанности материала может быть рассмотрен гораздо более подробно, что и попытаемся сделать ниже.

Имея целый набор памятников, относящихся к начальному и завершающему этапам развития культуры, а также отдельные памятники, не совпадающие или совпадающие не полностью с рассмотренными пластами древностей, но имеющие абсолютную хронологическую привязку на основе нумизматических данных и комплексов импортов, мы получаем тот костяк, на котором можно строить более или менее подробную хронологическую шкалу для всей культуры. Первостепенную роль в этом построении должны сыграть памятники, имеющие внутреннее хронологическое членение, абсолютное или относительное. К сожалению, памятники такого рода пока единичны, а потому на них следует остановиться подробнее.

Разновременность исследованных жилищ и построек характерна для большинства изученных поселений Днепровского Левобережья, о чем говорят многочисленные случаи взаимного перекрытия котлова-

нов построек, наличие следов пожара в какой-либо группе жилищ и т. п. Но исследователи, как правило, не уделяли должного внимания этим случаям в процессе раскопок. Попытки создания внутренней хронологии уже раскопанного памятника были предприняты в отношении Новотроицкого городища [Юренко С. П. 1984. С. 34—36; Борисевич Г. В., Узьянов А. А. 1987. С. 56—61]. В работе С. П. Юренко в качестве основы для членения построек на два этапа использовались такие признаки, как состав керамических комплексов жилищ, ориентировка котлованов и наличие следов пожара [Юренко С. П. 1984. С. 35. Рис. 2], причем два последних играли в построениях автора лишь вспомогательную роль. Как видно из приведенного в статье рис. 2, к раннему, волынцевскому этапу отнесены постройки, ориентированные по сторонам света как углами (жилища 11, 15, 17, 24, 28, 44), так и стенами (жилища 3, 9, 30, 35, 43). Наличие следов пожара также не послужило хронологическим признаком — жилища, погибшие в огне, отнесены автором и к раннему, и к позднему этапам. В то же время в «волынцевском» (по С. П. Юренко) жилище 28 следы пожара не фиксируются. Таким образом, единственным критерием, по которому постройки действительно были отнесены к раннему или позднему периодам, явилось присутствие в их керамических комплексах сосудов типа IV (по И. И. Ляпушкину), по форме схожих с «волынцевскими», но значительно отличающихся от последних технологией изготовления. Подобные лепные и круговые подражания «волынцевским» горшкам известны как на ранних памятниках, например, на поселении у с. Волынцево, так и в слоях X в. Большого Горнальского городища. Сосуды этого типа бытовали на всем протяжении жизни Новотроицкого городища. Так, в жилище 39 подобный материал представлен достаточно хорошо [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 78, 2], но в статье С. П. Юренко оно отнесено к «волынцевским» только на плане. Вероятно, это объясняется тем, что указанное жилище непосредственно перекрывает жилище 44 [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 127] и, скорее всего, относится к последнему этапу жизни городища. Очевидно, сам факт наличия, а тем более отсутствия сосудов с вертикальным венчиком в том или ином комплексе не может однозначно указывать на хронологическое место объекта. Случай взаимного перекрытия котлованов жилищ, оба из которых носят явные следы гибели в пожаре, однозначно свидетельствует о том, что городище горело, как минимум, два раза.

Выявление жилищ заброшенных и забутованных земель позволяет предполагать существование трех или четырех строительных периодов. На эти особенности памятника обратили внимание Г. В. Борисевич и А. А. Узьянов [Борисевич Г. В., Узьянов А. А. 1987. С. 60]. К сожалению, в их статье полностью отсутствует графический материал и не сказано, какие именно жилища отнесены ими к тому или

иному периоду. Для разделения построек Новотроицкого городища на три хронологических этапа Г. В. Борисевич и А. А. Узянов используют керамическую шкалу Большого Горнальского городища [Борисевич Г. В., Узянов А. А. 1987. С. 59]. Характерной чертой раннего, первого этапа ими называется лепная керамика, «волынцойдные» сосуды (тип IV по И. И. Ляпушкину) и керамика салтовского типа. Вторым этап определяется появлением раннекруговой керамики славянских форм, а заключительный, третий — ростом процента этой керамики [Борисевич Г. В., Узянов А. А. 1987. С. 60, 61]. Хронологически эти этапы авторы сопоставляют соответственно с IV, III и II слоями Горналя. Следует отметить, что керамика «волынцойдного» и салтовского типов известна на всем протяжении существования Большого Горнальского городища вплоть до X в. [Узянов А. А. 1979. Табл. 2]. Это заставляет усомниться в надежности критериев для выделения раннего этапа. Рост количества раннекруговых сосудов славянских форм на Горнале в процентном исчислении не столь значителен [Куза В. А. 1990. С. 93, 94. Табл. 2] (табл. 1). Таким

Табл. 1.

Распределение раннекруговой роменской керамики по слоям Большого Горнальского городища (по А. А. Узянову)

СЛОИ	Культ. слой		Жилища		Слои + комплексы	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
I	25	7,9 ± 3,0 %	10	3,3 ± 2,0 %	81	5,8 ± 1,2 %
I—II	22	6,6 ± 2,7 %				
II	8	3,6 ± 2,4 %	16	5,9 ± 2,8 %		
II—III	3	5,1 ± 5,6 %	3	3,8 ± 4,2 %	14	3,5 ± 1,8 %
III	6	3,5 ± 2,7 %				
III—IV	1	3,2 ± 6,2 %	—	—		
IV	—	—	1	1,8 ± 3,5 %		

образом, на основании керамического материала Новотроицкого городища можно говорить лишь о самых общих тенденциях в его изменении, постепенном уменьшении доли керамики типа IV (по И. И. Ляпушкину) и зарождении и развитии раннекруговой посуды славянских форм. С уверенностью отнести каждое конкретное раскопанное жилище к тому или иному хронологическому этапу, опираясь на столь нечеткую тенденцию, вряд ли возможно. Поэтому на данном этапе исследования приходится отказаться от использования

материалов этого уникального памятника в качестве эталона для выделения периодов в рамках IX в.

Значительно более перспективным для уточнения общей хронологической сетки культуры, несомненно, является Большое Горнальское городище. Благодаря повышенному вниманию авторов раскопок к слою и его соотношению с постройками, на памятнике удалось получить объективную картину их последовательности [Башилов В. А., Куза А. В. 1977. С. 17—23]. Относительная хронология Горналя, построенная на данных стратиграфии, существует вне зависимости от материала и дает основание для изучения развития различных категорий находок, в частности керамики, на всем протяжении существования городища. Значение стратиграфической колонки Горналя тем более велико, что некоторые поздние слои имеют абсолютную хронологическую привязку, полученную на основании датировки по восточным монетам [Куза А. В. 1981. С. 29—31]. В поздних жилищах, сгоревших в пожаре после 70-х гг. X в., присутствуют такие материалы, как шиферные пряслица и керамика «шестовицкого» типа, что позволяет связать их с древнерусским пластом инородных древностей [Куза А. В. 1981. С. 29; Узянов А. А. 1979. С. 106]. В наиболее ранних слоях встречена керамика близкая, но не идентичная волынцевской. Таким образом, хронологическая шкала памятника отражает почти все развитие роменской культуры, за исключением наиболее раннего ее периода.

Ещё один памятник, на котором проводились целенаправленные работы по его внутренней периодизации, расположен у с. Горбово Новгород-Северского р-на, в среднем течении р. Десна [Григорьев А. В. 1983 а. С. 254, 255; 1983 б. С. 67—73; 1984. С. 254; 1985. С. 269, 270; 1989 б. С. 22—25]. В отличие от Большого городища у с. Горналь, на этом поселении культурный слой сохранился лишь по самому краю площадки, на довольно крутом склоне, где уже не было каких-либо ям и построек (рис. 4). Большинство жилищ находилось непосредственно под пахотным слоем, поэтому основное внимание было сосредоточено на наблюдениях за стратиграфией ям и котлованов построек. С этой целью пришлось применить систему раскопок, условно названную системой «плавающих профилей»^{*}.

Суть ее состоит в следующем. Поскольку слои описываемого памятника, как и большинства ему подобных, обычно в плане не читаются совершенно, послойная разборка сверху вниз по всей площади раскопа или какого-либо объекта практически исключается. В то же

^{*} Ранее подобная система была применена В. И. Кулаковым при раскопках двухъярусных грунтовых погребений в Калининградской обл., позднее она неоднократно применялась автором при раскопках памятников роменской культуры и древнерусского времени.

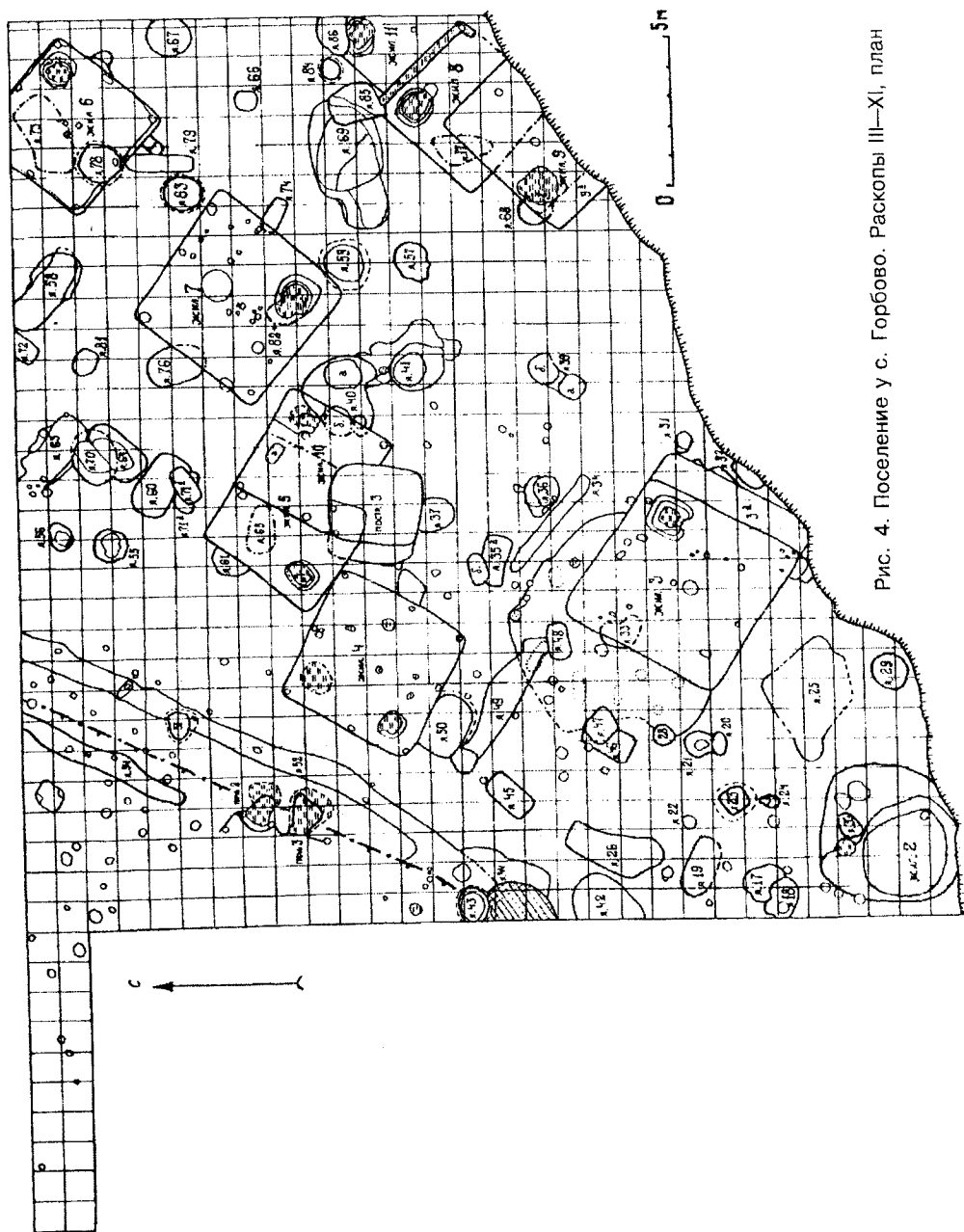

Рис. 4. Поселение у с. Горбово. Раскопы III—XI, план

время все эти слои и прослойки относительно хорошо видны в профиле. В связи с этим весьма распространенной является система, при которой культурный слой разбирается по пластам, а позже эти пласты увязываются с тем или иным слоем, полученным в профиле бровки. Однако приведенный способ имеет некоторые недостатки. Во-первых, однажды разбитые и впоследствии неизменные бровки далеко не всегда проходят в наиболее интересных и важных местах. Уменьшение расстояния между бровками сильно затрудняет работу и не решает окончательно данной проблемы. Во-вторых, фиксация материала по пластам возможна лишь при условии, что памятник имеет достаточно мощный культурный слой, а слои залегают относительно горизонтально. И то и другое на памятниках рассматриваемого типа, как правило, отсутствует. Особенно хорошо это видно при наблюдении заполнения ям и котлованов жилищ. Слои там имеют самую разную мощность и обычно не залегают горизонтально.

Из сказанного выше следует, что для памятников указанного типа пригодна лишь изначально послойная разборка, но не сверху вниз, а сбоку, опираясь на данные профиля. Для этого необходимо, чтобы стратиграфическая бровка постоянно перемещалась (другими словами — «плавала») по раскопу. На практике это выглядело следующим образом. Раскоп размерами 10×10 м разбивался на квадраты размерами 1×1 м (основная единица фиксации массового материала). Работы обычно начинались от какого-нибудь повреждения культурного слоя (шурфа, соседнего раскопа, обрыва и т. п.). В зачистке стенки в месте повреждения были достаточно хорошо видны все слои, поэтому даже для неопытного рабочего не составляло труда разобрать по ним один квадрат. После полной разборки квадрата до материка образовавшиеся стенки зачищались. Следующий квадрат разбирался уже при наличии двух перпендикулярных профилей и т. д. В случаях выявления какой-либо четкой прослойки или полного отсутствия слоя вскрывалось одновременно несколько квадратов, при этом фиксация массового материала производилась по квадратам (1×1 м) и слоем, что обеспечивало достаточную точность. При появлении пятна жилища или ямы заполнение выбиралось по штыкам (0,1 м) на возможно меньшей площади, а основная его часть разбиралась по описанной системе (рис. 5).

Что касается графической фиксации разрезов, то, конечно, не было необходимости зачерчивать все полученные в ходе работ профили. Фиксировались лишь те из них, в которых находили отражение ямы, жилища, постройки и другие изменения в слое. При этом разрезы не всегда совпадали с метровой сеткой раскопа, но ориентировались для удобства все же по сторонам света. Для увязки всех отдельных участков профиля оставалась одна постоянная

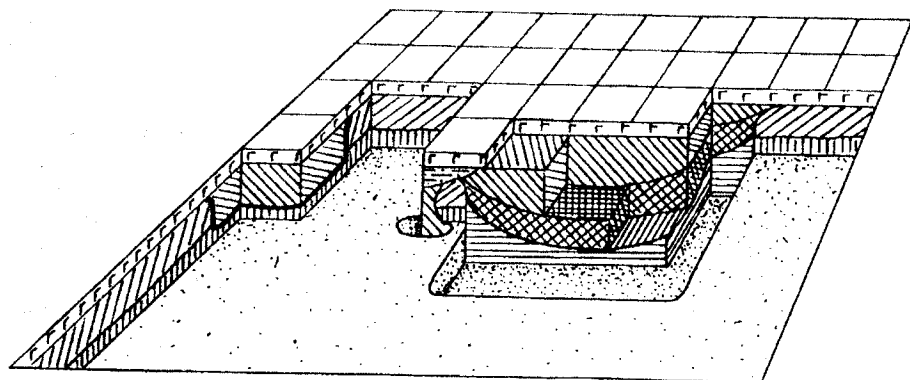

Рис. 5. Схема разборки культурного слоя по системе «плавающих профилей»

бровка по линии запад — восток и через каждые два метра фиксировались профили по линии север — юг.

Такая система раскопок позволила в определенной степени решить две задачи. Во-первых, получить разрезы всех без исключения объектов в нужных для дальнейшей работы местах, то есть по возможности установить связь объектов между собой и с культурным слоем, а также извлечь массу информации, необходимой для реконструкции этих объектов. Во-вторых, удалось дифференцировать весь материал, в т. ч. и массовый, по слоям, как в культурном слое, так и в заполнении ям и других объектов.

На основе полученной при раскопках информации стало возможным стратиграфически разделить все участки сохранившегося слоя, то есть построить множество небольших стратиграфических колонок (рис. 6). Чтобы свести последние в единую систему, необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о характере составляющих их прослоек. Все учтенные прослойки визуальнo можно разделить на два основных типа. К типу I относятся слои, сложившиеся в исторически короткий срок. Обычно их возникновение можно связать либо со стихийным бедствием (пожар), либо с целенаправленной деятельностью человека (забутовки, подсыпки, помойки и т. д.). Содержащийся в них материал всегда представляет собой закрытый комплекс. Слои, отнесенные к типу II, напротив, откладывались постепенно. Для них характерно хаотичное распределение материала и определенная случайность его выпадения.

Первоначально попробуем провести сравнение ряда стратиграфических колонок по слоям типа I, то есть по комплексам. Из них наиболее яркими являются слои пожара в жилищах 1, 3, 4 и 6 (рис. 4). Поскольку эти жилища не связаны между собой стратиграфически, возникает вопрос о синхронности их гибели. В целях его

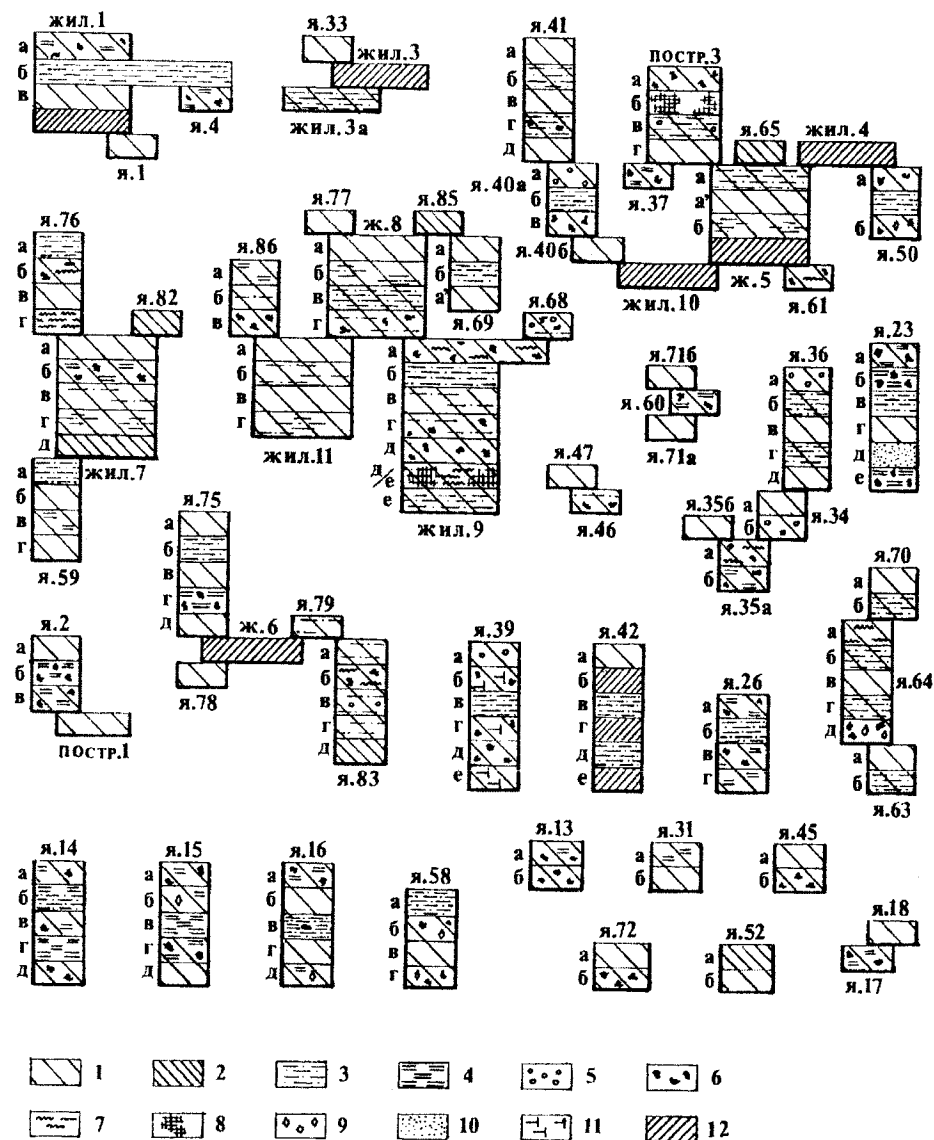

Рис. 6. Стратиграфические колонки поселения у с. Горбово:

1 — серый гумусированный суглинок; 2 — темно-серый, сильно гумусированный суглинок; 3 — желтый суглинок; 4 — обожженная глина; 5 — известняк; 6 — уголь; 7 — зола; 8 — органика; 9 — рыба. чешуя; 10 — песок; 11 — шлак; 12 — слои типа I;

а-е — слои

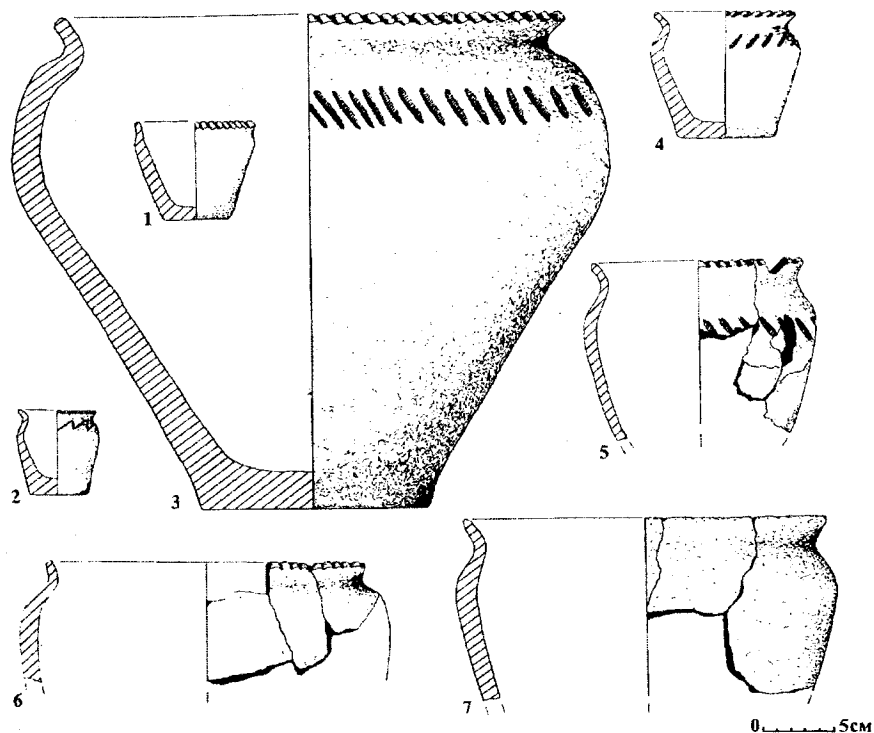

Рис. 7. Лепная керамика из раскопок поселения у с. Горбово (группа I):

1—жил. 10; 2, 4—6—жил. 4; 3, 7—жил. 3

решения обратимся к керамическому комплексу поселения в целом. Он представлен тремя основными группами керамики. Группа I—лепная роменская керамика (рис. 7), группа II—керамика «шестовицкого» типа (рис. 8, 1–11), группа III—круговые сосуды, имеющие венчики с закраиной внутрь, характерные для материалов Древней Руси 2-й пол. XII—1-й пол. XIII в. (рис. 8, 12–20) (приложение I). Керамика первых двух групп встречается как в заполнении перечисленных выше жилищ, так и в перекрытых ими слоях ям и построек. Ни одного фрагмента поздней керамики группы III ни в слоях пожара, ни в более ранних не встречено. В то же время все слои, перекрывающие пожар, содержат почти исключительно керамику группы III. Таким образом, можно считать установленным, во-первых, что все четыре жилища погибли единовременно, во-вторых, пожар определил верхнюю границу существования роменского поселения, жизнь на котором не возобновлялась вплоть до XII в. Слои а, б, в

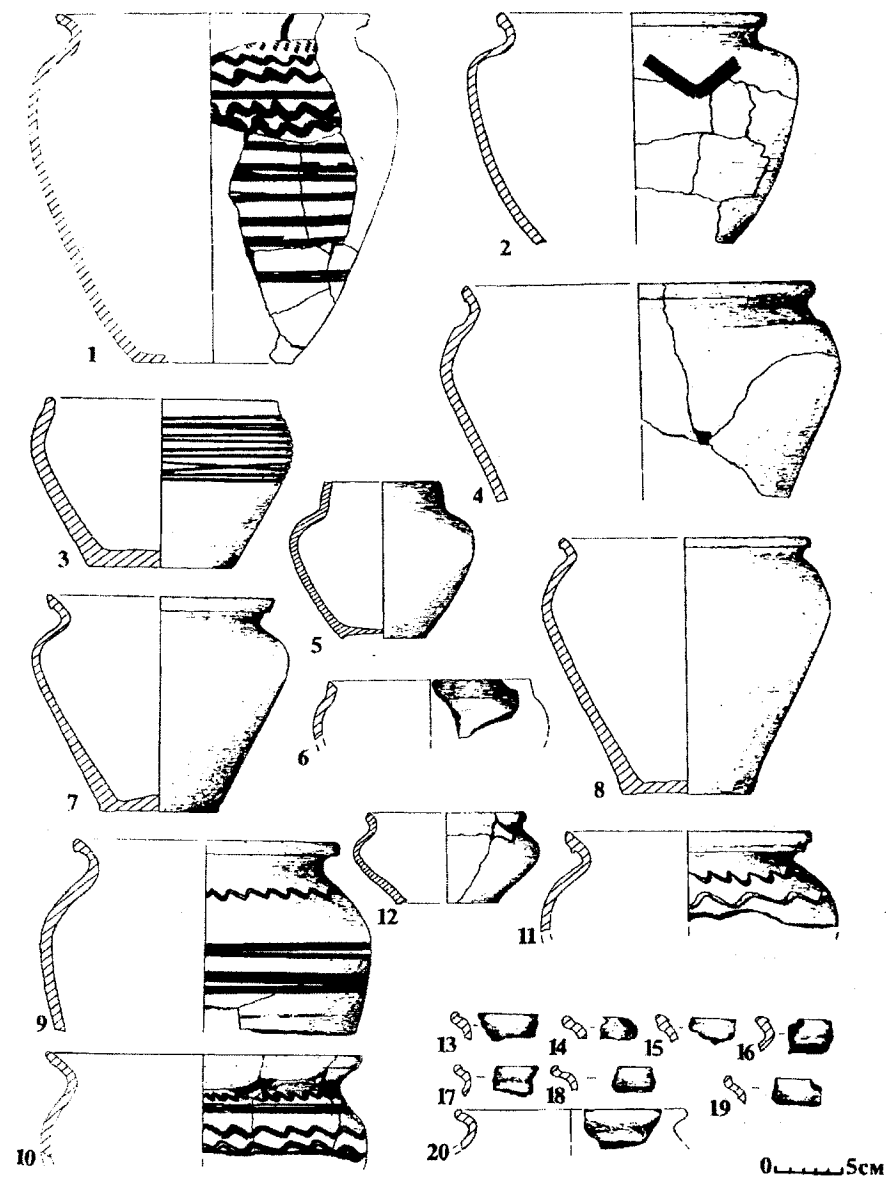

Рис. 8. Круговая керамика из раскопок поселения у с. Горбово

1, 9, 10—жил. 4; 2–4, 7, 8—жил. 3; 5—яма 8; 6—яма 14; 11—жил. 1; 12—постр. 3; 13–16—яма 5; 17, 18, 20—жил. 1, слой а, 19—яма 2

1–11—группа II; 12–20—группа III

жилища 1, постройку 3, ямы 4, 33, 75, 79, перекрывающие слои пожара, а также содержавшие материал XII—XIII вв. ямы 2, 5, 41, 48, 70, 71 б, 82 и слой *а* ямы 15 относятся к позднему времени и в нашей работе не учитываются.

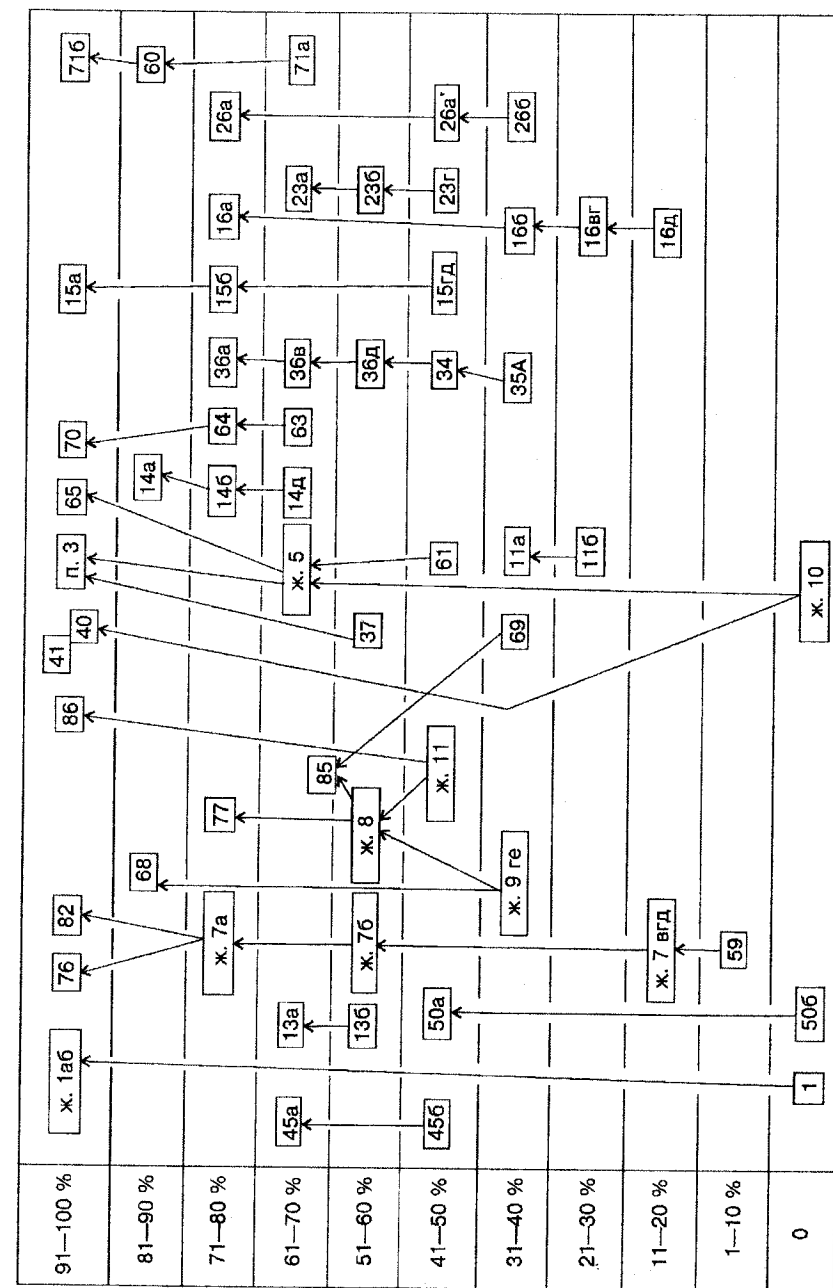
Большая часть ям и построек, включенных в таблицу стратиграфических колонок, относится ко времени до пожара. Чтобы объединить эти разрозненные колонки в единую хронологическую систему, необходимо обратиться к керамическому комплексу поселения роменского времени. Как уже отмечалось, для него характерно сочетание лепной роменской керамики и круговой древнерусской «шестовицкого» типа. Процентное соотношение фрагментов сосудов групп I и II в слоях неодинаково. Надо решить, насколько это соотношение является хронологическим показателем в слоях типов I и II.

Из слоев типа I связанными между собой можно считать комплексы разбивавшихся выше жилищ 1, 3, 4 и 6, погибших в пожаре. Содержание в них древнерусской керамики колеблется в очень широких пределах: от 35 % в жилище 4 до 80 % в жилище 1. В ряде случаев процентное содержание круговой керамики в комплексе ниже содержания в слое, стратиграфически более раннего. Так, например, в жилище 4 круговая керамика составляет всего 35 %, а в перекрытых им слое а ямы 50 и слое а жилища 5—46 % и 66 % соответственно. Из сказанного следует, что процентное соотношение лепной и круговой керамики не может служить хронологическим показателем для слоев типа I, то есть для закрытых комплексов. Очевидно, это явление связано с тем, что комплексы очень конкретно отражают ситуацию в определенный момент, в определенном жилище. Это предположение подтверждается самим характером комплексов, исследованных на поселении. Так, в сгоревших постройках все сосуды находились в виде развалов *in situ*, либо изменили свое положение в результате пожара, но и в последнем случае их первоначальное положение может быть реконструировано. Практически все фрагменты керамики, найденные в этих слоях, могут быть отнесены к тому или иному из восстановленных сосудов. Керамика, попавшая в слой случайно, либо вообще отсутствует, либо ее количество не превышает 1 % от общего числа и, следовательно, не оказывает никакого влияния на весь состав комплекса. При таком положении можно утверждать, что в данном случае комплексы являются отражением конкретной сиюминутной деятельности обитателей того или иного жилища, а не поселения в целом. Все вышесказанное в полной мере относится и к другим комплексам, как-то: погибшим в пожаре печам, единовременным помойкам и т. п.

В отличие от комплексов, слоям типа II присущ элемент случайности. Для выяснения того, насколько слои этого типа пригодны для хронологических построений, была составлена таблица 2. Как хоро-

Табл. 2.

Рост количества круговой керамики в слоях типа II (в %)

шо видно из этой таблицы, во всех стратиграфических колонках наблюдается неуклонный рост количества круговой керамики за счет снижения процента лепной. На основании этого можно предположить, что постепенная смена керамического состава культурного слоя является общей закономерностью для всего поселения. Чтобы лучше представить, насколько соотношение лепной и круговой керамики отражает хронологию слоя, обратимся к слоям заполнения жилищ. Они содержат наибольшее количество материала и потому максимально пригодны для статистического разбора.

Исследованные жилища образуют несколько групп, внутри которых две или более постройки имеют четкую стратиграфическую

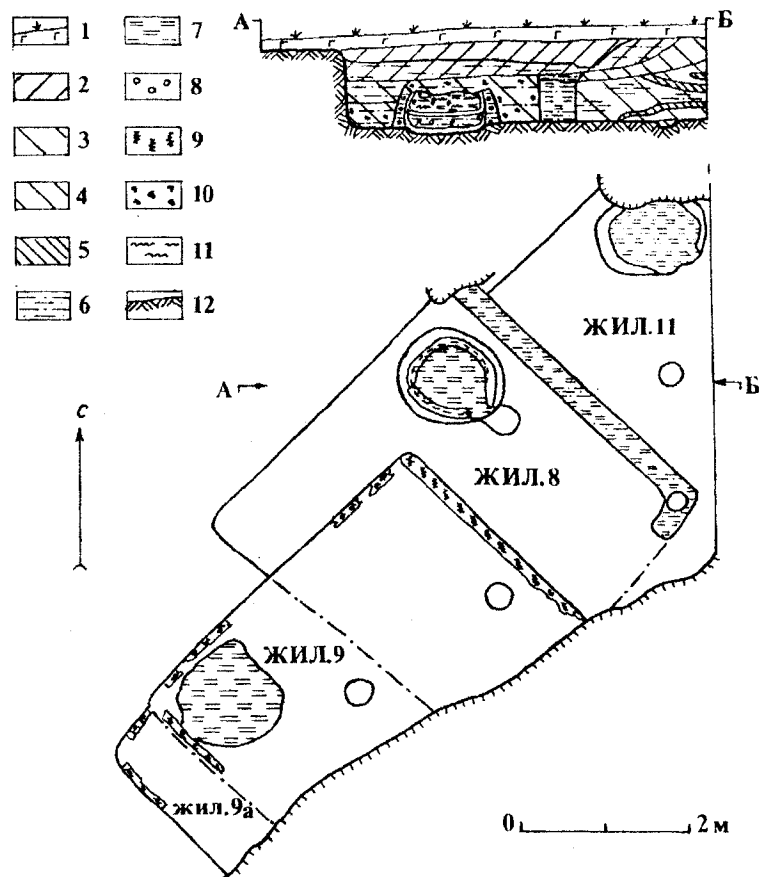

Рис. 9. Поселение у с. Горбово. Жилища 8, 9 и 11:

1 — дерн; 2 — культурный слой; 3—5 — гумусированный суглинок различной насыщенности; 6 — желтый суглинок; 7 — обожженная глина; 8 — известняк; 9 — древесный тлен; 10 — уголь; 11 — зола; 12 — материк

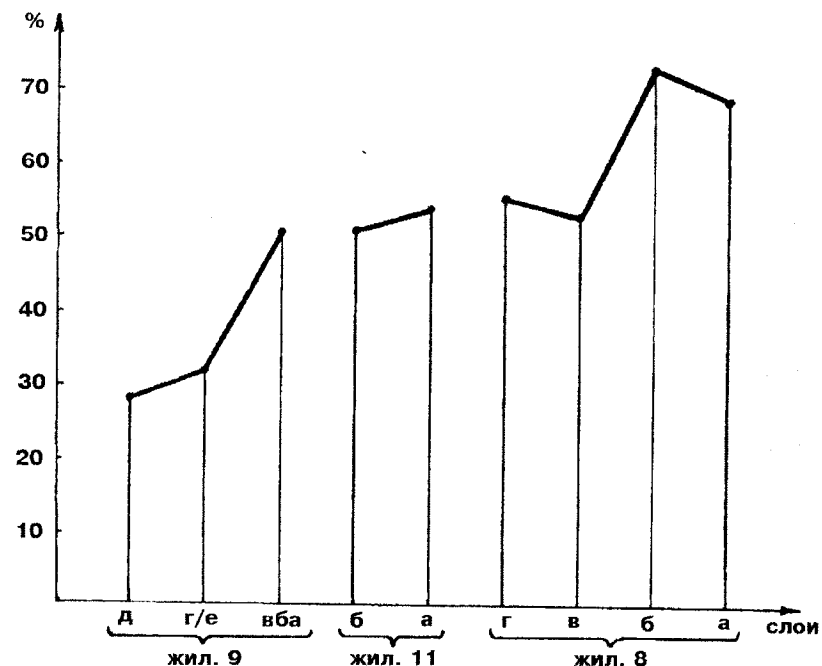

Рис. 10. График роста количества круговой керамики в слоях жилищ 8, 9, 11 поселения у с. Горбово

связь. Так, жилище 3 а почти полностью перекрыто жилищем 3. Жилище 9 и постройка 11 перекрыты жилищем 8. Необходимо отметить, что при сооружении котлована жилища 8 была дополнительно укреплена его северо-восточная стена, вырытая в заполнении котлована жилища 11 (рис. 9). На границе с жилищем 9 подобных конструкций не было. Возможно, это указывает на очень короткий промежуток времени между накоплением заполнения жилища 11 и началом постройки жилища 8. Предполагая, что жилище 11 функционировало позже жилища 9, непосредственно перед жилищем 8, для проверки был построен график роста процентного содержания круговой керамики в слоях заполнения перечисленных выше жилищ (рис. 10). Полученный график полностью соответствует общей тенденции в изменении керамического комплекса поселения и подтверждает гипотезу о последовательности сооружения жилищ этой группы.

Еще в одной группе построек жилище 10 перекрыто котлованом жилища 5, предшествовавшего жилищу 4. К этой группе можно отнести и жилище 7, не связанное с ней стратиграфически, но нахо-

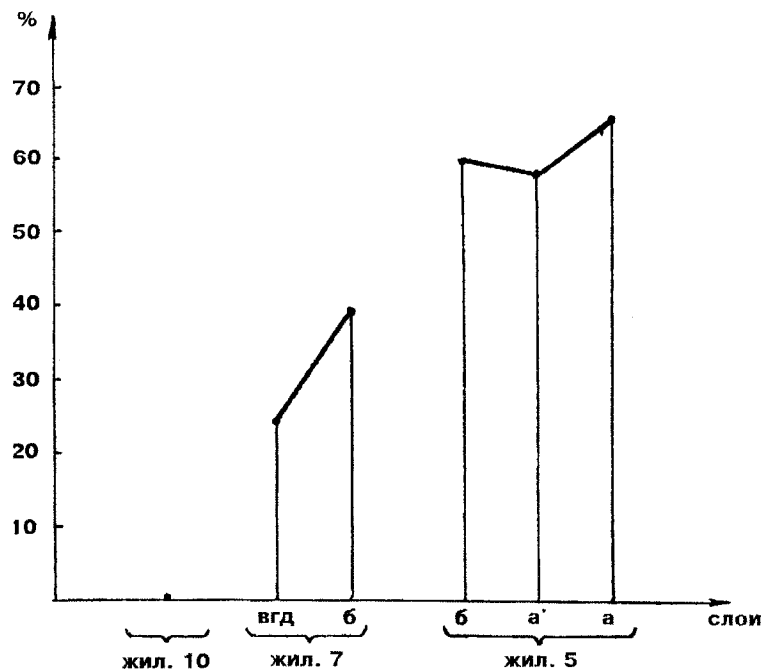

Рис. 11. График роста количества круговой керамики в слоях жилищ 5, 7, 10 поселения у с. Горбово

дившееся на расстоянии менее 1 м от котлованов жилищ 5 и 10, трудно представить его синхронность с одним из них. Количество круговой керамики в его заполнении больше, чем в заполнении жилища 10, где ее не было совсем, и на 20 % меньше, чем в заполнении жилища 5 (рис. 11). Вероятно, для этой группы жилищ можно представить следующую последовательность возведения: 10—7—5—4.

Для выяснения синхронности жилищ разных групп сравним соотношения керамических комплексов периода бытования каждой постройки. Так как они функционировали в течение какого-то отрезка времени, соответствующий набор керамики мог значительно меняться. На позднем этапе существования того или иного жилища он, вероятно, соответствовал керамическому комплексу нижнего слоя его заполнения, а на начальном, скорее всего, был близок комплексу заполнения предыдущей постройки. Таким образом, появляется возможность путем сравнения реконструированных наборов керамики, характерных для периода функционирования того или иного жилища, выяснить их соотношение во времени (рис. 12).

Период функционирования ям, очевидно, короче, чем у жилищ, поэтому он может быть определен только по керамическому набору нижнего слоя заполнения. При этом необходимо учитывать, что из-за относительно малого количества фрагментов керамики в слоях заполнения ям погрешность при их датировании несомненно увеличивается, а в ряде случаев какая-либо датировка на основе материала вообще невозможна.

В соответствии с данными графика (рис. 12) можно выделить четыре основных хронологических этапа в развитии керамического комплекса поселения у с. Горбово. Жилища сменялись постепенно, каких-либо всеобъемлющих перестроек за время существования поселения, очевидно, не было.

К первому, наиболее раннему периоду можно отнести жилище 10, в заполнении которого была встречена исключительно лепная роменская керамика, ко второму — жилища 7 и 9, за время функционирования которых в керамическом комплексе поселения произошли значительные изменения. Появившаяся в это время круговая керамика «шестовицкого» типа начинает быстро вытеснять традиционную лепную. К концу жизни указанных построек она уже составляла не многим менее трети всей бытовавшей на поселении посуды. Третий период представлен тремя жилищами, два из которых (11 и 8), как уже отмечалось, одновременны. На протяжении этого периода количество круговой керамики возросло с 35 % до 60 % всего комплекса. Бытование жилищ последнего, четвертого периода было неожиданно прервано пожаром. В среднем в слоях, предшествующих

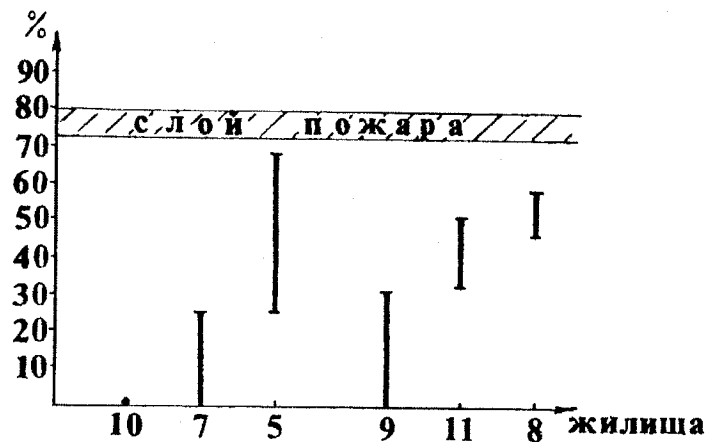

Рис. 12. Соотношение реконструированных керамических комплексов из жилищ поселения у с. Горбово

гибели поселения, круговая керамика составляла около трех четвертей комплекса.

Наибольшее количество материала содержалось в слоях пожара, что позволяет вполне определенно говорить о его абсолютной датировке. Наличие лепной керамики роменского типа однозначно указывает на культурную принадлежность поселения на момент гибели. Связь с более ранними памятниками роменского типа подтверждается и находками фрагмента бронзового браслета, аналогичного браслету с городища у с. Супруты, а также фрагментов серебряного пластинчатого браслета с расширяющимися концами и ребром посередине (рис. 13, 16, 18), близкого браслетам Новотроицкого городища [Ляпушкин И. И. 1958. С. 26. Рис. 13, 16].

В то же время слои пожара содержали многочисленные материалы, более характерные для XI в. Так, не ранее 1-й пол. XI в. могут датироваться круговые сосуды с венчиками типа VII и прямыми вертикальными венчиками [Григорьев А. В. 1983 б. Рис. 2, 11, 12, 14]. Бронзовый перстень с завязанными концами из жилища 3 относится исследователями к кон. X—XI в. [Недошивина Н. Г. 1967. С. 256], наиболее ранняя аналогия ему имеется в слое пожара Горналя. Вероятно, с позднероменским периодом связаны такие находки из распаханного культурного слоя, как бронзовая звездообразная фибула, серебряный тройной витой перстень, спиралевидное височное кольцо так называемого «северянского» типа, крестик «скандинавского» типа, двусторонний костяной гребень типа Д (по Б. А. Колчину) и другие предметы, время наибольшего распространения которых приходится на XI в. [Самокусов Д. Я. 1915. Табл. XLII; Григорьев А. В. 1991. С. 85—87; Фехнер М. В. 1968. С. 212; Колчин Б. А. 1982. С. 164. Рис. 5] (рис. 13).

На 1-ю пол. XI в. указывают находки в поздних роменских слоях поселения фрагментов поливной керамики. Серая глина, служившая для изготовления поливных сосудов, согласно Т. И. Макаровой, присуща керамике XII в. [Макарова Т. И. 1965. С. 234; 1967. С. 47]. Непрозрачная коричневатобурая с красным оттенком глазурь также нехарактерна для ранних поливных сосудов Древней Руси [Макарова Т. И. 1963. С. 246—250; 1967. С. 36, 47]. Но отметим, что, во-первых, подобная использованной глина широко применялась и в более раннее время, а в древнерусских материалах поселения она известна и в X, и в XI вв. Во-вторых, исследование, любезно проведенное Ю. Л. Щаповой, показало, что изначально глазурь была зеленого цвета и изменила свою окраску в результате вторичного обжига (вероятно, в процессе пожара). Характер залегания двух фрагментов стенок в верхней части заполнения жилища 5 и ямы 16, в слоях, относящихся к моменту гибели поселения и не содержащих

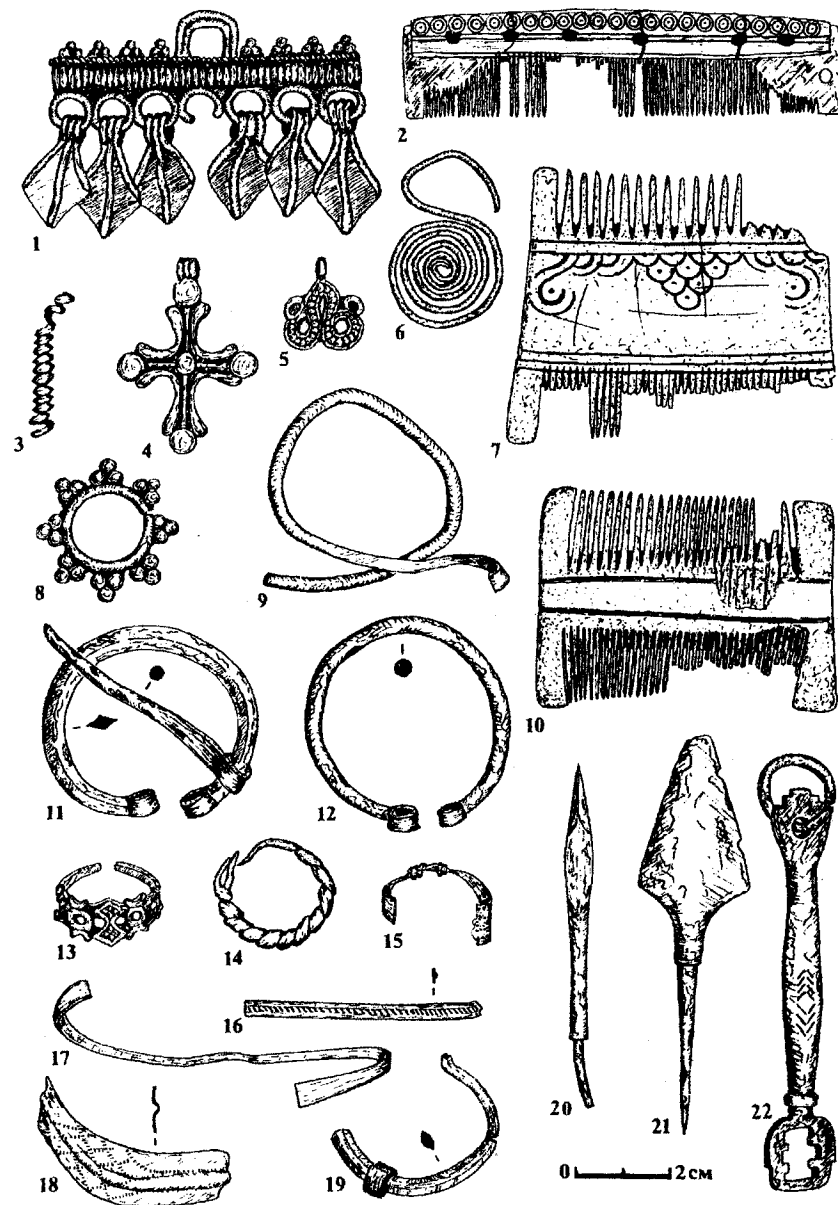

Рис. 13. Находки с поселения у с. Горбово:

1—жил. 7, сл. д; 12—жил. 7, сл. в; 2—жил. 9, сл. д/е; 5—жил. 5, сл. а; 7—жил. 1, сл. в; 9—жил. 8, сл. г; 10—яма 85; 15, 16—жил. 3; 20—яма 75, сл. г; 21—яма 14, сл. д; 3, 4, 6, 8, 11, 13, 14, 17—19, 22—культурный слой

1, 3—6, 8, 9, 12, 13, 15, 17, 19—бронза; 2, 7, 10—кость; 11, 20—22—железо; 14, 18—серебро

Рис. 14. Поселение у с. Горбово. Фрагмент венчика древнерусского сосуда с поливой

материалов XII—XIII вв., подтверждает их относительно раннюю датировку. Небольшой фрагмент венчика с поливой относится к типу II (по И. Г. Сарачеву) и надежно датируется 2-й пол. X—1-й пол. XI в. (приложение I) (рис. 14). Если предположение о связи возникновения поливной древнерусской посуды с началом строительства каменных храмов справедливо [Макарова Т. И. 1963. С. 246—250], то найденная на поселении у с. Горбово керамика может датироваться в пределах 1-й пол. XI в.

Арабские монеты—медный фельс кон. VIII—нач. IX в. из жилища 3 и дирхем Аббасида Сурра ман-Раа (850—852 гг.), по мнению А. В. Фомина, имели два основных периода обращения в Восточной Европе (приложение III). Первый относится к кон. IX—нач. X в., второй соответствует времени так называемого «серебряного кризиса» и датируется преимущественно 1-й четв. XI в. [Янин В. Л. 1956. С. 128—130]. Таким образом, совокупность датирующих материалов указывает на 1-ю пол. XI в. как наиболее вероятное время гибели роменского поселения (рис. 15).

Если жилища последнего периода могут быть датированы вполне определенно, то более ранние постройки третьего периода датируются прежде всего стратиграфически. Найденные в них предметы не имеют достаточно четких дат бытования (рис. 13). В заполнениях

	IX в.	X в.	XI в.
Поливная керамика /рис. 14/			—
Арабские монеты		—	
Пряслица из розового шифера		—	—
Перстень с завязанными концами /рис. 13, 15/		—	—
Браслет с ребром /рис. 13, 18/	—	—	—
Звездообразная фибула /рис. 13, 8/		—	—
Витой перстень /рис. 13, 14/		—	—
Спиралевидное вис. кольцо /рис. 13, 6/		—	—
Крест «скандинавского» типа /рис. 13, 4/		—	—
Костяной гребень, тип Д /рис. 13, 7/		—	—

Рис. 15. Хронология слоя пожара на поселении у с. Горбово

жилищ второго периода количество датирующих находок несколько выше. Фрагменты бронзовых и железных подковообразных фибул и заготовки для них, встреченные в постройках как второго, так и третьего периодов, говорят лишь о широком распространении этого типа украшений. Время их бытования на роменских памятниках определяется весьма широко: IX—нач. X в. [Григорьев А. В. 1990 в. С. 53]. Из несомненно импортных вещей хорошо датированными можно считать костяной односторонний составной гребень из нижних слоев жилища 9, время появления которого относится к нач. X в. [Давидан О. И. 1962. С. 101; Самоквасов Д. Я. 1916. С. 54. Рис. 63; С. 94. Рис. 110; Бліфельд Д. І. 1977. Табл. XI, 9; XVII, 10], и шумящую бронзовую привеску с «утиными лапками» из жилища 7, аналогии которой из материалов Крюково-Кужновского могильника датируются IX—нач. XI в. [Иванов П. П. 1952. С. 180]. Вероятно, второй период жизни Горбовского поселения можно отнести в целом к 1-й пол. X в. Следовательно, третий период датируется временем между вторым и четвертым, то есть 2-й пол. X в.

Никаких датирующих материалов для первого, начального периода жизни поселения не имеется. Исходя из того, что единственное представляющее его жилище 10 непосредственно предшествовало постройкам второго периода, время его функционирования определяется в пределах кон. IX—нач. X в.

Внутренняя периодизация таких памятников, как Горналь и Горбово, позволяет уточнить хронологию некоторых явлений, характерных для всей культуры. В частности, появляется возможность уточнить время появления элементов древнерусского «пласта древностей» в различных регионах распространения роменской культуры.

На поселении у с. Горбово древнерусская керамика так называемого «шестовицкого типа» появляется в 1-й пол. X в., вероятно, во второй четверти указанного столетия. Рост процентного содержания ее в керамическом комплексе памятника продолжается вплоть до гибели поселения в 1-й пол. XI в., когда круговая посуда становится преобладающей. На других поселениях Среднего Подесенья исследованы преимущественно слои и комплексы 2-й пол. X—1-й пол. XI в. [Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. 1980. С. 280, 281; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. 1981. С. 259; 1983. С. 269, 270; 1984. С. 272; Григорьев А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. 1986. С. 229; Мельниковська О. М. 1978. С. 76—81; Шинков Е. А. 1985. С. 101]. Все эти памятники—Пушкари, Новгород-Северский, Свердловка, (б. Псаревка), Слободка—гибнут в результате пожаров, вероятно, в той или иной степени синхронных пожару в Горбово [Григорьев А. В. 1988 б. С. 65—74]. Керамические комплексы указанных памятников схожи, круговая посуда древнерусского типа составляет в них более половины всего материала (рис. 16).

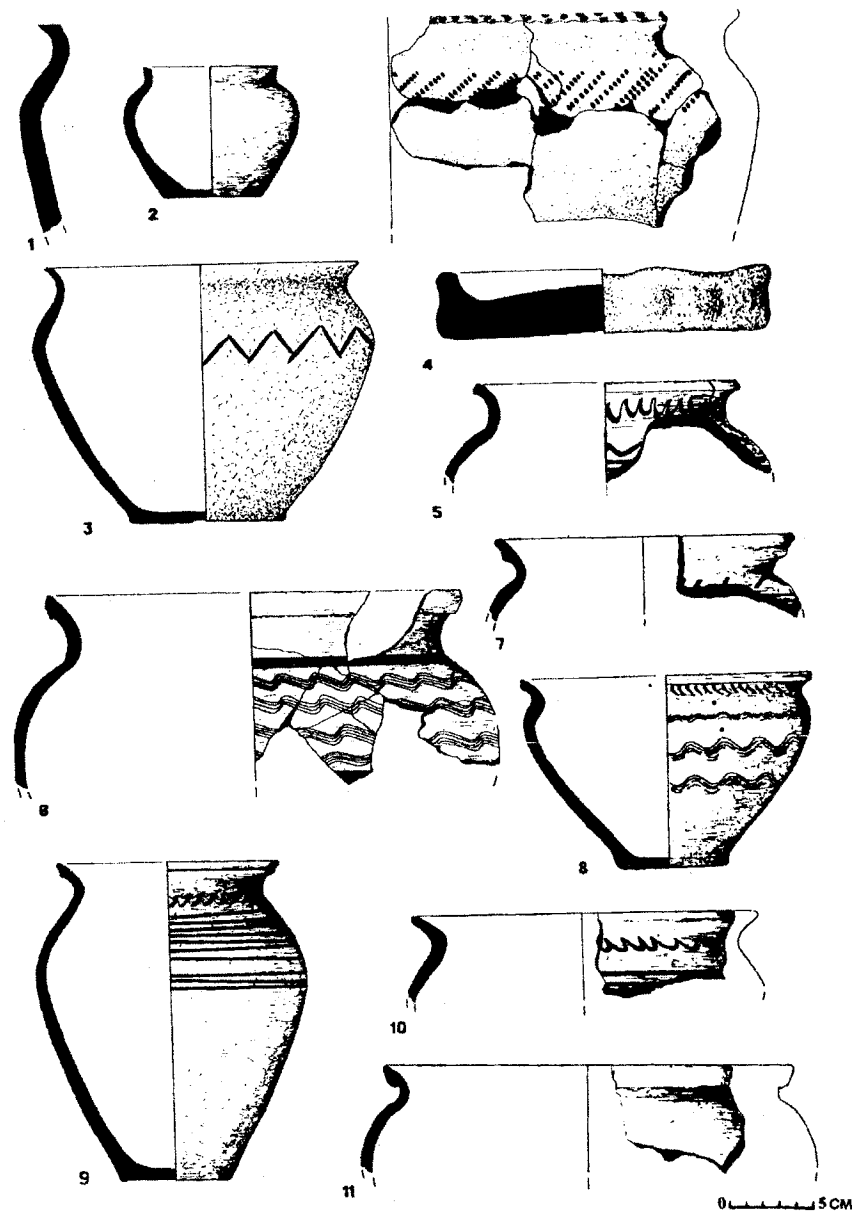

Рис. 16. Керамика позднероменских слоев Новгорода-Северского:

1, 5—7, 10, 11—раскоп V, жил. 1; 2—раскоп VII, жил. 1; 3—раскоп X, жил. 1; 4—раскоп IV б, жил. 2; 8—раскоп VII, яма 10; 9—раскоп VII, жил. 2; 1, 3, 4—лепная; 2, 5—11—круговая

Имеются все основания утверждать, что тенденции, отмеченные в развитии керамического комплекса поселения у с. Горбово, характерны и синхронны для всех памятников среднего течения р. Десны. Для этого региона в качестве хронологического показателя можно использовать процентное содержание круговой керамики в комплексах, которая в 1-й пол. X в. не превышала 30—40 %, а во 2-й пол. X в. достигла трех четвертей всего керамического материала. Кроме количества древнерусской керамики на указанном отрезке времени меняются и типы оформления венчиков древнерусских сосудов (приложение I). Так, только во 2-й пол. X в. появляются венчики типа IV, еще в более поздних комплексах, в основном погибших в пожаре 1-й пол. XI в., встречаются венчики подтипов «а», типов II—V.

Если типы венчиков являются датирующими для всей территории левобережья Днепра, то количественный показатель непосредственно связан с конкретным регионом. Так, на Большом Горнальском городище древнерусская керамика появляется во 2-й пол.—кон. X в. и в крайне небольшом количестве, менее 5 % [Узянов А. А. 1979 а. Табл. 2]. Древнерусская керамика поселения у с. Тазово на р. Тускарь, в верховьях р. Сейм, представлена фрагментами сосудов с венчиками, характерными для кон. X—1-й пол. XI в. (рис. 17), и составляет немногим менее 5 % керамического комплекса [Григорьев А. В. 1990 а. С. 27, 28]. Поздняя дата этого памятника подтверждается и всем вещевым материалом (рис. 18). Картографирование роменских памятников, содержащих древнерусскую керамику, позволяет проследить основные направления ее распространения по левобережью Днепра (рис. 19). Очевидно, что проникновение керамики «шестовицкого типа» шло постепенно из районов ее производства в Нижнем (Черниговском) Подесенье и Нижнем Посулье. Поэтому сам факт присутствия этой керамики в глубинных районах Северной земли может указывать на время не ранее 2-й пол. X в., а вероятнее, посл. четв. X—нач. XI в. Тот же материал, происходящий с памятников Нижнего и Среднего Посеймья, из районов среднего течения рек Сула и Псел, говорит о более широкой дате: сер. X—нач. XI в. [Приймак В. В., Белинская Л. И. 1988. С. 14, 15; Приймак В. В. 1990 а. С. 163; Григорьев А. В. 1990 а. С. 26—28, 1990 б. С. 169—172; 1993 б. С. 76—82].

Вскоре после предварительной публикации приведенных выше наблюдений за тенденциями распространения древнерусской керамики на территории Днепровского Левобережья [Григорьев А. В. 1990 б. С. 162—172] последовал критический отклик со стороны О. В. Сухобокова [Сухобоков О. В. 1992. С. 70, 71]. Во многом эта критика связана с тезисностью указанной публикации. Так, вероятно,

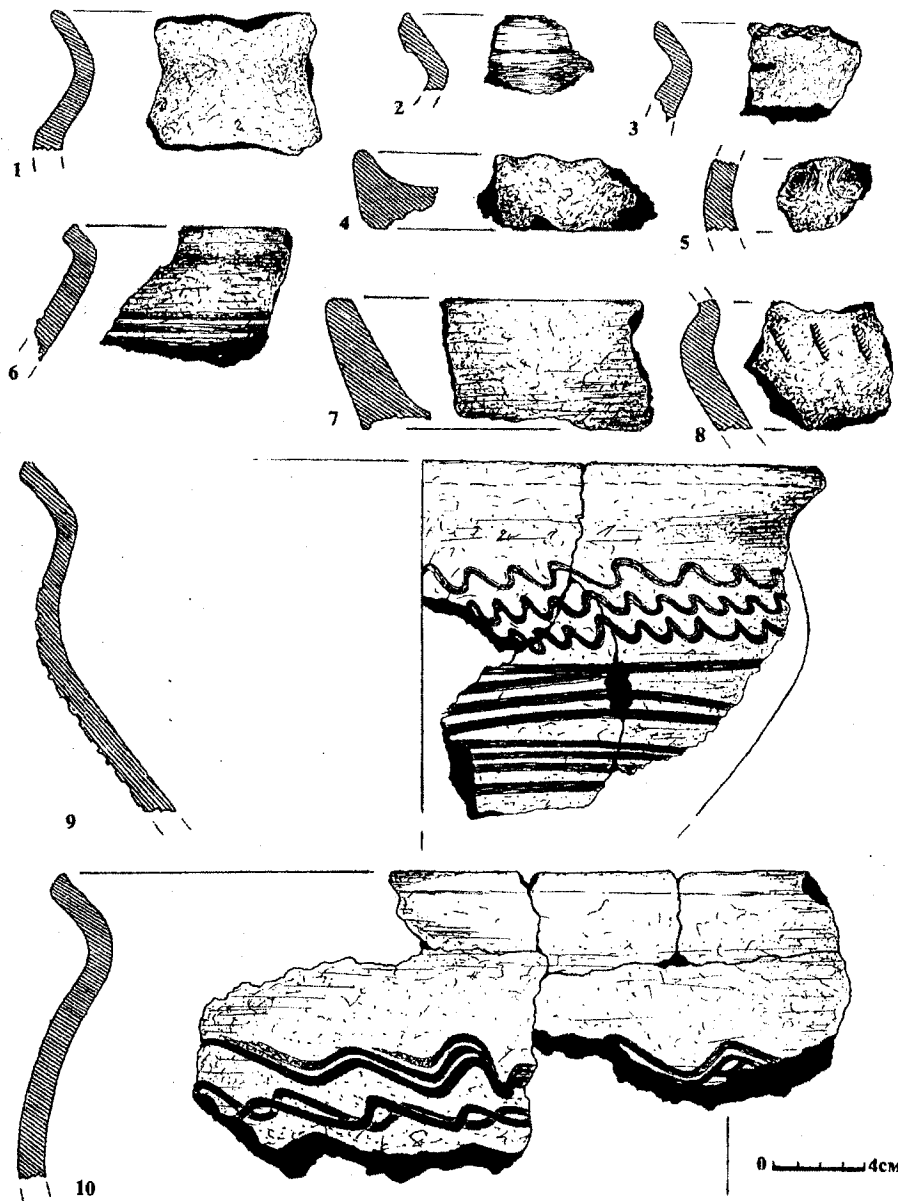

Рис. 17. Поселение V у д. Тазово. Керамика:

1, 2, 4, 5, 8 — постр. 1; 3, 6, 7 — культурный слой; 9, 10 — скопление 1
1, 3—5, 8 — лепная; 6, 7, 9, 10 — раннекруговая; 2 — древнерусская круговая

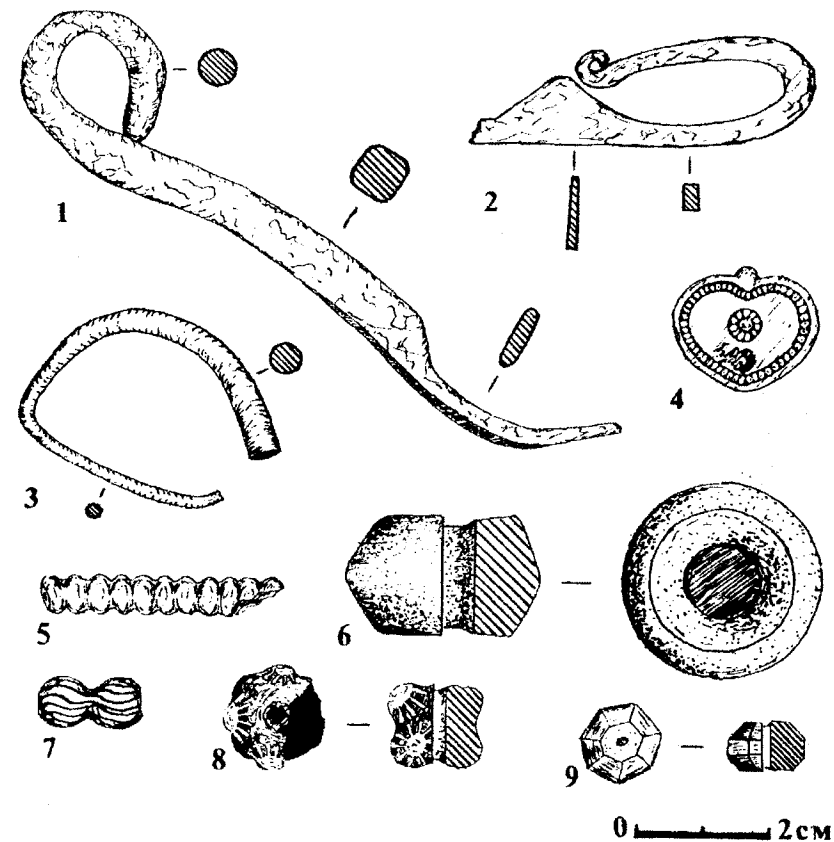

Рис. 18. Поселение V у д. Тазово. Индивидуальные находки:

1, 3, 5, 7 — культурный слой; 2, 8, 9 — постр. 1, сл. а; 4, 6 — культурный слой 1

1, 2 — железо; 3, 4 — бронза; 5, 7—9 — стекло; 6 — шифер

оппонентом не был понят текст о различиях местной роменской и древнерусской гончарных традиций. Подробнее ознакомиться с этими различиями можно в главе II данной работы. Надеюсь, что более развернутый текст снимет подобное взаимное недопонимание. Станным кажется замечание О. В. Сухобокова о том, что на роменских памятниках всех территорий от низовий Сейма до Северского Донца древнерусская керамика кон. X—нач. XI в. составляла более 50 % [Сухобоков О. В. 1992. С. 71]. В качестве источников такой информации автором названы материалы Путивля, Каменного, Ницахи, Полтавы и Донецкого. К сожалению, у меня не было возможности ознакомиться с керамикой первых трех из перечисленных памят-

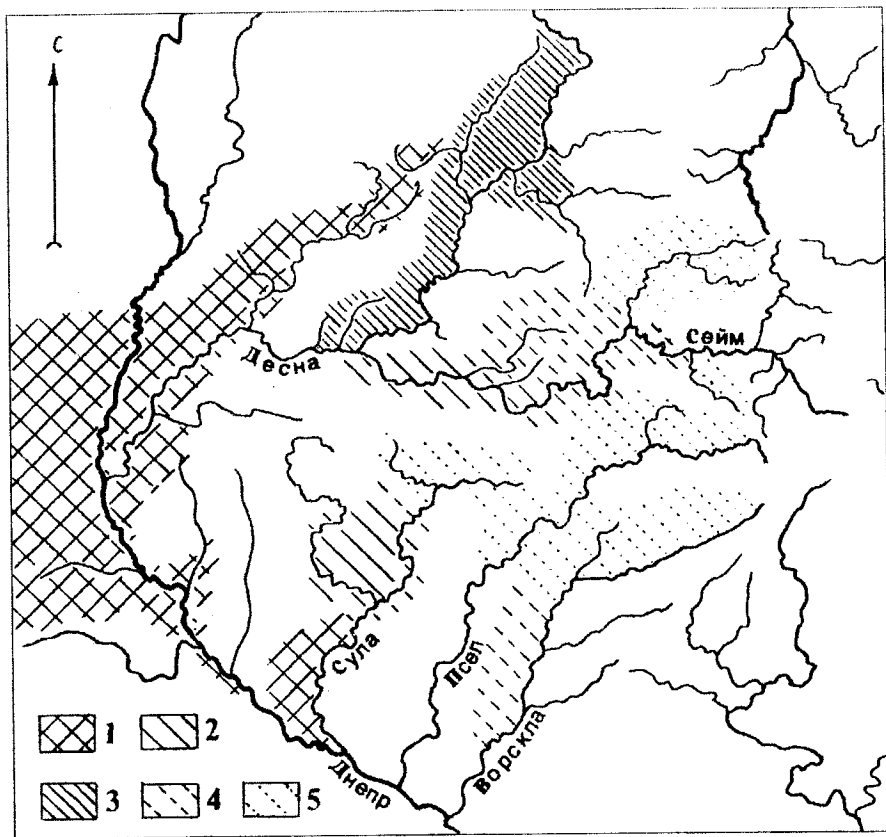

Рис. 19. Распространение древнерусской керамики на Днепровском Левобережье в кон. X—1-й пол. XI в.

1 — около 100 % всего керамического комплекса; 2 — 50—75 %; 3 — 25—50 %; 4 — 5—25 %; 5 — не менее 5 %

ников. Материалы Донецкого городища, керамике которого посвящена специальная работа [Дьяченко А. Г. 1988], вообще не содержат древнерусской керамики X—нач. XI в. По мнению исследователей этого памятника, роменское поселение здесь прекратило свое существование еще в нач. X в. [Шрамко Б. А. 1962. С. 314; Дьяченко А. Г. 1992. С. 108—110].

Раскопки в Полтаве проводились дважды: И. И. Ляпушкиным в 1945—1946 гг. [Ляпушкин И. И. 1949. С. 58—75] и И. Н. Кулатовой в 1990 г. В последних работах автору посчастливилось принять активное участие. В исследованных в 1990 г. закрытых комплексах, содержащих как лепную роменскую, так и древнерусскую керамику

2-й пол. X—нач. XI в., количество последней нигде не превышало 20 %. Хранящийся в ПКМ материал из раскопок И. И. Ляпушкина был зафиксирован по штыкам и квадратам 2 × 2 м и не отражает содержание комплексов. Если же произвести общий подсчет венчиков древнерусских сосудов X—нач. XI в. и сопоставить их с количеством венчиков роменских сосудов, то процент древнерусской керамики будет еще ниже — около 10 %. Приведенная О. В. Сухобоковым цифра (более 50 %) могла теоретически возникнуть лишь при одном условии. А именно, если проводилось сравнение всего массива роменской керамики со всей древнерусской, включая керамику 2-й пол. XII—1-й пол. XIII в. Однако подобное сопоставление абсурдно по своей сути. С тем же успехом можно было привлечь и керамику скифского времени.

Столь вольное обращение с материалом двух памятников заставляет усомниться в достоверности данных по другим поселениям, тем более, что все они многослойны и содержат обширный древнерусский материал. Говорить о реальном соотношении роменской и синхронной древнерусской керамики можно лишь на основании материалов из достоверных и статистически представительных комплексов. Поэтому указанное наиболее серьезное замечание уважаемого оппонента можно отнести к разряду даже не досадных, а скорее курьезных недоразумений.

Закономерности, прослеженные на основе наблюдений за керамикой, вероятно, распространяются и на другие категории находок, входящих в древнерусский пласт древностей. Наиболее часто встречающимися из них являются шиферные пряслица. На памятниках Среднего Подесенья, где древнерусская керамика появляется ранее, чем в других регионах, находки пряслиц известны исключительно в поздних комплексах, предшествовавших пожару. Можно предположить, что на всей территории роменской культуры наличие шиферных пряслиц, как и группы древнерусских сосудов с венчиками подтипов а типов II—V, говорит о 2-й пол., а вероятнее, посл. четв. X—1-й пол. XI в. [Рыбаков Б. А. 1948. С. 194; Розенфельд Р. Л. 1964. С. 220—224].

По возможности уточнив даты пластов инородных древностей, мы получаем надежные критерии для вычленения начального и завершающего этапов развития северянских древностей. Однако промежуток между этими этапами весьма велик: с нач. IX до сер. X в. Чтобы сделать предварительную хронологию более подробной, необходимо найти еще хотя бы один временной признак в материалах собственно роменского типа. При этом он должен отвечать тем же требованиям, что и пласты инородных древностей, а именно, должен быть достаточно широко распространен и четко и однозначно

определим. Таким признаком может послужить изменение в конструкциях печей роменских жилищ.

Еще в процессе раскопок на Большом Горнальском городище авторы обратили внимание на хронологические изменения в конструкциях отопительных сооружений [Башилов В. А., Куза А. В. 1977. С. 21]. Возникает закономерный вопрос — были ли эти изменения характерны только для одного конкретного памятника, или же они являются общими для всей культуры.

В настоящее время известно около 300 жилых построек, более половины из которых может быть датировано на основании присутствия пластов инородных древностей или нумизматического и иного хорошо датируемого материала. Типология печей достаточно подробно разработана П. А. Раппопортом [Раппопорт П. А. 1975. С. 147, 148]. Необходимо лишь несколько уточнить ее для «глинобитных» печей роменской культуры. Основываясь на таких взаимосвязанных показателях, как технология постройки и расположение печи относительно стен котлована, можно выделить два основных типа глиняных печей.

Объединяющей чертой печей первого типа является неразрывная связь с материковыми стенами котлована. Сюда относятся и печи, вырезанные в виде подбоя непосредственно в стене жилища (вид 1), и печи, вырезанные в специально оставленном материковом останце (вид 2). Как отмечал П. А. Раппопорт, к этому типу с полным правом могут быть отнесены и печи, вырезанные в принесенном глиняном массиве (вид 3) [Раппопорт П. А. 1975. С. 148]. В этом случае печи иногда стоят в стороне от материковых стен постройки [Юренко С. П. 1984. Рис. 4, 5]. Общей чертой всех этих печей является то, что они вырезались в каком-либо естественном или искусственном массиве. Наличие у многих из них сводов, сложенных из глиняных вальков, не меняет сути основного конструктивного приема.

Ко второму типу относятся печи, отстоящие на некотором расстоянии от стен котлована и не связанные с ними технологически. Это прежде всего так называемые «круглые» или «овальные» печи (по П. А. Раппопорту), целиком сконструированные из глины, часто — с примесью камней, болотной руды и т. п. (вид 1). В ряде случаев они могут сооружаться и с использованием материкового останца. Однако в отличие от печей I типа останец в этих случаях играет лишь вспомогательную роль. Он используется либо как ступенька для поднятия уровня пода (вид 2), либо для сооружения нижней части печи (вид 3). В последнем случае материк подрезался под форму глиняных стен печи и внешне порой трудно определить границу между ними. Все печи II типа не вырезались, а именно конструировались, в чем состоит их главное отличие от печей типа I.

Табл. 3.

Распределение типов печей в жилищах хорошо датированных памятников

Памятник	Ка- менка	Тип I				Тип II				Датировка
		1	2	3	всего	1	2	3	всего	
Стрелица	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1-я пол. VIII в.
Хитцы	—	—	3	—	3	—	—	—	—	1-я пол. VIII в.
Целиков Бугор	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1-я пол. VIII в.
Солдатское	—	—	—	1	1	—	—	—	—	VIII — нач. IX в.
Гремячка	2	—	—	—	—	—	—	—	—	VIII — нач. IX в.
Каменка	1	—	—	—	—	—	—	—	—	VIII — нач. IX в.
Воробьевка II	1	—	—	—	—	—	—	—	—	VIII — нач. IX в.
Вовки	—	—	5	—	5	—	—	—	—	сер. VIII — нач. IX в.
Волинцево ур. Стан	—	5	18	28	51	—	—	—	—	сер. VIII — нач. IX в.
Битица (1953 г.)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	сер. VIII — нач. IX в.
Сосница ур. Лан	—	—	—	2	2	—	—	—	—	сер. VIII — нач. IX в.
Опошня	—	1	—	22	23	—	—	—	—	к. VIII — 1-я пол. IX в.
Шестовица	—	—	1	—	1	—	—	—	—	IX в.
Новотроицкое	—	3	47	3	53	—	—	—	—	IX в.
Горналь (сл. 3—4)	—	—	8	—	8	—	—	—	—	IX в.
Горбово (пер. 1)	—	—	1	—	1	—	—	—	—	к. IX — нач. X в.
Донецкое	—	—	3	—	3	2	—	—	2	2-я пол. IX — нач. X в.
Горналь (сл. 2)	—	—	—	—	—	4	1	—	5	к. IX — 1-я пол. X в.
Полтава (К. ф-ка)	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1-я пол. X в.
Горбово (пер. 2, 3)	—	—	—	—	—	5	—	—	5	X в.
Липино	—	—	—	—	—	—	5	—	5	X — нач. XI в.
Волинцево, «Курган»	—	—	—	—	—	—	4	—	4	X — нач. XI в.
«Монастырище»	—	—	—	—	—	4	3	—	7	X — нач. XI в.
Зеленый Гай	—	—	—	—	—	2	—	—	2	X — нач. XI в.
Псаревка	—	—	—	—	—	1	—	—	1	X — нач. XI в.
Пушкари	—	—	—	—	—	1	—	—	1	X — нач. XI в.
Горналь (сл. 1)	—	—	—	—	—	—	4	—	4	2-я пол. X — нач. XI в.
Н-Северский	—	—	—	—	—	4	—	2	6	сер. X — нач. XI в.
Горбово (пер. 4)	—	—	—	—	—	4	—	—	4	к. X — нач. XI в.

Рассматривая материалы наиболее достоверно датированных памятников, становится очевидным, что для самых ранних, «архаических» комплексов присущи печи типа I (Хитцы) или печи каменки (Целиков Бугор). Для построек, содержащих элементы волинцевского пласта древностей, характерны печи исключительно I типа (табл. 3). Жилища Новотроицкого городища, время существования которого по нумизматическим материалам и хорошо датируемым импортам не выходит за рамки IX в., также имели останцовую конструкцию печей. Всем наиболее поздним жилищам, содержащим материалы древнерусского типа, напротив, присущи печи исключительно II типа. Следовательно, хронологические изменения в типах

отопительных сооружений несомненны и относятся ко всей совокупности памятников роменской культуры. Встает вопрос о времени и продолжительности этого процесса, то есть о возможности использования типа печей для определения хронологии памятников. Наиболее перспективными в этом плане являются памятники, обладающие внутренней периодизацией и содержащие печи обоих типов. Судя по данным, полученным при раскопках Большого Горнальского городища, печи II типа появляются в постройках, соответствующих II стратиграфическому слою, то есть в самом нач. X в. [Куза А. В. 1981. С. 26.]. На поселении у с. Горбово печь I типа находится в наиболее раннем жилище 10. В постройках второго этапа застройки, датируемых в целом 1-й пол. X в., представлены печи типа II. Невозможно сложнее определить время построек, исследованных И. И. Ляпушкиным в Полтаве [Ляпушкін І. І. 1949. С. 58—75]. Автор отметил отсутствие датирующего материала в этих жилищах и, исходя из представлений 40-х гг., датировал жилище В1, имевшее печь типа I и стратиграфически, более раннее, в целом роменским временем — VIII—X вв.

Постройку А, также с печью I типа, и постройку В2, перекрывавшую постройку В1 и имевшую печь II типа, он датировал XI—XII вв. [Ляпушкін І. І. 1949. С. 61]. К сожалению, интереснейший керамический материал, хранящийся в фондах Полтавского краеведческого музея, по причине отсутствия соответствующей полевой описи в настоящее время не может быть полностью использован. Однако следует отметить, что ни в материалах раскопок И. И. Ляпушкина, ни в ходе раскопок, проведенных в городе в 1990 г., не было обнаружено никаких вещевых остатков, которые позволяли бы говорить о наличии в городе слоев XI—1-й пол. XII в. После прекращения функционирования роменского поселения (в 1-й пол. XI в.) его территория была вновь освоена не ранее 2-й пол. XII в. Во время раскопок 1990 г. были прослежены слои и комплексы, содержавшие, помимо роменских, древнерусские материалы, как-то: керамику «шестовицкого типа» и шиферные пряслица. Шиферные пряслица находились и в печи постройки В2, раскопок И. И. Ляпушкина [Ляпушкін І. І. 1949. С. 73], что позволяет с некоторой долей вероятности отнести эту постройку к позднему роменскому времени. Указанные слои, которые по наличию древнерусских материалов можно датировать 2-й пол. X—1-й пол. XI в., перекрывали постройку, исследованную в 1990 г. на территории кондитерской фабрики. В самом заполнении этой постройки древнерусской керамики не встречено, что позволяет отнести время окончания ее жизни к периоду до сер. X в. Остатки исследованной в этом жилище печи относятся, по предложенной классификации, к типу II. Вероятно, и здесь, на южной окраине Северской земли, новый тип печей появляется в 1-й пол. X в.

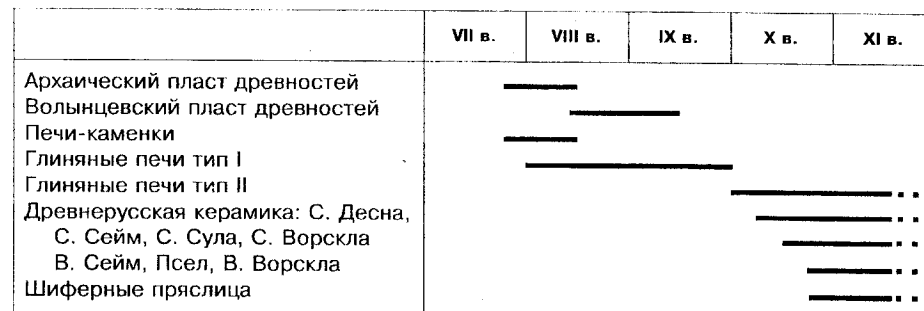

Рис. 20. Предварительная хронология роменской культуры

Таким образом, можно отметить, что на трех памятниках, находящихся в различных районах распространения культуры, изменения в типах печей происходят одновременно и носят скачкообразный характер. Вероятно, датой появления печей типа II на левобережье Днепра можно считать рубеж IX—X—1-ю четв. X в.

Несомненно, что изменения в конструкциях отопительных сооружений были не единственными за время существования роменской культуры. Время не могло не отразиться на большинстве сторон жизни северянского общества. Этот хронологический показатель выбран для включения в первоначальную периодизацию только по причине его очевидности и массовости.

Рассмотренные выше временные признаки позволяют еще в начале работы предварительно разделить большинство из известных науке материалов на несколько периодов. Наиболее ранний, «архаический», в настоящее время представлен небольшим количеством комплексов. Время его определяется очень приблизительно: в пределах кон. VII—1-й пол. VIII в. Второй, представленный древностями волынцевского типа, охватывает период с сер. VIII до нач. IX в. Для третьего периода характерны «чистые» роменские древности без заметного влияния материалов волынцевского пласта, с ранними, типа I, конструкциями печей в жилищах. Время этого периода — IX в. Четвертый период, на большей части левобережья Днепра, отличается от третьего только конструкциями печей и может быть датирован 1-й пол. X в. Завершающий, пятый период в той или иной степени представлен материалами древнерусского типа и датируется 2-й пол. X—1-й пол. XI в. (рис. 20).

Предложенная периодизация ни в коем случае не может считаться окончательной. Она является лишь необходимой основой для того, чтобы попытаться рассмотреть материалы роменской культуры по традиционным группам с учетом их развития во времени.

ГЛАВА 2

РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Описание археологической культуры традиционно начинается с характеристики типов поселений, их связи с рельефом местности, водоемами, почвами и т. д. Культура летописных северян изначально была определена как «культура городищ роменского типа» [Макаренко М. О. 1925 а. С. 5]. Представление о городищах как об основном типе поселений совершенно понятно на раннем этапе изучения памятников. Очевидно, что городища, имеющие яркие внешние признаки, в первую очередь становились объектами исследования. Открытые поселения в то время практически не фиксировались и потому полностью игнорировались при описании топографии памятников. Не удивительно, что основным критерием, определяющим местоположения роменских поселений, была названа труднодоступность и естественная защищенность памятника.

Ситуация, сложившаяся в ходе выявления роменских поселений, менялась крайне медленно. В 60-е гг. И. И. Ляпушкин писал, что «большая часть известных нам славяно-русских поселений VIII—X вв. была полностью или частично укрепленной» [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 218]. Из известных автору в то время более чем 60 поселений роменской культуры лишь три, по его мнению, не имели искусственных укреплений. Помимо количественного соотношения укрепленных и неукрепленных поселений, на представлениях И. И. Ляпушкина, несомненно, отразилась разгоревшаяся в то время дискуссия о месте памятников «волынцевского типа». Будучи ярым противником выделения отдельной «волынцевской культуры», автор возвел в абсолют укрепленный характер роменских памятников. Были даже предприняты попытки отнести к категории городищ явно открытые поселения, в частности, в урочище Стан у с. Волынцево, поселения в урочищах Буромка и Лан у г. Сосницы и др. [Ляпушкин И. И.

1961 а. С. 59, 309, 310]. Исходя из посылки об укрепленном характере подавляющего большинства роменских поселений, И. И. Ляпушкин еще в более категоричной форме, чем Н. Е. Макаренко, считал возможным утверждать, что «места для поселений выбирались такие, которые можно было бы укрепить с наименьшей затратой сил» [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 218].

Дискуссия о характере поселений, содержащих материалы волынцевского типа, получила совершенно неожиданное развитие в работах О. В. Сухобокова. Полевые исследования последних десятилетий совершенно однозначно показали, что большинство из волынцевских поселений не имели искусственных укреплений. Опираясь на этот факт, О. В. Сухобоков противопоставил неукрепленные «волынцевские» поселения «городищам роменского типа». Это послужило для автора важным аргументом в пользу культурного и хронологического разделения волынцевских и роменских древностей [Сухобоков О. В. 1975. С. 83, 84].

Интересно отметить, что в своих работах, в т. ч. и самых последних, О. В. Сухобоков использует новейшие данные о памятниках «волынцевского типа» и в то же время сохраняет в полной неприкосновенности характеристику роменских поселений, сложившуюся еще в начале века. По его мнению, «городища являются ведущим типом поселения роменской культуры» [Сухобоков О. В. 1985. С. 126]. Кроме того, наблюдается явное смешение близких, но не тождественных понятий — топографии памятников и их укрепленный или неукрепленный характер, чего мы коснемся ниже.

Говоря о характере поселений роменской культуры, необходимо решить ряд вопросов. Во-первых, какой тип поселения являлся для северян первичным в плане относительной хронологии. Т. е. возникали ли селища при городищах, либо городища возводились для защиты уже существующих селищ. Материалов для решения этого вопроса в масштабах всей культуры в настоящее время явно недостаточно. Тот факт, что в заполнении наиболее ранних клетей некоторых городищ содержался в перестроенном виде роменский культурный слой, позволяет предположить, что к моменту начала строительства укреплений поселение на этом месте уже существовало [Григорьев А. В. 1989 а. С. 70; 1992. С. 40—44]. Таким образом, какая-то часть городищ возникла не сразу как укрепленный пункт, а лишь в ходе роста экономического и административного значения того или иного неукрепленного поселка, когда появилась возможность или необходимость возведения линии укреплений.

Во-вторых, говоря о «ведущем типе поселений», необходимо учитывать, какая часть населения проживала непосредственно на территории городищ, в пределах крепостных стен. Еще И. И. Ляпушкиным было отмечено, что «неукрепленные участки значительно превышают

площадки укреплений» [Ляпушкин И. И. 1968. С. 83]. Следовательно, даже в системе городище—селище большая часть жителей находилась за пределами городища. И, наконец, в ходе последних исследований постоянно меняется традиционный количественный показатель. Если число известных городищ растет крайне незначительно и в дальнейшем, очевидно, их будет найдено немного, то количество селищ увеличивается в ходе каждой сплошной разведки. Все более становится известно поселений, расположенных в стороне от городищ и не имеющих с последними непосредственной территориальной связи. Так, 12 открытых поселений найдено в округе Большого Горнальского городища [Куза А. В. 1981. С. 33; Кашкин А. В., Узанов А. А. 1994. С. 16], 15 небольших поселений расположено около крупного, также неукрепленного поселения у с. Лебяжье, несколько селищ известно на р. Рать, у Бесединского городища (Кашкин А. В. 1980. С. 54, 55). Группа различных по размерам и топографии селищ зафиксирована в округе с. Мезин на Десне [Куриленко В. Е. 1985. С. 106, 107; 1989. С. 15, 16. Рис. 2]. Сплошные исследования, проведенные А. А. Узановым в бассейне р. Тускарь, как нельзя лучше отражают реальную картину заселения этого небольшого региона. Из более чем 70 известных здесь поселений лишь пять относятся к категории городищ. Причем автор указывает на существование определенного резерва невыявленных селищ в пойме реки [Узанов А. А. 1985. С. 77—83].

Таким образом, уже сегодня можно говорить о том, что количество известных селищ значительно превышает количество городищ. Подавляющее большинство населения северской земли как на раннем, волынцевском, так и на поздних этапах развития культуры, проживало на открытых поселениях, вплотную примыкавших к городищам или отстоявших от последних на некотором расстоянии. С другой стороны, наличие городищ не является исключительной чертой роменской культуры. В VIII—X вв. они были широко распространены и на других славянских землях. Так, на много меньшей территории земли древлян, при неполном ее обследовании, известно около 20 городищ указанного периода [Звіздецький Б. А. 1993. С. 42]. В настоящее время нет никаких оснований считать городища «ведущим типом поселения роменской культуры».

Отказавшись от определения роменской культуры как культуры городищ, необходимо еще раз обратиться к вопросу о топографии северянских поселений на разных этапах их существования. Ранние роменские поселения, содержавшие материалы «архаического» и «волынцевского» пластов древностей, действительно, и тут совершенно прав О. В. Сухобоков, в подавляющем большинстве расположены на низких пологих склонах коренного берега или на возвышенностях в поймах рек. Из известных на сегодняшний день при-

близительно 20 памятников роменского типа, содержавших указанные материалы (рис. 1) [Горюнов Е. А. 1975; 1981. Рис. 30], только 1—Битицкое городище, выделяется как своим местоположением, так и наличием укреплений. Неординарность этого памятника позволяет отнести его к тем исключениям, которые лишь подтверждают правило.

Топография рядовых сельских поселений VIII в. схожа с топографией поселений предшествующих культур, а в ряде случаев отмечается полное совпадение (Целиков Бугор, Хитцы и др.). Этот факт, несомненно, указывает на определенную преемственность северян по отношению к автохтонному населению, носителям колочинской и пеньковской археологических культур. Однако на основе исключительно топографических данных невозможно определить характер и степень этой преемственности. В равной мере допустим и вариант непрерывного продолжения развития культуры местного населения, и вариант, при котором мигранты с иных территорий начали освоение новых земель с уже обжитых и хозяйственно обустроенных участков. В пользу последнего предположения косвенно говорит то обстоятельство, что уже в IX в. зона обитания значительно расширяется.

В IX—X вв. наблюдается процесс активного освоения плато высокого коренного берега. Именно здесь возникают крупнейшие поселения, на высоких мысах и останцах возводятся многочисленные крепости. Однако этот процесс не означал запустения припойменных участков. Происходило не изменение зоны заселения, а ее расширение. Как показало упоминавшееся выше исследование А. А. Узанова, в пойме р. Тускарь располагалось более половины зафиксированных в этом микрорегионе памятников [Узанов А. А. 1985. С. 81]. Небольшие поселения, расположенные на дюнных всхолмлениях в пойме, отмечены и в других регионах, где проводились специальные изыскания [Куриленко В. Е. 1989. С. 15, 16. Рис. 2]. Селища, расположенные на невысоких склонах у подножий городищ, известны в Случевске, Горнале, Пушкарях и ряде других пунктов.

Совершенно непонятными представляются замечания О. В. Сухобокова по поводу того, что все роменские поселения бассейна р. Рать, равно как округи Горналя и бассейна р. Тускарь, якобы «розташовані на високих структурних терасах» [Сухобоков О. В. 1994, С. 207]. В первой публикации результатов разведок по р. Рать 1979 г. в отношении роменских поселений указано, что «часть их расположена на высоких отрогах правого коренного берега, а часть—в пойме» [Кашкин А. В. 1980. С. 55]. Трудно говорить о высоком коренном берегу и для поселений 3 и 11 у с. Горналь, высота которых составляла 2 м и 5—11 м соответственно [Кашкин А. В., Узанов А. А. 1994. С. 7]. В отношении поселений по р. Тускарь, су-

ществует специальная работа А. А. Узянова, отмеченная выше. Более того, О. В. Сухобоков в 1988 г. лично посетил один из пойменных памятников на берегу р. Тускарь (Тазово V). Необоснованным представляется и исключение памятников Средней Десны из всего массива роменских древностей.

Интересно отметить, что поселения IX—нач. XI в., расположенные в тех же топографических условиях, что и рядовые поселки VIII в., известны в научной литературе давно. При этом приверженность исследователей к «городищенскому» характеру роменской культуры приводила порой к очевидным алогизмам. Так, исследовавшие еще в начале века В. Г. Козловской поселения у озера Буромка недалеко от г. Сосницы, равно как и Асмолово, Банищи и ряд подобных им, традиционно относятся к категории «болотных городищ». Никаких следов искусственных укреплений на этих памятниках не обнаружено, и по своему характеру они ничем не отличаются от многочисленных пойменных поселений, выявленных в последние десятилетия. Да и подлинные городища, расположенные на невысоких мысах, вдающихся в пойму, такие, как эталонное городище Монастырище у г. Ромны, отличаются от ранних памятников не своим положением на местности, а лишь наличием укреплений. Такой двойной стандарт в отношении ранних и поздних памятников наиболее ярко представлен в новейшей монографии О. В. Сухобокова. Говоря о том, что ранние, волынцевские поселения в основном размещались «на знижених ділянках заплавлених терас та на горбах серед річкових долин», автор в качестве причины такого расположения указывает близость водоемов и «зручних для обробітку земельних угодь» [Сухобоков О. В. 1992. С. 19]. Далее, описывая памятники роменской культуры, он признает, что кроме расположенных по высокому коренным берегам рек существовали и поселения, под которые «займалися дюни і нагорби серед болотистої місцевості». Однако основным критерием для выбора места этих поселений выступают «потреби оборони» [Сухобоков О. В. 1992. С. 37].

Пытаясь определить критерии, которыми руководствовались северяне, выбирая то или иное место для поселения, необходимо учитывать, что в различных ситуациях возможны различные основания, определявшие этот выбор. Пожалуй, единственной чертой, объединяющей все известные на сегодняшний день памятники, является их неразрывная связь с водоемами. Памятники различных типов и периодов бытования располагались по берегам крупных рек или их притоков. Значение реки в рассматриваемый период трудно переоценить. Это и основная транспортная артерия, и источник питания в виде рыбы, и наличие пойменных лугов, необходимых для скотоводства. Как правило, поселения находятся при впадении в реку небольшого ручья или мокрой балки, которые могли служить удоб-

ным источником питьевой воды. По другим признакам роменские памятники весьма разнообразны и образуют несколько групп.

На начальном этапе наблюдаются две неравновеликие группы поселений. К первой с уверенностью можно отнести только Битцкое городище. Этот пункт, расположенный почти в центре Северной земли, по своему характеру, несомненно, являлся одним из административных центров территории [Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1993. С. 7—10]. Очевидно, он создавался в качестве крупной крепости, что и определило выбор места—обширный высокий мыс коренного берега р. Псёл, связанный с плато лишь узким перешейком. Вероятно, хозяйственные потребности в данном случае учитывались во вторую очередь.

При выборе мест рядовых сельских поселений начального периода можно предполагать два основных критерия. Первым, вероятно, являлась традиция, сложившаяся за несколько столетий до возникновения северянских поселков. Территории, занятые ими, были уже хорошо освоены в хозяйственном отношении. В качестве второго выступают собственно природные условия. Непосредственная близость реки, выпасов и земель, пригодных для земледелия, казалось, делают эти места оптимальными для ведения сельского хозяйства. Но именно такая оптимальность расположения ранних поселений может указывать на относительно невысокий уровень развития как земледелия, так и скотоводства и других отраслей хозяйства.

Начиная с IX в. и позднее, в местоположении поселений и в их характере наблюдается большее разнообразие. Помимо памятников, расположенных в тех же условиях, что и в VIII в., появляются поселки, хозяйственная направленность которых выражена весьма отчетливо. В широких поймах рек возникают небольшие поселения, порой всего из одного-двух дворов, полностью оторванные от пашенных земель. Исследования на одном из них у д. Тазово на р. Тускарь были проведены автором [Григорьев А. В. 1990 а. С. 26—28]. Тяготение многих мелких поселений именно к широким участкам поймы, наиболее пригодным для скотоводства, отмечено А. А. Узяновым [Узянов А. А. 1985]. В то же время необходимость расширения пашенных земель привела к освоению плато верхней надпойменной террасы, где сосредотачивается основная масса земледельческого населения.

Связь роменских поселений с распространением подзолистых почв неоднократно отмечалась исследователями [Сухобоков О. В. 1985. С. 125, 126]. Тяготение северян к участкам леса, вероятно, также объясняется прежде всего хозяйственными потребностями. Большое количество древесины требовалось для сооружения крепостей, жилых и хозяйственных построек, для отопления жилищ. Насколько активно шла вырубка лесов в рассматриваемое время, хо-

рошо видно из материалов синхронного Киева [Сагайдак М. А. 1989. С. 124—129]. Важное место в жизни носителей роменской культуры занимала охота, о чем говорит характер костных остатков [Цалкин В. И. 1969]. Можно также предположить широкое развитие бортничества и смолокурения. Остатки дегтярных печей зафиксированы в роменских слоях Новгорода-Северского. Защитные функции леса, напротив, не стоит переоценивать. Островки редкого широколиственного леса лесостепной зоны вряд ли в полной мере отвечали требованиям обороны.

Если средние и мелкие поселения своим местоположением были обязаны исключительно хозяйственной направленности насельников, то в выборе места для городищ и крупных, в несколько гектаров, поселений ведущая роль отводилась соображениям обороны, политической и торговой рациональности. Городища располагаются либо в центре небольших сельских общин, либо объединяют вокруг себя более крупные административные образования. Не редки случаи существования крупных укрепленных пунктов на торговых путях, в неспокойных пограничных районах. При выборе места для городища, несомненно, в первую очередь учитывались защитные свойства рельефа.

Подводя итог обзору роменских поселений можно констатировать, что они были представлены практически всеми возможными типами. Это и селища размерами от одного-двух дворов до 10—15 га, и городища, среди которых есть и небольшие крепости площадью 0,1 га, и укрепления, соответствующие размерам ранних городов площадью, превышающей 2 га. Северянским населением были освоены все ландшафтные зоны, прилегающие к рекам. Незаселенными оставались лишь водоразделы и нижние участки левых притоков Днепра, где засоленность почв и отсутствие леса делали местность малопривлекательной для оседлого земледельческого населения.

Представляется необходимым отказаться от тезиса о труднодоступности роменских поселков. Даже с точки зрения простой логики кажется маловероятным, что постоянно растущее население на огромной территории в течение трех столетий было занято только тем, что пряталось от неких врагов. В IX в., когда наблюдается активный рост количества славянских городищ, внешняя опасность более чем неопределенна. Являясь в это время провинцией Хазарского каганата, Северская земля вряд ли могла подвергаться постоянным набегам со стороны метрополии. Прилегающие степи вплоть до прихода печенегов в кон. IX в. были надежно защищены носителями салтово-маяцкой культуры. Опасность возникает лишь в кон. IX в. со стороны Руси. Вероятно, возникновение городищ следует объяснять внутрисполитическими процессами, а не внешней угрозой.

КОЛ-ВО
Городищ

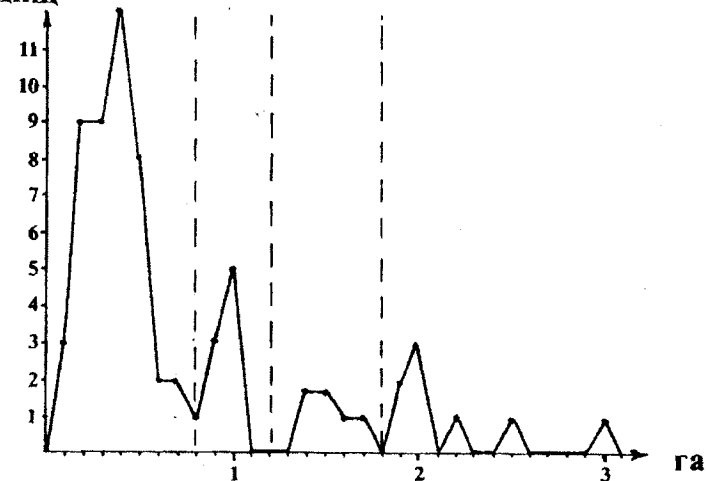

Рис. 21. Распределение городищ роменской культуры по размерам

Хотя, как было показано выше, городища не являлись ведущим типом поселений, они все же во многом определяли облик культуры, будучи в той или иной степени административными центрами и местами торговли. Поэтому на указанной категории памятников следует остановиться подробнее.

По размерам укрепленной площадки городища можно разделить на четыре условных группы (рис. 21). Наиболее распространенными были малые городища, площадь которых в большинстве своем не достигала 0,6 га. Эти малые крепости были распространены на всех этапах развития культуры. К ним относятся и такие ранние памятники, как Опошня и Новотроицкое, и укрепления, построенные лишь в X в., — Горбово, Слободка. Также, начиная с IX в., распространены городища средних размеров. В категорию средних условно объединены две немногочисленные группы укреплений площадью от 0,8 до 1 га (средние — малые) и от 1,4 до 1,7 га (средние — большие). Не имеют хронологических различий и крупные городища площадью более 1,9 га.

Функциональное значение различных по размерам городищ в настоящее время определяется весьма условно. Малые городища, как правило, могут быть связаны с центрами небольших общин или с функциями небольших сторожевых крепостей, как, например, Слободка или Горбово на Десне [Григорьев А. В. 1988 а. С. 19, 20; 1990 г. С. 18, 19]. Средние городища, представленные такими памятниками, как Липино, Ромен, Горналь и т. п., вероятно, являлись административными центрами значительных территорий. Наиболее

крупные укрепленные поселения имели более сложные функции, во многом приближающиеся к городским. Об этом говорят материалы таких памятников, как Битица, Новгород-Северский, Полтава.

Несомненно, что укрепления строились лишь в определенных условиях, для вполне конкретных целей. Во многом это, очевидно, было связано с необходимостью больших затрат для постройки и дальнейшего поддержания крепости. Столь значительные сооружения при использовании достаточно ограниченного набора строительных приемов носили все же весьма индивидуальный характер. Облик укреплений определялся как конкретными топографическими условиями, так и имевшимися в распоряжении строителей человеческими и материальными ресурсами, возможностью использовать укрепления более ранних эпох, индивидуальными способностями производителя работ. В зависимости от того, как часто укрепления подновлялись и совершенствовались, менялся и характер крепости. Поэтому при рассмотрении роменской фортификации в целом рационально остановиться лишь на наиболее характерных приемах строительства укреплений.

Как уже неоднократно отмечалось, строители прежде всего старались максимально использовать рельеф местности и таким образом сократить объем необходимых работ. Оптимальными в этом плане являлись естественные останцы высоких коренных берегов и возвышенности среди заболоченной поймы. Однако максимальная естественная защита не всегда совпадала со всем комплексом экономических и политических требований, предъявляемых к укреплению. Поселения, расположенные среди заболоченных пойм, как правило, имеют весьма ограниченную площадь, что исключало их территориальный рост. Отрыв от пашенных земель и других поселений исключал использование этих поселков в качестве каких бы то ни было административных центров. Не могли они нести и функции защиты для окрестного населения. Следов искусственных укреплений на таких поселениях не выявлено. Вряд ли можно принять тезис О. В. Сухобокова о существовании у левобережных славян в VIII—X вв. кольцевых укреплений. В работе 1985 г. он не приводит тому каких-либо доказательств [Сухобоков О. В. 1985. С. 126], в более же ранней публикации в качестве примеров таких городищ выступают городища в уроч. Самсонов Остров у с. Сенча и Большой Самбор [Сухобоков О. В. 1975. Рис. 30, 5, 7]. Исследования валов этих поселений показали, что они были возведены не ранее кон. XI в. и к носителям роменской культуры не имеют ни малейшего отношения [Моргунов Ю. Ю. 1977. С. 74, 75]. Целым рядом работ Ю. Ю. Моргунова было обстоятельно доказано, что сам тип круглых городищ появляется на левобережье Днепра только в кон. XI—нач. XII в. [Моргунов Ю. Ю. 1986. С. 119, 120].

Поселения роменской культуры, расположенные на дюнах и останцах среди пойм, следует относить к категории неукрепленных пойменных селищ. Их расположение в труднодоступных районах объясняется прежде всего не задачами обороны, а типом хозяйства населения этих поселков, очевидно, связанного с поймой реки. Именно такое расположение селищ наиболее благоприятно для занятий скотоводством, рыболовством, для добычи болотной руды.

Городища, устроенные на останцах коренного берега, известны как для раннего (Новотроицкое), так и для позднего (Случевск, Новгород-Северский и др.) периодов существования культуры. Имели ли эти поселения искусственные укрепления, сказать трудно. Следы укреплений на городище Новотроицком удалось проследить Г. В. Борисевичу и А. А. Узянову [Борисевич Г. В., Узянов А. А. 1987. С. 57, 58]. Остатки вала неизвестного времени проходили по периметру городища у с. Случевск. Однако основным возможным типом укреплений останцовых городищ мог быть эскарп. К сожалению, края склонов таких памятников специально не изучались.

Наиболее часто для устройства укреплений северянами использовались мысы. Это, с одной стороны, позволяло до минимума сократить объемы необходимых работ без ущерба для качества укреплений, с другой—сохранялась непосредственная связь с основной открытой частью поселения. Высокие склоны или труднопроходимая заболоченная пойма являлись надежной защитой большей части периметра городища. Кроме естественной защиты склоны, как правило, дополнительно укреплялись. Ведущими строительными приемами для этого служило эскарпирование склонов на высоту до 10 м. Следы таких эскарпов сохранились на значительной части известных городищ. Не исключено, что в ряде случаев, где визуально эскарпы не фиксируются, они также были, но осыпались или заплыли в результате постепенного разрушения склонов. К сожалению, специально эта основная часть укреплений роменских городищ почти не исследовалась.

Поэтому особое значение приобретают разрезы эскарпированных склонов, произведенные в 1985—1989 гг. на Битицком городище [Сухобоков О. В. 1992. С. 127—133. Рис. 22, 23]. Мыс, на котором расположено городище, был подрезан по всему периметру. При этом на пологих западном, северном и северо-восточном склонах эскарп приобрел вид рва, проходящего на 2—3 м ниже площадки городища. Небольшой вал, расположенный несколько ниже по склону, образовался за счет выброса земли изо рва [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 23].

Несмотря на формальное сходство укреплений периметра Битицкого городища с распространенной системой вал—ров, в данном случае можно говорить о том, что в ее основе лежит совершенно

иной принцип — принцип эскарпа. Главной задачей строителей было увеличить крутизну склона около площадки. Вал играл вспомогательную роль, создавая как бы еще одну линию эскарпа. Вал и ров в традиционном понятии также присутствуют на указанном городище, отделяя его от узкого длинного перешейка, ведущего на плато коренного берега. К сожалению, данных об исследовании этого участка укреплений у автора раскопок не содержится [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 22].

Очевидно, эскарпирование склонов являлось первым этапом в строительстве укреплений. Значение его в роменской фортификации было очень велико. На ранних памятниках этот прием применялся не только для усиления крутизны и без того крутых склонов, но и на участках весьма пологих. Примером тому служит помимо указанного выше Битицкого городища укрепление пологой оконечности мыса городища у с. Опошня. Судя по материалам, приведенным О. В. Сухобоковым, южная и юго-восточная стороны мыса первоначально были укреплены невысоким (1,2—1,5 м) эскарпом [Сухобоков О. В. 1992. С. 134. Рис. 21, 24]. При этом на наиболее пологом юго-восточном участке склона образовалась система, близкая к системе укреплений Битицы. Эскарпирование привело здесь к образованию рва с небольшим валом перед ним. Позже, когда, судя по результатам разреза, этот ров заплыл, перед ним была сооружена дерево-земляная стена, что значительно усилило оборону на этом участке.

Эскарпирование пологих склонов, приводившее к образованию рва, известно и на ряде более поздних памятников (Горки, Журавное). В целом, увеличение крутизны склонов мыса за счет рвов и эскарпов можно считать первым этапом подготовки площадки для возведения крепости. В то же время известен случай, когда эскарп являлся самостоятельным сооружением и имел более сложную конструкцию. Так, в разрезе, образовавшемся в ходе разрушения меловым карьером Горбовского (II Горкинского) городища, были зафиксированы следы внешне незаметного эскарпа [Арх. ИА, р-1: № 72. Л. 23; Григорьев А. В. 1992. С. 40—44]. Как хорошо видно из полевого чертежа и фотографии, верхний участок склона по краю площадки городища, возвышающейся над окружающей местностью на 30 м, был подрезан на высоту более 2 м. Образовавшаяся при этом вертикальная стена была облицована горизонтально уложенными дубовыми бревнами. Таким образом, со стороны склона образовалась своеобразная непробиваемая стена. По своим оборонительным свойствам подобное укрепление ни в коей мере не уступало стене, поставленной по верхнему краю площадки, как это было принято в более позднее время.

Кроме эскарпирования склонов на роменских городищах широко распространены валы и рвы. В отличие от эскарпов этот тип укреп-

лений в той или иной мере исследовался почти на 20 памятниках, т. е. примерно на одной пятой всех известных в настоящее время роменских городищ. В то же время большая часть известных разрезов валов полностью непригодна или пригодна лишь частично для реконструкции этого типа оборонительных сооружений. Подобное положение обусловлено как плохой сохранностью части валов, так и неудовлетворительным уровнем фиксации полученных разрезов.

Так, совершенно невозможно использовать для работы профили, полученные при исследовании валов городища Монастырище [Макаренко Н. Е. 1907. Рис. 28], городища Песочный Ров у с. Пушкари [Арх. ИА, р-1: № 72. Л. 46—61. Рис. 66]. Не вызывают доверия и некоторые более поздние по времени раскопок работы. В ряде случаев не представляется возможным определить дату исследованных укреплений. Так, разрезы валов Большого и Малого Городищ у с. Зеленый Гай не дали сколько-нибудь определенного ответа на вопрос о дате возникновения этих оборонительных сооружений [Сухобоков О. В., Моця О. П. 1987. С. 84—86. Рис. 3, 4]. При исследовании О. В. Сухобоковым укреплений городища у с. Лухтовка было отмечено, что в насыпи вала обнаружены «обгоревшие деревянные конструкции (городни?)» [Сухобоков О. В., Юренко С. П., Моця А. П. 1985. С. 363]. Однако время их возведения также не ясно, в слое городища имеются материалы как роменского, так и древнерусского типов. То же относится и к валу городища Курган у с. Волынцево [Сухобоков О. В. 1983. С. 323]. Возможно, полная публикация материалов указанных памятников позволит снять вопросы их датировки. К сожалению, в настоящее время результаты исследований этих укреплений можно использовать лишь с большой мерой осторожности.

И все же имеющиеся материалы позволяют реконструировать тип роменских укреплений с достаточной степенью достоверности.

Вероятно, исходя из посылки, что «городища роменского типа представляют собой не столько искусственные, сколько естественные укрепления» (Сухобоков О. В. 1975. С. 59), исследователи в течение многих лет связывали валы на роменских городищах с деятельностью населения скифского времени. При этом предполагалось, что северяне лишь досыпали и обновляли эти древние сооружения. Однако отведение ранним линиям валов столь большой роли в роменской фортификации представляется неправомерным. Во-первых, следует помнить, что кроме городищ в скифское время на левобережье Днепра были распространены и неукрепленные селища, также располагавшиеся на мысах коренного берега [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 38, 44]. Поэтому присутствие в культурном слое городища ранних материалов отнюдь не означает, что и валы были возведены в это же время. Так, при исследовании вала Горбовского городища, имевшего значительные отложения юхновской

культуры, выяснилось, что первые укрепления были возведены здесь в X в. [Григорьев А. В. 1984. С. 254]. Не было обнаружено следов скифских укреплений и на Большом Горнальском городище, при том, что слои этого времени там достаточно выразительны [Куза А. В. 1981. С. 28]. Говорить об использовании скифских валов можно лишь в тех случаях, когда это установлено раскопками самих укреплений. Во-вторых, нельзя также упускать из виду, что в конце I тыс. н. э. валы скифского времени не многим отличались по внешнему виду от того, как они выглядят в наши дни. Никаких защитных функций они нести не могли и воспринимались северянским населением прежде всего как составная часть рельефа, пригодная для возведения новых оборонительных сооружений. В точности так же на древних городищах часто возводились укрепления в XVI—XVII вв. и даже в годы второй мировой войны.

Вопрос о том, что же представляли из себя укрепления, дошедшие до нас в виде валов, давно интересуют исследователей. Валы и рвы даже значительных размеров сами по себе не представляют сколько-нибудь серьезной преграды для атакующих. Предположение о том, что они были направлены прежде всего против кавалерии, подобно земляным укреплениям XVII—XVIII вв., не выдерживает никакой критики. Попытка штурма долговременных укреплений верхом уже сама по себе маловероятна, тем более, что перед большинством роменских валов находился значительный и очень плотно застроенный посад.

Неоднократно высказывалось мнение, что основным укреплением городища со стороны поля мог служить не вал, а находящийся перед ним ров [Ляпушкин И. И. 1952 б. С. 12, 13; 1961 а. С. 218; Раппопорт П. А. 1956. С. 66, 67.]. Однако и эта гипотеза для большинства из рассматриваемых нами памятников вряд ли убедительна. Например, на крупном городище у с. Хитцы ров вообще отсутствовал, глубина первоначального рва у с. Горбово не превышала 1,5 м [Григорьев А. В. 1989 а. С. 62—72; 1992. С. 41], не более 1,5 м имел глубину первый ров Большого Горнальского городища [Куза А. В. 1981. С. 37. Рис. 20].

Наиболее распространенной в настоящее время является теория, согласно которой по гребню вала проходил частокол или стена из горизонтально уложенных бревен, закрепленных между столбами. Сам вал насыпался с единственной целью — поднять деревянное сооружение над поверхностью [Сухобоков О. В. 1985. С. 126; 1986. С. 201, 202; Шрамко Б. А. 1962. С. 300]. Но не совсем понятна тогда затрата значительных сил и времени на проведение земляных работ, целью которых будет поднять частокол на столь незначительную высоту, порою всего на 1—1,5 м. Еще более странно выглядят

случаи насыпки незначительного по высоте вала по краю крутого да к тому же эскарпированного склона.

При исследовании целого ряда укреплений внутри валов были зафиксированы следы деревянных сооружений. Они могут быть разделены на два основных типа. К первому относятся стены, сооруженные в виде двух параллельных рядов вертикально установленных столбов, пространство между которыми забутовано землей. Подобные конструкции хорошо известны, в т. ч. и на ранних памятниках. Таковы стена на юго-восточном склоне Опошнянского городища [Сухобоков О. В. 1992. С. 134—137. Рис. 24], ранние укрепления Донецкого городища [Шрамко Б. А. 1962. С. 300], городища Битица II [Сухобоков О. В. 1992. С. 134], г. Путивля [Сухобоков О. В. 1980. С. 342; 1991. С. 70] и, возможно, некоторых других. Вероятно, именно такой способ возведения стен был описан арабским автором X в. По его словам, славяне «выкапывают вокруг этого места ров, а выкопанную землю сваливают в вал, укрепляя его досками и сваями, пока стена не дойдет до желаемой высоты» [Куник А. А., Розен В. Р. 1878. С. 48].

Тип второй представлен стенами, составленными из рядов срубов, также забутованных землей. Этот тип столь же широко распространен на роменских городищах, таких, как Горбово на р. Десне [Григорьев А. В. 1992. С. 40—44], Большое Горнальское в верхнем течении р. Псел [Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф. 1972. С. 96], у с. Хитцы в Посулье [Григорьев А. В. 1989 а. С. 69—72].

В литературе неоднократно высказывалось предположение о том, что деревянные сооружения служили для придания прочности валу [Москаленко А. Н. 1981. С. 71—75]. При этом остается совершенно непонятным, во-первых, зачем нужны подобные конструкции в валах малой высоты, которые и так достаточно устойчивы. И, во-вторых, какой смысл был засыпать снаружи поставленные и забутованные изнутри дерево-земляные стены. Внешняя засыпка клетей, требующая с одной стороны дополнительных затрат труда, а с другой — резко снижающая оборонительный эффект, — прямо противоречит здравому смыслу. Гораздо логичнее предположить, что дерево-земляные стены, поставленные непосредственно на дневную поверхность или на вал, образовавшийся в предшествующее время, не имели никакой внешней засыпки. Валы же, которые мы привыкли видеть, образовались в результате разрушения верхних частей этих стен. Картину, аналогичную предложенной, мы наблюдаем на синхронных памятниках салтово-маяцкой культуры. Там современные валы образовались в результате разрушения стен схожей конструкции, но сооруженных из известняковых плит [Афанасьев Г. Е. 1984].

Как уже отмечалось ранее, на поселении у с. Хитцы стена, составленная из срубов, была единственным укреплением со стороны

плато (рис. 22). Скорее всего, это объясняется непродолжительностью существования крепости. На большинстве же изученных памятников прослеживаются два и более этапов совершенствования укреплений с наиболее уязвимой napольной стороны. Так, на поселении у с. Горбово (рис. 23) первоначально под основание стены была сделана своеобразная материковая площадка шириной 7,5–8,0 м. С napольной стороны эта площадка ограничивалась неглубоким, до 1,5 м, и, вероятно, нешироким рвом. Со стороны городища, очевидно для выравнивания его площадки, была сделана мощная подчистка, в результате которой основание укреплений оказалось на 2 м выше уровня площадки городища (рис. 24). Стена занимала северо-восточную часть образовавшейся материковой площадки, ближе к napольной стороне, менее чем в 1 м от края рва. Таким образом, со стороны городища вдоль стены проходила свободная полоса шириной до 3 м. В основании укрепления находилась тонкая, до 0,15 м, подушка, сложенная из плотного материкового суглинка.

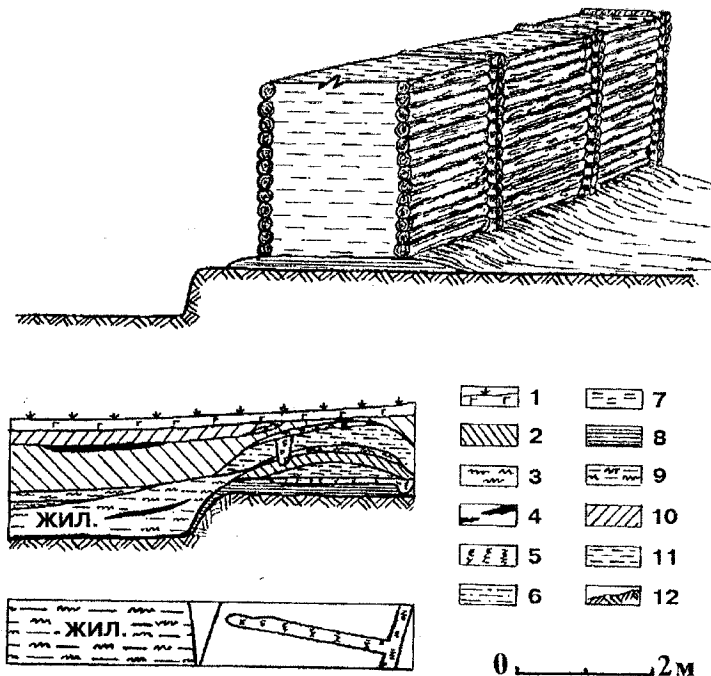

Рис. 22. Разрез вала и реконструкция укреплений городища у с. Хитцы:

1 — дерн; 2 — серый гумусированный суглинок; 3 — зола; 4 — уголь; 5 — древесный тлен; 6 — коричнево-серый суглинок; 7 — обожженная глина; 8 — белая глина; 9 — гумусированный суглинок с золой; 10 — серо-коричневый гумусированный суглинок; 11 — желтый суглинок; 12 — материк

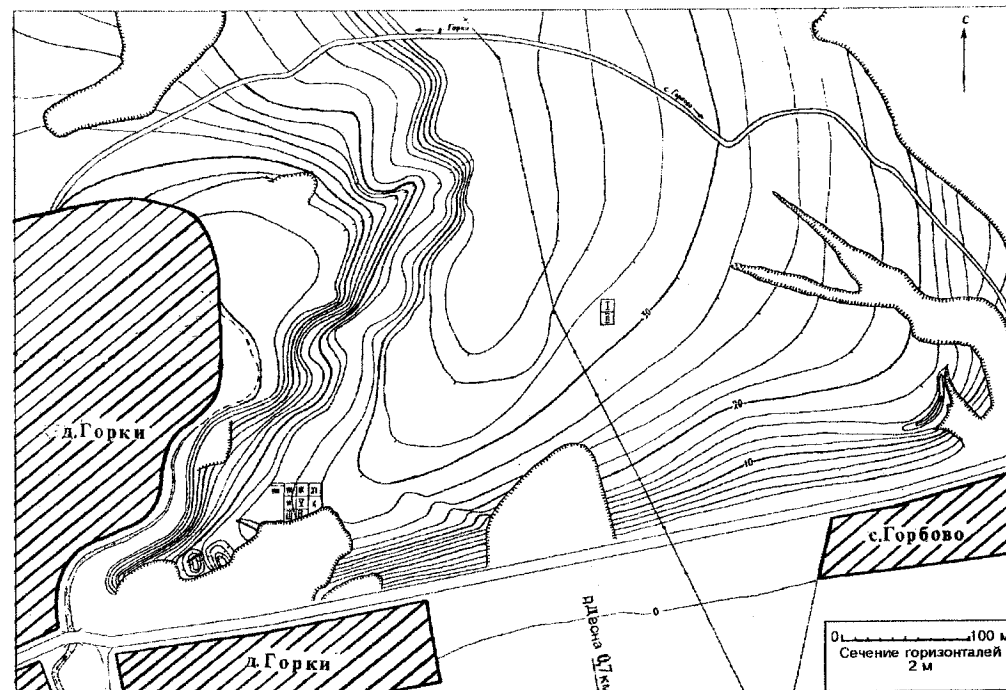

Рис. 23. Поселение у с. Горбово. План

Этот слой суглинка был преднамеренно обожжен, о чем говорит тонкая золистая прослойка, в составе которой хорошо видны следы хвороста. На эту подушку были уложены параллельно рву на расстоянии 1,75–1,8 м друг от друга толстые, диаметром 0,3 м, бревна (рис. 24).

Пространство между этими бревнами и вне их с одной стороны до края рва, а с другой — на 1 м от внутренней линии бревен, было еще раз забутовано материковым суглинком. На столь мощный фундамент и были поставлены деревянные клетки. Ширина последних также колеблется в пределах 1,7–1,8 м, а длина не определена, поскольку разрез производился траншеей шириной 2 м. Клетки были забутованы переотложенным материковым суглинком, меловой щебенкой и культурным слоем. Сохранилась эта первоначальная стена на высоту не многим более 2 м. Какова была высота этой стены в действительности, установить при сегодняшнем уровне исследований не представляется возможным.

По прошествии некоторого времени, вероятно в кон. X в. (первоначально стена была сооружена приблизительно во 2-й—3-й четв.

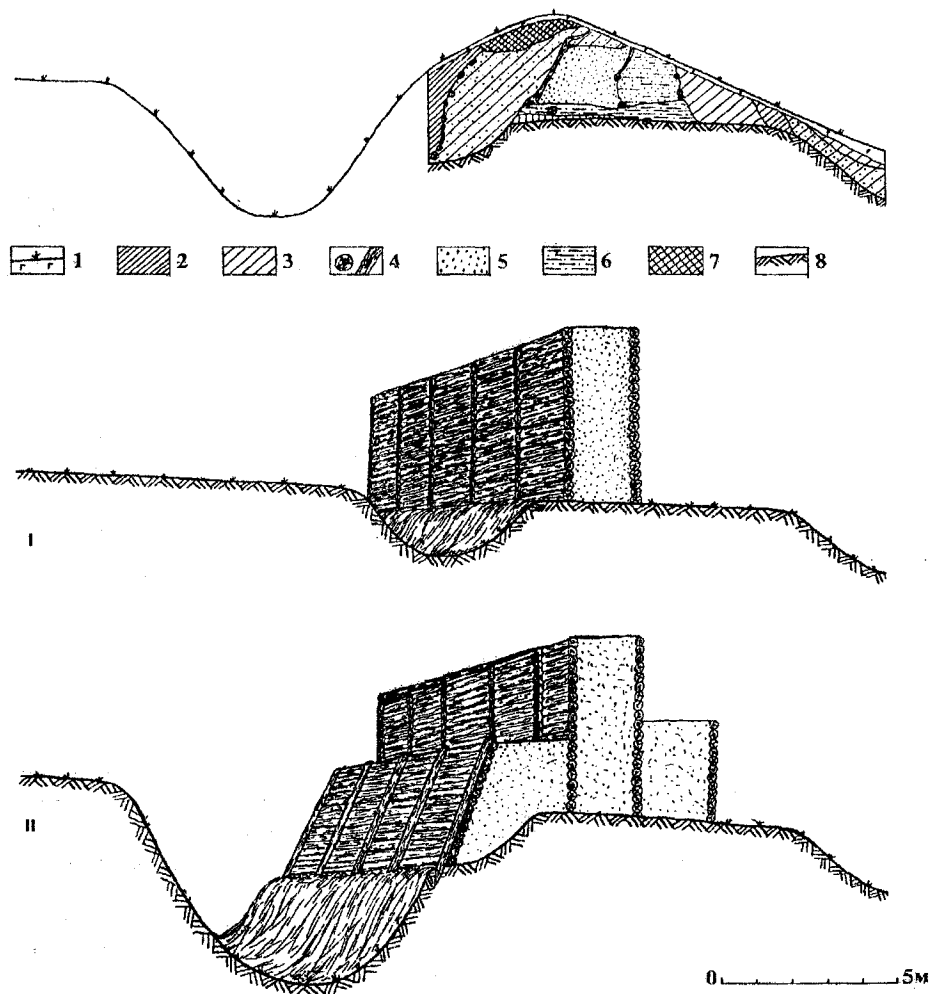

Рис. 24. Поселение у с. Горбово. Разрез и реконструкция напольных укреплений:
I — первый этап; II — второй этап

1 — дерн; 2 — темно-серый гумусированный суглинок; 3 — серый гумусированный суглинок; 4 — древесный тлен; 5 — известняк; 6 — желтый суглинок; 7 — перекоп; 8 — материк

Х в.), укрепления Горбовского городища были усилены. Это выразилось в том, что стена была значительно расширена в обе стороны. Со стороны городища на месте свободной площадки был поставлен еще один ряд деревянных клетей, заполненных землей (рис. 24). Сохранность этих сооружений много хуже, чем центральной стены.

Можно лишь отметить, что ширина этих клетей была примерно такая же, как и центральных, но что, в отличие от последних, новые клетки были поставлены непосредственно на дневную поверхность без какого-либо фундамента. Можно предположить, что и высота их была несколько ниже центральных.

Укрепления были значительно расширены и в сторону рва. При этом старый ров засыпали и вместо него вырыли гораздо более мощный — глубиной до 5 м при ширине 8–9 м. В заполнении части укреплений, опущенных в первоначальный ров, следов срубов выявлено не было. Чисто конструктивно поставить клетки на крутом склоне рва было затруднительно. В то же время по всему откосу этой части укрепления прослеживались горизонтально уложенные бревна. Вероятно, они крепились не путем связки в сруб, а вертикально стоящими столбами, аналогично облицовке эскарпов на склонах того же городища. Высота такой облицовки, при учете того, что внутри она была заполнена насыпным грунтом, а не была монолитной, как в случае эскарпирования склона, не могла быть большой. Скорее всего, она не превышала 3 м, и в профиле разреза вала мы наблюдаем ее практически целиком. Таким образом, в ходе достройки не только вдвое увеличилась толщина нижней части стены, но еще был возведен своеобразный псевдоэскарп, значительно затруднявший доступ к самой стене (рис. 24).

Возведение перед стеной псевдоэскарпа не является исключительной чертой Горбовского городища. Такую же облицовку засыпки части первоначального рва горизонтально уложенными бревнами мы наблюдаем, например, на Донецком городище [Сухобоков О. В. 1975. С. 35]. Наиболее показательным в силу своей уникальной сохранности являются укрепления городища Титчиха на Дону. Общая культурная близость славян Подонья и левобережья Днепра позволяет обращаться к этому памятнику в качестве аналога. Не только на Титчихе, но и на других памятниках этого региона основу укреплений составляли стены, составленные из срубов [Москаленко А. Н. 1981. С. 62–66]. Перед внутренней стеной Титчихинского городища был обнаружен хорошо сохранившийся частокол, стоявший своим основанием в засыпке раннего рва [Москаленко А. Н. 1965. С. 129–137]. Реконструкция этих укреплений, предложенная А. Н. Москаленко и П. А. Раппопортом, требует некоторой корректировки [Москаленко А. Н. 1965. С. 135. Рис. 49]. Прежде всего, вызывает возражение вертикальное расположение частокола. При таком положении в ходе разрушения конструкции он неминуемо отклонился бы наружу. Однако, судя по фотографиям, остатки бревен имели небольшой наклон внутрь [Москаленко А. Н. 1965. С. 132, 133. Рис. 47, 48]. Не имела также смысла столь мощная внешняя засыпка как частокола, так и самой стены (рис. 25).

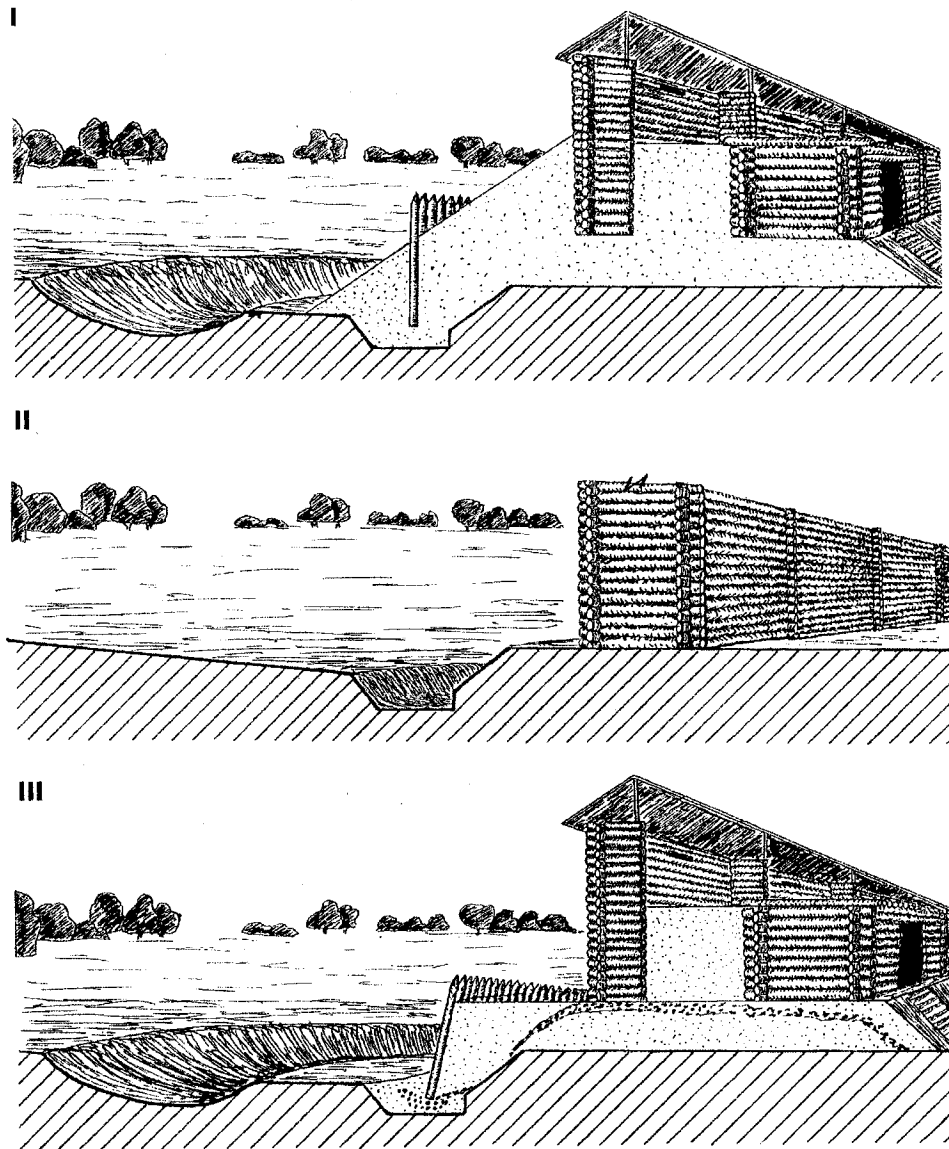

Рис. 25. Реконструкции укреплений на внутреннем валу городища Титчиха:

I — вариант А. Н. Москаленко, П. А. Раппопорта; II, III — варианты А. В. Григорьева (II — первый этап, III — второй этап)

В целом система укреплений городища Титчиха аналогична описанному выше. Применение в качестве облицовки псевдоэскарпа не горизонтально уложенных бревен, а частокола характерно также и для укреплений Большого Горнальского городища [Куза А. В. 1981. С. 37. Рис. 20]. Интересно, что его укрепления с напольной стороны достраивались, как минимум, три раза, а ров при этом каждый раз отодвигался от стены и углублялся. В результате перед стеной образовались три ряда эскарпов, из которых высота ближнего к стене была ок. 3 м, а двух других, вероятно, несколько более 2 м (рис. 26).

Как видно из сказанного выше, первоначальная схема укреплений роменских городищ включала в себя эскарпирование склонов и установку стен с напольной стороны. Дальнейшее развитие схемы шло, очевидно, по линии унификации укреплений по всему периметру городища. С этой целью по мере углубления рва создавались псевдоэскарпы перед стеной с напольной стороны, с той же целью возводились стены со стороны склонов. К сожалению, слабо заметные на поверхности или вовсе невидимые валы вдоль края городища мало исследовались раскопками.

Наличие таких укреплений зафиксировано на целом ряде городищ. Небольшие исследования валов на Большом Горнальском, Медвежьем городищах, а также на городище Малый Балкан у с. Ницахи подтверждают наличие дерево-земляных сооружений, возведенных по периметру этих крепостей в период существования роменской культуры [Куза А. В. 1981. Рис. 12; Моргунов Ю. Ю. 1983. С. 76—79; Сухобоков О. В. 1992. С. 160, 161. Рис. 29]. Вероятно, конструктивно стены, поставленные по краю городища, были близки укреплениям напольной части. Судя по незначительным размерам валов, расположенных по периметру, стены со стороны склонов были менее мощными, чем со стороны посада.

Кроме основных приемов укреплений, рассмотренных выше, применялся, вероятно, и частокол. Однако, судя по имеющимся на сегодняшний день данным, роль его была не столь значительна. Достоверных случаев, когда частокол являлся бы основой укрепления, пока нет.

Важным представляется вопрос об использовании камня в роменской фортификации. Впервые о его достаточно широком применении высказался О. В. Сухобоков [Сухобоков О. В. 1975. С. 64]. В качестве наиболее ярких примеров каменных крепостей им приводятся два городища: у с. Коробовы Хутора и у с. Мохнач [Сухобоков О. В. 1992. С. 138, 139]. Материалы этих городищ весьма неоднозначны. Б. А. Шрамко относил их к числу славянских памятников [Шрамко Б. А. 1958. С. 41; 1962. С. 296]. С. А. Плетнева, напротив, считала городища принадлежащими носителям салтово-маяцкой культуры

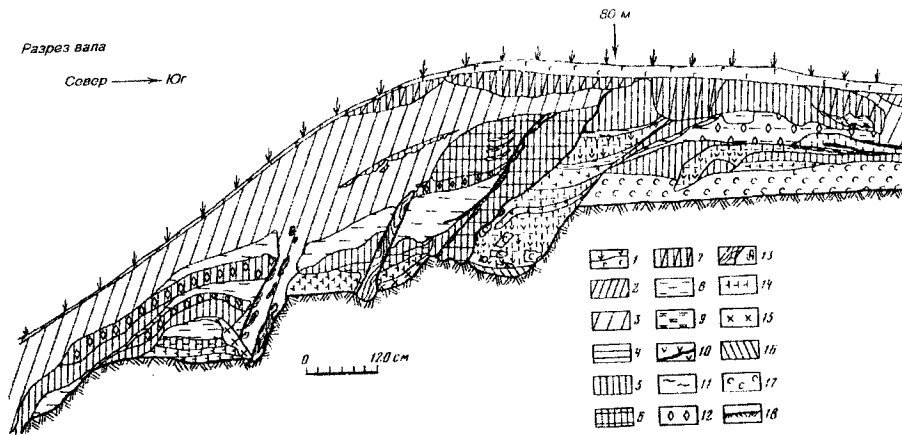
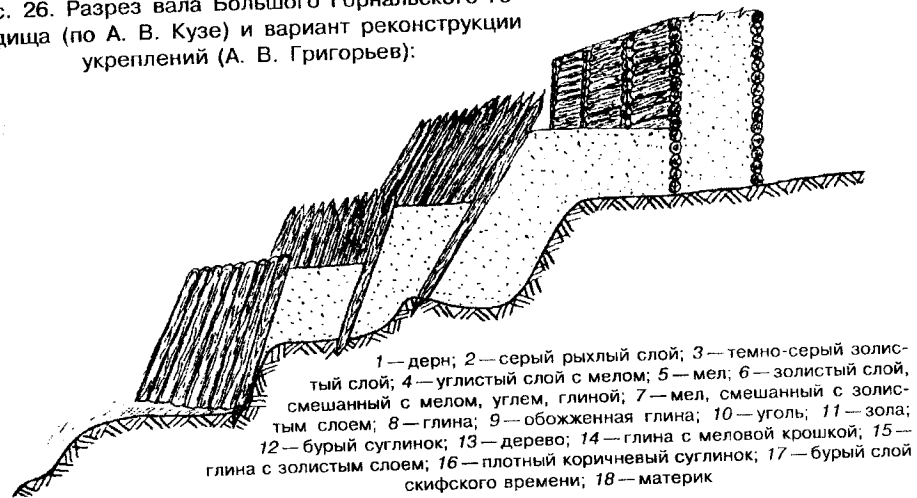

Рис. 26. Разрез вала Большого Горнальского городища (по А. В. Кузе) и вариант реконструкции укреплений (А. В. Григорьев):

[Плетнева С. А. 1967. С. 27]. Наличие на этих поселениях как славянских, так и салтовских материалов скорее всего указывает на смешанный характер их населения. Подобная полиэтничность населения весьма характерна для памятников салтово-маяцкой культуры. Достаточно вспомнить материалы такого городища, как Саркел. На роменской территории такого смешения не наблюдалось за исключением раннего волынцевского периода. Пограничное положение обоих рассматриваемых городищ также указывает на несомненное присутствие в том или ином соотношении салтовского элемента среди населения. Поэтому неудивительно, что укрепления этих городищ,

состоявшие из идущих по периметру каменных стен, как по планировке, так и по конструкции совершенно идентичны другим памятникам салтовского круга [Шрамко Б. А. 1962. С. 297. Рис. 115 б; Плетнева С. А. 1967. С. 25—35]. Вычленение их из числа хазарских крепостей и включение в группу роменских укреплений представляется неправомерным.

Постановка рассмотренных выше памятников, в частности городища Коробовы Хутора, в один ряд с действительно роменскими городищами, такими, как Каменное, на наш взгляд, некорректна [Сухобоков О. В. 1992. С. 138]. Если на Коробовском городище зафиксированы сохранившиеся на 1,5 м каменные стены, состоящие из двух панцирей, сложенных из песчаника и забутованных, то на Каменном, Ницах и городище Курган у с. Волынцево речь идет о каменных вымостках по внутреннему склону вала.

Что представляли из себя эти каменные вымостки, не совсем ясно. Результаты раскопок вала городища Курган у с. Волынцево, к сожалению, еще не опубликованы. В описании разрезов на городище Ницаха указано, что «з внутреннего боку вала простежено залишки кам'яних конструкцій довжиною близько 4 м в бік городища» [Сухобоков О. В. 1992. С. 155, 156. Рис. 28]. Однако на приведенном здесь же профиле эти вымостки никак не отражены. Скопления камней, отмеченные на профиле вала, шедшего по периметру того же городища, крайне невыразительны и, вероятно, относятся к самой насыпи [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 29]. Наиболее четко каменная вымостка читается в разрезе вала городища у с. Каменное. Судя по приведенному в публикации профилю, эти вымостки залегали непосредственно на материке, примерно в 3 м от внутреннего края подошвы вала [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 31]. Совершенно очевидно, что в данном случае никакой фортификационной нагрузки эти скопления камня не несли. Не могли они также служить и в целях укрепления валов от оползания. Цель, с которой создавались подобные вымостки, еще предстоит выяснить. В настоящее время очевидно лишь то, что их роль в фортификационных сооружениях никак не сопоставима с каменными стенами Коробовского городища и других крепостей салтовского типа.

Несмотря на недостаточную степень изученности роменской фортификации, уже сегодня можно выявить наиболее характерные ее черты и тенденции в развитии. Прежде всего следует отметить, что при устройстве городищ северяне максимально использовали особенности рельефа, в т. ч. и остатки укреплений ранней поры. В то же время это были достаточно сложные искусственные сооружения. На первом этапе укрепления площадки, как правило, эскарпировались склоны и возводилась дерево-земляная стена со стороны плата. В ходе развития укрепление приобретало унифицированную сис-

тему защиты со всех сторон. Небольшая стена ставилась по всему периметру площадки, а со стороны поля перед стеной создавался один или несколько псевдоэскарпов. Кроме того, могли возводиться дополнительные линии стен как со стороны поля, так и на участках пологих склонов.

Судя по имеющимся материалам, сложность укреплений не зависела от датировки памятника. Так, на Большом Горнальском городище унифицированная система укреплений, включающая стену по периметру площадки и псевдоэскарп со стороны рва, сложилась уже в IX в. В то же время городище у с. Хитцы, возникшее не ранее X в., имеет неразвитую систему укреплений, представленную лишь стеной с напольной стороны и эскарпом со стороны склонов. Следует отметить, что указанное городище у с. Хитцы имеет укрепленную площадь 1,9 га и относится к категории крупных укреплений, а хорошо защищенные городища у с. Горналь и Горбово можно отнести к группе средних и малых. Вероятно, система укреплений не зависит и от размеров памятника. Единственное, что влияло на сложность фортификационных сооружений, так это продолжительность активного функционирования того или иного памятника.

Весьма развитые навыки носителей роменской культуры в строительстве укреплений делают актуальным вопрос об аналогиях этим сооружениям. Сторонники автохтонности северян, предполагая постепенность развития всех элементов культуры, тем самым предполагают постепенное сложение городищ в пределах Днепровского Левобережья как нового типа поселений, обусловленного изменениями в социальном и политическом облике общества [Сухобоков О. В. 1975. С. 142]. Такая точка зрения могла бы быть принята как одна из возможных при условии справедливости тезиса о том, что роменские городища были укреплены прежде всего самой природой и не имели сложных фортификационных сооружений. Однако, как видно из всего вышесказанного, городища северян хотя и включали в систему обороны естественные преграды, все же были сложными искусственными сооружениями.

Различные приемы строительства укреплений, широко применявшиеся роменцами, не могли возникнуть на пустом месте — они явились продолжением достаточно сформировавшейся традиции. Чтобы говорить об их происхождении, необходимо наличие близких по сути, но более примитивных укреплений предшествующего времени. Как известно, в 3-й четв. I тыс. н. э. на территории роменской культуры таких памятников нет [Сухобоков О. В. 1975. С. 23, 24]. Против автохтонного возникновения городищ говорит и тот факт, что первые городища, такие, как Битицкое, возникают на высоких береговых террасах в то время, когда эти участки ландшафта еще не были хозяйственно освоены северянами. Таким образом, можно го-

ворить о том, что городища 2-й пол. VIII — нач. IX в. отличались от более ранних поселений не только сложной системой фортификации, но и иными условиями расположения на местности. Имеются все основания предполагать, что городища были привнесены на левобережье Днепра извне.

Из автохтонного населения, предшествовавшего северянам, городища были известны носителям колочинской культуры. Однако городища с колочинскими материалами, во-первых, в массе своей расположены на территориях к северу от рассматриваемого региона [Горюнов Е. А. 1981. С. 11], во-вторых, они значительно отличаются от роменских как по внешним признакам, наличию нескольких линий валов и рвов, кольцевой системе укреплений, так и по конструкции самих фортификационных сооружений [Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. 1963].

Много ближе к роменским укрепления салтово-маяцких городищ лесостепной зоны [Плетнева С. А. 1967. С. 25—35]. Так же, как и роменские, они в большинстве своем сооружались на мысах коренного берега, часто используя остатки укреплений скифской поры, эскарпировали склоны, использовали рвы. Близок и принцип сооружения оборонительной стены. Основное отличие стен салтовских укреплений состояло в том, что для сооружения панциря в основном применялся камень, уложенный насухо [Плетнева С. А. 1989. С. 14—19]. В ряде случаев для укрепления сердцевины таких стен применялись и деревянные конструкции [Афанасьев Г. Е. 1984. С. 36. Рис. 13; Плетнева С. А. 1989. С. 18. Рис. 4, 5]. Если принять во внимание различия в природных условиях, то замена каменного панциря на деревянный (из двух рядов частокола, а позже на ряд забутованных срубов) представляется более чем вероятной.

Кроме отмеченного сходства в топографии и конструкциях укреплений, в пользу значительного салтовского влияния говорит и то, что наиболее раннее из известных городищ — Битицкое, обладающее сложной системой фортификации, содержало в большом количестве материалы волынцевского типа, несомненно родственные салтовским. Вероятно, сложение местной традиции фортификации можно связать с сильным влиянием носителей волынцевского пласта древностей.

Несомненно, даже в значительной степени привнесенная извне традиция могла столь быстро прижиться в северянской среде лишь при наличии определенных навыков строительства укреплений у местного славянского населения. Славянские городища предшествующей поры, VI—VIII вв., в небольшом количестве известны на территориях, лежащих к западу от Днепра [Аулих В. В. 1961. С. 128—138; Кухаренко Ю. В. 1957. С. 90—97; 1961. С. 29, 30]. Судя по имеющимся весьма неполным данным, укрепления их были несколько примитивней роменских. Однако определенные традиции в возведе-

нии укреплений у славян к моменту возникновения роменской культуры уже сложились.

Вероятно, в процессе взаимодействия двух традиций, славянской и салтовской, сложилась система фортификации северян. Характерными чертами ее являлось большое значение дерево-земляных стен при второстепенности рва, а также важная роль, отводившаяся эскарпам со стороны склонов и псевдоэскарпам со стороны поля. Последняя особенность, равно как и использование на ряде памятников частоколов в качестве «панциря» стены, несколько отличают роменские городища от синхронных и более поздних древнерусских.

Одним из важных вопросов при характеристике поселений роменской культуры был и остается вопрос об их внутренней планировке. Уже после первых раскопок, проведенных на значительной площади, И. И. Ляпушкин попытался найти хоть какие-нибудь закономерности в расположении жилищ, однако единственное, что он смог отметить, так это скученность построек [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 234, 235]. Полная хаотичность в расположении жилищ отмечалась авторами и позднейших раскопок [Сухобоков О. В. 1985. С. 126]. Единственный случай, когда удалось проследить планировку, подобную уличной, был отмечен Б. А. Шрамко в материалах Донецкого городища [Шрамко Б. А. 1970. С. 105].

Тщетность поисков системы в планировке поселений, на наш взгляд, объясняется прежде всего тем, что большинство изученных памятников не были единовременными. Отсутствие внутренней периодизации приводило к тому, что исследователи пытались найти систему в расположении жилищ, которые никогда не существовали одновременно. Очевидно, что все эти попытки были обречены на неудачу. Вероятно, именно по этой причине и возникло неверное, но интересное наблюдение, касающееся кучности расположения построек. Еще И. И. Ляпушкин обратил внимание на то, что стены многих из построек соприкасались, что при любой принятой реконструкции практически невозможно.

Одновременно с первыми попытками хронологически расчленив материалы некоторых памятников были сделаны и наблюдения за изменением их планировки во времени. Так, в ходе изучения Большого Горнальского городища было выдвинуто предположение о том, что ранние постройки (слои III и IV) располагались вдоль стоявших по периметру стен городища, а поздние (слои I и II) занимали в основном центральную часть площадки [Куза А. В. 1981. С. 27, 28. Рис. 12]. Эта гипотеза вызывает ряд серьезных возражений. Во-первых, постройки вдоль стен существуют и на самом позднем этапе функционирования городища, о чем говорят погибшие в пожаре кон. X в. жилища 16, 22 и др. [Куза А. В. 1981. Рис. 12]. Во-вторых, время жизни расположенной в центре площадки постройки 2 не

может быть определено с уверенностью, так как слой в этой части городища минимален и здесь не сохранились ранние слои IV и III. В-третьих, следует помнить, что и внутри «раннего» и «позднего» периодов жилища не были одновременны, о чем однозначно говорят данные стратиграфии.

В отношении построек Новотроицкого городища Г. В. Борисевичем и А. А. Узяновым было выдвинуто предположение о связи планировки поселения с рельефом местности [Борисевич Г. В., Узянов А. А. 1987. С. 60, 61]. К сожалению, и эта версия не может быть принята безоговорочно. Поскольку, как уже отмечалось ранее, периодизация этого памятника недостаточно убедительна, выводы, построенные на ее основе, во многом сомнительны.

При рассмотрении планов раскопа на поселении у с. Горбово по разным хронологическим периодам непосредственной связи в расположении построек также не наблюдается.

Таким образом, в ходе рассмотрения памятников, обладающих той или иной внутренней хронологией, выясняется, что, во-первых, никакой видимой системы во взаимном расположении синхронных жилищ нет; во-вторых, выявляется несостоятельность тезиса о кучности расположения построек. Как видно по материалам приведенных выше памятников, существовавшие одновременно постройки находились на значительном удалении друг от друга.

Эти наблюдения наводят на мысль о том, что ошибочен сам поиск закономерностей во взаимном расположении собственно жилищ. В качестве иллюстрации этого положения обратимся к материалам поселения у с. Горбово. При описании построения периодизации этого памятника указывалось, что на исследованной площади выделялось несколько групп разновременных построек, территориально и стратиграфически связанных между собой. Наиболее представительная из них, охватывающая весь период существования поселения, включала в себя жилища 10, 7, 5 и 4 (рис. 27). Вслед за разрушением наиболее раннего жилища 10 котлован нового жилища 7 сооружается в одном метре к северу от забутованного котлована ранней постройки. Следующее жилище 5 строится несколько отступая от жилища 7, но при этом оно почти полностью перекрывает жилище 10. Последнее в этой группе жилище 4 почти соприкасается углами с жилищем 5, но не перекрывает его. В этой группе разновременных жилищ отчетливо видна следующая закономерность. Каждое последующее жилище не перекрывает предыдущее, но строится в непосредственной близости от него, причем может перекрыть постройку, значительно отстоящую во времени. Стремление не перекрывать котлован только что заброшенной постройки легко объяснимо соображениями конструктивными (в свежем забутованном котловане мягкий сыпучий грунт, скапливается вода,

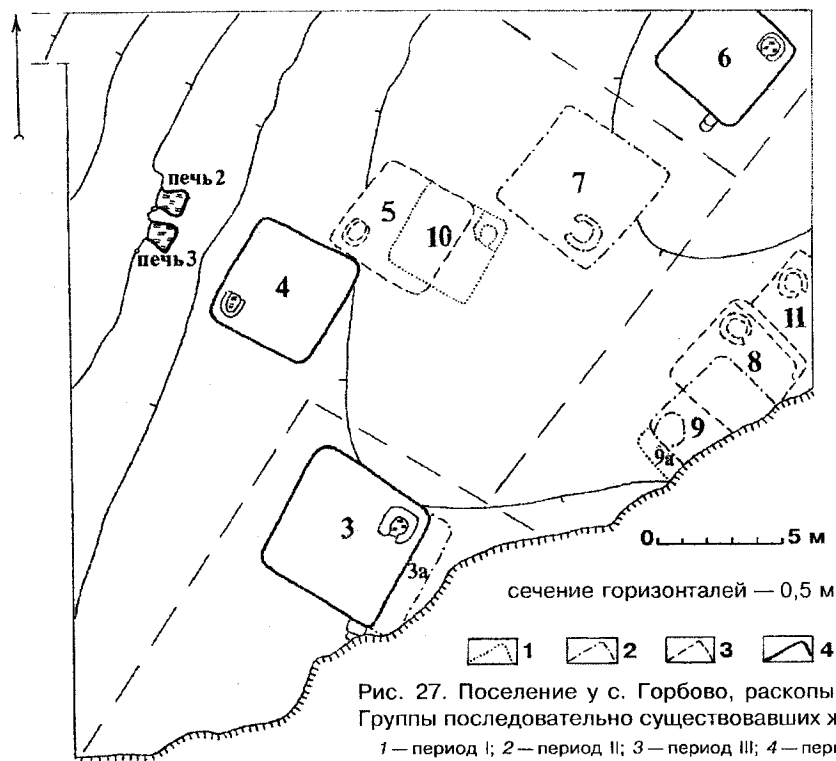

Рис. 27. Поселение у с. Горбово, раскопы III—XI. Группы последовательно существовавших жилищ: 1 — период I; 2 — период II; 3 — период III; 4 — период IV

происходит постепенная осадка насыпной земли и т. д.) и санитарными (наличие в засыпке бытовых отходов, гниение дерева и т. п.). Постройка же нового котлована в непосредственной близости от старого может быть объяснена лишь ограниченностью территории, на которой может быть осуществлено строительство. Именно такая ограниченность выбора, вероятно, заставляла ставить новый дом на месте еще не забытой постройки, заброшенной в предшествующий период. Ярким подтверждением этому предположению служит взаиморасположение построек другой группы, находившейся на краю поселения и в значительной мере уничтоженной карьером (рис. 27). На смену жилищу 9 (1-я пол. X в.) приходит расположенное менее чем в 2 м жилище 11. Эта постройка, судя по материалу, просуществовала недолго и вскоре была разрушена. Выбор места для нового жилища 8 был, видимо, настолько ограничен, что его котлован пришлось частично опустить в еще не сформировавшееся заполнение жилища 11. Чтобы избежать негативных последствий этого, вдоль всей северо-восточной стены котлована была сооружена сте-

на, аналогии которой в материалах роменской культуры нам не известны (рис. 9). Эта стена толщиной 0,3 м и высотой на всю глубину котлована была сложена из тяжелого материкового суглинка и известняковой щебенки и обожжена. Очевидно, что такое усложнение конструкции жилища могло быть только вынужденным.

Говоря об ограниченности в выборе места для строительства дома, следует вспомнить, что жилища одного периода располагаются на площади поселения относительно свободно. Т. е. логично предположить, что хозяин того или иного жилища был волен распоряжаться лишь каким-то вполне определенным участком территории поселения. Вероятно, в описанном случае мы имеем дело с усадебным типом застройки. Именно наличие усадеб может объяснить отмеченные закономерности в расположении жилищ.

Существование «дворов», разделенных деревянными и каменными оградами, было отмечено А. А. Узяновым при раскопках II Переверзевского городища на р. Тускарь [Узянов А. А. 1981. С. 86; 1983. С. 93].

Несомненно, что на современном уровне исследований наличие усадеб на поселениях роменской культуры может рассматриваться на уровне гипотезы. Для подтверждения или опровержения ее необходимы новые широкие раскопки с учетом данных стратиграфии. Но уже сейчас такую возможность нельзя сбрасывать со счетов. В частности, предполагая наличие усадеб, можно совершенно по-иному взглянуть на закономерности в планировке городищ и селищ. При таком подходе единицей, определяющей уличную или иную планировку поселения, будет не отдельно стоящий дом, а весь комплекс застройки усадьбы.

Жилища, несомненно, являются одной из самых ярких и хорошо изученных черт материальной культуры летописных северян. Впервые они были весьма полно охарактеризованы еще Н. Е. Макаренко [Макаренко Н. Е. 1907. С. 55—68; 1925 а. С. 9—14]. Возникшие в довоенный период разногласия по вопросу о типе этих построек были полностью разрешены И. И. Ляпушкиным [Ляпушкин И. И. 1957. С. 3—13]. Им же было предложено определение роменского жилища как полуземлянки с печью, вырезанной в материковом останце, и сделана попытка его реконструкции [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 193—207; 1961 а. С. 225—232].

Характеристика жилой постройки, выдвинутая И. И. Ляпушкиным, была принята большинством исследователей, так или иначе касавшихся этой проблемы [Сухобоков О. В. 1975. С. 66—70; 1985. С. 126, 127; Седов В. В. 1982. С. 133—136]. Некоторое разногласие вызвала лишь реконструкция части построек [Раппопорт П. А. 1975. С. 121, 132, 133]. Интересной особенностью изучения роменского домостроительства явился тот факт, что целый ряд авторов выска-

звался за стабильность типа жилища на всем протяжении существования культуры [Сухобоков О. В. 1975. С. 66, 70]. При этом традиционно рассматривались в качестве основы только постройки, датировка которых не выходит за рамки 2-й пол. VIII—IX вв., т. е. такие памятники, как Новотроицкое, Волынцево, Опошня, Сосница и т. п. [Юренко С. П. 1984. С. 34—45]. При характеристике памятников X в., в т. ч. и такого эталонного, как городище Монастырище у г. Ромны, указывалось, что имеющиеся там отличия, прежде всего в конструкции печей, не характерны для роменской культуры и так или иначе связаны с культурой Древней Руси [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 230; Раппопорт П. А. 1975. С. 147]. Такой искусственный отбор построек тем более непонятен, что подавляющее большинство известных на сегодня памятников роменской культуры датируется именно X—нач. XI в.

В главе, посвященной основам хронологии, мы уже достаточно подробно останавливались на описании основных типов печей и их изменении во времени. Открытым остался вопрос, с чем был связан переход от останцовых печей к глинобитным, произошедший примерно одновременно по всей территории Северной земли. Появление печей II типа было бы заманчиво связать, как это и делали многие авторы [Сухобоков О. В. 1975. С. 70], с усилением влияния Древней Руси. Однако обращает на себя внимание несовпадение на целом ряде памятников времени появления новых типов печей и времени роста древнерусского влияния на других категориях материала. Наиболее показательными в этом отношении являются уже рассматривавшиеся поселения, в жилищах которых представлены оба типа печей. Так, если на поселении у с. Горбово печи типа II появляются одновременно с древнерусской керамикой, то на Большом Горнальском городище и в г. Полтаве такие печи возникают до появления древнерусских материалов. Подобное несовпадение уже само по себе делает сомнительным наличие связи между этими двумя событиями: изменением типа печей и появлением древнерусских материалов. Это наблюдение можно дополнить еще и тем, что конструкция печи была глубоко традиционна у северян. Даже на памятниках, где характер материка не позволял сделать останец для печи, его делали искусственно, сбивая из принесенной со стороны глины [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 242—250; 1955. С. 54, 55; 1967. С. 166—169]. Отказ от такой прочной традиции, причем отказ очень быстрый, не мог быть вызван ни влиянием моды, ни изменениями в политической ситуации. Такое явление могло быть вызвано значительным изменением в составе населения, однако ничего подобного в это время, судя по всем остальным характеристикам культуры, не происходит.

Таким образом, наиболее вероятно, что новый тип печей появился в результате развития местного типа I. Первые элементы в кон-

струировании печи, не связанной с останцом, можно видеть в печах, вырезанных в искусственных останцах (тип I, вид 3), а также в сводах печей, сложенных из глиняных вальков. Длительное использование этих приемов подготовило почву для создания нового типа печи, необходимость появления которой, вероятно, была продиктована изменениями в конструкции самих зданий. Активное использование материка для конструирования основания и нижней части печи (тип II, виды 2 и 3) вплоть до нач. XI в. говорит о прочности местных традиций. Принципиальные изменения, произошедшие на рубеже IX—X вв., могут указывать не на смену традиций, а на значительный качественный скачок в ее развитии.

Изменения типов отопительных сооружений не были единственными в ходе развития навыков домостроительства летописных северян. В настоящее время возможно проследить лишь отдельные из них. Это связано как со степенью сохранности большинства жилищ, так и с уровнем их исследованности. На сегодняшний день в различной степени введено в научный оборот не многим более 150 жилищ, что составляет примерно половину от изученных раскопками. Но и из этого количества построек далеко не все пригодны для обработки. Так, многие из них были сильно разрушены или не полностью вскрыты. В ряде случаев уровень публикации не позволяет судить о многих весьма важных деталях конструкции (Шестовица, Басовка, Сосница, Вщиж) [Бліфельд Д. І. 1952. С. 126, 127; Іллінська В. А. 1952. С. 36; Березовець Д. Т. 1955. С. 54—56; Рыбаков Б. А. 1951 а; 1951 б]. Сильно ограничивает возможности изучения и уровень полевых исследований и фиксации. В изучаемой зоне от жилищ, как правило, сохраняются лишь их нижние, углубленные в землю части. В подавляющем большинстве случаев исследователи фиксируют котлован с уровня материка. Если это естественно и неизбежно при полном или почти полном отсутствии культурного слоя, то в случаях, когда культурный слой имеется, подобный подход просто не допустим. Но поскольку в основном фиксация производится именно таким способом, то сравнение жилищ по такому важному показателю, как глубина котлована, возможно только в крайне ограниченном масштабе.

Еще меньше внимания, чем верхней границе котлована, уделяется изучению и фиксации характера его заполнения. Не имея подробных профилей и послойных планов котлована, а также не зная основных закономерностей распределения материала по слоям заполнения, совершенно невозможно рассчитывать на сколько-нибудь высокую степень достоверности реконструкций построек, особенно их верхней, наземной части.

Поэтому при всем многообразии информации, которую мы можем получить при раскопках жилищ, доступными для сквозных хро-

нологических сравнений являются лишь те черты, которые были зафиксированы в большинстве исследованных построек. Такими деталями могут служить печи, о которых говорилось выше, а также следы облицовки котлована, его площадь и форма.

Конструкции стен внутри котлованов обычно делят по наличию или отсутствию столбовых ям на столбовые и срубные. Представляется необходимым на начальном этапе исследования отказаться от столь тесной связи типологии с реконструированными способами возведения стен и несколько усложнить саму типологию.

Тип I — котлованы с количеством столбов, достаточным для того, чтобы прижать плахи или доски к материковым стенам. Для этого необходимо наличие четырех столбов, поставленных по углам котлована, и, как правило, дополнительных столбов по центру стен.

Тип II — котлованы с двумя или четырьмя столбами, расположенными по центру стен.

Тип III — без столбов или с отдельными столбами, стоящими без видимого порядка.

Даже при простой корреляции выделенных типов стен котлованов с ранними и поздними типами печей становятся очевидными значительные их изменения во времени (табл. 4). Из таблицы видно, что на раннем этапе развития роменских жилищ наиболее характерными являются котлованы II типа со столбовыми ямками, расположенными по центру стен. Значительно менее многочисленны котлованы I типа, они составляют примерно четверть от всех изученных. Конструкции III типа, бесстолбовые, встречены лишь в 13 % жилищ.

В жилищах X в. с печами II типа котлованы с неполным набором столбовых ямок практически не встречаются. Составляющие исключение два жилища исследованы на поселении у с. Шуклинка (Никольская Т. Н. 1958. С. 66—76). Они по своей конструкции стоят несколько в стороне от классических жилищ роменской культуры и будут рассмотрены ниже. В целом же для позднего периода роменского домостроительства характерны примерно в равном соотношении котлованы I и III типов, с некоторым количественным превосходством бесстолбовой конструкции (табл. 4).

Табл. 4.

Соотношение типов печей и конструкций стен

Стены Печь	I		II		III	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Каменка	—	—	—	—	6	100 %
Тип I	24	23,3 ± 8,2 %	65	63,1 ± 9,3 %	14	13,6 ± 6,6 %
Тип II	20	40,8 ± 13,8 %	—	—	29	59,2 ± 13,8 %

Тенденция в изменении соотношения различных типов котлованов позволяет предположить, что изначальным типом конструкции являлись столбы, поставленные в центральной части двух или четырех противоположных стен. Время возникновения конструкций I и III типов в силу недостаточной изученности памятников установить сложно. В небольшом количестве они известны на ранних поселениях, однако не ясно, к какому периоду жизни того или иного поселения подобная конструкция относится. Предположить некоторый рост количества котлованов с полным набором столбов по всему периметру (тип I) можно уже для IX в. Так, на относительно раннем городище у с. Опошня из 25 исследованных жилищ только два — № 5 из раскопок 1957 г. [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 280. Рис. 126] и № 3 из раскопок 1975 г. [Сухобоков О. В. 1975] — имели конструкцию I типа. На несколько более позднем Новотроицком городище такие котлованы составляли уже более одной пятой от всех изученных жилищ. Интересно отметить, что все жилища Новотроицкого с конструкцией I типа погибли в результате пожара и, возможно, относятся к последнему периоду жизни городища.

В исследованных на различных памятниках жилищах с останцовыми печами, но относящихся, вероятно, к позднему этапу раннего периода роменской культуры, т. е. ко 2-й пол. IX — нач. X в., конструкции стен были I или III типов (городище Петровское, жилище 1; г. Полтава, жилище B1, A; поселение Горбово, жилище 10; городище Решетки и т. д.).

Тот факт, что котлованы II типа не встречаются в сочетании с печами, целиком сконструированными из глины (тип II), однозначно указывает на то, что к моменту появления таких печей, т. е. к нач. X в. указанная конструкция котлована была уже полностью вытеснена более совершенными. Этот процесс, вероятно, завершился где-то во 2-й пол. IX в.

Значительные, хотя и менее выраженные изменения произошли и в размерах котлованов. Как в ранних, так и в поздних жилищах встречаются малые котлованы, имеющие площадь до 16 кв. м, средние — от 16 до 20 кв. м и большие — свыше 20 кв. м. Однако количество различных групп котлованов на раннем и позднем этапах не одинаково (рис. 28). Подавляющее большинство котлованов с печами, вырезанными в останце, имели размеры от 3 × 3 до 4 × 4 м. Доля котлованов средних размеров (от 16 до 20 кв. м) в это время незначительна. Котлованы площадью более 20 кв. м — единичны. На позднем этапе ведущими становятся котлованы площадью от 16 до 20 кв. м, значительно увеличивается и количество крупных построек. Таким образом, можно констатировать рост средних размеров котлованов от 9—16 кв. м на раннем этапе до 16—20 кв. м в X — нач. XI в.

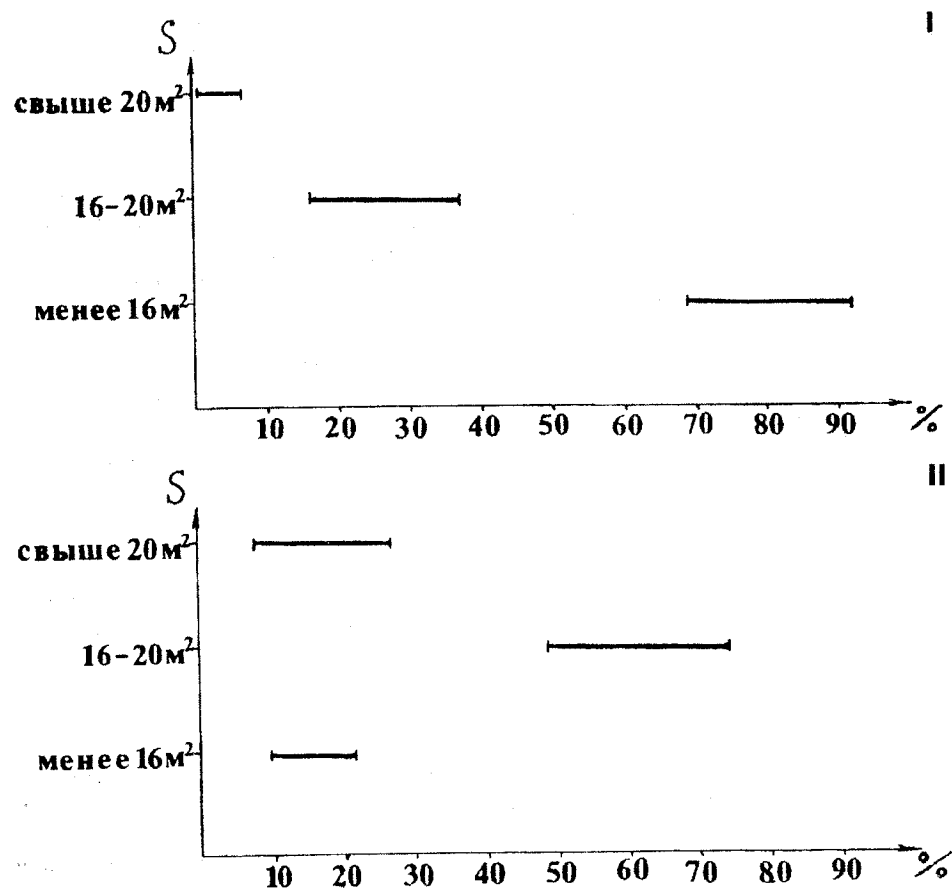

Рис. 28. Процентное соотношение количества жилищ разной площади на раннем (I) и позднем (II) этапах роменской культуры

При корреляции площадей котлованов с типами обшивки стен выясняется, что все крупные постройки соответствуют I и III типам обшивки стен. Этот факт может в равной степени указывать как на относительно более позднее время этих построек, так и на то, что новые приемы обшивки в первую очередь осваивались в наиболее крупных, вероятно, наиболее зажиточных домах.

Из сказанного выше следует, что по всем трем выделенным нами критериям за время существования роменской культуры произошли значительные изменения. Полностью сменился тип отопительных сооружений и обшивки стен котлована, возросли площади

котлованов. Для того чтобы понять суть этих перемен необходимо еще раз попытаться реконструировать жилые постройки различных периодов и типов. Количество жилищ, вполне пригодных для реконструкции, крайне мало. Необходимо, чтобы реконструируемые объекты отвечали двум основным требованиям. Во-первых, постройка должна иметь явные следы естественного мгновенного разрушения. Лучше всего этому соответствуют жилища, погибшие в пожаре и имеющие в своем заполнении значительные фрагменты горелого дерева. Такие объекты в достаточном количестве известны на памятниках различного времени. Во-вторых, как это уже отмечалось, необходимо наличие тщательной фиксации всех слоев и прослоек в заполнении котлована и соответствия материалов той или иной прослойке. Постройки, отвечающие этому требованию, единичны и относятся исключительно к позднему этапу культуры.

Материалов для реконструкции наземных частей наиболее архаичных построек со времени раскопок Новотроицкого городища практически не прибавилось. Характерными чертами наиболее ранних жилищ можно считать небольшой котлован (размером 3×3 — 4×4 кв. м) с печью, вырезанной в виде подбоя в стене или в специально оставленном материковом останце, с двумя или четырьмя столбовыми ямками, расположенными по центру противоположных стен. В своей реконструкции И. И. Ляпушкин справедливо указал на то, что подобные постройки не имели обшивки материковых стен котлована [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 194] и что столбы, расположенные в центре стен, могли служить лишь для конструкции кровли. Яркое подтверждение этому мы находим в жилище № 13 поселения у с. Волинцево [Березовец Д. Т. 1975. С. 139, 140. Рис. 34; Юренко С. П. 1984. С. 37. Рис. 5, 6]. Там обшивка стен представляла собой сруб, за пределами которого находились традиционные столбы, поставленные по центру двух противоположных стен (рис. 29). Какова была сама конструкция кровли, судить сложно по указанным ранее причинам. Для части построек, возможно, справедлива конструкция, предложенная И. И. Ляпушкиным [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 193—206. Рис. 109—114] (рис. 30). Однако для построек с мелкими котлованами, таких, как жилище № 28 городища Новотроицкое, где лишь одна стена достигала высоты 0,7 м, а в основном глубина котлована была менее 0,5 м [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 101. Табл. XXXVII], подобная реконструкция вряд ли приемлема. На этот факт обращали внимание многие исследователи, в частности П. А. Раппопорт [Раппопорт П. А. 1975. С. 132, 133].

Предложенная им реконструкция подразумевает, что дощатая обшивка стен котлована была изнутри прижата вертикально стоящими столбами, а снаружи выступающая над дневной поверхностью часть

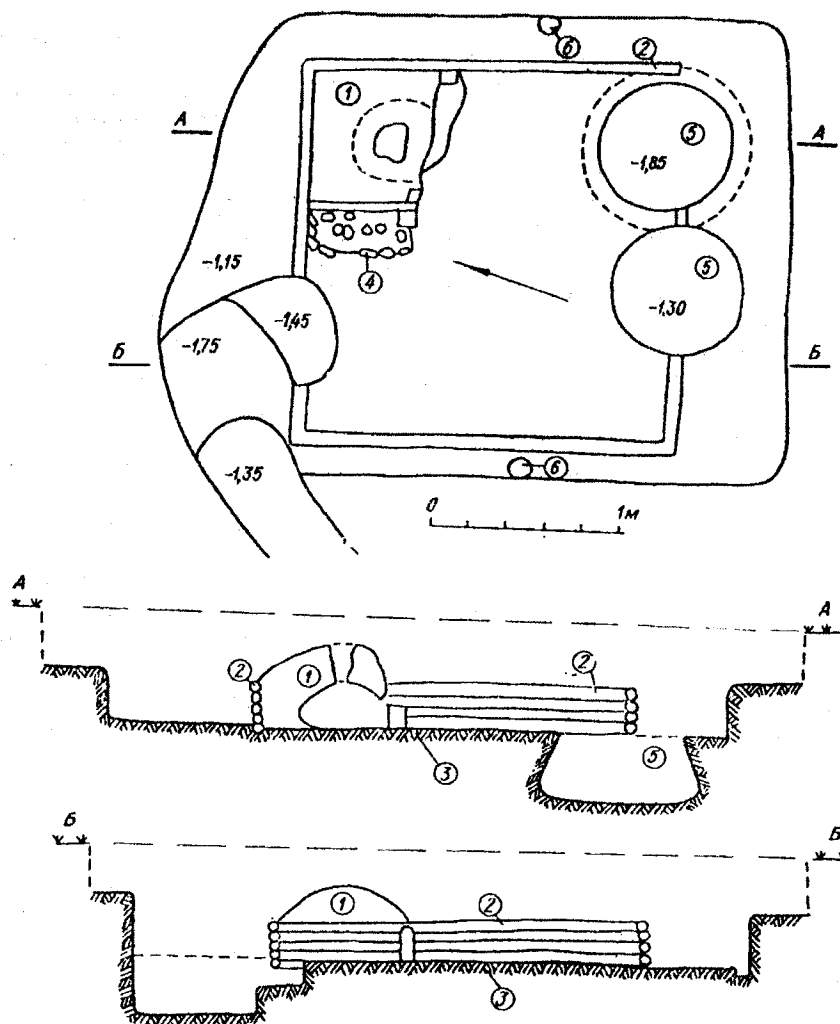

Рис. 29. Поселение у с. Волынцево. План и профили жилища 13 (по С. П. Юренко):
1 — печь; 2 — сруб; 3 — материк; 4 — конусы; 5 — хозяйственные ямы; 6 — столбовые ямы.

была присыпана землей (рис. 31). Но, во-первых, в наиболее ранних постройках, в частности, в рассматриваемом нами случае, каких-либо следов обшивки стен не было; во-вторых, и в котлованах, имевших такую обшивку (тип I), подобная схема не приемлема, поскольку от внешней засыпки вокруг котлованов должны были бы сохраниться весьма мощные валы, никак не сопоставимые с неболь-

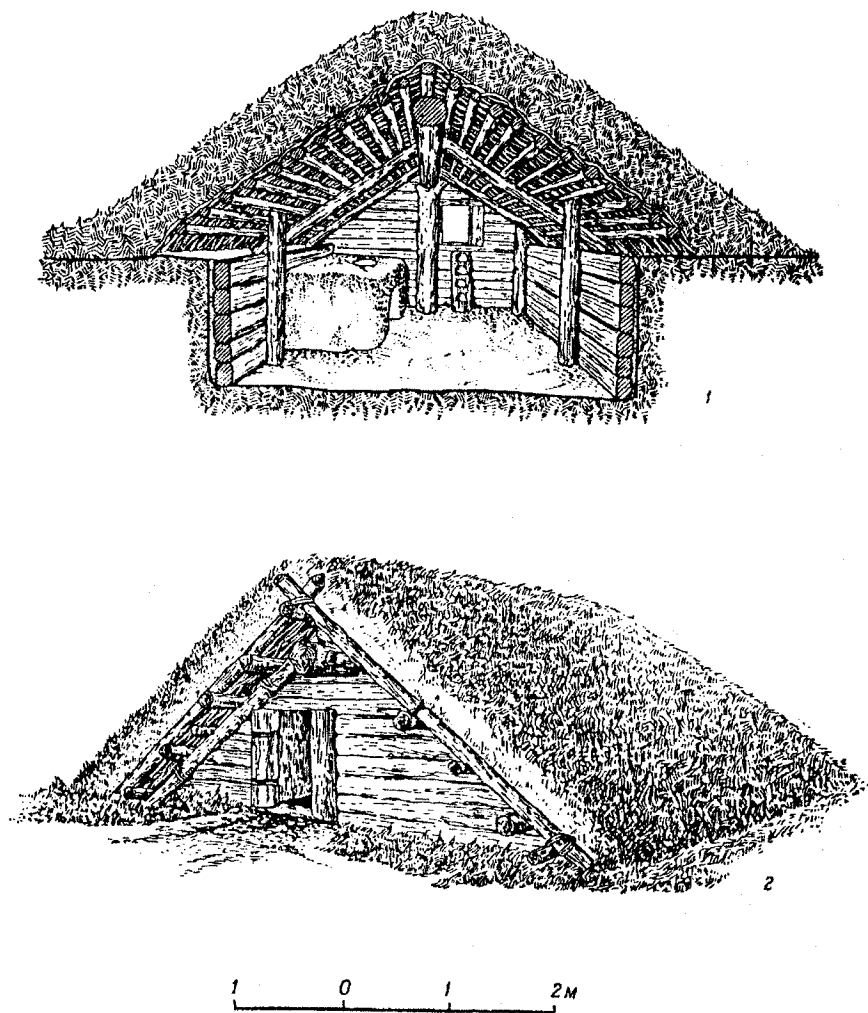

Рис. 30. Городище Новотроицкое. Реконструкция жилища по И. И. Ляпушкину:
1 — внутренний вид жилища; 2 — внешний вид жилища

шими выбросами, зафиксированными вокруг постройки «В» Малого Боршевского городища [Раппопорт П. А. 1975. С. 137; Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. С. 73. Рис. 29]. Как известно, ничего подобного на исследуемой территории не отмечено. Таким образом, единственным способом возведения стен выше уровня котлована может быть сруб.

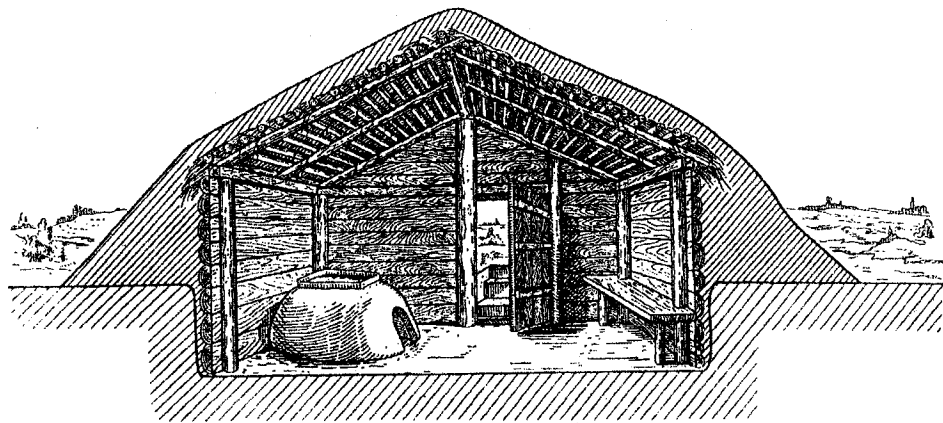

Рис. 31. Реконструкция полуземляночного жилища X в. по П. А. Раппопорту

Сруб мог быть поставлен как внутри котлована, подобно тому, как это было сделано в жилище № 13 волынцевского поселения, так и вне его, как это предположил Г. В. Борисевич для некоторых древнерусских жилищ [Никольская Т. Н. 1981. С. 198—202. Рис. 71]. Установка сруба за пределами котлована была, вероятно, характерна для котлованов I типа (с полным набором столбов и деревянной обшивкой стен). Предполагаемая для этого типа котлованов реконструкция, согласно которой стены были сложены из досок, заложенных в специальные пазы в столбах [Толочко П. П. 1981. С. 69, 70], не находит подтверждения в конкретном материале. Во всех случаях, когда это удавалось проследить, доски находились между столбами и материковыми стенками котлована [Раппопорт П. А. 1975. С. 113; Григорьев А. В. 1984. С. 254].

Таким образом, можно предположить, что постепенное исчезновение во 2-й пол. IX в. котлованов II типа, вероятнее всего, указывает на принципиальные изменения в конструкции кровли. В жилищах с котлованами I и особенно III типов кровля опиралась непосредственно на стены постройки без каких-либо дополнительных специальных столбов. Постепенно обязательной чертой северских жилищ становится деревянная обшивка материковых стен котлована. Как уже отмечалось, сруб мог быть поставлен как в котлован, так и вне его. В X в. жилища со срубами, опущенными в котлован, составляли более половины всех построек (табл. 4). Хороший материал для реконструкции такого типа постройки дает жилище 3 поселения у с. Горбово, погибшее в результате пожара в кон. X—1-й половине XI в. (рис. 32). Опущенный в котлован сруб был сложен из округлых бревен диаметром 0,2 м. Рубка производилась «в лапу»,

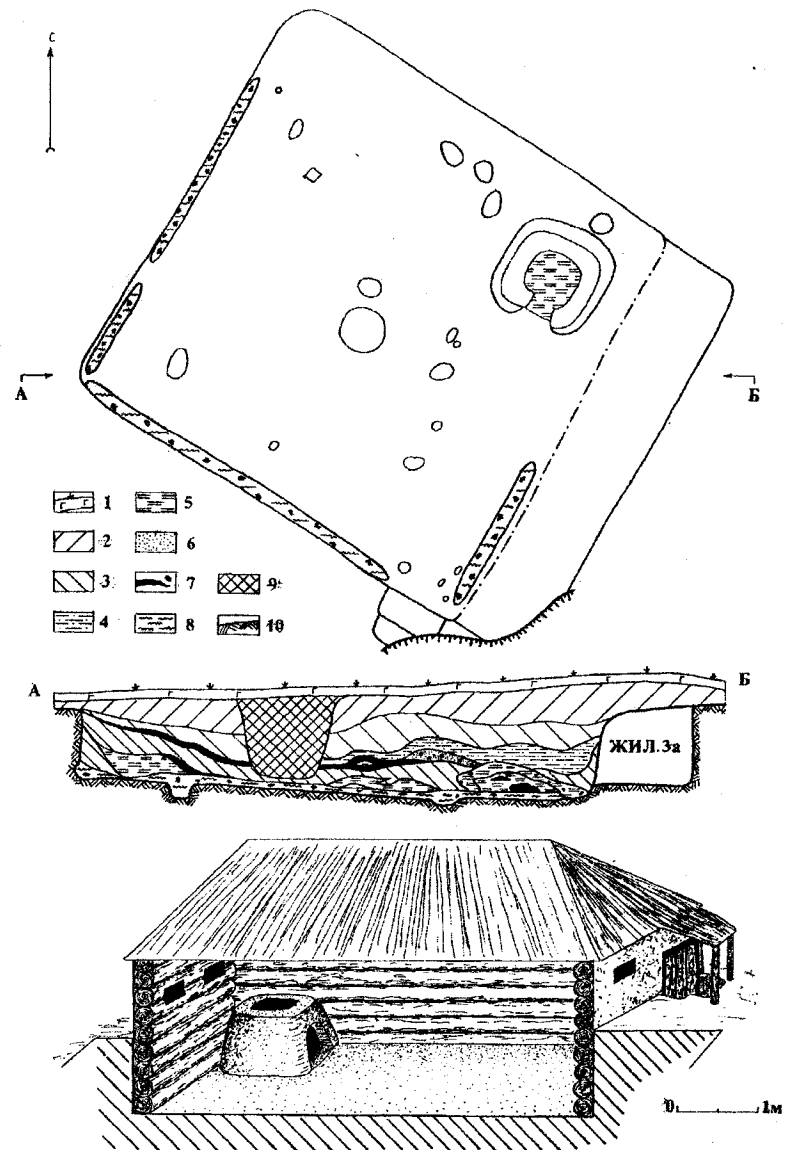

Рис. 32. Поселение у с. Горбово, жилище 3. План, профиль и вариант реконструкции (А. В. Григорьев):

1 — дерн; 2 — культурный слой (светло-серый суглинок); 3 — серый гумусированный суглинок; 4 — желтый суглинок; 5 — обожженная глина; 6 — легкая супесь; 7 — уголь; 8 — зола; 9 — позднейший перекоп (яма 33—XII в.); 10 — материк

что позволяло максимально использовать площадь котлована. Подобный прием рубки был прослежен и в других жилищах поселения [Григорьев А. В. 1987. С. 36]. Стенки сруба с наружной стороны были обмазаны глиной. При пожаре стены целиком рухнули внутрь котлована, образовав завалы угля и обмазки по его внутреннему периметру. Рассчитать объем глиняной обмазки не составляет труда. Зная диаметр нижних бревен, а следовательно, размеры зазоров с внешней стороны стены, и объем обмазки, можно достаточно точно определить первоначальную высоту стен. По подсчетам она составляла приблизительно 2,0—2,2 м, т. е. возвышалась над уровнем древней дневной поверхности на 1,0—1,2 м (рис. 33).

Керамический материал находился лишь в нижней части заполнения и распределялся по двум локальным зонам. Одно скопление керамики находилось в районе печи, другое — в противоположном от печи «красном» углу (рис. 34). Здесь находилась только круговая столовая посуда без малейших следов нагара. В одном из сосудов лежал бронзовый перстень. Другие изделия из металла, шифера и кости залегали в слое между полом котлована и нижней угольной прослойкой и определяли собой жизненное пространство жилища. В слое между нижней и верхней угольными прослойками какой-либо материал отсутствовал, что позволяет рассматривать нижнюю угольную прослойку как следы потолочного перекрытия, а верхнюю — как остатки сгоревшей кровли. Слой выше этой прослойки содержал материал более поздней эпохи (XII в.) и отложился значительно позже гибели постройки.

Постройки, имеющие котлован I типа (с полным набором столбов по периметру и заложеными за них досками обшивки), очевидно, имели срубы, поставленные за пределами котлована. Такая система, с одной стороны, требовала большей длины бревен для возведения сруба, но в то же время имела ряд преимуществ. Во-первых, несколько сокращались затраты труда при рытье котлована, площадь которого использовалась полнее, чем при срубе, опущенном на дно. Во-вторых, наиболее подверженные гниению доски обшивки материковых стен котлована могли быть легко заменены. В пользу того, что дома такой конструкции значительно возвышались над землей, говорит тот факт, что именно в таких постройках в ряде случаев удалось проследить следы второго этажа.

Одно из таких жилищ исследовано на поселении у с. Горбово, недалеко от жилища № 3, описанного выше. Время его гибели определяется также кон. X—1-й пол. XI в. [Григорьев А. В. 1984. С. 254]. Как и от большинства роменских построек, от этого жилища сохранился лишь углубленный в материк котлован. Он имел размеры $4,5 \times 4,5$ м при глубине от 0,65 до 1,35 м и был ориентирован углами по сторонам света (рис. 33). В западном углу котлована

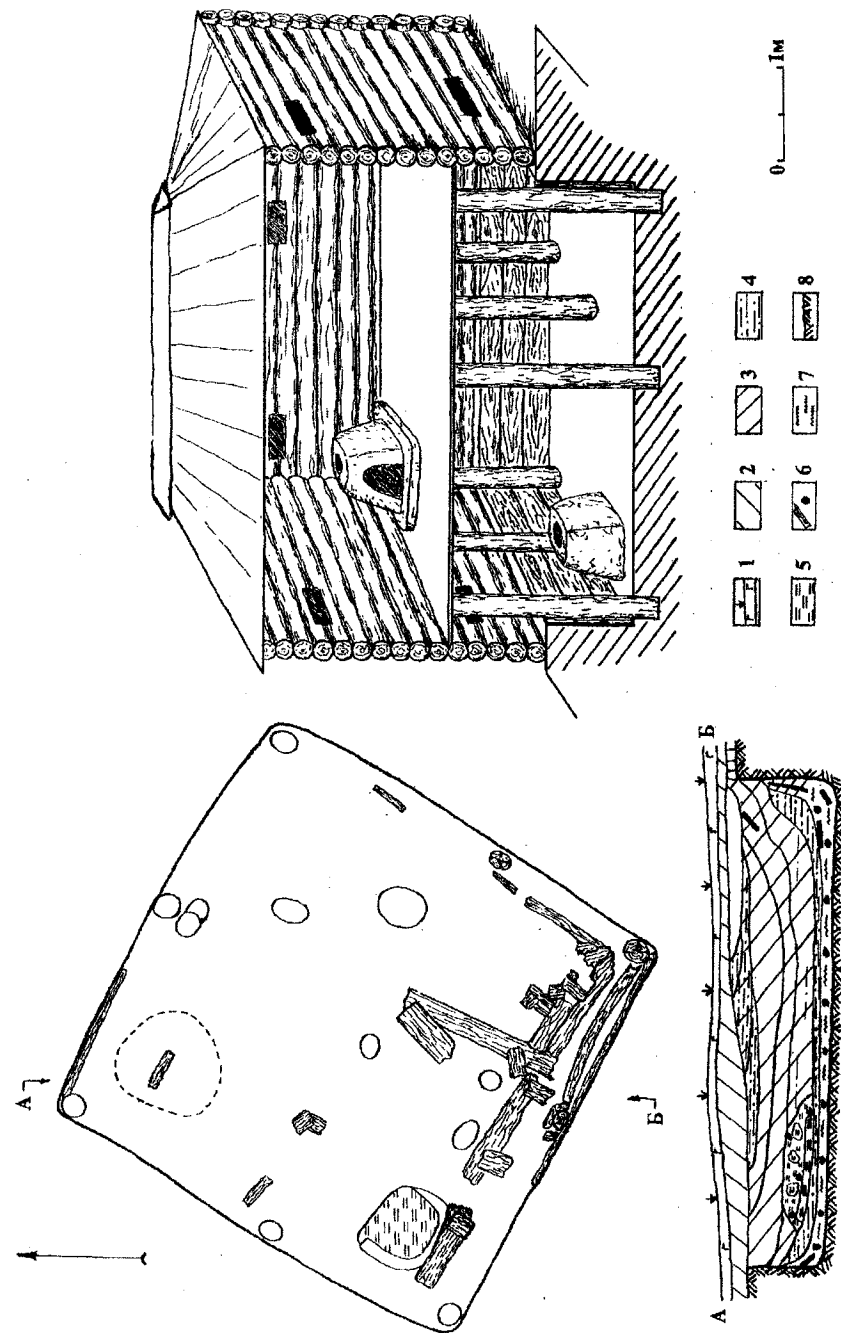

Рис. 33. Поселение у с. Горбово, жилище 4. План, профиль и вариант реконструкции: 1 — дерн; 2 — культурный слой (светло-серый суглинок); 3 — серый гумусированный суглинок; 4 — желтый суглинок; 5 — обожженная глина; 6 — уголь; 7 — зола; 8 — материк

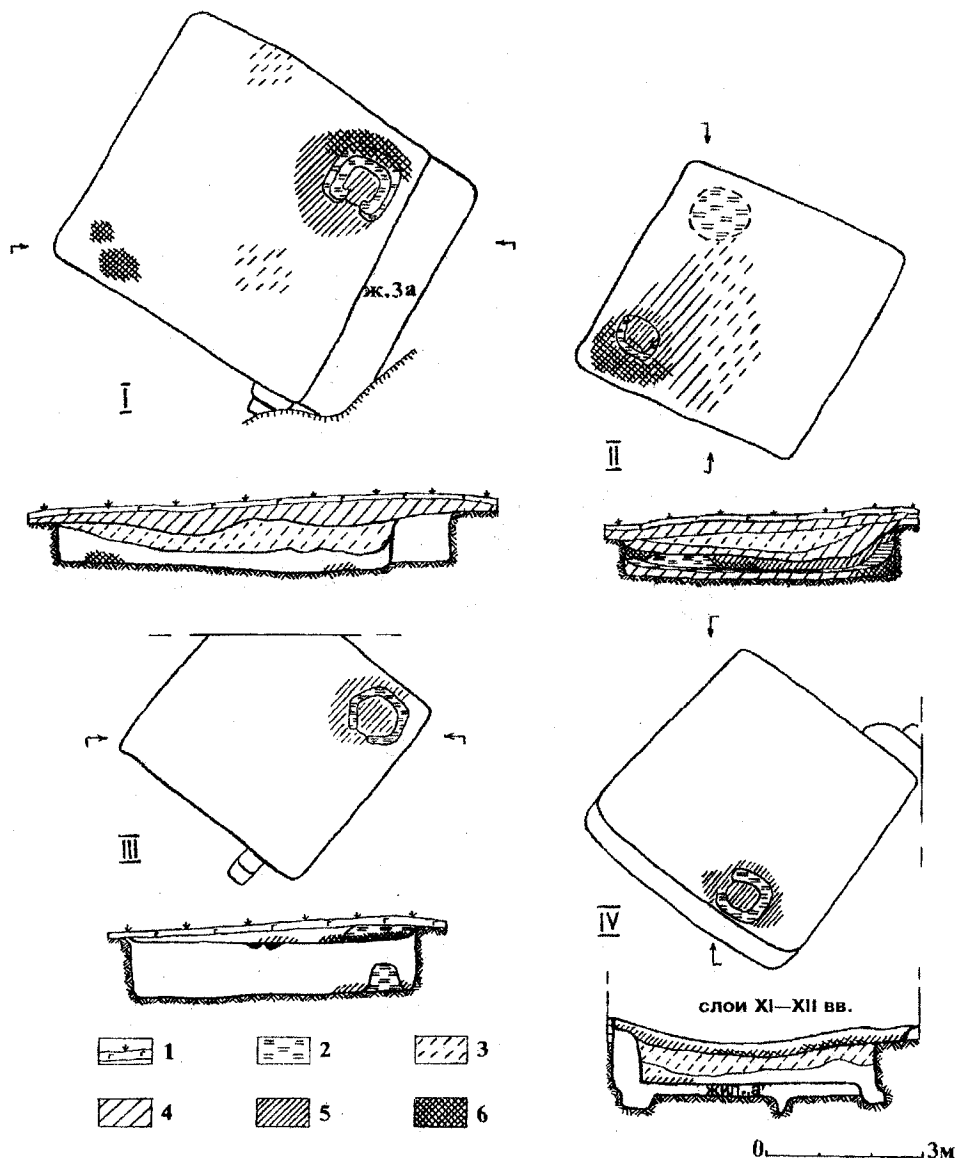

Рис. 34. Распределение керамики в заполнении жилищ:

I—Горбово, жил. 3; II—Горбово, жил. 4; III—Горбово, жил. 6; IV—Новгород-Северский, «Замок», раскоп X, жил. 1

1—дерн; 2—обожженная глина; 3—менее 0,1 фрагмента керамики на 1 куб. дм слоя; 4—0,1—0,2 фрагмента на 1 куб. дм; 5—более 0,3 фрагмента на 1 куб. дм

устьем на северо-восток находилась печь, сложенная из глины, шлаков и камней. По углам котлована и в середине стен находились столбовые ямки. В некоторых из них сохранились обгоревшие столбы. В середине юго-западной стены столб сохранился на высоту 0,15 м, в середине юго-восточной стены—на высоту 0,2 м. Лучшее сохранился столб в южном углу котлована—на высоту 0,92 м. Он имел в диаметре 0,21—0,22 м и стоял с заметным наклоном к центру жилища. По юго-западной стене котлована сохранились доски обшивки, также горелые. Доски имели толщину около 0,02 м и ширину 0,35—0,40 м. Одна из досок заходила своим концом за столб в южном углу и отчасти за столб в центре юго-западной стенки. Множество досок от обшивки лежало вдоль описываемой стенки на полу котлована. Несколько досок прослежено и вдоль других стен. Весь пол котлована был покрыт слоем угля толщиной 0,1 м. Над этим слоем по всему котловану шел слой плотно утрамбованного суглинка толщиной около 0,1 м в центре и до 0,3 м у стен жилища. Этот слой (далее—слой «второго пола») перекрывал упавшие доски обшивки стен, но находился ниже верхней части южного столба и досок обшивки, сохранившихся *in situ*.

Последнее обстоятельство, несомненно, говорит об одновременности пола котлована и «второго пола», являвшихся частями одной конструкции. Видимо, к конструкции пола второго этажа относятся столбовые ямки в центре котлована и некоторые горелые плахи, по своему положению явно не связанные с облицовкой стен (рис. 33). На слое «второго пола» в северном углу жилища были прослежены остатки печи. От нее сохранился под в виде пятна сильно прокаленной глины размерами 1,00 × 1,00 м толщиной 0,02—0,04 м. По поду шла тонкая (0,02—0,05 м) прослойка золы и мелких углей. Над полом находился плотный, мощностью до 0,5 м, завал пещины, в котором встречались угли, кости животных и фрагменты керамики.

Наличие двух ярусов пола с печами на них может говорить либо о двухэтажности постройки, либо о вторичном использовании котлована. Однако последнее предположение входит в противоречие с конкретным материалом. Во-первых, «второй пол» имеет сильный наклон к центру, что явно указывает на последствие падения. Во-вторых, остатки одной и той же конструкции обшивки стен были обнаружены как ниже, так и выше слоя «второго пола», что однозначно указывает на их синхронность.

Вторая двухэтажная постройка Горбовского поселения, жилище № 6 [Григорьев А. В. 1985. С. 269, 270], была по конструкции идентична описанной выше. Отличие ее состояло лишь в том, что пол второго этажа в меньшей степени провалился в котлован и читался в верхней части заполнения. Значительная часть его была повреждена ямой XII в., верхняя часть печи сильно разрушена распашкой.

Обмазка этого, деревянного в своей основе, пола была сделана белой глиной и имела значительно меньшую толщину. Участок пола, сохранившийся между поздней ямой и печью, был обожжен, что позволило лучше представить конструкцию пола второго этажа. Судя по следам на нижней плоскости обмазки, перекрытие между этажами было сделано из достаточно толстых прямоугольных в сечении плах, уложенных по линии северо-восток—юго-запад. Обмазка имела толщину около 0,05 м, внешняя ее поверхность гладкая. Печь второго этажа в жилище № 6 стояла непосредственно над печью нижней углубленной части постройки.

Столбовая конструкция обшивки стен котлована не обязательно соответствует двухэтажности жилища. Так, постройка 1 того же поселения, также погибшая в пожаре кон. X—нач. XI в., имела столбовую конструкцию, но была одноэтажной [Григорьев А. В. 1983 б. С. 69, 70. Рис. 1]. Интересно отметить различия в распределении материала в одно- и двухэтажных постройках. Как уже отмечалось при описании жилища № 3 Горбовского поселения, керамический материал находился исключительно в нижней части заполнения котлована. Керамика из верхних слоев связана с процессами запыления котлована и не имеет отношения к комплексу жилища. Это хорошо видно при просчете концентрации фрагментов керамики на объем слоя (рис. 34, I). Если в нижней части котлована керамика сосредоточена на отдельных участках, но в большом количестве, то в верхних слоях ее концентрация невелика и полностью идентична концентрации в окружающем культурном слое. В двухэтажных жилищах в профиле читаются два слоя с повышенной концентрацией массового материала—на полу котлована и по полу второго этажа (рис. 34, II, III).

Содержание керамики при рассмотрении жилища в плане также неодинаково. Для одноэтажных построек I (столбовой) и III (срубной) характерны две зоны ее повышенной концентрации: в районе печи и в противоположном от печи углу (рис. 34, I). Причем, в «красном углу» представлена в основном столовая посуда. В нижних этажах двухэтажных построек единственная зона концентрации керамики расположена в районе печи—«красного угла» в углубленной части этих жилищ, вероятно, не было (рис. 34, II, III). Планиграфия распределения керамики по второму этажу не показательна, поскольку в результате разрушения материал, несомненно, изменил свое первоначальное положение.

Кроме Горбовского поселения, жилища с двумя этажами были, вероятно, исследованы П. И. Засурцевым на городище у с. Липино [Арх. ИА, р-1: № 927; № 928; Засурцев П. И., Лисицына Н. К. 1968. С. 46—54]. В четырех из пяти исследованных построек, кроме печей, расположенных в котловане на специальной материковой по-

душке (тип II, вид 2), были зафиксированы остатки печей в верхней части заполнения котлована. Автор интерпретировал их как следы более поздних сооружений, полностью совпавших с ранними постройками. Подобное предположение вполне допустимо лишь в отношении жилища «Г» (яма 41 по отчету) и печи I. Три других жилища: «А», «Б» и «В» (ямы 15, 26 и 32 по отчету) начали читаться в плане еще в 5 пласте культурного слоя [Арх. ИА, р-1: № 928; Рис. 65, 80], и благодаря прекрасной полевой фиксации видно, что их котлованы опущены именно из этого слоя. Какого-либо наложения более поздних котлованов ни в плане, ни в профиле не фиксируется. Напротив, печи верхнего яруса находились ниже верхней границы котлована. Они располагались на глиняных и углистых прослойках, идущих по большей части котлована, резко понижаясь к его центру. Последнее обстоятельство исключает возможность рассматривать эти прослойки как пол более поздних построек и позволяет связать их с рухнувшими перекрытиями второго этажа. Кроме того, необходимо отметить идентичность материала, залегавшего выше и ниже указанных прослоек.

Перечисленные постройки ясно показывают, что двухэтажные жилища не были исключительным явлением в домостроительстве летописных северян. Гораздо сложнее обстоит вопрос о времени появления второго жилого яруса в роменских постройках. Все изученные сооружения такого типа относятся к позднему этапу роменской культуры. Предложенная П. И. Засурцевым и Н. К. Лисицыной относительно ранняя дата Липинского городища—нач. X в. [Засурцев П. И., Лисицына Н. К. 1968. С. 53] не совсем соответствует современным представлениям о хронологии. Наличие в комплексах этого памятника значительного количества материалов древнерусского пласта древностей указывает на время не ранее сер. X в.. 2-й пол., а вероятнее кон. X—нач. XI в., могут датироваться и относящиеся к городищу погребения. Поэтому на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о двухэтажных жилищах лишь для 2-й пол. X—нач. XI в. Время их появления следует искать где-то в пределах X столетия, поскольку до появления печей нового типа, никак не связанных с материковой основой, отопление второго этажа было затруднительно.

О весьма позднем появлении второго жилого яруса говорит и наличие еще в кон. X в. построек, которые можно рассматривать в качестве переходного типа. Одна из таких построек была исследована в 1983—1984 гг. в детинце г. Новгород-Северский [Григорьев А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. 1986. С. 229]. Котлован этого жилища был вырыт на месте раннего и имел столбовую конструкцию обшивки материковых стен. Так как жилище погибло в пожаре, уничтожившем весь город в кон. X—нач. XI в., оно, с одной стороны,

имело относительно хорошую сохранность верхней части, с другой — было перекрыто мощным слоем пожарища, что исключало попадание в заполнение случайного материала. Наблюдения за послойным распределением материала показало, что оно идентично распределению, характерному для двухэтажных построек (рис. 34, IV). Кроме скопления керамики на полу котлована в районе печи, значительное количество материала концентрировалось на верхней границе нижней углистой прослойки. Интересной деталью служила нитка желтых ближневосточных бус, рассыпанная на значительной площади и четко очерчивающая границу верхнего пола. Предположение, что материал попал на верхнюю границу углистой линзы в период после пожара не приемлемо, поскольку следы того же пожара находятся и много выше указанной прослойки. Верх заполнения очерчивает другая прослойка угля, которую логичнее всего связать с кровлей. Все заполнение ниже этой границы возникло одновременно в процессе пожара.

При всей близости этой постройки и двухэтажных жилищ, описанных ранее, между ними имеется одно важное отличие. Жилище, раскопанное в Новгороде-Северском, не имело печи на втором этаже. Хорошая сохранность постройки не позволяет предположить полного разрушения печи в более позднее время. Вероятно, второй этаж этого жилища был неотапливаемым и функционировал преимущественно в летнее время.

Другой особенностью этого жилища является то, что, благодаря хорошей сохранности его верхней части, вырытой в культурном слое и перекрытой отложениями XI в., а не распаханной, удалось проследить, что границы наземной части были несколько шире котлована. Культурный слой, отложившийся за период жизни постройки, и отчасти слой пожара позволили в профиле выявить границу жилища, отстоящую на 0,4 м от верхнего края котлована (рис. 35). Пока это единственный известный случай, когда непосредственно материал подтверждает наличие сруба за пределами котлована.

Подводя итоги, еще раз вернемся к схеме развития роменского жилища (рис. 36). Изначальным, как уже говорилось, можно считать небольшие по площади углубленные в землю жилища без обшивки стен, с кровлей, опирающейся на специальные столбы, и с печью, в виде подбоя в стенке или материковом останце, в единичных случаях — с печью каменной.

Среди материалов предшествующих культур на территории Днепро-Днепровского Левобережья прототипы таким постройкам не известны [Горюнов Е. А. 1981. С. 26, 60]. В целом приведенный тип жилища близок к постройкам всей территории славянского мира к западу от Днепра. Единственное, но очень существенное отличие от большинства из них состоит в приемах конструирования печи. Основным типом славянских печей Правобережья, как известно, были печи ка-

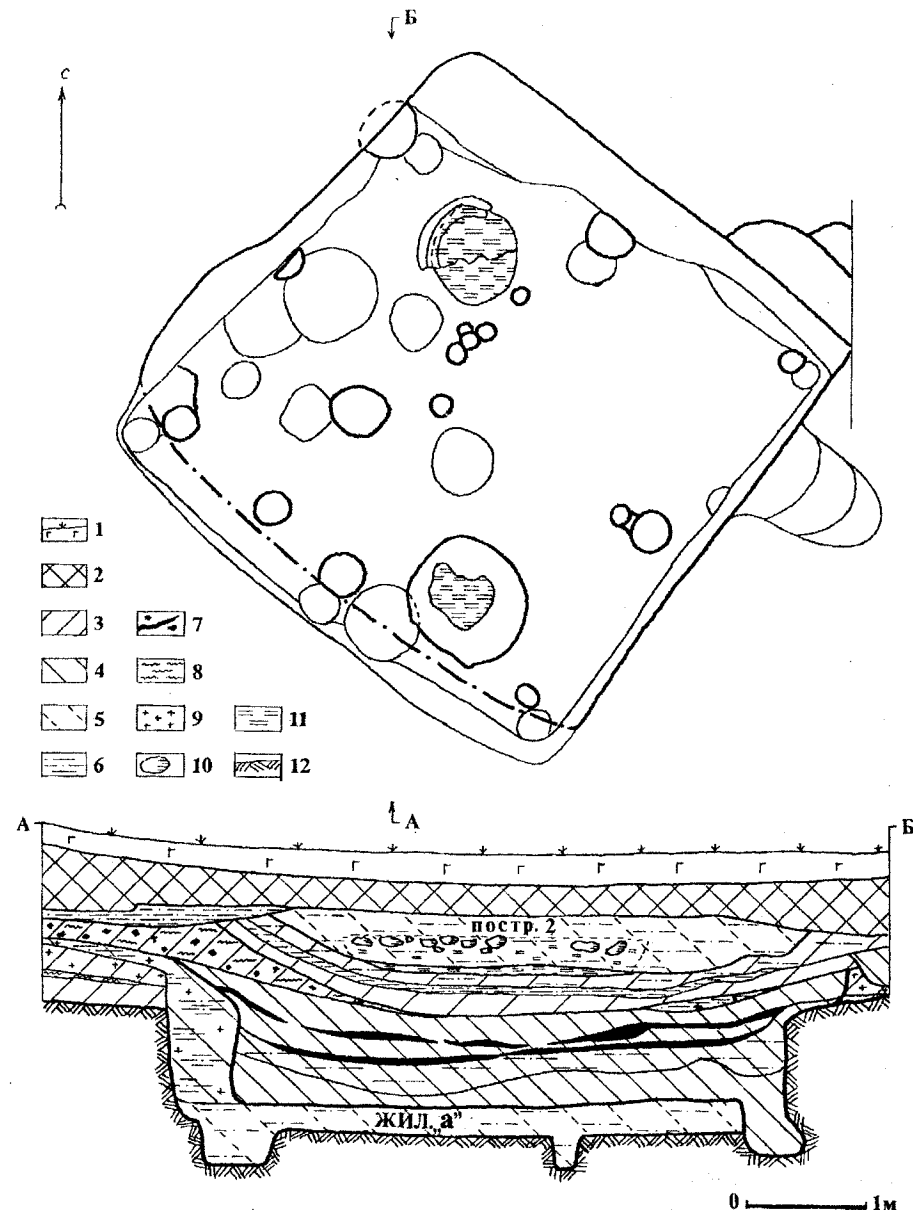

Рис. 35. Новгород-Северский, городище «Замок», раскоп X, жилище 1. План и профиль: 1 — дерн; 2 — слои XVI—XX вв.; 3 — культурный слой (гумусированный суглинок); 4, 5 — серый гумусированный суглинок различной насыщенности; 6 — желтый суглинок; 7 — уголь; 8 — зола; 9 — фрагменты обожженной глиняной обкладки и печины; 10 — камень; 11 — обожженная глина; 12 — материк

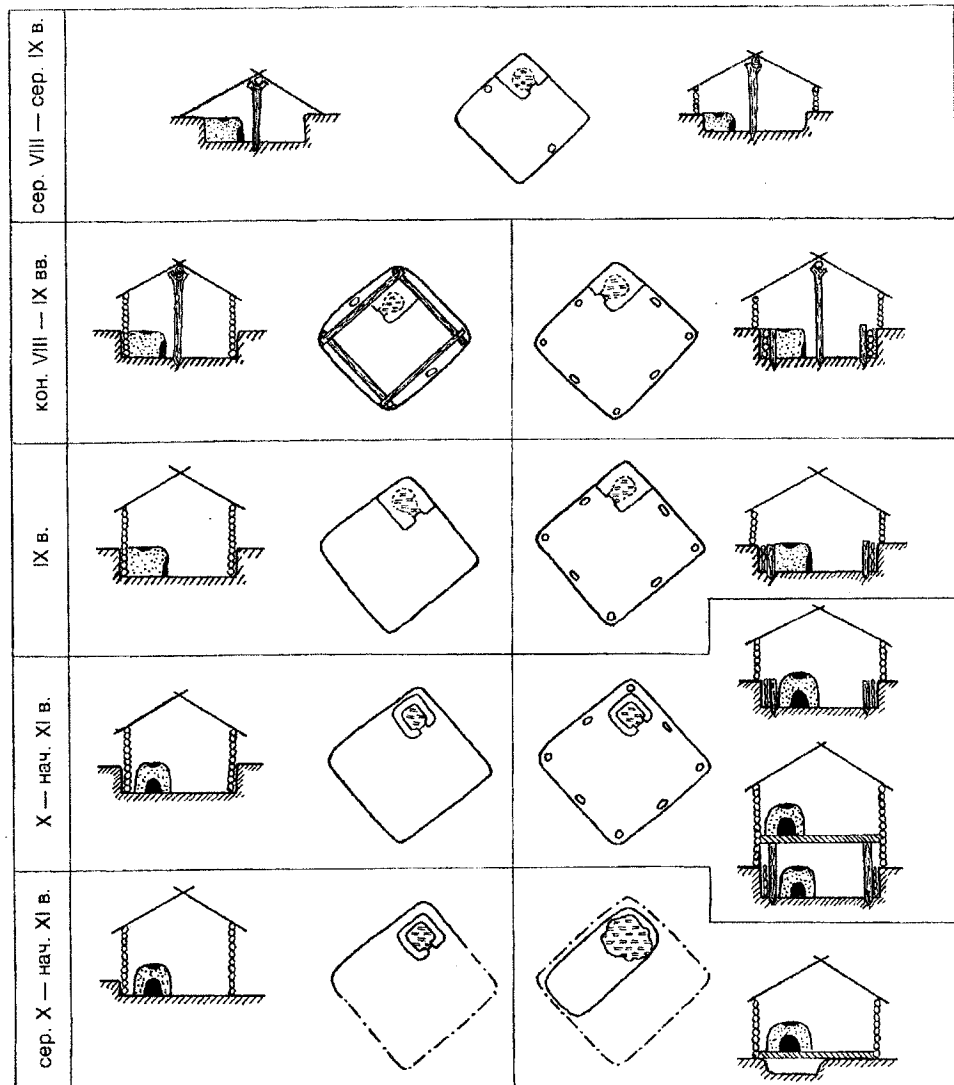

Рис. 36. Схема развития конструкций жилищ роменской культуры
менки [Русанова И. П. 1973. С. 25; 1976. С. 44]. Трудно согласиться
с мнением, что определяющим в выборе типа печи были условия
местного грунта [Русанова И. П. 1976. С. 47]. Вероятно, уже в VIII в.
печь была глубоко традиционным, этноопределяющим признаком. Об
этом однозначно говорит тот факт, что даже при условии песчаного

грунта, совершенно не пригодного для возведения останцовой печи, останец делался искусственно из принесенной глины (Волинцево). Напротив, после смены типа печей они возводились из глины и камней и в условиях суглинистого грунта на тех же поселениях, где ранее существовали останцовые печи. Таким образом, полная зависимость от характера грунта, вполне допустимая для периода сложения традиции славянского домостроительства, в рассматриваемое нами время уступает место другим соображениям традиционного или конструктивного порядка. Следовательно, есть все основания искать прототипы роменских жилищ среди построек с близкой системой отопительных сооружений. В массе славянских памятников выделяются два региона, в которых в синхронное время помимо каменок были распространены жилища с печами в виде подбоя в стене или останце. Это районы Среднего и Нижнего Дуная [Teodorescu V. 1964. S. 485—504; Вьжарова Ж. Н. 1965. С. 113 и др.] и некоторые памятники Западной Волыни [Русанова И. П. 1976. С. 47].

Дальнейшее развитие роменского жилища шло по двум основным направлениям. Но в обоих случаях основой развития являлось совершенствование роли сруба как основного строительного приема. Прежде всего это повлияло на изменение конструкции кровли. Дальнейшее совершенствование срубов, опущенных в котлован, постепенно снижало роль самого котлована, результатом чего стало появление жилищ, называть которые полуземлянками уже сложно. Так, например, жилище № 5 на поселении у с. Горбово было углублено в землю с одной стороны на 0,5 м, а со стороны склона не было заглублено вовсе. Логичным завершением этой линии развития могли бы стать обычные наземные срубные жилища.

Вторая линия развития, характеризующаяся возведением построек со срубом, вынесенным за пределы котлована, привела к появлению жилищ сначала с неотапливаемым вторым этажом, а потом и жилищ с двумя жилыми этажами. По мере освоения второго, полностью наземного этажа роль углубленной части как жилого помещения, несомненно, уменьшалась. В древнерусском домостроительстве, развивавшемся, вероятно, по сходной схеме, это привело к появлению небольших по площади, чисто хозяйственных подклетов [Григорьев А. В. 1987. С. 36, 37]. Оба пути развития роменского домостроительства еще в IX в. привели к отрыву жизненного пространства жилища от материковых стен котлована, что послужило мощным толчком к созданию нового типа отопительных сооружений. Появление не связанных с материковыми стенами печей в свою очередь сделало возможным освоение верхнего этажа. Улучшение теплоизоляции срубов и повышение теплоотдачи печей снижало роль котлована при строительстве жилища и вело к переходу к наземным жилым постройкам. Наземные жилища роменской культуры в настоя-

щее время почти неизвестны. Однако можно предположить, что они были распространены в достаточной мере. Так, в целом наземными были постройки, исследованные Т. Н. Никольской на Шуклинском городище [Никольская Т. Н. 1958. С. 66—76]. Дома на небольших, чисто хозяйственных подклетах известны на II Переверзевском городище [Узянов А. А. 1981. С. 86].

Отказываться от глубоких традиций рытья котлована, вероятно, приходилось, в первую очередь, жителям поселков, расположенных в низинах, на небольших всхолмлениях среди пойм и болот, где грунтовые воды подходят к поверхности почвы особенно близко. Одно такое жилище, относящееся ко 2-й пол. X—нач. XI в., было исследовано автором на поселении Тазово 5 в пойме р. Тускарь. В плане оно имело традиционную подквадратную форму, размеры $4,5 \times 4,5$ м и было ориентировано углами по сторонам света (рис. 37). Юго-западная половина постройки прослеживалась в виде слоя переотложенного материкового суглинка, служившего, очевидно, земляным полом этой части жилища. В северо-восточной половине находился котлован размером $4,3 \times 2,3$ м, заглубленный в культурный слой и слой погребенной почвы на глубину до 0,5 м. Котлован был сделан с уступом по периметру так, что наиболее глубокая его часть имела размеры всего $4,2 \times 1,5$ м. Этот уступ был, очевидно, необходим для крепежа балок перекрытия котлована. Сверху это перекрытие было обмазано суглинком и залегало вровень с полом жилища. Следы глиняной печи были зафиксированы в северном углу постройки на слое рухнувшего перекрытия котлована. Вероятно, в приведенном случае мы имеем дело с полностью наземным жилищем, имевшим чисто хозяйственного назначения котлован под печью. Распределение керамического материала в постройке полностью подтверждает предложенную реконструкцию (рис. 37, 2; 38).

Таким образом, несмотря на целый ряд нерешенных и спорных вопросов, касающихся возможной реконструкции не сохранившихся частей роменских жилищ, уже сегодня можно с уверенностью говорить об интенсивном развитии навыков домостроительства на всем протяжении существования культуры. Несомненно, что менее чем за два столетия северянами был пройден огромный по своему значению путь от примитивных жилищ, в основе которых лежал углубленный в землю котлован, до весьма сложных и разнообразных строений, присущих заключительному этапу культуры.

Не меньшее значение, чем жилища, в понимании уровня развития Северского общества на различных этапах имеют сооружения хозяйственного и производственного назначения. Постройки этих типов не несли функции сохранения тепла и потому, как правило, не имели значительной углубленной части. Это обстоятельство не позволяет рассмотреть их стены столь же подробно, как у жилищ.

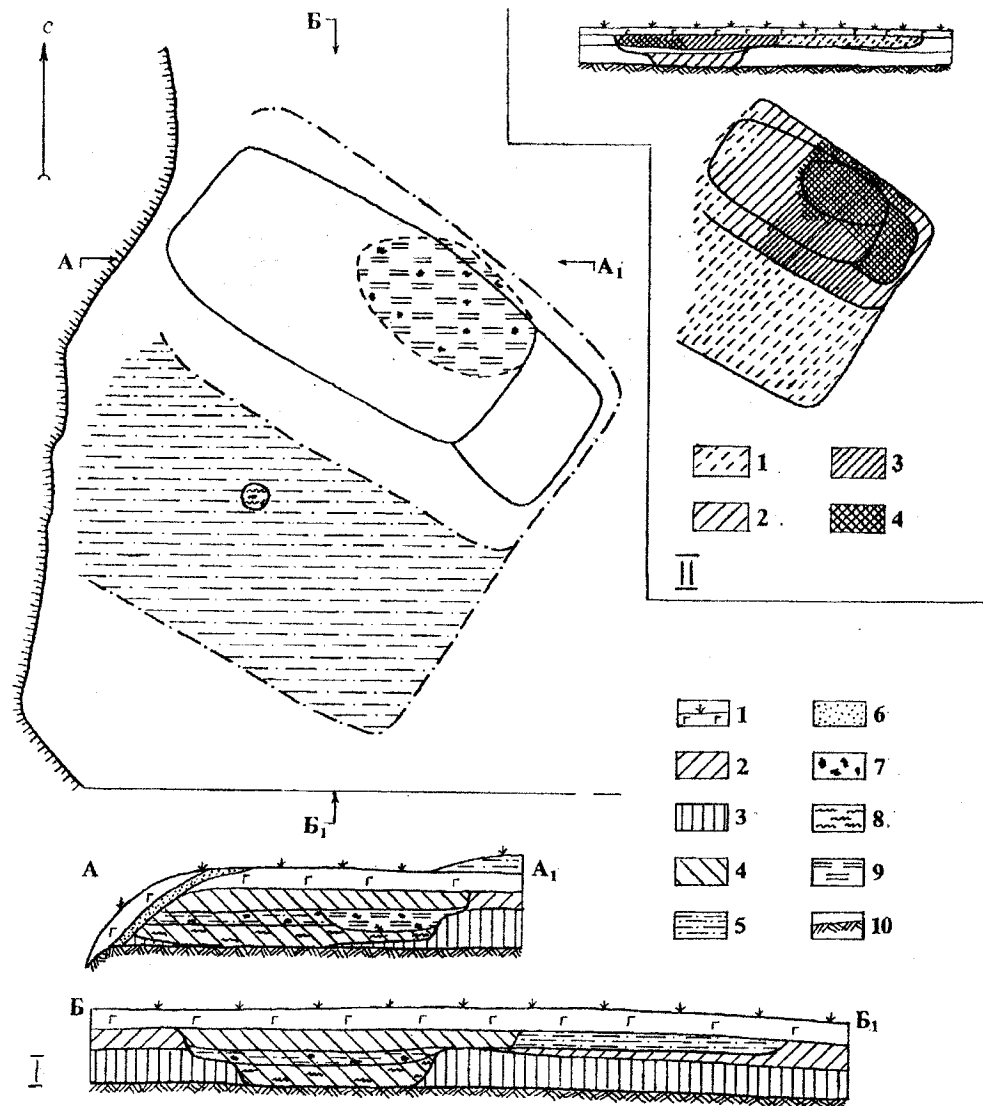

Рис. 37. Поселение V у д. Тазово, жилище 1:

0 — 1 м

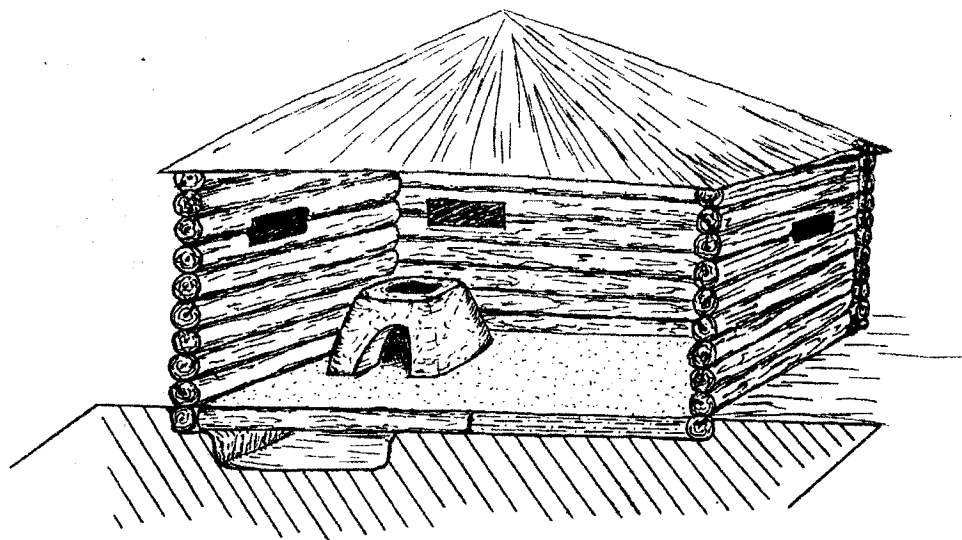

Рис. 38. Реконструкция жилища 1 на поселении V у д. Тазово (А. В. Григорьев)

Наиболее часто фиксируемой категорией хозяйственных построек, несомненно, являются различные ямы. Среди них наиболее устойчивым типом можно считать так называемые зерновые, хлебные или житные ямы. Существование ям для хранения зерна отмечается еще в тексте «Русской Правды». Статья 39 пространной редакции устанавливает наказание тому, кто «крадет гумно или жито в яме» [Тихомиров М. Н. 1953. С. 95]. Традиция хранения зерна в специальных ямах хорошо прослеживается в материалах Древней Руси, средневековья и доживает до XIX в. «На юге зерновой хлеб хранят в ямах: рытых кувшином, выжженных соломой и засыпаемых землею; это хлебные ямы» [Даль В. И. 1955. С. 677]. Описание хлебных ям, приведенное В. И. Далем, в полной мере соответствует так называемым колоколообразным или кувшинообразным ямам, встречающимся в материале роменской культуры. Обмазка стен и дна таких ям глиной и следы нагара на них тоже не являются исключением [Сухобоков О. В. 1975. С. 71]. Таким образом, имеются все основания для того, чтобы именно этот тип ям считать предназначенным для хранения зерна. Основываясь на материалах городища Новотроицкого, И. И. Ляпушкин предположил более широкие функции колоколовидных ям [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 205—207; 1961 а. С. 231, 232]. Действительно, в большинстве подобных сооружений при выборке обнаруживаются различные бытовые остатки и реже всего зерно. Однако следует учитывать (что не сделал И. И. Ляпушкин),

что ямы эти, как правило, не одновременны и к моменту прекращения жизни на том или ином поселении функционировала лишь их незначительная часть. Как показала послойная разборка подобных ям, произведенная на поселении у с. Горбово, большинство из них после длительного использования по прямому назначению, о чем говорят дополнительные подмазки пола, служили в качестве помойных ям (рис. 39) и содержали в заполнении самые разные культурные остатки. Заполнения наиболее глубоких ям возникали не одновременно, и в ряде случаев наблюдается значительный хронологический разрыв между временем образования нижних и верхних ее слоев (с. 30. табл. II). Как известно, жизнь большинства исследованных поселений прерывалась в разное время, но в результате одного и того же явления — пожара, обычно связываемого с военным разгромом. В таких условиях, конечно, могли сохраниться ямы с зерном, но следует помнить, что хлеб на протяжении многих веков являлся основной ценностью в обществе и потому в первую очередь

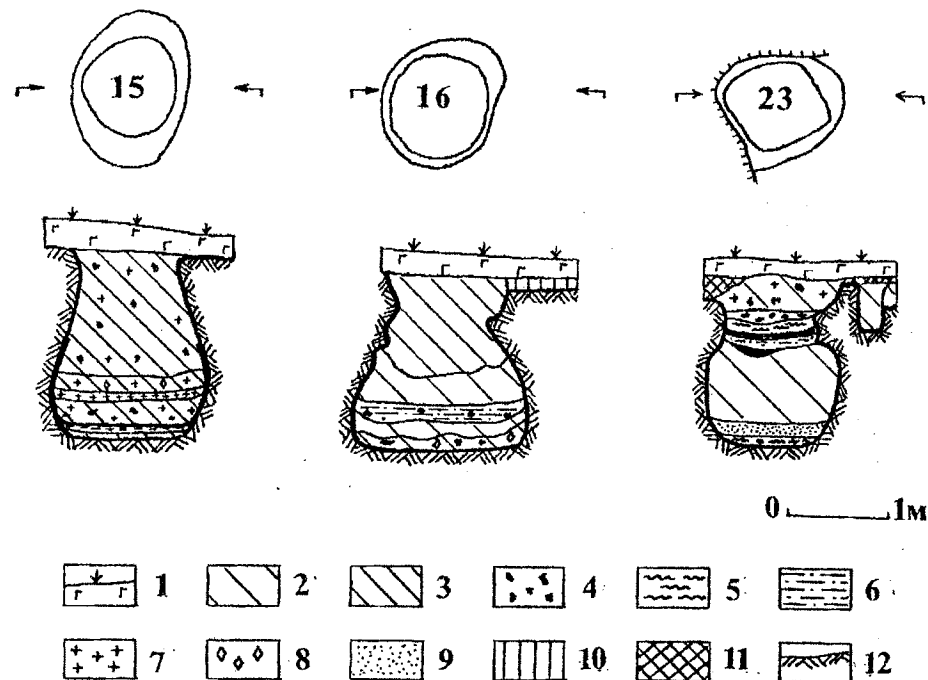

Рис. 39. Поселение у с. Горбово. Зерновые ямы 15, 16, 23:
1 — дерн; 2, 3 — серый гумусированный суглинок различной насыщенности; 4 — уголь; 5 — зола; 6 — желтый суглинок; 7 — печина; 8 — рыба чешуя; 9 — песок; 10 — предматерик; 11 — перекоп; 12 — материк

изымался захватчиками. Это, равно как и условия сохранности, может являться объяснением столь редких находок зерна в ямах.

Говоря о формах ям, И. И. Ляпушкин отмечал, что, возможно, в категории зерновых относились не только ямы, расширяющиеся в нижней части, но и ямы с вертикальными стенками [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 233]. Объяснением этому, по мнению исследователя, служила возможность оплыва верхней части ямы. Действительно, такую возможность нельзя исключать полностью, однако не следует считать все цилиндрические ямы обвалившимися колоколовидными. При тщательном исследовании некоторых из них, в частности на том же поселении у с. Горбово, было установлено, что стенки были устроены вертикально изначально. Таким образом, в настоящее время можно предположить, что, с одной стороны, все колоколовидные в профиле ямы первоначально предназначались для хранения зерна, а с другой стороны, что только ямы указанной формы можно с уверенностью считать «житными».

Исходя из этого предположения необходимо прежде всего хотя бы приблизительно установить соотношение количества зерновых ям с количеством соответствующих жилищ. К сожалению, стратиграфическому соотношению ям в археологической практике уделялось минимальное внимание. Установить синхронность ям и жилищ по этой причине практически невозможно. В ряде случаев ямы вырывались непосредственно в полу жилища. Такие постройки хорошо известны, например, на позднем этапе жизни Большого Горнальского городища [Куза А. В. 1981. С. 26, 27]. Однако и в этих случаях не всегда понятно, существовали в постройке две или три ямы одновременно или они последовательно сменяли друг друга. Выделенные авторами раскопок ямы, вынесенные за пределы построек [Куза А. В. 1981. С. 26], вообще вряд ли имели какое-нибудь отношение к этим жилищам и, вероятно, были несинхронны им (например, яма 5 и жилище № 3, яма 15 и жилище № 7 и т. д.). Попытки связать в единый комплекс разновременные ямы и жилища известны и на других памятниках. Но и синхронность ям, вырытых непосредственно в полу и, несомненно, относящихся к тому или иному жилищу, как уже отмечалось, весьма неопределенна. Так, в жилище № 1 у с. Горбово из пяти ям, вырытых в полу, к моменту гибели постройки функционировало не более двух [Григорьев А. В. 1983 б. С. 69. Рис. 1].

На большей части памятников зерновые ямы располагались за пределами построек. При подсчете их количества на нескольких наиболее полно исследованных и опубликованных памятниках выяснилось, что на вскрытой площади того или иного памятника количество ям, которые с уверенностью можно отнести к зерновым, приближается к количеству жилых построек. Из этого простого наблюдения можно сделать два основных вывода. Во-первых, очевидно,

что в основной части каждому жилищу соответствует всего одна функционирующая зерновая яма. Во-вторых, вероятно, время бытования хлебной ямы было близко по времени жизни соответствующей постройки. Нам неизвестно, какая часть запасов зерна хранилась в яме. Как показывают материалы раскопок некоторых сгоревших в пожаре жилищ, часть зерна хранилась непосредственно в жилых постройках. Известны случаи находок зерна и в наземных хозяйственных постройках, как, например, в постройке 1 городища Новотроицкого [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 150] или постройке 11 Большого Горнальского городища [Куза А. В. 1981. С. 21]. Зерновые ямы, вероятно, служили для более длительного хранения зерна, в основном посевного фонда. В пользу этого предположения говорят и этнографические наблюдения, в частности, традиция засыпать яму землей [Зеленин Д. К. 1991. С. 82, 83]. Возможно, с этим связано бытовавшее еще недавно понятие «ямиться семенами» [Даль В. И. 1955. С. 677]. Можно предположить, что объемы зерновых ям в той или иной степени соответствуют размерам обрабатываемых участков и отражают благосостояние их владельцев.

Несомненно, вычисление полезного объема «хлебной» ямы носит приблизительный характер. В частности, не всегда известно, с какого уровня была опущена яма и какая ее часть повреждена в позднейшее время. Однако по большей части разрушения коснулись верхних частей ям, горловин и не отразились на их рабочем объеме. В результате просчетов объема наиболее сохранившихся ям городища у с. Опошня Новотроицкого и Горбовского поселений выяснилось следующее. Наименьшие из ям не всегда достигают 0,4 куб. м (2 четверти), объем наиболее крупных из них превышает 3 куб. м (15 четвертей). Для удобства все исследованные ямы были разделены на три условные группы. Малые, вместимостью до 4 четвертей, средние — 4—6 четвертей и крупные, с объемом, превышающим 6 четвертей. Как видно из графика (рис. 40), для раннего поселения у с. Опошня в основном характерны ямы средних и малых размеров. На Новотроицком городище различия уже более заметны. Значительно увеличивается количество малых ям и в это же время появляются ямы больших объемов. На поселении у с. Горбово при общем возрастании объемов ям различия между малыми и большими становятся еще более заметными (рис. 40). Средние объемы ям, а следовательно, и запасы зерна на указанных поселениях со временем возрастают. Так, если средний запас зерна на одну условную яму в пересчете на пшеницу [Hutte. 1935. С. 988. Табл. 10] на городище Опошня составлял 0,74 т, на несколько более позднем городище Новотроицкое — 0,79 т, то на поселении у с. Горбово, датируемом в целом X—1-й пол. XI в. — 1,03 т. Даже при всей условности

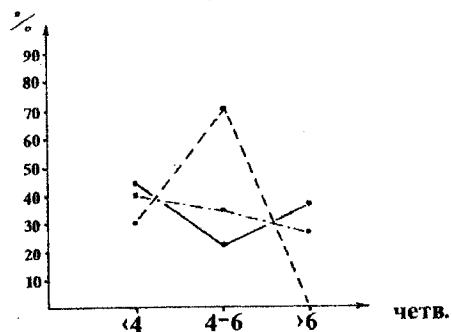

Рис. 40. Процентное соотношение различных по объему зерновых ям на поселениях:
 1 — Опошня; 2 — Новотроицкое; 3 — Горбово

альных и этнических образований. На исследуемой территории подобные ямы широко известны в древностях скифского времени [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 34], а также позднее, в V—VII вв. [Горюнов Е. А. 1981. С. 65, 66]. Распространены они и на сопредельных поселениях салтовской культуры [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 192]. Простота и в то же время надежность такого способа хранения зерна определили его внеэтническую стойкость в степной и лесостепной зонах.

Кроме зерновых, на поселениях роменской культуры встречается большое количество ям самых разнообразных форм и, вероятно, назначений. Некоторые из них, возможно, служили погребам. Весьма ярким тому примером может служить яма-погреб, имевшая специальный вход, исследованная И. И. Ляпушкиным в г. Полтаве [Ляпушкин И. И. 1949. С. 64. Рис. 1]. Часть ям может быть интерпретирована как остатки нижних частей небольших наземных хозяйственных построек. К этой категории могут быть отнесены, например, яма 25 и постройка 1 Горбовского поселения [Григорьев А. В. 1983 б. С. 69. Рис. 1]. Однако значительная часть ям не поддается сколько-нибудь аргументированной интерпретации. Они могли служить погребам, специально вырытыми помойками и отхожими местами. Общее количество неопределенных по назначению ям, как правило, превышает количество жилых построек. Время их функционирования неизвестно, и потому трудно даже предположить, сколько из них одновременно действовало в пределах одной усадьбы. Можно лишь отметить, что со временем количество различных ям на поселениях

наших расчетов рост запасов зерна почти в полтора раза вряд ли можно считать случайным.

Таким образом можно констатировать, что зерновые ямы отражают некоторые изменения, происходившие в производстве и распределении основного богатства средневековья — зерна. Дальнейшее целенаправленное их изучение поможет в решении целого ряда социально-экономических вопросов Северского общества. Что же касается самого типа зерновой ямы, то он остается практически неизменным на протяжении нескольких веков и характерен для различных соци-

увеличивается, что косвенно отражает активизацию хозяйственной деятельности населения.

Полностью наземные постройки, игравшие, очевидно, большую роль как в хозяйственной жизни, так и во всем облике северского поселения, известны в единичных случаях, и в настоящее время могут быть привлечены лишь в качестве иллюстративного материала. Так, наземная постройка I Новотроицкого городища, вероятно, представляла собой легкое сооружение из вертикально установленных плах [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 150]. Встреченные в ее заполнении остатки зерен ржи и металлическая мотыжка указывают на сельскохозяйственный характер этого сооружения. Г. В. Борисевичем и А. А. Узяновым было выдвинуто предположение о том, что исследованные на Новотроицком городище остатки наземных сооружений представляли собой единый комплекс оборонительной стены [Борисевич Г. В., Узянов А. А. 1987. С. 57, 58]. Если это предположение верно, то в данном случае можно говорить о хозяйственном использовании части укреплений. Наземная постройка 11, следы которой были выявлены при раскопках Большого Горнальского городища, не поддается реконструкции. Следует отметить, что и здесь было зафиксировано значительное скопление горелого зерна [Куза А. В. 1981. С. 21. Рис. 9, 5].

Вероятно, иное назначение, чем описанные выше, имела постройка 8 Большого Горнальского городища [Куза А. В. 1981. С. 18, 19. Рис. 7, 2]. От нее сохранился лишь небольшой котлован размером 3,8 × 1,6 м, глубиной 0,2 м. Однако изучение распространения материала в слое позволяет предполагать, что постройка значительно превышала границы котлована и в основной своей части была наземной [Куза В. А. 1990. С. 94]. Характер материала из заполнения позволил авторам раскопок предположить, что эта постройка имела производственное назначение и, возможно, служила кузней [Куза А. В. 1981. С. 19. Рис. 8].

Необходимо еще раз отметить, что состояние материала сейчас не позволяет сколько-нибудь полно охарактеризовать, вероятно, многочисленные наземные постройки, служившие для хранения и обработки зерна, стойл для скота, для кузнечного и другого производства.

В качестве производственных сооружений в ряде работ упоминаются отдельно стоящие печи. В частности, печь, раскопанная на Донецком городище, в которой производился обжиг керамики [Шрамко Б. А. 1970. Рис. 2]. Насколько это предположение правомерно, также пока сказать трудно. Отметим лишь, что подобные печи не являлись редкостью на роменских поселениях [Узянов А. А. 1981. С. 86]. Три таких печи, две из которых сделаны в виде под-

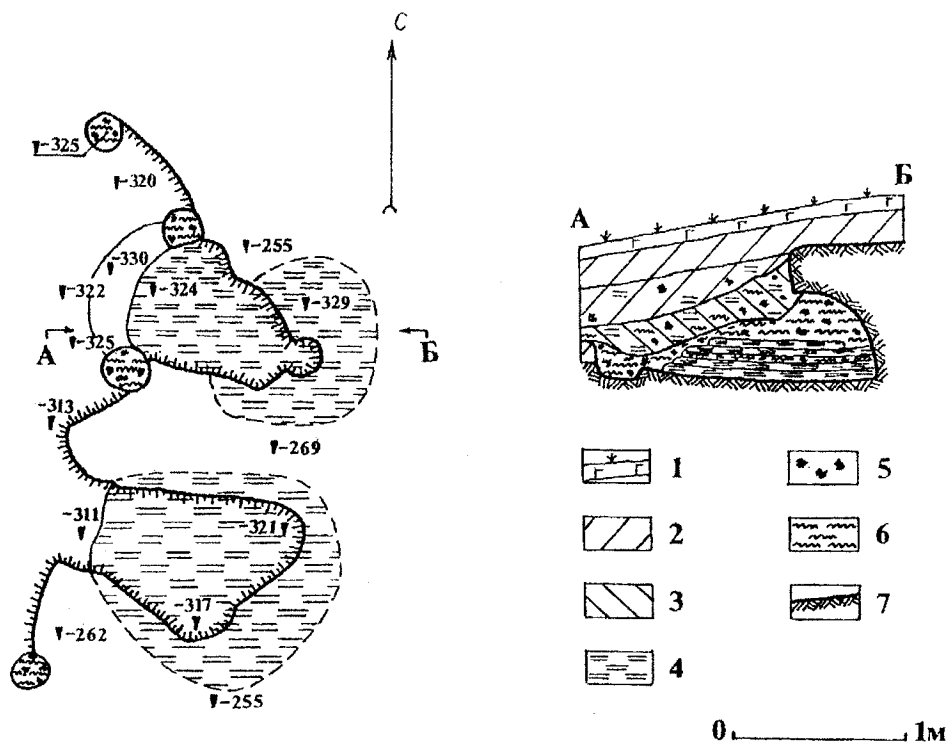

Рис. 41. Поселение у с. Горбово. Отдельно стоящие печи II и III:

1 — дерн; 2 — серый гумусированный суглинок; 3 — темно-серый гумусированный суглинок; 4 — обожженная глина; 5 — уголь; 6 — зола; 7 — материк

боя на склоне площадки поселения, а одна сооружена целиком из глины, были исследованы на селище у с. Горбово (рис. 41) [Григорьев А. В. 1983 б. С. 70. Рис. 1]. Все эти печи находились в непосредственной близости от жилых построек, вероятно, в пределах усадьбы. Никаких следов производства в них не обнаружено. Скорее всего, их можно интерпретировать как летние печи, стоявшие во дворе дома и защищенные от дождя легким навесом. Использование их для обжига керамики допустимо, но не обязательно. В отношении печи Донецкого городища также не ясно, была ли она построена с определенной производственной целью или же просто летняя печь была использована в производственных нуждах.

Специальный гончарный горн, исследованный О. В. Сухобоковым на поселении у с. Каменное, значительно отличался от указанных печей [Сухобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С. 1978. С. 387]. Однако время его сооружения не совсем понятно.

Завершая описание основных черт роменских поселений, необходимо еще раз отметить, что при всей неполноте материала уже сегодня можно говорить о многотипности и разнообразии их топографии, о сложной системе фортификационных сооружений, о постоянном совершенствовании жилых построек и, вероятно, о сложении и развитии такой важной хозяйственной и социальной единицы, как двор. Очевидны также значительные различия в облике поселений начальной и завершающей стадий существования культуры, что однозначно указывает на поступательное развитие северян на протяжении VIII — нач. XI в.

В отличие от поселений, погребальные памятники населения Днепровского Левобережья дают менее обширный вещевой материал, что в значительной степени затрудняет их датировку. В то же время они как нельзя лучше освещены в письменных источниках. Так, согласно недатированной части «Повести временных лет», север, равно как и радимичи и вятичи, после тризны сжигали покойника «и посем собравше кости вложаху в судину малу и ставяху на столпе» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 14]. Аналогичный обряд трупосожжения на стороне с установкой урны на кургане описывают и арабские источники X в., правда, применительно ко всем славянам [Гаркави А. Я. 1870. С. 264, 265].

Курганные могильники с таким погребальным обрядом были в большом количестве исследованы еще в XIX в., и уже тогда ряд авторов, и прежде всего Д. Я. Самоквасов, определили их принадлежность северу IX—X вв. [Самоквасов Д. Я. 1878 б]. Значительно позже, в обобщающей работе Г. Ф. Соловьевой было установлено, что курганы с урнами в верхней части насыпи составляют довольно компактную группу, соответствующую левобережной роменской культуре и совпадающую с территорией, принадлежавшей исключительно объединению север [Соловьева Г. Ф. 1956. С. 140, 141, 146, 147. Рис. 2]. То есть указанный погребальный обряд является во многом этноопределяющим для жителей Северной земли.

Таким образом, имея на основе двух различных категорий источников достаточно полное представление о характере погребального обряда северян в дохристианский период, мы в то же время имеем весьма смутное представление о путях его возникновения, развитии и дальнейшей трансформации или исчезновении. Без понимания динамики обряда совершенно немыслимо пытаться строить какие бы то ни было предположения относительно идеологии, а также социальных и этнических процессов. Значительные изменения, произошедшие в материалах и самом характере поселений и, вероятно, во всем укладе общества, не могли не отразиться на идеологии, а, следовательно, и на погребальном обряде.

Д. Т. Березовец, а вслед за ним и О. В. Сухобоков, исходя из положения о существовании самостоятельной «волынцевской культуры» VII—VIII вв., предложили следующую схему развития северянских погребений. По их мнению, волынцевские погребения совершались по обряду трупосожжения на стороне с дальнейшим помещением урны под слоем дерна без сооружения каких-либо насыпей, что сближало их с погребениями Днепровского Левобережья предшествующей поры [Сухобоков О. В. 1975. С. 53—56]. Однако такое представление о ранних погребениях вызвало весьма обоснованную критику [Ляпушкин И. И. 1968. С. 61, 62, 71, 77; Бессарабова З. Д. 1973. С. 67, 68]. Для следующего, раннероменского по Д. Т. Березовцу и О. В. Сухобокову, периода (IX—X вв.), по мнению авторов, были характерны «классические» погребения с помещением урны в верхней части насыпи, позже сменившиеся курганами с урнами на уровне древнего горизонта [Арх. ИА АНУ: Ф. 12. 1969. № 379. Л. 129; Сухобоков О. В. 1975. С. 73]. К сожалению, и это предположение не было сколько-нибудь веско аргументировано.

Создается впечатление, что если в отношении ранних погребений авторы преследовали цель противопоставить группу т. н. «волынцевских» памятников роменским, то, говоря о постепенном перемещении урны из верхней части насыпи в нижнюю, они старались тем самым сблизить пути развития северянских погребальных обрядов с его развитием в районах Среднего Поднепровья. Однако принятая для указанного региона схема кремации на стороне — кремация на месте — ингумация на горизонте — ингумация в яме [Моща А. П. 1987. С. 126] вряд ли может быть механически перенесена на районы Днепровского Левобережья. К вопросу о соотношении роменского и древнерусского обрядов мы еще вернемся. Пока же очевидно, что необходимо еще раз обратиться к проблемам развития обряда во времени.

К сожалению, большая часть известных курганов была исследована еще до революции [Беляшевский Н. 1900. С. 146—148; Беспальчев В. Ф. 1911. С. 214, 215; Дмитриюков А. 1863. С. 506, 507; Самоквасов Д. Я. 1908 а]. Материалы из этих раскопок в значительной степени утрачены, сохранившаяся документация также крайне неполна. В советское время целенаправленные раскопки северянских погребений производил в послевоенные годы Д. Т. Березовец [Березовец Д. Т. 1955. С. 49—66]. Отдельные погребения были исследованы П. И. Засурцевым, Т. Н. Никольской [Арх. ИА, р—1: № 902. Л. 13, 15; Никольская Т. Н. 1958. С. 72], О. В. Сухобоковым [Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1977. С. 376, 377], А. А. Узяновым [Узянов А. А., Смирнов Ю. А., Верецинский Л. И. 1979. С. 98, 99; Узянов А. А. 1986. С. 77, 78] и др.

Фрагментарность данных о большинстве погребений, а также сам характер обряда, преимущественно безынвентарный, делают практически невозможным определение абсолютной даты подавляющего числа погребений. Поэтому представляется возможным наметить лишь основные тенденции в развитии обряда, определив их хронологию в самых широких рамках. Основой для такой хронологии, как и при исследовании поселений, могут служить пласты инородных древностей. Однако ограниченность материала, представленного в погребениях, в большой степени усложняет этот процесс. Отсутствие вещей того или иного пласта в комплексе еще не может однозначно указывать на его несинхронность. Особенно это относится к древнерусскому пласту древностей, т. к. в районах наиболее раннего его распространения роменские курганы практически не сохранились (рис. 42).

Поэтому на начальной стадии исследования можно разделить известные нам погребения в целом на ранние (2-я пол. VIII—1-я пол. IX в.) и поздние (сер. IX—X в.). При сравнении этих двух групп памятников очевиден целый ряд изменений в деталях погребального обряда (табл. 5).

Для основной массы ранних могильников, содержащих материалы волынцевского пласта древностей, характерно размещение погребальных урн на уровне древней дневной поверхности. В настоящее время не ясно, являлись ли эти памятники остатками распаханых курганов или грунтовыми погребениями. Д. Т. Березовец и О. В. Сухобоков, как уже отмечалось, считали эти захоронения грунтовыми. И. И. Ляпушкин и З. Д. Бессарабова, проанализировав документацию раскопок, усомнились в этом положении [Ляпушкин И. И. 1968. С. 61, 62, 71, 77; Бессарабова З. Д. 1973. С. 67, 68]. Действительно, из трех могильников этого типа — один, у г. Сошницы, был разрушен при постройке дороги и не может быть использован для решения вопроса [Виноградский Ю. С. 1952. С. 50—52]; другой, расположенный между с. Малые Будки и с. Константиново, носил явные следы распаханых насыпей, что в полной мере отразилось в публикации памятника [Макаренко Н. Е. 1907. С. 50—54; Беспальчев В. Ф. 1911. С. 214, 215] и на что неоднократно указывали исследователи.

Наиболее спорным является вопрос о существовании следов насыпей на могильнике у с. Волынцево. По мнению автора раскопок, он был бескурганым [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 248, 249]. Однако, исследуя полевые записи Д. Т. Березовца, И. И. Ляпушкин обратил внимание на явное несоответствие ряда записей, сделанных в процессе работ, с текстом отчета и последующей публикации [Ляпушкин И. И. 1968. С. 61, 62]. Таким образом, вплоть до проведения качественно новых полевых исследований, означенный вопрос не может получить единого решения. Каково бы это решение ни

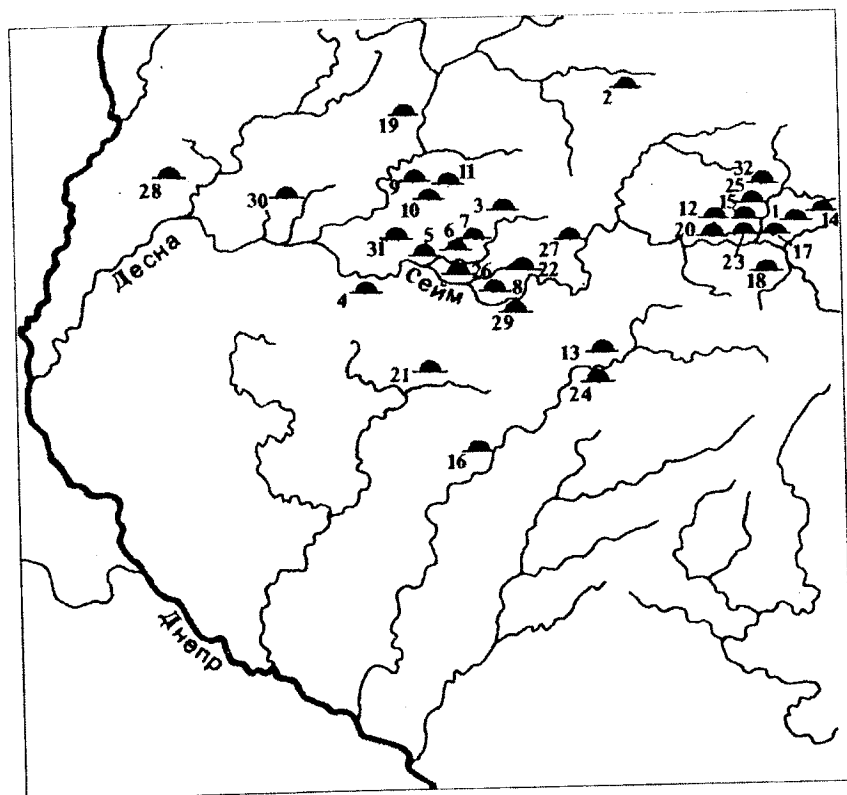

Рис. 42. Распространение курганов роменской культуры:

1 — Александровка; 2 — Бабинец; 3 — Богданова; 4 — Верева; 5 — Волокитино, хут. Дорошевского; 6 — Волокитино, слобода Городище; 7 — Волокитино, уроч. Старый кирпичный завод; 8 — Волинцево; 9 — Воронеж, уроч. Крученое болотце; 10 — Воронеж, уроч. Павленков хутор; 11 — Воронеж, уроч. Черные лозы; 12 — Гнездилово; 13 — Горналь; 14 — Городище; 15 — Жерновец; 16 — Каменное; 17 — Клюква; 18 — Лебяжье; 19 — Ленково; 20 — Липино; 21 — Малые Будки; 22 — Марьяновка; 23 — Мешково; 24 — Мирополье; 25 — Переверзево; 26 — Путивль; 27 — Рыльск; 28 — Седнев; 29 — Сетнов; 30 — Сосница; 31 — Холоденок; 32 — Шуклинка

было в дальнейшем, очевидно, что характерной чертой этих памятников было размещение урны на уровне древнего горизонта. В памятниках поздней поры сосуды с прахом располагались в верхней части насыпи. Перемещение урны с уровня дневной поверхности в верхнюю часть насыпи, вероятно, произошло еще на раннем этапе, о чем говорят находки отдельных волинцевских круговых сосудов в курганах у д. Марьяновка [Самоковасов Д. Я. 1916. С. 75, 76] и у хут. Дорошевский у с. Волокитино [Самоковасов Д. Я. 1916. С. 70. Рис. 73]. Найденные в кургане у д. Марьяновка бронзовые трапециевидные подвески также характерны для ранней стадии ромен-

Роменские погребения Днепроовского Левобережья

Памятник	Иссл. погр.	В т. ч. разр.	На гор.	В нас.	Кол-во урн		Страв-ница	Дер. соор.	Предварительная датировка
					1	> 2			
Волинцево	19	5	19	—	9	5	4	—	2-я пол. VIII — нач. IX в.
М. Будки	3	—	3	—	1	2	—	+	2-я пол. VIII — нач. IX в.
Сосница	1	?	1	—	—	1	1	+	2-я пол. VIII — нач. IX в.
Путивль	1	—	1	—	—	—	—	—	2-я пол. VIII — нач. IX в.
Волокитино хут.									
Дорошенко	13	5	—	13	8	1	1	—	к. VIII — IX в.
Волокитино уроч.									
«Стар. кирп. з-д»	8	7	—	8	1	?	?	—	к. VIII — IX в.
Марьяновка	7	—	—	7	6	1	—	—	к. VIII — IX в.
Шуклинка	1	—	1	—	—	1	1	+	IX в.
Седнев	26	?	—	26	24	2	5	—	IX в.
Александровка	7	3	—	3	?	?	?	?	IX — нач. XI в.
Бабинец	1	—	—	1	1	—	1	—	IX — нач. XI в.
Богданова	4	3	—	3	1	—	1	—	IX — нач. XI в.
Верева	?	?	—	3	?	?	?	?	IX — нач. XI в.
Волокитино слоб.									
«Городище»	2	—	—	2	2	—	—	—	IX — нач. XI в.
Воронеж	10	—	—	10	?	?	?	—	IX — нач. XI в.
Гнездилово	2	2	—	2	?	?	?	—	IX — нач. XI в.
Городище	4	?	—	4	?	?	?	—	IX — нач. XI в.
Клюква	5	?	—	5	?	?	?	—	IX — нач. XI в.
Мешково	2	1	—	1	?	?	?	—	IX — нач. XI в.
Рыльск	2	—	—	2	2	—	1	—	IX — нач. XI в.
Сетнов	7	6	—	7	6	1	1	—	IX — нач. XI в.
Мирополье	2	—	—	2	2	—	2	—	IX — нач. XI в.
Холоденок	9	5	—	9	?	?	?	—	IX — нач. XI в.
Жерновец	1	—	1	—	1	—	1	+	2-я пол. X — нач. XI в.
Горналь	23	?	—	23	23	—	5	—	2-я пол. X — нач. XI в.
Каменное	1	—	—	1	1	—	—	—	к. X — нач. XI в.

ской культуры [Самоковасов Д. Я. 1916. С. 75. Рис. 75]. Биконический сосуд, более характерный для предшествующих роменской культур, был найден в верхней части кургана в уроч. Старый кирпичный завод у с. Волокитино [Самоковасов Д. Я. 1916. С. 70, 71. Рис. 74]. Приведенные примеры позволяют предположить, что уже в 1-й пол. IX в. погребения с урной в верхней части насыпи были в достаточной степени распространены. Впоследствии изменений в месте нахождения урны не происходило.

В весьма поздних курганах у с. Горналь [Самоковасов Д. Я. 1908 а. С. 212—216; Дмитриуков А. 1854. С. 26; 1863. С. 512] и в кургане 10 у с. Каменное [Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1977. С. 376, 377; Сухобоков О. В. 1990. С. 100, 101] был зафиксирован

все тот же обряд с урной в верхней части насыпи. Т. е. можно говорить о стабильности в расположении урны в насыпи на протяжении IX—X вв. Исключение составляют некоторые курганы, расположенные в зонах контактов с верхнеокским, вятичским вариантом роменской культуры, имевшей иной погребальный обряд [Никольская Т. Н. 1981. С. 27—41], а именно в верхнем течении Десны [Падин В. А. 1948. С. 86; 1970. С. 97, 98] и р. Тускарь [Арх. ИА, р.—1: № 902. Л. 13—15; Узанов А. А., Смирнов Ю. А., Верецинский Л. И. 1979. С. 98, 99].

Кроме изменения положения урны в насыпи менялось и количество самих урн в погребении (табл. 5). Так, немногим менее половины всех погребений, расположенных на уровне древней дневной поверхности, содержали два и более сосудов с остатками кремации. В курганах, где урна располагалась сверху, такие случаи единичны, причем почти все они зафиксированы в ранних погребениях, в частности, в упоминавшихся выше могильниках у хут. Дорошевский и д. Марьяновка [Самоковасов Д. Я. 1916. С. 70, 75, 76]. Также в исключительно ранних погребениях были встречены следы различных деревянных сооружений [Бессарабова З. Д. 1973. С. 67].

В целом можно говорить о том, что в начале своего развития погребальный обряд северян не выделялся из общей массы славянского погребального обряда, распространенного к западу от р. Днепр, и был необычайно близок к обрядам соседних территорий родственной роменской культуры Верхней Оки [Никольская Т. Н. 1981. С. 27—41; Седов В. В. 1973. С. 10—16] и Среднего Дона [Винников А. З. 1984]. Однако уже в нач. IX в. на территории Северской земли, вероятно, складывается оригинальный и необычайно стандартный погребальный обряд, остававшийся неизменным вплоть до кон. X в. и хорошо известный нам по письменным источникам.

Унифицированность погребального обряда, отсутствие в нем признаков социального неравенства, как правило, связывается с весьма низким уровнем социального развития общества. В рассматриваемом случае столь прямолинейный вывод едва ли допустим. Следы определенного имущественного неравенства в некоторой степени прослеживаются, но исключительно на наиболее ранних памятниках с еще не сложившимся обрядом. Так, на могильнике у с. Волынцево богатые погребения отличались не только количеством урн и стравниц, но и положенными туда после сожжения вещами — стеклянными бусами, бронзовыми браслетами, фрагментом кольчуги и т. п. [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 248]. Только в этих погребениях были использованы редкие на соответствующем могильнику поселении круговые сосуды «волынцевского» типа [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 249]. Эти, пусть не очень яркие, но все же признаки неравенства не получают дальнейшего развития. Одновременно со сложением северянского

обряды они полностью исчезают. Объяснить это явление регрессом общества совершенно неправомерно — материалы поселений явно свидетельствуют об обратном. Единственное, что могло послужить причиной для унификации погребального обряда, так это сложение единой для северского общества идеологии. Устойчивое единообразие погребений может указывать на представления носителей роменской культуры о равенстве человека перед смертью, а следовательно, и перед Богом.

Не менее важным чем вопрос о сложении и развитии северянского погребального обряда, является и вопрос о его соотношении с синхронным обрядом Древней Руси и, следовательно, о его дальнейших судьбах. Как отмечалось выше, в IX в. северский погребальный обряд уже в значительной мере отличался от обрядов соседних славянских территорий. В это время он фиксируется как на основной Северской территории, так и в нижнем черниговском течении р. Десны. К сожалению, материалы раскопок наиболее изученного в этом регионе могильника у г. Седнев были утрачены вскоре после проведения работ [Самоковасов Д. Я. 1908 а. С. 69]. Отсутствие в публикации сколько-нибудь ясного описания погребальных сосудов делает невозможным решение вопроса о том, к какому из поселений относилась указанная курганная группа. Если она была оставлена жителями роменского поселения, расположенного в уроч. Орешня, то ее, видимо, можно датировать кон. IX в. [Коваленко В. П. 1984. С. 272]. В таком случае можно говорить не только о смене облика материальной культуры поселения, но и погребального обряда на данном конкретном памятнике. В то же время отсутствие достаточно подробной хронологии для погребальных памятников, а также наличие в Черниговском Подесенье X в. самых разнообразных обрядов, в т. ч. и трупосожжения в урнах, позволяют предположить постепенную трансформацию роменского погребального обряда на этой территории и его постепенное слияние с древнерусским.

Совершенно иную картину мы наблюдаем на основной территории Северской земли. Как уже отмечалось ранее, вплоть до нач. XI в. здесь господствует местный роменский обряд погребения. Кроме того, во 2-й пол. X—1-й пол. XI в. известно несколько погребений, совершенных по обряду ингумации в яме с западной ориентировкой костяка [Григорьев А. В. 1990 ж. С. 86, 87. Табл. XVII; Липкин Ю. А. 1974. С. 151; Енукова О. Н. 1992. С. 191, 192]. Столь резкое появление нового, совершенно не похожего на местный погребальный обряд может объясняться либо значительным притоком иноэтничного населения, либо коренными изменениями в идеологии части северян. Предположение о появлении заметного числа переселенцев не находит подтверждения в материале указанных памятников. Инвентарь труположений совершенно идентичен вещам из

раскопок поселений позднероменского периода. Никакого дополнительного инородного влияния в нем не ощущается. В литературе высказывалось предположение о том, что район Курского Посеймья одним из первых в Северной земле попал под влияние Руси, что сказалось на появлении нового обряда [Шинаков Е. А. 1981 а. С. 10; Моця А. П. 1990. С. 97].

Однако достаточно взглянуть на карту для того, чтобы заметить, что подавляющее большинство известных роменских могильников расположено по р. Сейм и лишь отчасти в верхнем течении р. Псел. Неудивительно, что именно здесь были обнаружены и немногочисленные труположения. В густо заселенных районах Средней Десны, Ворсклы и Северского Донца погребения роменского времени попросту неизвестны*. Судя по материалам поселений, в частности, по распространению древнерусской керамики, наиболее подверженными влиянию Руси в X в. были районы Средней Десны и Среднего Посулья. Неравномерность в сохранности и степени исследованности роменских могильников делает приведенное выше предположение несостоятельным. Единственным приемлемым объяснением появления во 2-й пол. X в. нового обряда в северянской среде может быть распространение среди части местного населения новой идеологии, вероятнее всего христианства.

В послеуроменское время наибольшее распространение получают подкурганное захоронения, совершенные по обряду ингумации на горизонте. Подобные погребения известны на обширных территориях Древней Руси и, как полагают, являются этапом в развитии древнерусского погребального обряда. Однако если в Среднем Поднепровье труположению на горизонте предшествует обряд кремации на месте кургана, то в Северной земле этот промежуточный этап отсутствует. Традиционный роменский обряд кремации на стороне с последующей установкой урны в верхней части насыпи одновременно сменяется принципиально новым типом захоронений. Одновременно значительно меняется и характер сопровождающего инвентаря. Единственное, что роднит эти два обряда, так это наличие самой курганной насыпи. Но и здесь следует помнить, что большая часть роменского кургана насыпалась до установки урны и позже лишь незначительно досыпалась, в то время как древнерусские курганы возводились в один прием.

Некоторые исследователи видят связь между роменским обрядом и обрядом ингумации на горизонте в том, что в некоторых случаях курганы с ингумациями встречены в одной группе с курганами, со-

* Работами последних лет в Среднем Подесенье выявлены курганы с христианскими захоронениями в могильнике крупного роменского поселения у с. Радичев [Казаков А. Л. 1994. С. 22—24].

держащими остатки кремаций. Очевидно, что наличие разных по сути своей погребений в одной группе еще не может говорить ни об их синхронности, ни о преемственности оставившего их населения. Примером тому может служить один, из наиболее изученных, могильник у с. Горналь [Дмитрюков А. 1863. С. 512; Самоквасов Д. Я. 1908 а. С. 212—216]. Вскрытые там курганы содержали погребения, совершенные как по «северянскому» обряду, так и по обряду труположения на горизонте. Как выяснилось в ходе раскопок, курганы с кремацией на стороне составляли отдельную группу [Самоквасов Д. Я. 1908 а. С. 212, 213]. Время этих погребений, очевидно, синхронно существованию роменских поселений на Большом Горнальском городище и прилегающих селищах, гибель которых относится к кон. X в. [Куза А. В. 1981. С. 29]. Курганы, содержавшие труположения на горизонте, по сопутствующему инвентарю могут датироваться в целом XI—XII вв., а, судя по монете 1027—1054 гг. из кургана VIII [Самоквасов Д. Я. 1908 а. С. 214], временем не ранее сер. XI в. Таким образом, налицо несомненный хронологический разрыв между этими двумя типами погребений, находящихся на территории одного могильника. Отметим также отсутствие преемственности в материалах более позднего поселения, возникшего в XI в. на месте селища роменской культуры.

Помимо труположений на горизонте, правда, в меньшем количестве, на территории Северной земли в XI—XII вв. известны и другие типы погребального обряда. Причем, если отличие ингумации на горизонте от роменских захоронений очевидно, то другие обряды, в частности, кремации на месте и труположения в ямах, казалось бы, позволяют говорить о преемственности роменской и древнерусской традиций [Моця А. П. 1989. С. 81, 82]. Известные крайне немногочисленные случаи кремации на месте погребения никогда не встречаются в составе «чистых» роменских могильников. В то же время они известны в могильниках, содержавших исключительно древнерусские захоронения (Ушивка, Ницаха, Гочево). Причем многие из этих погребений, как, например, в Гочево, трудно определить как кремации в полном смысле этого понятия, скорее можно говорить о пережитках традиции в ингумации на горизонте [Шинаков Е. А. 1982. С. 91, сноска 10]. Инвентарь указанных погребений также не характерен для роменской культуры и совершенно идентичен инвентарю курганов с ингумацией. Вероятно, новый для левобережья Днепра погребальный обряд ингумации на горизонте был привнесен сюда вместе с присущими ему пережитками и новациями. Так как имеются все основания связывать кремацию на месте с древнерусским обрядом ингумации, но не наблюдается никакой связи с роменской погребальной традицией, вряд ли можно рассматривать эти единичные погребения как переходные от северянских к древнерусским.

Значительно сложнее разрешить вопрос о соотношении роменских и древнерусских погребений, совершенных по обряду ингумации в подкурганной яме. По сути своей этот обряд, возникший под влиянием христианства, совершенно идентичен как в роменское, так и в древнерусское время. Относительная непродолжительность его существования и недостаточная разработанность хронологии вынуждают, как и в случае с роменскими трупосожжениями, говорить лишь об основных направлениях в его развитии.

Для Днепровского Левобережья, как и для других южнорусских земель, традиционно принято считать обряд погребения в яме явлением относительно поздним по сравнению с ингумацией на горизонте. Однако сам факт погребения в подкурганной яме не позволяет говорить о сколько-нибудь узкой его датировке. Увеличение удельного веса таких погребений в кон. XI—1-й пол. XII в. можно рассматривать лишь в качестве весьма показательной тенденции. В то же время само наличие такой тенденции позволяет сделать интересные наблюдения.

Если считать, что традиция погребения в яме, возникшая в позднероменское время, непрерывно существует вплоть до XII в., то возникает ряд трудно разрешимых вопросов. Новый обряд появляется в среде носителей роменской культуры неожиданно и никак не связан с местным погребальным обрядом. Это может говорить о быстром и весьма активном процессе распространения христианства среди части северян. Логично предположить, что в построменский период, в связи с усилением влияния Руси, процесс этот должен был стать много активнее. Однако в реальности мы наблюдаем повсеместное распространение ингумации на горизонте, т. е. более архаичного варианта обряда. Предположить деградацию во взглядах населения трудно. Единственным объяснением такой ситуации может быть практически полная смена традиций. Погребальные обряды, присущие позднероменским памятникам, и кремация на стороне, и ингумация в подкурганной яме прекращают свое существование вместе с большинством памятников. Новые традиции являются составной частью общерусского погребального обряда и, попав на левобережье Днепра, продолжают развиваться по схеме, схожей с развитием обряда в Среднем Поднепровье.

Списать отмеченную выше непоследовательность в развитии трупоположений в ямах на счет региональных различий также трудно, о чем говорят материалы Липинского могильника. В первой публикации по этому вопросу мною была предложена следующая схема развития могильника (рис. 43). Трупоположения в ямах 2-й пол. X—нач. XI в. с роменским погребальным инвентарем, трупоположения на горизонте сер.—2-й пол. XI в. и трупоположения в ямах кон. XI—1-й пол. XII в. [Григорьев А. В. 1990 ж. С. 86, 87. Табл. XVII].

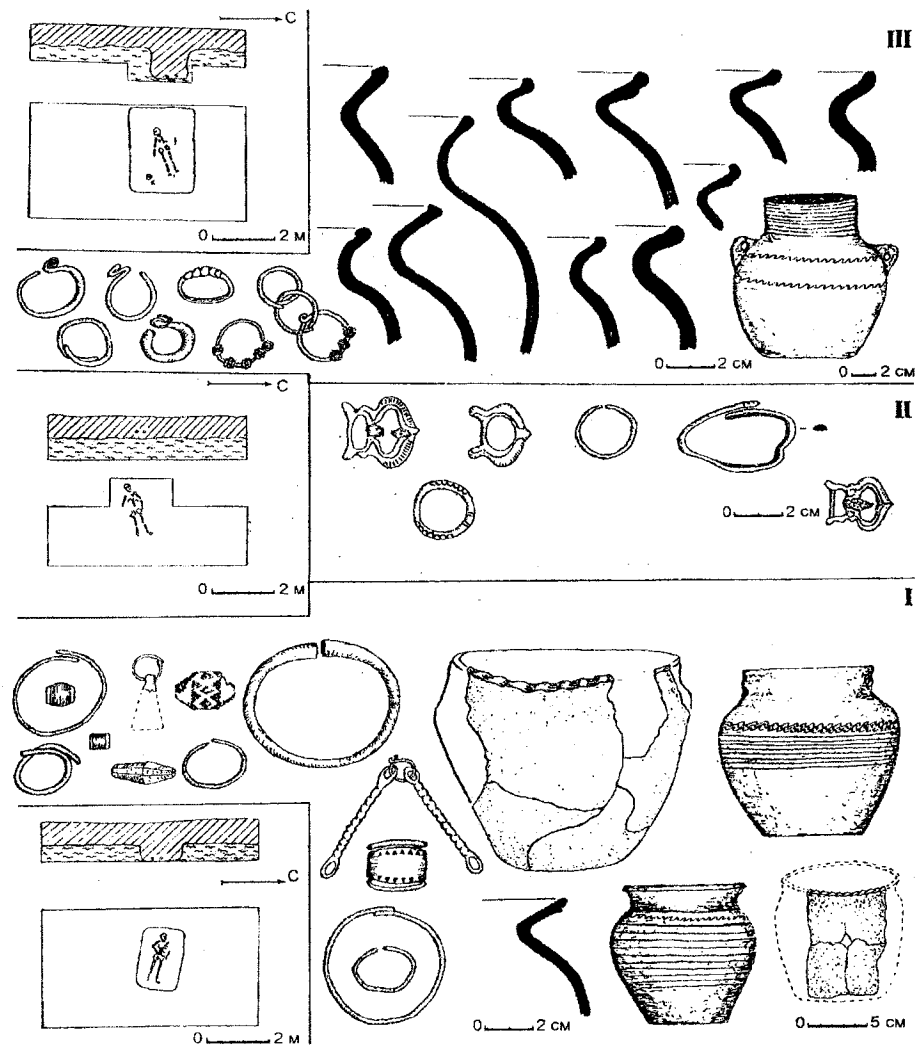

Рис. 43. Могильник у с. Липино. Изменения погребального обряда и инвентаря:
I — роменский этап; II, III — древнерусский этап

Сделанные в статье выводы подверглись серьезной критике со стороны В. В. Енукова [Енуков В. В. 1992. С. 193—195]. Действительно, в указанной ранее работе в качестве датирующего материала использованы лишь металлические украшения и керамика, содержавшаяся только в 27 из раскопанных погребений. Уважаемый оппо-

нент тщательно проработал такую важную категорию находок, как бусы, что, несомненно, увеличило число датированных погребений. Это, в свою очередь, позволяет откорректировать хронологические рамки предложенной схемы, однако не меняет ее сути. Трудно согласиться с фразой автора о том, «в Липино имеются курганы, отнесенные А. В. Григорьевым к числу древнерусских, одновременных роменским, а «лакуна» между нач. XI и XII в. довольно плотно «заполнилась» [Енуков В. В. 1992. С. 194].

Во-первых, к числу роменских или древнерусских мною были отнесены только те курганы, в которых содержался датирующий материал или выразительные фрагменты керамики. Погребения, продатированные В. В. Енуковым, в большинстве своем не содержали такого материала и потому не привлекались в работе вообще. В ходе датирования на основании бус значительно увеличилось количество ранних погребений кон. X—1-й пол. XI в. Однако отсутствие в них этнически окрашенного материала не позволяет отнести их к роменским или древнерусским. Тот факт, что все синхронные им погребения содержали роменский материал, указывает и на их культурную принадлежность северянам.

Во-вторых, что касается «лакуны», кстати, не упоминавшейся в статье, то ко 2-й пол.—кон. XI в. автором отнесены курганы 1 и 97, ко времени до нач. XII в.—курганы 98 и 113 и в целом к XI в.—курган 80. Из названных пяти курганов в двух (80 и 113) имелись украшения и фрагменты керамики, позволяющие достаточно уверенно отнести их к кон. XI—нач. XII в., что не противоречит дате по бусам, но значительно ее уточняет. Датировка ряда курганов временем до сер. XI в. мало чем дополняет наши представления о могильнике.

Таким образом, проведенное исследование комплексов бус, с одной стороны, позволило расширить круг ранних роменских погребений, с другой, дало основания полагать, что древнерусские погребения в ямах появляются на памятнике уже во 2-й пол. XI в. В то же время характер изменений в погребальном обряде остался прежним. Для позднероменского периода характерны исключительно погребения в ямах, на смену которым приходят погребения на горизонте. Не исключено, что в то же время появляются и древнерусские ямные захоронения, однако, судя по надежно датировемым комплексам, основное развитие этого обряда, как и на других памятниках, приходится на XII в.

Появление погребений, совершенных по обряду ингумации на горизонте, на памятнике, содержащем в предшествующую эпоху исключительно ямные захоронения, подтверждает существование тенденции, выявленной для погребальных памятников Левобережья в целом. Как уже отмечалось ранее, появление новых направлений в развитии погребального обряда происходит сразу после прекраще-

ния функционирования роменской культуры. На основании этой категории памятников трудно определить, в какой степени местное население участвовало в новых процессах. Очевидно лишь то, что роль его не была определяющей.

Закончив рассмотрение гражданских и культовых сооружений, обратимся непосредственно к вещевому материалу культуры. Изучение его тем более важно, что, кроме хронологической и этнической информации, он содержит в себе косвенные данные об общем уровне развития производства северян.

Одной из наиболее ярких категорий находок, встречаемых на роменских памятниках, несомненно, являются украшения. В отличие от других категорий большая часть этого материала введена в научный оборот. Украшения, как правило, используются авторами для определения даты памятников, а также при описании ремесла и торговых связей того или иного поселения. Некоторые категории вещей стали объектом специальных исследований [Айбабин А. И. 1973. С. 62—72; Шинаков Е. А. 1980. С. 110—127]. Попытка обобщения имеющегося материала была предпринята автором [Григорьев А. В. 1990 в. С. 50—56].

Характерной чертой рассматриваемого набора украшений является большое разнообразие типов вещей, многие из которых представлены единичными экземплярами. Это обстоятельство, во-первых, вынуждает при рассмотрении материала с северских памятников широко привлекать материалы с соседних территорий Верхней Оки и Среднего Дона; во-вторых, делает необходимым, прежде чем приступить к рассмотрению собственно роменского материала, вычлени его из массы явно инородных предметов.

Большая часть нероменских украшений на северянской территории непосредственно связаны с пластами «инородных древностей». Наиболее ранний, «архаичный» пласт, как отмечалось ранее, представлен небольшим количеством памятников, и потому украшений, которые можно было бы связать с носителями автохтонных культур, немного. Вычленение этой группы вещей осложняется невыразительностью самого материала. Так, с материалами колочинского типа, возможно, связаны простейшие трапециевидные подвески из состава Ивахницкого клада и кургана у д. Марьяновка [Макаренко Н. Е. 1908. Табл. II, 8; Самоквасов Д. Я. 1916. Рис. 75]. К тому же кругу древностей могут быть отнесены и спиралевидные пронизки из материалов ранних памятников, таких, как могильник М. Будки—Константиново или Ивахницкий клад [Макаренко Н. Е. 1907. С. 51; 1908. С. 9—13. Табл. II].

Однако, допуская на раннем этапе развития роменской культуры пережитков предшествующих традиций, в т. ч. и в облике украшений, необходимо помнить, что перечисленные выше вещи могут

быть отнесены и к древностям финно-угорского типа, широко распространенным в Северной земле в IX—X вв. Невозможность при современном уровне исследований четко разделить балтские и финно-угорские элементы в составе украшений роменской культуры вынуждает нас объединить их в условную группу, которую можно обозначить как «северная» или «северо-восточная».

Если для раннего этапа невыразительные вещи этой группы могут быть отнесены как к местным колочинским традициям, так и к финно-угорскому импорту, то уже с IX в. они, вероятнее всего, связаны с финно-угорской средой и представляют собой предмет импорта. Помимо трапециевидных подвесок и пронизок появляются и более выразительные вещи. В составе упоминавшегося уже Ивахницкого клада имеется фрагмент «бляшки чудского типа» [Макаренко Н. Е. 1908. Табл. II, 11]. Подвески в виде «утиных лапок» содержались в материалах Большого Горнальского городища и в роменских слоях г. Новгорода-Северского. В жилище 7 Горбовского поселения, относящегося к 1-й пол. X в., была найдена шумящая подвеска, имеющая аналогии в Крюково-Кужновском могильнике [Иванов П. П. 1952. С. 180], а в жилище 5 того же поселения — бронзовый цепедержатель, также широко распространенный в финских древностях [Kivikoski E. 1951. S. 10, 32. Abb. 119, 1149; 1973. Abb. 767, 768] (рис. 13, 1, 5). На всем протяжении существования культуры сохраняются и спиралевидные пронизки, свернутые из бронзовой проволоки различного сечения (преимущественно треугольного), и трапециевидные подвески, известные, в частности, в слое Новотроицкого городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 17, 6] и в роменском погребении Липинского могильника. В том же могильнике было найдено и другое украшение, вероятно, фрагмент цепи шумящей подвески, также имеющей аналогии в северных финских древностях [Голубева Л. А. 1962. Рис. 17, 6] (рис. 44 1, 3).

Количество украшений финно-угорских типов в материалах роменской культуры в целом невелико, и они весьма равномерно распределены как во времени, так и по территориям. Несколько большая концентрация подобных вещей отмечается на землях, близких к месту производства, в частности, в Подесенье. Однако они известны и в Полтавской области (Ивахники) и на памятниках Среднего Дона как славянских, так и салтовских [Арх. ИА, р.—1: № 1921. Рис. 4; Москаленко А. Н. 1965. Рис. 42; Голубева Л. А. 1984. С. 136—141]. Определенное финно-угорское влияние на комплекс украшений роменской культуры, вероятно, может быть объяснено постоянно нарастающим процессом колонизации финских земель славянами, прежде всего вятичами, культура которых близка северянской. Смешение финских и славянских традиций наиболее заметно в материалах такого памятника ранних вятичей, как городище у с. Супруты.

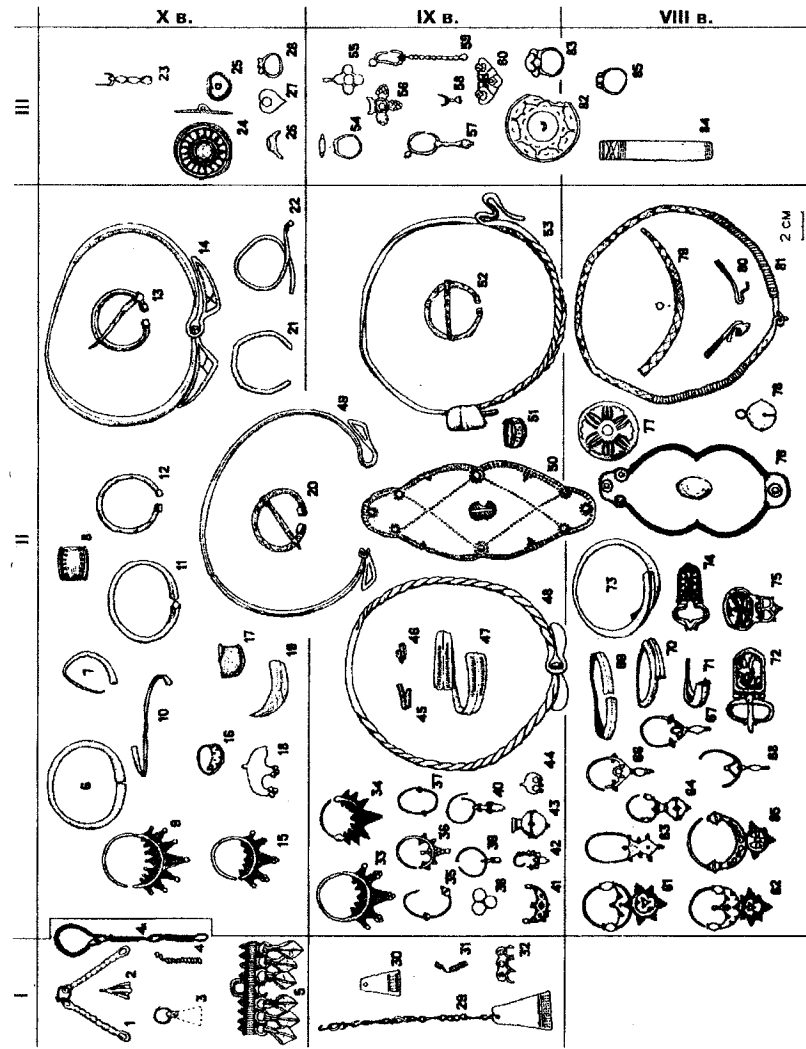

Рис. 44. Основные тенденции в развитии комплекса украшений роменской культуры:

I — «северная» группа; II — роменская группа; III — салтовская группа

1, 3, 6, 8 — Липино; 2 — Новгород-Северский; 4, 5, 10, 12, 13, 19, 21, 22 — Горбово; 4 а — Ромны; 7, 25 — Тазово; 9, 11 — Горналы; 14, 23, 24 — Полтава; 15—18, 26—28 — Титича; 20 — Путилы; 29, 31, 32, 48, 50, 53, 83 — Ивахники; 30 — Марьяновка; 33, 57 — Железниц; 34—40, 42, 47, 49, 51, 52, 54, 56, 58, 59 — Новотроицкое; 41, 44 — Кузнецовское; 43 — Лебеда; 45, 46 — Утино; 55 — Борщев; 60 — Донецкое; 61, 62, 64, 65, 71, 73, 74, 76, 79—81 — Харькове; 63, 67—69, 72, 75, 78 — Фатигиж; 66 — Битича; 70, 84 — Волынцев; 77 — Вовки; 82, 85 — Олошня
1—5, 7, 8, 10, 16—18, 21—32, 39, 44—46, 49, 50, 54, 55, 70, 77, 78, 82, 85 — бронза; 6, 9, 11, 14, 15, 19, 33—38, 40—42, 47, 48, 51, 53, 56—63, 65—69, 71—76, 79—81, 83 — серебро; 12, 13, 20, 52 — железо; 43, 64 — золото

Если вещи северного происхождения в подавляющем своем большинстве являлись предметом импорта, то украшения салтовского типа занимали много более значительное место. На раннем этапе они являются неотъемлемой частью воынецовского «пласта инородных древностей» [Щеглова О. А. 1987 б. С. 77—85]. В это время украшения салтовских типов преобладают на славянских памятниках Днепровского Левобережья. В период исчезновения воынецовской круговой керамики украшения этой группы по-прежнему остаются ведущими в количественном выражении. Так, в материалах городища у с. Опошня подавляющее большинство украшений может быть связано с алаано-болгарскими древностями [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 268—304]. Однако уже в IX в. значение салтовских вещей в комплексе украшений заметно снижается. На Новотроицком городище еще довольно многочисленные украшения этой группы уже не определяют облик памятника и составляют не более одной пятой от общего количества находок.

В 1-й пол. X в. салтовские украшения становятся единичными, причем большая их часть концентрируется на памятниках Среднего Дона [Арх. ИА, р—1: № 2285. Л. 37. Табл. 3, 3, 4; Винников А. З. 1977. С. 129, 130. Рис. 5, 8, 9, 21; Москаленко А. Н. 1965. Рис. 42], а также в зоне непосредственного контакта северян со степью—по р. Северский Донец и Ворскла [Шрамко Б. А. 1962. Рис. 120; Ляпушкин И. И. 1949. Рис. 2]. Однако даже в Подонье эти вещи уже не были определяющими [Москаленко А. Н. 1981. С. 138, 139]. Для 2-й пол. X в. известны лишь отдельные случаи находок салтовских серег (Полтава) и элементов поясного набора. Литые серьги «салтовского типа» широко распространены в X в. на памятниках Верхней Оки [Исюмова С. А. 1989. С. 211].

Обе описанные выше группы и финно-угорская, и салтовская, очевидно, являются иноэтничными в славянской среде. Помимо этих групп на самом раннем этапе развития культуры фиксируется группа вещей совершенно иного круга древностей. Это прежде всего украшения из состава Харьевского и Фативижского кладов [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 109—118; Козловська В. Е. 1928. С. 44—52], бляшка с поселения Вовки [Щеглова О. А. 1987 а. С. 46. Рис. 1, 9], браслеты воынецовского могильника [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 248. Табл. I, 3], антропоморфные бляшки Ивахницкого клада [Макаренко Н. Е. 1908. Табл. II, 1], серьга с Битицкого городища [Ляпушкин И. И. 1959 а. С. 72. Рис. 10].

Все эти вещи имеют широкие аналогии в славяно-аварских древностях Подунавья и вкуче образуют как бы слепок с набора украшений юго-западных славян VIII в. [Арх. ИА, р—2: № 2142. Л. 352—355; Айбабин А. И. 1973. С. 69; Григорьев А. В. 1990 в. С. 52; Щеглова О. А. 1987 б. С. 78, 79; 1988. С. 101—103; Fettich N. 1951.

S. 116, Tab. 10, 6, 7; Hanuliak M., Zaboynik J. 1982. S. 496. Tab. 115; Svoboda B. 1953. S. 38]. Представляется вполне логичным искать корни собственно северянских типов украшений именно в этой группе изделий.

Вещи, изготовленные в районах Подунавья, продолжают встречаться и в материалах роменской культуры IX в., причем их ареал значительно увеличивается. Так, из кургана у д. Лебедка на Верхней Оке происходит фрагмент золотой полый серьги с зернью [Никольская Т. Н. 1981. С. 28. Рис. 11, 16], близкой по типу серьгам Харьевского клада (рис. 44, 43). В материалах Кузнецовского городища на Дону имеется серебряная лунницевидная подвеска с зерненным орнаментом [Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. С. 104, 105. Табл. XVIII, 7] (рис. 44, 41), весьма многочисленные аналогии которой находятся в комплексах Среднего и Нижнего Дуная [Въжарова Ж. Н. 1976. С. 365, Обр. 218, 4; Dostal B. 1965. P. 386. Fig. 3, 19; Mitrea B. 1959. P. 540. Fig. 6]. На собственно северянской территории дунайские вещи хорошо представлены в материалах Новотроицкого городища. Это височные кольца с напущенными полыми шариками и с зернеными бусинами из жилища 21 [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 58] (рис. 44, 35, 37), кольцо с литой подвеской из жилища 5 [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 62. Рис. 40] (рис. 44, 39) и с полый, из двух штампованных половинок, так называемого «воынецовского типа» из жилища 43 [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 83, 11] (рис. 44, 40).

Указанные вещи имеют прямые аналогии в Моравских древностях [Chropovsky B. 1962. S. 212. Obr. 20, 2, 8; 1971. Obr. 10; Dostal B. 1966. S. 30, 31, 34. Obr. 7, 4, 24]. К этой же группе можно отнести полые штампованные пронизки из клада в кв. Ш-3 того же городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 15] (рис. 44, 38) и аналогичные пронизки с Супрутского городища [Арх. ИА, р—1: № 4226. Л. 10], также широко бытовавшие в Подунавье [Hampel J. 1905. P. 229. Tabl. 182; Hruby V. 1926. S. 422. Tabl. 57, 4; Solle M. 1959. S. 451. Obr. 64, 3].

О том, что все перечисленные вещи были произведены в районах Среднего и Нижнего течения р. Дунай, вероятно, не без участия византийских мастеров, говорит сложность их изготовления. В этих изделиях, как и в предметах несколько более раннего времени, широко применялись такие сложные приемы, как зернь, штамповка, пайка. Местные мастера ни в это, ни в более позднее время указанными приемами не владели.

Следует отметить, что вещи, выполненные в сложной технике, в IX в. крайне немногочисленны и практически все имеют следы повреждения. Вероятно, это время явилось периодом доживания изделий провинциальных византийских ювелиров. Местные изделия того

же функционального назначения, прежде всего височные кольца и подвески, были выполнены исключительно в технике литья. Интересно, что с утратой технологии не исчезли сами детали, характерные для дунайских вещей, такие, как зернь и полые штампованные шарики в их сложной композиции с кольцом. Эти приемы передавались по мере возможности литьем вплоть до прекращения жизни роменской культуры.

Ярким примером сохранения и развития дунайских традиций могут служить весьма характерные для северян IX—X вв. пяти- и семи-лучевые височные кольца. Эти украшения известны как в материалах относительно ранних поселений, например, Новотроицкого городища, так и на заключительном этапе существования культуры в составе кладов с поселений Лухтовка, Воробьевка, Полтава, в комплексе позднего жилища 1 Большого Горнальского городища. Зона распространения лучевых колец не ограничивалась исключительно северянской территорией. Однако следует отметить, что подавляющее большинство ранних типов колец найдено в ареале памятников роменской культуры или несомненно родственных им. Так, значительные коллекции колец происходят с территории верхнеокского варианта роменской культуры, с городища у с. Супруты и из Железничного клада [Исюмова С. А. 1978. С. 101, 102. Рис. 1; Asperlin J. K. 1878. Р. 197. № 922—924; Рыбаков Б. А. 1948. С. 106, 107. Рис. 14, 15]. Известны лучевые височные кольца и в материалах славянских памятников Подонья [Москаленко А. Н. 1965. С. 189. Рис. 42]. За пределами указанных регионов для раннего периода (до сер. X в.) известны лишь два пункта находок таких украшений — Хотомель и Гнездово [Кухаренко Ю. В. 1961. Табл. 8; Алексеев Л. В. 1980. С. 139. Рис. 17]. Кольца, аналогичные поздним роменским, типа Горналя, известны во Владимирских курганах (Кубаево) и Втором Пекуновском могильнике [Шинаков Е. А. 1980. С. 125].

На современном уровне исследования можно признать, что местом формирования и первичного распространения указанного типа украшений являлись районы роменской и родственных ей культур (рис. 45).

Типологии лучевых колец как роменского, так и более позднего времени посвящен целый ряд специальных работ [Недошивина Н. Г. 1960; Левашова В. П. 1967; Соловьева Г. Ф. 1978]. В наиболее полном и подробном исследовании, произведенном Е. А. Шинаковым, кольца, найденные в роменских комплексах, отнесены к группам I, II, IV [Шинаков Е. А. 1980. С. 115—121]. Принимая в целом принципы типологии и основные направления в развитии украшений, предложенные Е. А. Шинаковым, трудно согласиться с жесткой формализацией типобразующих признаков и некоторой прямолинейностью их развития для раннего роменского этапа.

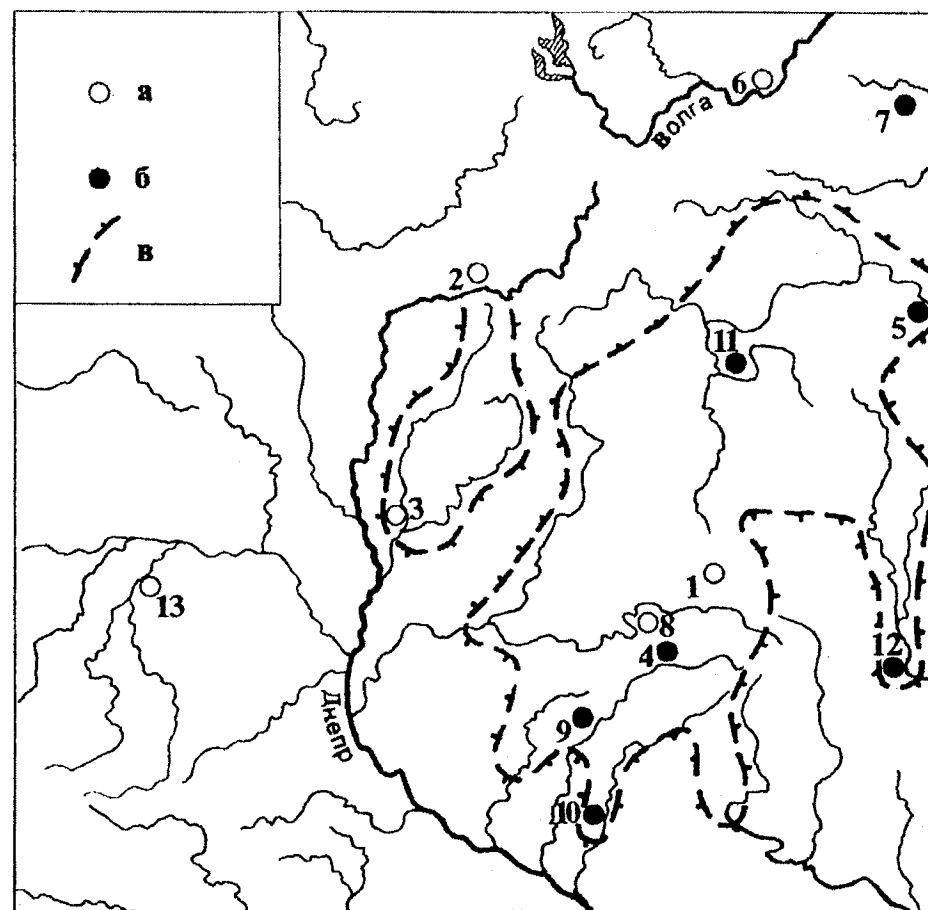

Рис. 45. Распространение ранних типов лучевых височных колец:
а — место находки одного кольца; б — место находки двух и более колец; в — граница распространения памятников роменского типа
1 — Воробьевка II; 2 — Гнездово; 3 — Гомель; 4 — Горналь; 5 — Железницы; 6 — Крева; 7 — Кубаево; 8 — Лухтовка; 9 — Новотроицкое; 10 — Полтава; 11 — Супруты; 12 — Титчиха; 13 — Хотомель

Проблему становления лучевых колец как самостоятельного типа украшений вряд ли можно решить лишь на основании сходства кольца из Новотроицкого с серьгой из Моравии. Кольцо из клада в кв. У-3 городища Новотроицкого, несомненно, относится к группе наиболее ранних известных колец роменской культуры, однако не может рассматриваться как единственный прототип всех последующих украшений. Что же касается его непосредственной связи с мо-

равскими древностями, на которую указывает большинство современных авторов [Левашова В. П. 1967. С. 26; Шинаков Е. А. 1980. С. 111], то она не столь однозначна.

Внешнее сходство кольца из Новотроицкого и кольца из погребения IX Блучинского могильника, отмеченное еще И. И. Ляпушкиным [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 26], не может указывать на их взаимное влияние. Серьга из Блучина на момент ее находки была единственной, известной в Моравии. По мнению Й. Поулика, она представляет собой новую комбинацию известных ранее ювелирных приемов и датируется 2-й пол. IX в.—тем же временем, что и кольца Новотроицкого [Poulik J. 1948. S. 42, 43].

Действительно, основой Блучинской серьги явились так называемые гроздевидные серьги, хорошо известные в Подунавье как в рассматриваемое время, так и в VII—VIII вв. [Dostal B. 1966. S. 35. Obr. 8; Cilinska Z. 1975. S. 65. Abb. 1]. Новым элементом в ней были трехбусинные пирамидки зерни с внешней и внутренней сторон кольца (рис. 46, 18).

Зерновые лучи, ставшие основным элементом роменских височных колец, хорошо известны в изделиях Византии и Придунайских областей. Ими украшались звездообразные серьги и серьги в виде перевернутой лунницы [Айбабин А. И. 1973; Horedt K. 1958. S. 81. Fig. 13, 5; Fettich N. 1951. Tabl. XXXIX, 8. S. 171]. Наиболее близки последующим роменским кольцам лучевые серьги VII—VIII вв. из Далмации и районов Нижнего Дуная [Karaman L. J. 1940. S. 22. Sl. 18; Belosevic J. 1965. S. 148. Sl. 3. Tabl. I, 3, 4; Teodor D. Ch. 1969. S. 202. Fig. 16, 4; 1970. S. 110. Fig. 3] (рис. 46, 21—24). Большинство авторов связывает их происхождение с Византией. Я. Белошевич предполагала, что подобные кольца производились в крупных городах Далмации, находившейся в то время под властью Константинополя [Belosevic J. 1965. S. 149].

Позже, в IX—X вв. эта ювелирная традиция византийских провинций в различных сочетаниях с другими приемами проявилась в украшениях Моравии, Болгарии и Днепровского Левобережья. Вещи из указанных регионов близки между собой, поскольку связаны единым происхождением (рис. 46). В то же время они имеют ряд отличий как в наборе элементов, так и в их исполнении. В серьге из Блучина хорошо видна традиция центральной объемной грозди. В семилучевых кольцах из погребения 23 могильника Мишевско в Болгарии лучи имеют примерно равный размер и перемежаются небольшими колечками. Оригинально оформлена и внутренняя часть этих украшений [Въжарова Ж. Н. 1976. Обр. 188, 5 а, б]. Близкие к кольцу из Мешевско изделия известны в Чехословакии, а особенно распространены в восточной части Сицилии [Борови-Лубинкови М. 1951. Рис. 14, 1; Orsi P. 1910. P. 465. Fig. 1—3. Tav. II, 2, 7].

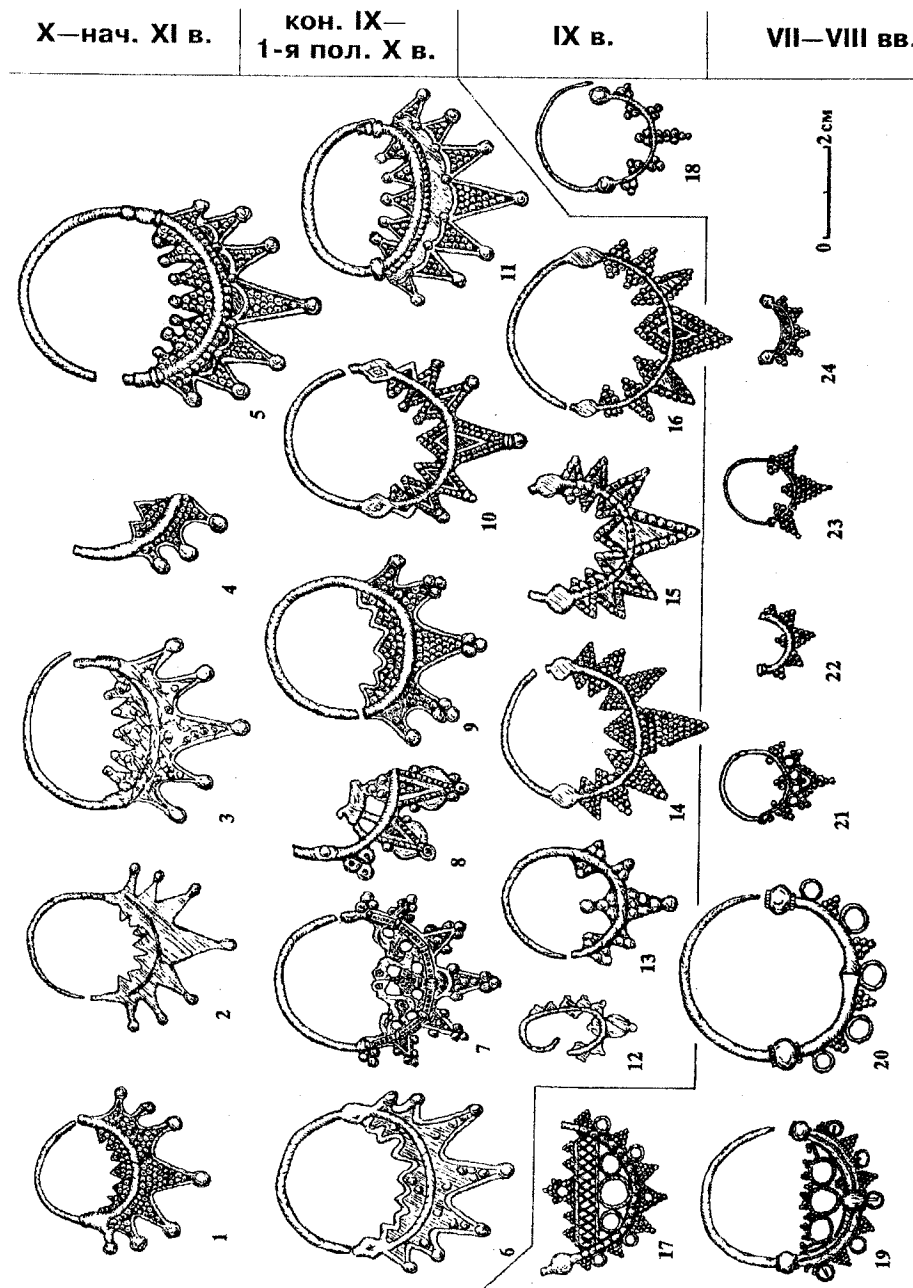

Рис. 46. Развитие лучевых височных колец:

1 — Хотомель; 2 — Полтава; 3 — Лухтовка; 4 — Гомель; 5 — Горнале; 6—8, 10, 11 — Супруты; 9 — Титиха; 12—15 — Новотроицкое; 16 — Гнездо; 17 — Мишевско; 18 — Блучине; 19 — Taormina; 20 — Ragusa e Chiaramonte; 21 — Golubiča; 22 — Vadeni Vaslui; 23 — Visočani; 24 — Prostea Mare

Височные кольца роменской культуры состоят из набора элементов, известных в украшениях византийских провинций (рис. 46:1). Основой украшения являлось кольцо, размеры которого со временем имели тенденцию увеличиваться. В большинстве случаев кольцо украшалось псевдозерненными лучами, крупными с внешней и мелкими с внутренней стороны. В двух случаях вместо центральных лучей помещены плоские изображения крупной бусины, что так же не редкость в украшениях Подунавья [Въжарова Ж. Н. 1976. С. 358. Обр. 217]. На значительной части колец имеются утолщения у основания дужки, очевидно, воспроизводящее полые бусины на дунайских изделиях. Возможно, отзвуком маленьких колец, напаянных между или под пирамидками зерни, являются «фестоны» на кольцах из Супрут и Горналя.

По степени близости элементов украшения к своим прототипам можно выделить три основных этапа в развитии ранних лучевых колец. На раннем мастера отчетливо осознавали назначение элементов, из которых составляли свои изделия. Ограниченные возможностями техники одностороннего литья, они, тем не менее, старались максимально сохранить особенности паяных вещей. Во всех наиболее ранних из известных украшениях, к которым можно отнести все кольцо Новотроицкого и кольцо с Гнездовского поселения, отчетливо выражена функция кольца. Лучи как бы крепятся к нему с двух сторон, почти не смыкаясь между собой основаниями. В соответствии с дунайской традицией зерненные лучи являются в это время самостоятельным элементом, не требующим дополнительного украшения. Поэтому на них отсутствуют шарики крупной зерни на окончаниях, гладкие «бордюры» и т. п. Первые отступления от традиции наблюдаются на кольцах из Гнездова и жилища 24 Новотроицкого, где плоскость луча украшена участками гладкой незерненной поверхности.

Развивая одну традицию, мастера, вероятно, ориентировались на различные конкретные прототипы. Этим можно объяснить некоторое разнообразие ранних изделий. Если вещи из Гнездова и жилищ 24 и 45 Новотроицкого состояли из семи лучей с внешней и внутренней сторон кольца и бусин у основания дужки, то два других кольца этой группы имеют значительные отличия. Кольцо из клад в кв. У-3 Новотроицкого имело всего пять лучей с внешней и три с внутренней стороны. Все лучи, кроме центрального, одинаковы и состоят из трех бусин зерни. Нет здесь и утолщений у основания дужки. Самое раннее из датированных кольцо из клад 20-х гг. IX в. в кв. Ш-2 того же городища обычно не включается в рассматриваемую категорию украшений. Так же как и другие височные украшения, оно представляет собой литое изображение кольца с тремя пирамидками зерни по внутреннему периметру и семью по внешнему. Однако центральное место на внешней стороне кольца занимает изображе-

ние крупной бусины с маленькой бусиной на окончании. Одинаковые по размеру маленькие лучи расположены несимметрично по отношению к центру. Несмотря на все отличия, здесь мы видим практически тот же набор приемов, что и на других лучевых кольцах.

Таким образом, первый этап может быть определен как время адаптации провинциально-византийской традиции на новой территории в условиях значительного ограничения технических средств и навыков мастеров. Материалы Новотроицкого позволяют датировать этот период суммарно IX в. Второй этап, время которого можно определить в пределах кон. IX—сер. X в., характеризуется активным творческим поиском и становлением лучевого кольца как категории украшений. Это поколение мастеров ориентировалось не на привозные прототипы, а на местные изделия раннего этапа. Тщательно сохраняя традиции в воспроизведении элементов, они, тем не менее, утратили понимание их функционального назначения.

Прежде всего это сказалось на роли кольца и его соотношении с лучами. На подвесках из Железницкого клада, из материалов городища Титчиха и отчасти Супрутского городища лучи сливаются своими основаниями, образуя единый «щиток». Кольцо утрачивает роль основы композиции и обозначается как часть орнаментации щитка. Сами лучи уже воспринимаются как часть плоскости, требующей дополнительной орнаментации. Появившиеся в это время гладкие «бордюры», идущие по периметру лучей, указывают на утрату первоначального смысла зерненной пирамидки. Это подчеркивают и крупные шарики зерни на окончаниях и даже на боковых сторонах лучей. Происходит разделение единого понятия—луча и зерни. К несуразности с точки зрения искомого значения элементов можно отнести и центральные «лучи» кольца из Супрут [Изымова С. А. 1978. Рис. 1, 6] (рис. 46, 1). По форме они, как и на раннем кольце из кв. Ш-2 Новотроицкого, повторяют плоскостное изображение полной бусины, украшенной у основания и вершины зернью, однако орнамент на их поверхности воспроизводит очертания зерненого луча, т. е. в одном плоскостном изображении слились два взаимоисключающих объемных элемента.

Типологическое многообразие колец кон. IX—1-й пол. X в. позволяет говорить о двух связанных, но одновременно противоположных тенденциях на этом этапе развития украшений. С одной стороны, на основе комбинаций уже известных и совершенно новых элементов создается масса не похожих друг на друга изделий. Так, на кольцах с женского костяка 5 Супрутского городища и обломке кольца с детского костяка того же памятника на четко выраженном основании помещены и традиционные пирамидки из шариков зерни, и необычные сочетания изображений полых бусин, лучей и шариков зерни, и совершенно нехарактерные изображения зверей и птиц

(рис. 46, 7, 8). Менее оригинальны, но все же необычны пятилучевые кольца из Железниц и Титчихи. Выше отмечалось и значительное разнообразие орнаментов.

Одновременно в этой массе разнообразных вещей и тенденций происходила кристаллизация устойчивых типов украшений, получивших продолжение в построменское время. Именно на втором этапе появляется среди многих кольцо из слоя Супрутского городища, ставшее прототипом колец типа Горналя и позднейших древнерусских группы V—по Е. А. Шинакову [Шинаков Е. А. 1980. С. 121]. Получило свое продолжение и другое кольцо из Супрут (рис. 46, 6, 10).

На последнем этапе развития роменских колец, хронологически совпадающим с поздним периодом жизни культуры, мастера уже работали не с комбинациями элементов, пусть частично утративших смысловую нагрузку, а с новой категорией вещи—лучевым височным кольцом. Типов этих украшений было, очевидно, несколько. Судить о том, сколь сильна была их стандартизация, по причине малочисленности материала в настоящее время сложно. К несомненно сложившемуся типу относятся кольца из жилища I Большого Горнальского городища и кольцо из раскопок Переверзевского II городища [Куза А. В. 1981. С. 13. Рис. 5, 4, 5; Орлов Р. С. 1994. С. 50]. Пятилучевое кольцо из клада на городище у с. Лухтовка пока не имеет синхронных или позднейших аналогий. Ближайшим к нему по стандартности оформления можно считать семилучевые кольца из Хотомеля и Гомеля [Кухаренко Ю. В. 1961. Табл. 8; Макушников О. А. 1990. С. 59. Рис. 2, 15] (рис. 46, 1, 3, 4), получившие развитие позднее [Шинаков Е. А. 1980. Рис. 2]. Возможно, количество лучей в данном случае не столь принципиальный показатель. Кольца из состава Полтавского клада, судя по литейному браку и едва читаемым следам дужки, являлись примитивной копией с какого-то раннего образца и не могут быть отнесены к отдельному типу [Григорьев А. В. 1991. С. 85]. Возможно, их прототипом явилось простейшее кольцо типа Хотомеля. Если предположение о близости колец Хотомеля, Гомеля, Лухтовки и Полтавы верно, то можно говорить о том, что на позднем этапе складываются два основных типа—«горнальский» и «хотомельский», давшие две ветви развития колец в древнерусское время, что полностью согласуется с выводами Е. А. Шинакова.

После гибели северянской культуры лучевые кольца продолжают свое существование и развитие. Однако основная масса этих украшений распространена в XI—XII вв. в земле радимичей, а генетически связанные с лучевыми семилопастные кольца традиционно считаются принадлежащими вятичам [Арциховский А. В. 1930. С. 49—55; Шинаков Е. А. 1980. С. 123—125]. Сохраняются височные кольца и в Северской земле, причем наиболее часто здесь встречаются кольца

типа V (по Е. А. Шинакову), являющееся прямым подражанием кольцам Горналя. В основном они концентрируются на ранних древнерусских полиэтничных памятниках типа Ницахи, Гочева, Кветуни.

Если переход от технологически сложных дунайских вещей к местным роменским легко уловим, то определить место производства изделий, выполненных в технике литья иликовки, визуальное весьма сложно. Украшения наиболее раннего, начального периода роменской культуры, видимо, в большинстве своем были изготовлены за пределами Северской земли. Так, большое количество явно не местных вещей Харьевского клада, таких, как звездообразные подвески, серьги, фибулы, фрагменты полых браслета и гривны, позволяют считать не местными и весьма простые в изготовлении дровые браслеты и гривны [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 114—116. Табл. IV], тем более, что обе эти категории вещей представлены в древностях Подунавья [Poulik J., Chropovsky B. 1985. Табл. 16; Dekan J. 1971. Obr. 9]. То же относится и к браслетам Фативижского клада. Определить место производства ранних вещей, выполненных в простой технике, сложно прежде всего потому, что почти все они получили дальнейшее развитие в северянских древностях.

Так, дровые гривны, попавшие в Северскую землю в составе Харьевского клада, постепенно претерпевают изменения как в форме дрота, так и в оформлении замка. Дрот, из которого изготовлены, вероятно, привозные Харьевские гривны, круглый в сечении, сильно перекрученный [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 114. Табл. IV, 6] (рис. 44, 80). Близкий по времени Ивахницкий клад, состоявший из вещей самого разного происхождения, включал в себя шесть гривен, в т. ч. одну фрагментированную [Макаренко Н. Е. 1908. С. 9—13. Табл. II]. Одна из них была сделана из дрота, подобного Харьевскому, остальные же представляли собой упрощенное им подражание. Дрот имел квадратное сечение и был перекручен не по всей длине—в средней части он сохранял грани (рис. 44, 48). Фрагмент такой же гривны, крученной из квадратного в сечении дрота, происходит из жилища 31 Новотроицкого городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 106. Рис. 69, 9]. В кладах из кв. У-3 того же городища дрот гривны вообще не был перекручен [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 13. Табл. XCI]. Подобное же сечение имел дрот, из которого изготовлена гривна Полтавского клада [Макаренко Н. Е. 1908. Табл. XI], но в этом случае средняя часть дрота была раскована и имела круглое сечение. Недостаточность материала не позволяет жестко увязать изменения сечения дров с хронологическими изменениями. В то же время общая тенденция прослеживается достаточно четко. Имеющийся материал раскладывается в следующей последовательности: ранние, привозные гривны (2-я пол. VIII—нач. IX в.) имеют круглый крученный дрот; гривны IX в.—квадратный крученный;

гивны кон. IX—X вв.—квадратный или ромбический некрученный, причем намечается тенденция к расковке дрота до круглого.

Замки наиболее ранних гивен представляли собой весьма распространенный тип «в двойную петлю». Крючок Харьевских гивен в верхней части был раскован аналогично гивне из клада 1908 г. у с. Крылос [Кропоткин В. В. 1971. С. 194. Рис. 1, 6]. Гивны таких типов весьма широко распространены в балтийском районе [Корзухина Г. Ф. 1954. С. 82. Табл. III, IV; Kivikoski E. 1947. Tabl. 48, 426, 427; Stenberger M. 1947. S. 121—125. Tabl. 173, 4], имеются они и в Моравии [Chropovsky B. 1962. Tabl. XIII, 2].

Творческое развитие этого типа замка впервые наблюдается уже в материалах Ивахницкого клада. Три гивны, входившие в его состав, имели обычный раскованный в верхней части крючок и петлю в форме буквы «М» (рис. 44, 53). У двух же гивен свободные концы петли и крючка были расплющены (рис. 44, 48). Очевидно, что эти гивны послужили прототипом для более поздних гивен Новотроицкого и Полтавы. Гивны с раскованными концами, иногда украшенными, можно считать характерным северянским украшением IX—X вв.

Браслеты роменской культуры также связаны с комплексами Харьевского и Фативижского кладов и восходят к дунайским традициям. Наиболее распространенными у северян являются два типа браслетов. Это браслеты, сделанные из круглого в сечении дрота с утолщенными концами, и браслеты в один—полтора оборота, сделанные из пластины, центральная часть которой скована в дрот. Оба типа браслетов бытовали на всем протяжении существования культуры. Дротовые браслеты имеются в составе Харьевского клада [Березовец Д. Т. 1952 б. С. 114. Табл. IV, 9—11]. Браслеты с утолщенными концами были широко известны в Восточной Европе в предшествующий период, однако при всей близости браслеты колочинской и пеньковской культур несколько отличались от харьевских. В них, как правило, ярче выражено утолщение концов, окончания часто украшены орнаментом [Горюнов Е. А. 1981. Рис. 12, 8, 9, 14, 15; 14, 6—10; Рыбаков Б. А. 1949].

Ранние роменские браслеты, в частности из Харьевского клада, имели плавное утолщение к концам, часто раскованное в шестигранник (рис. 44, 73). В этом отношении они ближе к западнославянским [Dekan J. 1971. Obr. 9; Poulik J., Chropovsky B. 1985. S. 18. Obr. 6. Tabl. 16]. Именно эта разновидность браслетов послужила прототипом более поздних роменских. Во 2-й пол. VIII—IX вв. этот простейший тип браслетов, вероятно, был распространен не очень широко. Встречаются в это время они в основном в кладах (Харьевский, Железницкий). В обширном материале ряда хорошо изученных памятников, таких, как Новотроицкое, Опошня и т. д., подобные

браслеты не содержались. Гораздо шире они распространены в X в. В это время дротовые браслеты известны в Горнале, Липино, Мохначе, Тазово и в Полтавском кладе. В несколько измененном виде браслеты этого типа известны в левобережных памятниках XI в. Как и близкие роменским височные кольца типа V (по Е. А. Шинакову), они концентрировались в крупных полиэтнических поселениях, таких, как Гочево, Кветунь и т. п.

Браслеты второго типа изготавливались из пластин, средняя часть которых сковывалась в дрот. Впервые на такой технологический прием, от пластины к дроту, а не наоборот, обратила внимание еще В. Е. Козловская [Козловська В. Е. 1928. С. 50. Мал. 3]. В центральной части пластинчатых концов проходило ярко выраженное ребро. Иногда поверхность пластины украшалась прочерченным орнаментом. В отличие от дротовых, основная часть этих браслетов встречена в ранних памятниках, таких, как Фативижский клад, Волынецовский могильник, городище Новотроицкое [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 248. Табл. 1, 3; Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 24—26, 30. Рис. 13, 16. Табл. XCI].

Известны, однако, они и в материалах поздних поселений. Фрагмент такого браслета, украшенный пуансонным орнаментом, найден в слое X в. поселения у с. Горбово (рис. 18; 44, 1, 19). Такой же браслет, по данным О. В. Сухобокова, зафиксирован вместе с шиферным пряслицем на поселении у с. Горки Сумской обл. [Сухобоков О. В. 1975. С. 120]. Можно предположить, что в результате развития этого же типа браслетов во 2-й пол. X в. складывается тип браслетов с расширяющимися пластинчатыми концами, но без центральной грани, т. е. вполне обычные для Древней Руси [Левашова В. П. 1967. С. 236, 237]. Такие браслеты найдены, в частности, в слое 2-й пол. X в. Горбовского поселения и на Большом Горнальском городище. Собственно северские браслеты с ребром посередине в более позднее время уже неизвестны.

Кроме описанных выше двух основных типов, на северянских памятниках встречались отдельные экземпляры браслетов совершенно иного облика, но все они с той или иной мерой уверенности могут быть отнесены к соседним неславянским культурам.

Со степными древностями связан, вероятно, браслет из клада в кв. Ш-2 Новотроицкого городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 15]. С северным кругом древностей можно соотнести фрагмент «кольчужного» браслета из Горналя и фрагмент браслета сложной профилировки из Горбово.

Еще одну категорию характерных роменских вещей составляют перстни. На раннем этапе, во 2-й пол. VIII—IX вв., основная часть перстней была, несомненно, салтовского производства (рис. 44, 83, 85). Однако уже в кладе кв. Ш-2 Новотроицкого имеется щитковый

перстень с «усами» в один оборот [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 15] (рис. 44, 51). Еще один перстень такого же типа находился в жилище 5 того же городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 62. Рис. 40]. Позже перстни такого типа бытовали на городище Титчиха на Дону [Москаленко А. Н. 1965. Рис. 42] (рис. 44, 16, 17), на городище Каменное [Сухобоков О. В. 1985. Рис. 23, 29], а на последнем этапе культуры, во 2-й пол. X—нач. XI в., они известны в Липинском могильнике (рис. 43). Кроме «усатых», во 2-й пол. X в. появляются общерусские щитковые перстни с завязанными концами, известные в материалах Горбова и Горналя.

Небольшую, но яркую группу составляют перстни, по форме полностью повторяющие браслеты с расширяющимися пластинчатыми концами с ребром посередине. Один подобный перстень известен в материалах Новотроицкого городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 129. Рис. 86, 3], два происходят с поселения 2-й пол. IX в. у д. Уткино на р. Упа в Тульской области (рис. 44, 45, 46).

Последней категорией украшений, достаточно широко распространенной на территории Северной земли в IX—X вв., являются подковообразные фибулы. Наиболее ранняя из них происходит из жилища 25 Новотроицкого городища [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 99. Рис. 65, 3] (рис. 44, 52), позже они известны в роменском жилище 2 г. Путивля [Сухобоков О. В. 1985. Рис. 23, 30], яме 1 городища Мацковцы, на Липинском и Супрутском городищах, на поселении у с. Горбово (рис. 44, 12, 13). Фибулы изготавливались из бронзового или железного дрота круглого, реже треугольного или ромбического сечения. Концы фибул раскованы и свернуты в спираль.

Говоря о происхождении роменских фибул, равно как гривен и «усатых» перстней, невольно обращаешься к прибалтийским древностям. Несомненно, что корни этих типов вещей лежат именно там [Мальм В. А. 1967. С. 156; Недошивина Н. Г. 1967. С. 258; Kivikoski E. 1947. P. 48; Stenberger M. 1958. P. 125]. Однако возникает вопрос, каким путем попали эти вещи в столь отдаленные от Балтики районы? Обращает на себя внимание тот факт, что гривны появляются у северян уже во 2-й пол. VIII в., а с нач. IX в. уже складывается свой местный тип этого украшения. Не позднее IX в. появляются «усатые» перстни и фибулы. Причем фибулы, с одной стороны, изготовлены из дрота самого различного сечения и материала, что ни в коей мере не отражает их хронологии, с другой,—имеют однотипное оформление концов. Создается впечатление, что и фибулы являлись местным подражанием каким-то ранним образцам. Подтверждением тому служат находки заготовок бронзовых фибул в двух последовательно существовавших жилищах поселения у с. Горбово, функционировавших во 2-й пол. X в. (рис. 44, 21, 22).

Таким образом, очевидно, что указанные категории вещей попали в Северскую землю во 2-й пол. VIII—IX в. и в дальнейшем производились на месте в отрыве от мест происхождения, все дальше отходя от своих прототипов. Близкие категории украшений появляются на прилегающих территориях в значительно более позднее время и связаны с распространением древнерусской культуры. Следовательно, истоки их надо искать в отдаленных районах. Можно предположить, что эти категории вещей пришли к роменцам вместе со всем потоком из Подунавья. Там в предшествующее роменской культуре время, в VII—VIII вв., в небольшом количестве появляются упомянутые выше гривны и «усатые» перстни [Chropovsky B. 1962. Tabl. XIII, 2; Markine Poll K. 1934. Obr. 61, 10; Poulik J., Chropovsky B. 1985. Tabl. 16], а также подковообразные фибулы того же типа, что у северян [Hanuliak M., Zaboynik J. 1982. S. 501. Tabl. II, 7].

Подводя итоги рассмотрению украшений роменской культуры, можно констатировать, что первоначально в северских древностях были представлены вещи самых разных этнических групп. Однако ни малейших следов взаимного влияния этих групп в процессе сложения северянского прикладного искусства не прослеживается. Напротив, по мере ослабления салтовского влияния исчезают и соответствующие украшения, не оставив никаких категорий вещей, продолжающих степные традиции. Финно-угорские вещи на всем протяжении существования культуры остаются в роли импорта и лишь на последнем этапе во 2-й пол. X в. можно предполагать некоторое их влияние, отразившееся в появлении орнамента так называемого «волчьего зуба». Это тем более удивительно, что салтовские и финно-угорские вещи были гораздо проще в изготовлении и в большей мере соответствовали уровню развития роменского ювелирного ремесла, чем сложные вещи дунайского производства.

Вещи, попавшие на левобережье Днепра из Подунавья, также не были однородны в своем происхождении. В комплекс входили и украшения работы провинциальных византийских мастеров и западно-славянские вещи, и изделия позднеаварского типа, и предметы, характерные для Прибалтики. Однако по одновременности появления этих вещей, по сочетанию их в кладах можно предположить, что весь комплекс сложился за пределами Северной земли и появился на Днепровском Левобережье уже в готовом виде. Он как бы явился слепком с комплекса украшений, бытовавших в VIII в. в каком-то из районов Подунавья. Как было показано выше, предметы дунайского производства в IX в. доживают и постепенно выходят из обращения. Это позволяет говорить о том, что их появление в сер.—2-й пол. VIII в. носило характер мощного, но непродолжительного импульса, а не сколько-нибудь долгого влияния. Вещи, появившиеся в

результате этого импульса, а точнее — традиции, стали единственной основой для сложения местного, собственно северянского ювелирного ремесла. Некоторые категории вещей, такие, как лучевые височные кольца, «усатые» перстни, дрововые браслеты, получили более широкое распространение по всем территориям, родственным роменской культуре, на Верхней Оке и Среднем Дону, другие — трехрогие лунницы, имеющие прямые аналогии в Подунавье [Chroprovsky B. 1962. Tabl. 6. Obr. 18] и пришедшие, вероятно, с тем же импульсом, известны только в Подонье [Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. Табл. XVIII, 4; Москаленко А. Н. 1965. Рис. 42]. Гривны, фибулы и браслеты с пластинчатыми концами известны пока преимущественно на северянской территории.

Необходимо особо подчеркнуть, что сложившиеся в IX в. типы местных роменских украшений являлись не подражанием дунайским прототипам, а представляли собой их дальнейшее развитие. Утрата ряда технологических приемов, использовавшихся высокочастотными византийскими мастерами, не привела к деградации самих идей в создании украшений. На всем протяжении IX—X вв. ощущается приверженность к традициям и, что самое важное, их понимание северянскими мастерами. Развитие придунайских типов вещей в Северной земле значительно отличалось от их развития в Подунавье. С одной стороны, это еще раз подтверждает кратковременность импульса и дальнейший отрыв от западно-славянских земель, с другой стороны, указывает на то, что дунайские ювелирные традиции не были чужды в северянской среде.

На завершающем этапе роменской культуры, в X—нач. XI в., присущий ей комплекс в значительной степени отличался не только от комплексов соседних славянских и неславянских культур, в т. ч. и древнерусской, но и от синхронных украшений западных славян. Поэтому появившиеся в то время в основном в правобережных районах Днепра вещи западнославянского происхождения ни в коем случае нельзя связывать с наиболее ранними вещами близких типов VIII—1-й пол. IX в. Их связывает только общее происхождение, но в течение почти двух веков они развивались совершенно самостоятельно. Поэтому, например, находка серебряной с зернью бусины в могильнике 2-й пол. X—1-й пол. XI в. у с. Липино (рис. 43) резко выбивается из комплекса роменских вещей и может рассматриваться исключительно как предмет импорта. Длительное влияние западнославянских ювелирных традиций, ощутимое в древнерусских материалах, практически не коснулось Северной земли.

Возрастающая роль ювелирных импортов из сопредельных территорий Руси особенно во 2-й пол. X в. сильно повлияло на состав украшений северян, но не отразилось на традиционных роменских вещах.

После прекращения существования роменской культуры некоторые категории вещей, постепенно деградируя, продолжают свое бытование. Однако уже с сер. XI в. намечается отход от своих традиций. Наиболее распространенным типом украшений, часто считающимся этноопределяющим, становятся спиралевидные височные кольца. Необходимо отметить, что кольца этого типа не присущи роменской культуре. Они появляются в Северной земле лишь в XI в. на памятниках, носящих следы преимущественно древнерусской культуры. Поэтому никаких оснований для увязывания их с племенем северян нет. Этот тип украшений совпадает с Северной землей географически, но относится к более позднему времени. Попытка связать эти кольца с подвесками типа Суджанского клада VII в. не выдерживает никакой критики [Рыбаков Б. А. 1949]. Так называемые «очковидные подвески» широко распространены в Восточной Европе со второго тысячелетия до н. э. и не могут считаться характерными лишь для древностей 3-й четв. первого тысячелетия н. э. левобережья Днепра [Егорейченко А. А. 1991. С. 171—179]. Полное отсутствие подобных украшений в комплексе роменской культуры вплоть до 1-й пол. XI в. совершенно исключает возможность их прямой трансформации в спиралевидные височные кольца в пределах рассматриваемого региона.

Если украшения в значительной мере отражают эстетические представления носителей роменской культуры, то другие категории находок в большей степени связаны с социальными и экономическими явлениями в северянском обществе. Количественно небольшую, но важную группу составляют вещи, отражающие развитие военного дела. К ней с полным основанием можно отнести не только предметы вооружения, но и элементы конской упряжи, а так же детали поясного набора.

Находки, связанные с военным делом, вероятно, по причине своей малочисленности в материалах роменской культуры и родственных ей культур верховьев Оки и Дона, не стали предметом специальных исследований. Создается впечатление низкого уровня развития военного дела у славянского населения Днепро-Донского Левобережья. Однако при сравнении количества находок этой группы на памятниках роменской культуры с синхронными находками с территории Руси, где военное дело было развито необычайно хорошо, следует учитывать характер самих памятников.

Безынвентарный обряд погребения славян Левобережья обусловил тот факт, что подавляющее большинство находок с этой территории происходит из материалов поселений. С погребениями связаны лишь находки наконечника копья и обрывок кольчуги в могильнике у с. Волынцево и удила в кургане 24 Боршевского могильника [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 248; Сухобоков О. В. 1985. С. 121.

Рис. 22, 60; Винников А. З., Пряхин А. Д. 1983. С. 69. Рис. 16, III]. Большая часть синхронных находок Древней Руси, напротив, связана с могилами. Так, из учтенных в своде А. Н. Кирпичникова 87 мечей ранних типов лишь три происходят из материалов поселений [Кирпичников А. Н. 1966. С. 74—85]. Примерно такое же соотношение наблюдается и по деталям конской упряжи. Из погребений происходит более 80 % учтенных (без находок из Саркела) удила и почти все стремяна [Кирпичников А. Н. 1973. С. 88—93]. Таким образом, количество предметов вооружения, найденных на поселениях роменской культуры, вполне сопоставимо с количеством аналогичных находок на поселениях древнерусского типа IX—1-й пол. XI в.

По категориям вооружения материалы роменских памятников весьма разнообразны. Сабли происходят из раскопок Битицкого и Донецкого городищ [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 6; Шрамко Б. А. 1970. С. 107. Рис. 2]. Фрагменты клинков известны в материалах Новотроицкого городища и городища Титчиха на Дону [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 21. Рис. 9, 15; Москаленко А. Н. 1965. С. 138—141. Рис. 51]. Найденный в 1899 г. меч IX в. (тип В) связывается с городищем у с. Хитцы [Мокляк В. О. 1990. С. 162, 163].

В большей степени, чем сабли и мечи, известны топоры, как универсальные по своему назначению, так и чисто боевые (рис. 47). Не столь многочисленны, но все же присутствуют наконечники копий и булавы (рис. 47). Практически на всех исследованных раскопках поселений найдены наконечники стрел. Как и на памятниках других синхронных культур они являются наиболее массовой категорией находок.

Защитный доспех в роменских древностях представлен крайне слабо. Небольшие фрагменты кольчуги, найденные в частности в погребении 2 Волынцевского могильника, на Титчихинском городище, могли быть как частью доспеха, так и кусками кольчужных сумок, известных в кочевнических материалах [Березовец Д. Т. 1952 а. С. 248; Москаленко А. Н. 1965. С. 138—141. Рис. 52].

Элементы конской упряжи представлены удилами и их многочисленными обломками [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 6; Москаленко А. Н. 1965. С. 85. Рис. 23 а; Винников А. З. 1977. С. 129. Рис. 5, 22; Винников А. З., Пряхин А. Д. 1983. С. 69. Рис. 16, III и т. д.], сбруйными пряжками, разделителями и бляхами (рис. 48). Необычайно интересный и полный уздечный набор происходит из клада, найденного в городище Супруты, но он, к сожалению, не опубликован.

Стремяна известны в материалах Битицкого, Новотроицкого (фрагмент) [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 6; Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 77. Рис. 51, 6] и Супрутского городищ.

Отдельные детали поясных наборов — наконечники ремней, пряжки и бляшки встречены на многих памятниках (рис. 44). Относитель-

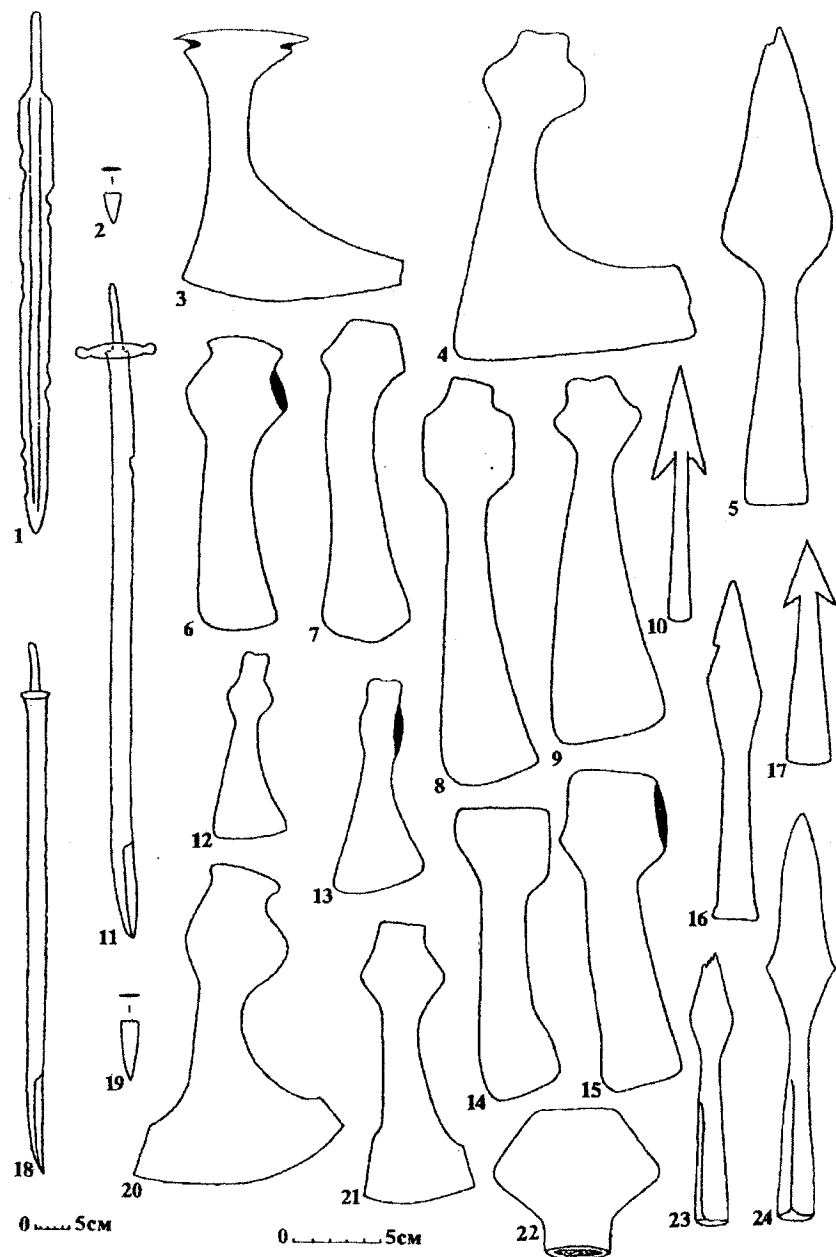

Рис. 47. Предметы вооружения с памятников роменского типа:
1 — Хитцы; 2 — Титчиха; 3, 5 — Горналь; 4 — Малое Боршево; 6 — Лебедка; 7, 19 — Новотроицкое; 8 — Белогорское; 9, 12 — Уткино; 10 — Федяшево; 11 — Донецкое; 13, 18, 20—24 — Битица; 14—17 — Мощины

но полные поясные наборы найдены лишь в составе кладов: Фативижского и с городища у с. Супруты [Козловська В. Е. 1928. Табл. 1; Арх. ИА, р—1: № 4226. Л. 8].

Если по количеству и разнообразию находок, связанных со снаряжением воина, роменские поселения схожи с древнерусскими, то по типам вещей и системе их распределения по памятникам эти две культуры резко отличаются одна от другой. Имеющийся материал не позволяет сколько-нибудь дополнить существующие типологии. В этом нет и необходимости, поскольку все находки имеют аналогии вне пределов роменской культуры.

На раннем этапе, вплоть до нач. X в., практически все предметы вооружения связаны со степными древностями. Не только сабли, но и все топоры с памятников этого времени находят прямые аналогии в древностях салтово-маяцкого типа [Плетнева С. А. 1989. С. 74—76. Рис. 35] (рис. 47). Относительно небольшое количество копий так же косвенно указывает на преобладание степных традиций в вооружении роменцев. Вероятно, и это подтверждается отдельными технологическими анализами [Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 98], сложные в изготовлении предметы вооружения производились неславянскими мастерами. Но даже такие простые изделия, как наконечники стрел, местное производство которых более чем вероятно, по типам близки к степному кругу древностей. В частности, известные на ранних памятниках трехлопастные наконечники, несомненно, связаны с наконечниками салтовских и позднеаварских типов [Медведев А. Ф. 1966. С. 59; Плетнева С. А. 1989. С. 71. Рис. 33] (рис. 48, 21—24).

В X в. наблюдается переориентация роменского вооружения в сторону Руси. На это указывают находки меча рейнского производства на городище у с. Хитцы, древнерусских топоров и их фрагментов на поселениях Горналь, Горбово, копья древнерусского типа в Горнале, многочисленных бронебойных стрел. Подобная переориентация подчеркивает отсутствие местной роменской традиции в производстве сложных изделий из железа.

В элементах конской упряжи степное влияние заметно на всем протяжении существования культуры (рис. 49). Не только удила и стремяна, весьма интернациональные в это время, но и другие детали сбруи находят аналогии в древностях степной зоны. Это и костяная сбруйная пряжка из жилища А г. Полтавы [Ляпушкин И. И. 1949. С. 65; Мажитов Н. А. 1981. Рис. 41, 25; 47, 15; 70, 11 и др.; Баранов И. А. 1990. Рис. 6, 13, 14], и различные ременные разделители из Полтавы, М. Боршева, Новотроицкого, Титчихи [Кулатова И. М., Супруненко О. Б. 1990. С. 44. Рис. 2, 3; Пряхин А. Д., Винников А. З. 1980. С. 148. Рис. 7, 7; Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 15; Москаленко А. Н. 1965. Рис. 42; Мажитов Н. А. 1981. Рис. 27, 21;

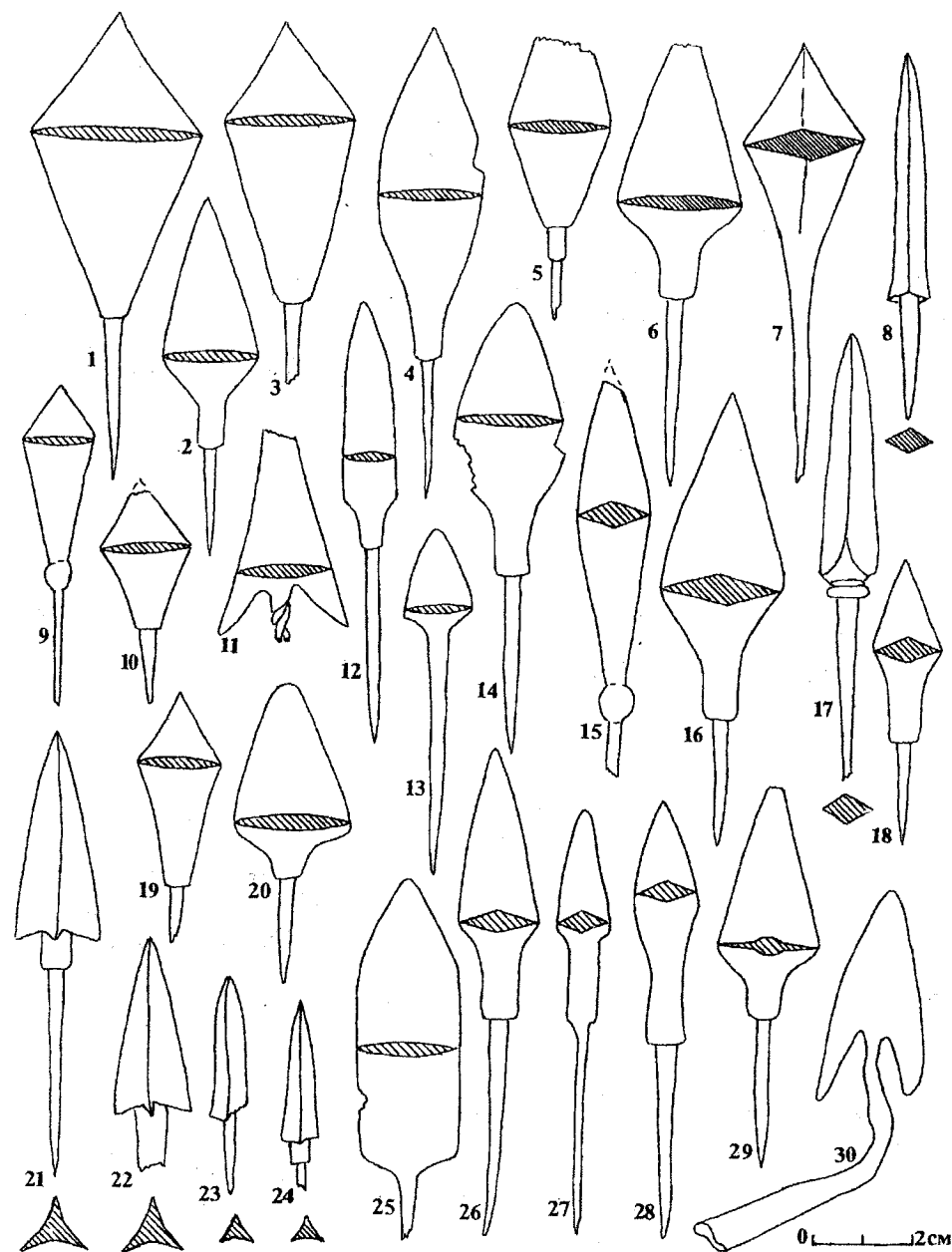

Рис. 48. Некоторые типы стрел с памятников роменской культуры:
1, 4—6 — Горбово; 2 — Хитцы; 3, 7, 8, 10, 11, 15, 16, 18 — Горналь; 9, 12—14, 17, 19, 20, 22, 25—30 —
Новотроицкое; 21 — Битица; 23, 24 — Уткино

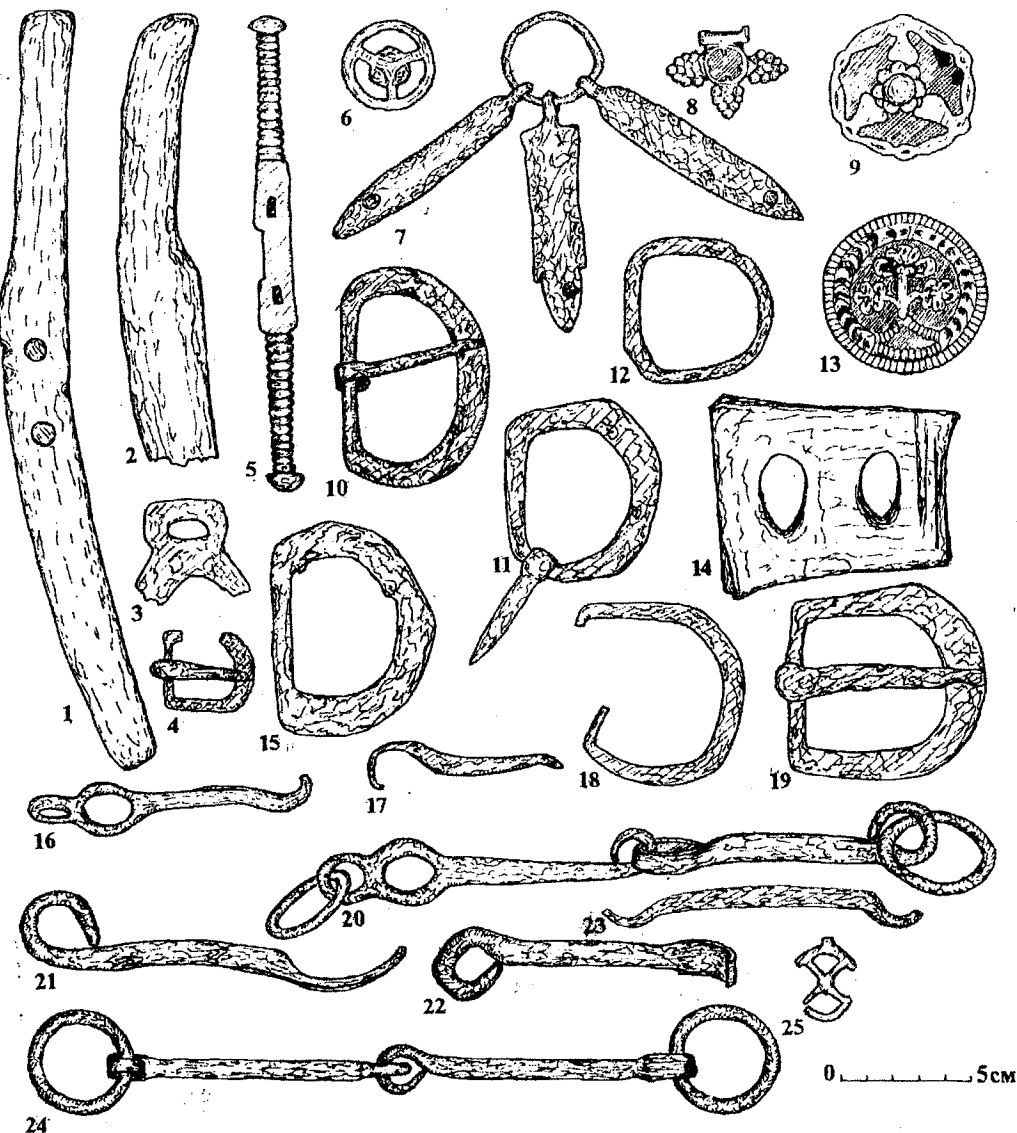

Рис. 49. Детали конской сбруи с памятников роменского типа:

1, 4, 25 — Титчиха; 2, 11, 15, 19 — Белогорское; 3, 8, 12 — Новотроицкое; 5 — Федяшево; 6, 14 — Полтава; 7 — Малое Боршево; 9 — Большое Боршево; 10, 16 — Уткино; 13 — Архангельское; 17, 18, 22, 23 — Горбово; 20 — Мошины; 21 — Тазово; 24 — Боршевский могильник

29, 5; 55, 3; 64, 1, 12 и др.; Баранов И. А. 1990. Рис. 7, 11] и накладки на сбруйные ремни из Архангельского и Большого Боршевского городищ [Арх. ИА, р.—1: № 870. Л. 4. Рис. 37—40; Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. Табл. IX. Рис. 22; Ханенко В. И., Ханенко Б. И. 1902. Табл. XIX. Рис. 487, 488; Казаков Е. П. 1972. С. 163. Рис. 1; Hampel J. 1905. S. 334]. Позднеаварское и салтовское происхождение заметно и в большинстве деталей украшений поясов (рис. 44).

Распределение находок по памятникам на раннем этапе существования культуры сильно отличается от последующего периода. Значительная концентрация предметов вооружения и конской сбруи на Битицком городище [Сухобоков О. В. 1992. Рис. 6] однозначно указывает на концентрацию здесь воинского контингента. После прекращения функционирования этого памятника и вплоть до гибели роменской культуры подобных центров, на которых можно было бы предполагать, наличие дружины не фиксируется. Не прослеживаются следы дружины и в погребальном обряде. В IX—1-й пол. XI в. предметы, связанные с военным делом, довольно равномерно распределяются по самым разным памятникам. Это и крупные городища Хитцы и Полтава и небольшие центры типа Горналя и Новотроицкого. Даже на поселении, состоявшем из одного или нескольких дворов, исследованном у д. Тазово на р. Тускарь, при раскопках были найдены фрагмент удила и поясная бляшка (рис. 18).

Можно предположить, что значительная часть носителей роменской культуры, в т. ч. и северян, была вооружена. В то же время воины, вероятно, не были профессионалами и не составляли постоянного войска. Наиболее сложные виды их вооружения были импортными и поступали с территорий каганата, а на позднем этапе еще и со стороны Руси.

Постепенная переориентация в X в. со стороны салтовской культуры на Русь ощущается и в других, технологически сложных изделиях кузнечного ремесла — орудиях труда и предметах обихода. Так, можно отметить близость ранних предметов с поселений Битица и Волынцево с аналогичными вещами из салтовских памятников как по технологии их изготовления, так и по внешнему облику [Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 100]. Близость сельскохозяйственных орудий северян VIII—X вв., в частности наральников, мотыжек, серпов и кос, к подобным предметам салтовской культуры была зафиксирована в ходе работ В. В. Приймака [Приймак В. В. 1988 б. С. 97, 98].

Кузнечное ремесло роменской культуры, несомненно, еще станет предметом специального исследования. Работы в этом направлении ведутся Г. А. Вознесенской и М. М. Толмачевой. Но ряд наблюдений можно сделать уже сегодня. Во-первых, типология и технологическая

близость сложных в изготовлении предметов к салтовской культуре на раннем этапе и к древнерусской на позднем может указывать на отсутствие сколько-нибудь устойчивой традиции северянского кузнечного ремесла. Во-вторых, судя по крайне немногочисленным следам роменского металлургического производства, оно находилось на весьма низком уровне развития, вряд ли сопоставимом как с салтовским, так и древнерусским [Колода В. В. 1994. С. 12].

Вполне вероятно, что на месте изготавливались лишь простейшие в технологическом плане бытовые предметы. Сложные изделия — вооружение, орудия труда и даже значительная часть ножей на протяжении всего периода существования культуры были импортными — с различных сопредельных территорий. Хронологические изменения, наблюдаемые в комплексе кузнечных изделий, вероятно, отражают изменения в ориентации торговых связей северян. Именно поэтому они практически не коснулись орудий, связанных с обработкой земли. Характер пашенных земель, устойчивые традиции земледелия определили существующее однообразие типов наральников и мотыжек как на раннем, так и на позднем этапах развития культуры [Приймак В. В. 1988 б. С. 79—98].

Пристальное внимание исследователей постоянно привлекал наиболее массовый керамический материал. Первая статья, специально посвященная орнаментации керамики городищ роменского типа, была опубликована еще в 1925 г. [Макаренко М. О. 1925 б. С. 323—338]. Первая типология сосудов роменской культуры предложена И. И. Ляпушкиным на основании материалов из раскопок городища Новотроицкого [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 32—46]. Наиболее массовая группа изделий — горшки — была визуально разделена по форме на четыре типа. Позже так же, на основе визуального восприятия формы были выделены три типа горшков Опошнянского городища [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 268—271. Рис. 118], два из которых идентичны типам Новотроицкого: типы II и III Опошны соответствуют типам II и IV Новотроицкого.

О. В. Сухобоков первоначально принял типологию И. И. Ляпушкина без каких-либо изменений [Сухобоков О. В. 1975. С. 75—79], а позднее несколько расширил ее. В группе горшковидных сосудов II типа был дополнительно выделен тип III, на четыре типа были разделены миски, на два — сковороды [Сухобоков О. В. 1985. С. 127—129. Рис. 23]. Эта типология сохранилась и в последней работе автора [Сухобоков О. В. 1992. С. 43, 44].

Как развитие типологии И. И. Ляпушкина можно рассматривать и типологию, предложенную С. П. Юренко для памятников волынцевского типа [Юренко С. П. 1985. С. 119—121. Рис. 22] и отдельную типологию, разработанную для Опошнянского городища [Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1990. С. 87—94]. Объединяющей чертой

всех этих типологий является единый подход к материалу. Во-первых, основой для членения материала служит форма сосудов. Во-вторых, отнесение конкретного сосуда к тому или иному типу производится путем визуального сравнения. Подобная типология вполне пригодна для начального этапа осмысления материала и определения основных его характеристик. Для проведения более сложного сравнительного анализа необходима конкретизация параметров, определяющих тип сосуда.

Попытка создать типологию на основе соотношения различных параметров лепных сосудов была предпринята А. З. Винниковым для материалов родственной боршевской культуры [Винников А. З. 1982. С. 165—180]. В своей работе автор попробовал перенести на боршевский материал систему, примененную И. П. Русановой при создании типологии керамики VI—VII вв. [Русанова И. П. 1976. С. 16—20]. При этом им были внесены небольшие, но существенные коррективы. Так, если у И. П. Русановой типобразование производилось на основе корреляции соотношений высоты наибольшего расширения и высоты сосуда с соотношением диаметров наибольшего расширения и горла [Русанова И. П. 1976. С. 16. Рис. 4], то А. З. Винников выделил типы на основе соотношений диаметров дна и горла, а также высоты наибольшего расширения и общей высоты сосуда [Винников А. З. 1982. С. 165. Рис. 2]. Это соотношение похоже на примененное И. П. Русановой для вычленения видов сосудов [Русанова И. П. 1976. С. 17. Рис. 5] с той лишь разницей, что показатель соотношения диаметра наибольшего расширения и его высоты был заменен А. З. Винниковым на соотношение высоты наибольшего расширения и общей высоты [Винников А. З. 1982. С. 165. Рис. 2]. Указанное упрощение привело к тому, что из характеристики формы сосуда исчез такой важный показатель, как диаметр наибольшего расширения. В результате этого в состав одних и тех же типов, и даже подтипов, попали сосуды, визуально весьма различные. Так, мало схожие между собой горшки включены в подтипы а и б типа IV [Винников А. З. 1982. Рис. 3, 14, 15, 16, 18, 20], тип V б [Винников А. З. 1982. Рис. 5, 5, 6], тип VIII [Винников А. З. 1982. Рис. 6, 1, 5] и др.

Сомнительность типологии усугубляется тем, что, судя по приведенному графику пропорций сосудов донских славян, важный в дальнейших хронологических построениях тип I представлен всего четырьмя сосудами [Винников А. З. 1982. Рис. 2]. Судя по приведенному в статье рисунку трех сосудов этого типа [Винников А. З. 1982. Рис. 3, 1—3], все они были фрагментарны, причем в такой степени, что проведение сколько-нибудь достоверных промеров высоты сосуда было практически исключено.

В значительной степени это относится и к типу II, представленному на графике 12 сосудами. Из приведенных на рисунке пяти

форм [Винников А. З. 1982. Рис. 3, 4—8], полностью измеренными могли быть лишь два горшка. В результате графической реконструкции возникли на рисунках и некоторые другие «целые формы».

К сожалению, в тексте статьи практически не приводятся абсолютные цифры количества сосудов той или иной формы, не учитываются при вычленении процентных соотношений и пределы доверительных интервалов, что заставляет сомневаться в показательности приведенных таблиц соотношения типов горшков на различных поселениях и в слоях Титчихинского городища [Винников А. З. 1982. Рис. 8].

В отношении хронологического аспекта работы, не касаясь крайне спорных — ранней даты боршевских памятников (VIII в.) и завершающего периода (2-я пол. X в.), — необходимо отметить, что приведенная раскладка материала по штыкам без учета стратиграфии этого участка поселения не вполне убедительна. Сочетание упущений и неточностей делает работу А. З. Винникова малоубедительной для материалов Среднего Подонья и совершенно неприемлемой для использования в классификации соседней северянской керамики.

Сам принцип описания форм сосудов посредством соотношений различных параметров в роменском материале может быть применен весьма ограниченно. Грубые, глубоко индивидуальные, лепные сосуды роменской культуры часто асимметричны. Замеры одного и того же сосуда, сделанные в различных проекциях, могут значительно отличаться, что внесет в дальнейшие построения слишком большие неточности. Это замечание относится и к типологии роменских сосудов, предложенной А. Г. Дьяченко, построенной на основе системы статистической обработки В. Ф. Геннинга [Дьяченко А. Г. 1988. С. 8; Геннинг В. Ф. 1973. С. 114—135].

По ходу работы автор постоянно учитывает уровни возможных погрешностей. Однако поскольку погрешности присутствуют на всех этапах описания сосуда, к моменту получения конечного результата они могут вырасти в геометрической прогрессии. Так, на начальном этапе автором предлагается реконструкция нижних частей по фрагментам их верхней трети [Дьяченко А. Г. 1988. С. 13—23]. Для получения исходных характеристик роменских сосудов Донецкого городища были использованы параметры сосудов городища Новотроицкого и Опошны [Дьяченко А. Г. 1988. С. 13]. Не говоря об определенной условности самих этих параметров, необходимо отметить, что столь прямое привлечение материалов памятников различных регионов, имеющих разные периоды бытования, уже само по себе значительный допуск. Даже если принцип реконструкции при этом в целом верен, при реконструкции конкретного сосуда возникает еще одна неминуемая погрешность. Эта погрешность будет значительно увеличена при замерах самого фрагмента верхней трети сосуда. Как показывает практика, замеры диаметра горшка, сделанные по фрагменту

венчика при помощи «полигона», значительно разнятся с реальными. Определение наклона фрагмента верхней части лепного горшка во многом основано на интуиции исследователя. Небольшое отступление в угле наклона от реального приводит к крупным погрешностям в определении диаметра максимального расширения. И, наконец, по фрагменту нельзя проследить возможную асимметричность сосуда. Таким образом, на этапе графической реконструкции суммируются возможные погрешности по всем параметрам, определенным по конкретному черепку и умножаются на погрешности, заложенные в самом принципе реконструкции. Полученное в результате изображение может разительно отличаться от оригинала. И все это при том, что из использованных А. Г. Дьяченко 95 сосудов «полных форм» 91 являлся продуктом реконструкции [Дьяченко А. Г. 1988. С. 24]. Типообразующими признаками послужили показатели высоты тулова, выпуклости плечика и ширины днища. Т. е. из трех признаков величины двух (ФЗ и Ф8) были реконструированы. Построение типологии на основе таких реконструкций весьма проблематично. Сама типология, предложенная А. Г. Дьяченко, к сожалению, не была апробирована на построении хронологических или иных рядов.

Еще одна типология, построенная на основании математического описания форм сосудов, была недавно предложена В. А. Петрашенко [Петрашенко В. О. 1992]. Рассматривая керамику VIII—IX вв. правобережья Среднего Днепра, автор в качестве сравнительного материала привлекает сосуды с таких важных для Левобережья памятников, как Волынцево и Новотроицкое. Указанная работа интересна еще и тем, что в ней содержится попытка сравнительного и хронологического анализа памятников на основе полученной типологии. Как и рассмотренная выше, типология В. А. Петрашенко базируется на программе статистической обработки В. Ф. Геннинга [Петрашенко В. О. 1992. С. 23], но в качестве типобразующих здесь были использованы такие признаки, как линия шейки, линия плеча, профилировка шейки и плеча, т. е. верхней части сосуда, [Петрашенко В. О. 1992. С. 41].

Работа с реальными сосудами и их фрагментами, несомненно, увеличивает достоверность полученных результатов. В то же время вызывает большие сомнения репрезентативность выборки. Во-первых, следует отметить смешение слоев на памятниках, существовавших довольно продолжительное время, таких, как Монастырек, Новотроицкое и т. п., а так же соединение комплексов различных памятников (Киев, Пастерское и Стецовка, поселения Житомирщины) [Петрашенко В. О. 1992. С. 16—21]. Подобное объединение заведомо снижает возможности хронологических построений. Во-вторых, несмотря на эту вынужденную меру, выборка материала все же недостаточно велика, от 20 до 96 единиц в одной группе [Петрашенко В. О. 1992. С. 22].

Очевидно, что в коллекции из 20 сосудов не могут быть представлены все 26 выделенных типов керамики (15 лепной и 11 круговой). При подсчете пределов доверительных интервалов для процентных показателей в таблице распределения типов лепных горшков выясняется, что у подавляющего большинства нижний предел интервала имеет отрицательное значение. Следовательно, присутствие того или иного типа сосудов в комплексе, равно как и его отсутствие, можно отнести за счет случайности. Таким образом, при любых сопоставлениях возможно опираться лишь на ведущие типы в данной группе, представленные значительным процентом. По той же причине необходимо с большой осторожностью пользоваться парными коэффициентами сходства как различных деталей, так и сосудов в целом.

Несмотря на указанные недостатки, связанные прежде всего с состоянием изученности материала, работа В. А. Петрашенко содержит крайне важные данные для изучения роменского Левобережья. Так, очевидно, что на памятниках левого берега представлены, пусть в крайне малом количестве, практически все те же типы сосудов, что и на правом берегу р. Днепр. Причем полностью отсутствуют только те типы (III, IV, V, XIV — на Волынцеве, I, V, IX, XII, XIII — на Новотроицком), которые представлены на правобережных памятниках минимальным (случайным) процентом или отсутствуют вовсе [Петрашенко В. О. 1992. С. 46. Табл. 5]. Это позволяет говорить об определенной общности форм сосудов и, вероятно, едином их происхождении.

Сравнение ведущих типов керамики вполне корректно даже при имеющейся выборке. Оно позволяет предположить, что на раннем этапе существования роменской культуры керамические комплексы левого и правого берега Днепра были необычайно близки. На то же указывают и необычайно высокие коэффициенты сходства керамики таких памятников, как Волынцево, Сахновка и Ходосовка [Петрашенко В. О. 1992. С. 127. Табл. 29]. Однако уже на следующем этапе комплекс Новотроицкого значительно отличается от синхронных памятников Правобережья. Можно предположить, что, начиная с IX в., различия в формах лепной керамики роменской культуры и культуры Правобережья увеличиваются.

Все рассмотренные выше типологии построены на словесном или формализованном описании формы лепного сосуда. Возникает закономерный вопрос, каковы возможности сопоставления форм лепной керамики для изучения роменской культуры.

Обратимся к охватывающей обширный и разнообразный материал работе В. А. Петрашенко. Все выделенные автором типы лепных сосудов можно условно разделить на две группы. К ведущим типам относятся формы, встречаемые в достаточно большом, статистически достоверном количестве на целом ряде памятников. К таким типам можно с уверенностью причислить типы I, VIII, X, XI [Петрашен-

ко В. О. 1992. Табл. 5]. В работе отмечено, что типы VIII—XII характерны как для первого, раннего этапа, так и для поздних памятников, т. е. не претерпели изменений с VIII по X вв. [Петрашенко В. О. 1992. С. 89—92]. То же на основании таблицы можно сказать и о типе I.

Типы роменской керамики, выделенные И. И. Ляпушкиным и О. В. Сухобоковым на основе визуального восприятия материала, также отражают основные, наиболее распространенные формы сосудов и также встречаются как на ранних, так и на поздних памятниках. Очевидно, что наиболее распространенные формы были и наиболее устойчивыми во времени. В качестве хронологического показателя может служить только процентное соотношение этих форм в комплексе. Для определения датировки объекта по этому признаку он должен соответствовать двум требованиям. Во-первых, это должен быть закрытый комплекс или несколько достоверно синхронных комплексов с относительно узким периодом бытования. Во-вторых, он должен содержать количество материала, необходимое для статистической обработки. Ни в настоящее время, ни в обозримом будущем наука не располагает сколь-нибудь значительным количеством таких объектов. Следует так же отметить, что в случае, когда объект отвечает предъявленным требованиям, в нем, как правило, имеются другие материалы, позволяющие установить весьма точную дату. Таким образом, наиболее распространенные формы керамики вряд ли могут служить надежным хронологическим индикатором для памятников роменской культуры.

Анализ обобщенного материала с памятников или даже с групп памятников позволяет делать столь же обобщенные выводы. На его основании можно говорить о сходстве или различии культур или регионов в целом, определять самые широкие хронологические рамки их существования.

Основой хронологической шкалы для памятников Правобережья послужили малочисленные формы, а так же круговая керамика. Относительно редко встречающиеся сосуды типов II—VII по В. А. Петрашенко генетически связаны с памятниками предшествующей поры и потому сам факт их присутствия в комплексе, пусть в единичных экземплярах, уже указывает на его раннюю дату. Керамика предшествующей роменской культуре эпохи на Днепровском Левобережье относится к пеньковской и колочинской культурам и легко вычленяется из общей массы, не требуя для этого типологических построений.

Таким образом, необходимо признать, что для памятников Северской земли VIII—нач. XI в. стремление к созданию оптимальной типологии форм местных лепных сосудов вряд ли оправданно. Более перспективным представляется изучение отдельных, изменяемых черт сосудов, в частности орнаментации.

Все упомянутые выше авторы касались вопросов украшения лепных сосудов и в той или иной степени пытались систематизировать орнаменты [Винников А. З. 1978 б; Сухобоков О. В. 1975. Рис. 58; Дьяченко А. Г. 1988. С. 48—49. Табл. 7]. Однако попытки типологизации сводились в основном к простому перечислению известных приемов орнаментации. Единственная удачная попытка систематизировать роменские орнаменты и проследить их в динамике была сделана А. А. Узяновым [Узянов А. А. 1982. С. 122—135]. Автору удалось не только проследить хронологические изменения в сочетаниях типов орнамента, но и зафиксировать существование и взаимодействие различных традиций в рамках одного поселения. Вероятно, дальнейшая работа в этом направлении позволит расширить возможности керамики как датирующего материала, а так же сделать ее «надежным источником для изучения... структуры внутрипоселенческих связей древнего населения» [Узянов А. А. 1982. С. 134]. Пока же возможности использовать орнаментацию лепной керамики для датировок того или иного памятника сильно ограничены по двум причинам. Во-первых, для вычисления соотношений типов орнамента требуется достаточно представительная серия единовременного материала. В то же время памятники, наиболее остро нуждающиеся в датировке на основе керамического материала,— это памятники, слабо исследованные раскопками и потому не содержащие достаточно больших серий. Во-вторых, индивидуальность керамического набора, отмеченная А. А. Узяновым даже в пределах одного поселения, будет особенно сильно ощущаться на разных памятниках, тем более, в различных регионах.

Как следует из всего выше сказанного, основная часть керамики роменской культуры слабо поддается хронологическому членению. Не пытаясь решить эту сложную проблему, попробуем рассмотреть в динамике весь керамический комплекс в целом.

На всем протяжении существования культуры основная масса керамических изделий была представлена сосудами, сделанными без использования гончарного круга. Они были выполнены, как правило, из плохо промешанной глины с крупными и очень крупными включениями шамота и органики, редко — крупной дресвы. Тесто в зависимости от качества выделки конкретного сосуда более или менее плотное, поверхность шероховатая; толщина стенок колеблется в пределах от 0,5 до 1,5 см. Обжиг преимущественно печной. Орнаментация представлена пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, а так же различными сочетаниями оттисков палочки, обмотанной веревочкой. Основные приемы орнаментации присутствуют на памятниках всех хронологических периодов, однако доля их в комплексах со временем меняется. Тенденция роста количества веревочных штампов (линейных элементов орнаментации, по А. А. Узянову) за счет

снижения доли нелинейных орнаментов хорошо прослеживается на материалах Горналя [Узянов А. А. 1982. С. 129. Рис. 1]. Характерной чертой начального периода развития культуры является малое количество сосудов, орнаментированных веревочным штампом, причем по большей части им орнаментированы лишь края венчиков. Несмотря на редкость этого орнамента, факты его присутствия в материалах таких ранних памятников, как Волынцевское поселение и Сошницкий могильник, говорят о его изначальности для керамического комплекса роменской культуры.

Помимо собственно роменской для начального периода свойственно присутствие в комплексах керамики, характерной для предшествующих культур — пеньковского и колочинского типов. Роли этой керамики, резко отличающейся от раннероменской как по тесту, так и по формам сосудов, в комплексе памятников «волынцевского» этапа посвящена специальная работа О. А. Щегловой [Щеглова О. А. 1986. С. 15—23]. Следует оговориться, что в отношении одного из двух рассмотренных в работе памятников северянской территории автор позже изменил свое мнение [Щеглова О. А. 1987 а. С. 48]. Сочетания групп керамики второго памятника, поселения у с. Волынцево, позволили О. А. Щегловой выделить четыре хронологических этапа в его жизни [Щеглова О. А. 1986. С. 21]. Однако приведенная в статье таблица показывает, что керамические комплексы половины из исследованных жилищ представлены менее чем 10 фрагментами сосудов. Столь малая выборка вряд ли отражает реальную картину. Отметим, что именно жилищами с наименьшим количеством материала представлены наиболее ранний и поздний этапы [Щеглова О. А. 1986. С. 21. Рис. 3]. Вероятно поэтому жилища 2 и 9, содержавшие всего по два фрагмента сосудов, были отнесены, соответственно, к раннему и позднему этапам, а в материалах жилищ 6, 13, 19, 21, где найдено около 20 фрагментов, были представлены практически все группы керамики. Учитывая это, можно говорить лишь об общей тенденции в развитии керамического комплекса поселения, условно выделяя не более двух периодов: раннего, с архаичной керамикой, и позднего — без нее.

Несмотря на приведенные замечания, важным остается сам факт присутствия на начальном этапе существования роменских памятников, причем не только поселений, как это указано у О. А. Щегловой [Щеглова О. А. 1986. С. 16], но и в качестве урны в кургане, исследованном Д. Я. Самоквасовым у с. Волокитино [Самоквасов Д. Я. 1916. С. 70. Рис. 74], керамики архаичных типов. Вопрос о значении этой керамики в комплексах раннероменской культуры остается открытым, однако уже сейчас ясно, что она являлась инородным элементом в культуре и не оказала сколько-нибудь заметного влияния на развитие собственно роменской культуры.

Более значительную роль в раннероменском керамическом комплексе играла керамика «волынцевского» типа. К этой группе материала относятся амфоры, аналогичные происходящим с салтовских памятников Подонья и Крыма [Баранов И. А. 1977; Якобсон А. Л. 1979], округлобокие горшки с прямым венчиком и миски. От роменских сосудов они резко отличаются как по форме, так и по технологии изготовления. «Волынцевские» горшки выполнены на кругу из плотного теста с примесью мелкого песка. Они имеют хороший, вероятно горновой, обжиг. Поверхность сосудов орнаментирована волной или полосой, присущими круговой керамике разных времен и народов, либо сплошным лощением или пролощенным орнаментом в виде полос и клеток [Сухобоков О. В. 1975. С. 53], что характерно для керамики салтовского круга древностей. Близость керамики, как и других черт волынцевского пласта, древностей к материалам салтово-маяцкой культуры несомненна. В то же время отличие в форме горшков заставляет предполагать наличие иного центра их производства. Материалы, полученные при исследовании Битицкого городища, а так же закономерности в распространении указанной керамики позволили предположить, что центр этот находился на Битицком поселении или в непосредственной близости от него [Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 104]. На большинстве известных памятников за исключением самой Битицы и поселения у с. Вовки [Щеглова О. А. 1987 а. С. 43—48] процент круговой керамики в комплексах невелик. Вероятно, круговые сосуды у северян выполняли роль тарной керамики (амфоры) или парадной столовой посуды. В пользу относительной ценности круговых горшков говорит их использование в качестве погребальных урн. Причем в могильнике у с. Волынцево подобная керамика «була тільки в богатих похованнях з великою кількістю урн» [Березовець Д. Т. 1952 а. С. 249].

С предположением о том, что волынцевская керамика являлась продукцией одного центра, хорошо согласуется и тот факт, что на большинстве раннероменских памятников явно ощущается нехватка такой керамики, что восполнялось за счет изготовления подражаний. Эти сосуды, в дальнейшем называемые псевдоволынцевскими, по форме повторяют свои круговые прототипы (тип IV—по И. И. Ляпушкину, тип V—по О. В. Сухобокову). Правда, со временем намечается определенный отход от образца, прежде всего в форме тулова, которое становится ближе к формам славянских горшков, но сохраняется отличительный признак—прямой, вертикальный венчик. Главное, что отличает псевдоволынцевские сосуды—это технология их изготовления. Тесто этих горшков хотя и более плотное, чем в основной массе роменской керамики, но имеет те же традиционные примеси, а именно: шамот и органику. Благодаря лучшей промешан-

ности глины и относительно мелким фракциям примесей псевдоволынцевские сосуды имеют меньшую, чем у других роменских горшков, толщину стенок и, следовательно, лучший обжиг. Однако обжигались они тоже в печи, а не в горне, как волынцевская керамика. В целом тесто и характер обжига псевдоволынцевских горшков совершенно идентичны наиболее качественным роменским и резко отличаются от волынцевских. Заметны отличия и в формовке сосудов. Псевдоволынцевские формованы методом ручной лепки, часть из них в дальнейшем правлена на кругу. Обработка на медленно вращающемся круге обусловила широкое распространение линейно-волнистого орнамента [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 39. Рис. 22, 2—5; 25, 8]. В меньшей степени присутствует салтовский пролощенный орнамент и роменский веревочный штамп [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 23, 5]. Характерной чертой этой группы керамики является сплошное лощение поверхности.

Появление псевдоволынцевских сосудов фиксируется уже на памятниках, содержащих и круговую керамику [Щеглова О. А. 1986. С. 18. Рис. 3]. Вероятно, именно в этот момент начинается освоение славянскими гончарами круга. Особое распространение этой керамики приходится на период, последовавший за прекращением деятельности гончарного центра в районе Битицы. Раннекруговые сосуды псевдоволынцевского типа широко представлены в материалах Опошны и Новотроицкого [Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1990. С. 90, 91. Рис. 1, 10—12; Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 38, 39. Рис. 18, 4; 1961 а. С. 268—271]. На некоторых памятниках они, очевидно, существуют и позже. Так, судя по материалам жилищ Большого Горнальского городища, в постройках III и IV слоев, датирующихся в целом IX в., псевдоволынцевские сосуды, как лепные, так и раннекруговые, составляют около 21,7 %, т. е. свыше одной пятой всей керамики [Узянов А. А. 1979. С. 100. Табл. 2]. В жилищах X в. они также присутствуют, но их процент снижается до 12,9.

Прекращение поступления салтоидной волынцевской керамики привело к распространению местной круговой посуды. Кроме отмеченных псевдоволынцевских сосудов, появляются круговые горшки местных славянских форм. Технология их изготовления близка к псевдоволынцевским как по составу и качеству теста, степени обжига, так и по уровню применения гончарного круга. Сосуды этой группы формовались методами ручной лепки, на кругу производилась обработка внешней поверхности, обточка венчика и нанесение орнамента. По классификации А. А. Бобринского они могут быть отнесены к РФК-1, 2 [Бобринский А. А. 1978. С. 37—44]. Неразрывная связь этих сосудов с роменской керамической традицией несомненна. Во всем, кроме применения круга и связанного с этим линейного и волнистого орнамента, они идентичны лепным сосудам.

Время появления раннекруговых горшков на памятниках роменской культуры лежит в пределах IX в., вероятно, около середины этого столетия. На памятниках, содержащих волынцевскую и псевдоволынцевскую керамику, например, поселения у с. Волынцево, подобные сосуды не отмечены. Нет их и на несколько более позднем городище у с. Опошня, где при отсутствии волынцевской керамики встречаются подражания ей [Сухобоков О. В., Юренко С. А. 1990. С. 91, 92]. В материалах городища Новотроицкое и нижних слоях Большого Горнальского городища раннекруговая керамика представлена уже достаточно хорошо [Ляпушкин И. И. 1958 в. Рис. 20, 21; Узянов А. А. 1979. С. 100]. Вероятно, во 2-й пол. IX—X вв. она получает распространение по всей территории роменской культуры [Дьяченко А. Г. 1988. С. 48—52. Рис. 23, 9; Разуваев Ю. Д. 1987. С. 127. Рис. 5; Приймак В. В., Белинская Л. И. 1988. С. 14, 15; Приймак В. В. 1990 б. С. 83; Макаренко М. О. 1925 а. мал. 4].

Материалы Горналя показывают, что в противоположность псевдоволынцевской процент раннекруговой керамики со временем несколько возрастает с 2,2 % в жилищах III и IV слоев до 4,6 % в жилищах позднего периода. В целом же процент круговой керамики на всем протяжении существования этого памятника остается практически неизменным. Суммарно керамика псевдоволынцевская, раннекруговая роменская, салтовская и древнерусская составляет на раннем этапе 21,8 %, а на позднем — 19,6 % [Узянов А. А. 1979. Табл. 2], т. е. около одной пятой всего комплекса. Этим количеством, вероятно, определялась потребность населения в качественной посуде, которая в различное время удовлетворялась за счет разных источников.

В археологической литературе неоднократно предпринимались попытки рассмотреть описанную выше раннекруговую роменскую керамику в качестве переходного типа к древнерусской керамике на левобережье Днепра [Сухобоков О. В. 1975. С. 80. Рис. 48]. Следует, однако, отметить, что традиции производства древнерусской керамики хорошо прослеживаются в материалах Киева и его окружи со 2-й пол. IX в. [Толочко П. П., Боровский Я. Е., Вознесенская Г. А. 1981. С. 293. Рис. 130, 131; Максимов Е. В., Петрашенко В. А. 1988. С. 88. Рис. 68, 3—7]. Даже на славянских поселениях правобережья Днепра появление керамики, близкой керамике «блучинского» типа трудно связать с местной традицией.

К моменту непосредственного контакта древнерусской и роменской керамики в X в. обе традиции уже достаточно сформировались, что и объясняет их многочисленные различия. Древнерусские сосуды этого времени, встречающиеся на Левобережье, выполнены из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка или без искусственных примесей. Стенки горшков тонкие, обжиг гораздо более ка-

чественный, чем у роменских сосудов, вероятно, горновой. Несравненно выше и уровень использования гончарного круга, определяемый по А. А. Бобринскому как РФК-4 и даже 5. Несомненно, что производство этой керамики требовало уже весьма высокого уровня специализации [Бобринский А. А. 1978. С. 28—34. Табл. 7; Петрашенко В. А. 1985. С. 81, 82; Толочко П. П., Боровский Я. Е., Вознесенская Г. А. 1981. С. 293]. Развитие традиции, отразившееся в частности в изменении формы венчика [Сарачев И. Г. 1990. С. 161—165], происходило в отрыве от местных условий и соответствовало тенденциям, характерным для таких центров, как Киев и Чернигов. Об этом говорит тот факт, что если в районах Среднего Подесенья известна керамика как X в., так и кон. X—нач. XI в., то в отдаленных районах появляются сразу сосуды с поздними типами венчиков.

В главе I были рассмотрены основные тенденции в распространении древнерусской керамики по территории Северной земли. Интересно проследить ее взаимоотношение с местной роменской посудой и, прежде всего, круговой. Первоначально качественная древнерусская керамика поступала к носителям роменской культуры как столовая посуда. Об этом говорят материалы жилищ поселения у с. Горбово, погибших в пожаре кон. X—нач. XI в. Несмотря на то, что в это время древнерусская керамика составляла более половины комплекса памятника, традиции в ее использовании, видимо, еще сохранялись. В сгоревших жилищах наблюдаются две зоны концентрации керамического материала. В печах и около них находились как лепные роменские, так и древнерусские сосуды. Вторая зона концентрации хорошо прослеживалась в противоположном от печи «красном углу». Здесь находились исключительно древнерусские сосуды без каких-либо следов нагара.

Наполнение группы столовой посуды в районах Среднего Подесенья проходило очень быстро. Уже к сер. X в. около трети всего керамического комплекса составляли горшки древнерусского типа. В последующее время эта керамика уже использовалась и в качестве кухонной наряду с лепной роменской. Очевидно, что местное производство раннекруговой посуды не выдержало такой конкуренции и, судя по материалам памятников региона, практически прекратилось.

В районах Посеймья, Среднего Посулья, Среднего Псла и других, куда поступления древнерусской керамики началось позже и в меньших размерах, процесс вытеснения местной круговой керамики происходит медленно. Для удовлетворения спроса на круговую посуду здесь требовалось производство какого-то количества традиционной керамики, что обусловило некоторое равновесие в соотношении двух традиций, подобного сосуществованию на раннем этапе волынцевской и псевдоволынцевской керамики.

К кон. X в. спрос на круговую керамику, очевидно, возрос. Недовольство его на наиболее удаленных от центров небольших поселениях привело к резкому росту местного производства круговых сосудов. Так, на поселении у д. Тазово на р. Тускарь к кон. X—нач. XI в. количество древнерусской керамики не достигало и 5 %. В то же время местная раннекруговая посуда составляла свыше половины керамического комплекса этого памятника. Таким образом, в одних регионах появление древнерусской посуды привело к полному упадку и даже исчезновению местных традиций, в других, напротив, послужило их бурному развитию.

Если основные направления в распространении древнерусской керамики на Днепровском Левобережье в целом ясны, то механизм этого явления недостаточно понятен. Открытым остается вопрос, было ли это проникновение мастеров и традиций или же лишь поступление готовой продукции, т. е. импорт. Для отдаленных районов Северной земли, где древнерусская посуда представлена небольшим количеством фрагментов явно неоднородных сосудов, выполненных разными мастерами, вопрос, несомненно, решается в пользу импорта.

Что касается памятников, содержащих значительный процент керамики древнерусского типа, особенно крупных поселений, то не исключается возможность существования на них мастерских по производству таких сосудов. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что две различные традиции, сосуществующие на некоторых памятниках до 100 лет, практически не оказывали влияния друг на друга. Известные в небольшом количестве подражания лишь подчеркивают это. Так, попытка на лепном горшке воспроизвести манжет по венчику абсурдна с точки зрения технологии и говорит о том, что мастер был знаком с прототипом только в готовом виде (рис. 50). Продуктом слепого подражания являются и раннекруговые сосуды из коллекции материалов г. Полтавы раскопок И. И. Ляпушкина. При том, что эти горшки выполнены в традициях роменских раннекруговых сосудов, они имеют венчики, в профиле похожие на венчики древнерусских горшков, в т. ч. и относительно поздних—кон. X—нач. XI в. Малая скорость вращения круга и грубые примеси заставили мастера при оформлении венчиков пользоваться приемами, близкими к ручной лепке и отличными от приемов русских мастеров. Керамический комплекс позднего этапа существования полтавского поселения представлен местной и древнерусской керамикой примерно в равном соотношении. Вероятно, при производстве отмеченных выше сосудов мастер был вынужден ориентироваться на требования моды, тон которой задавали качественные древнерусские горшки. Ориентация на возможного потребителя проявилась в крайне редких древнерусских сосудах, орнаментированных деревянной палочкой в

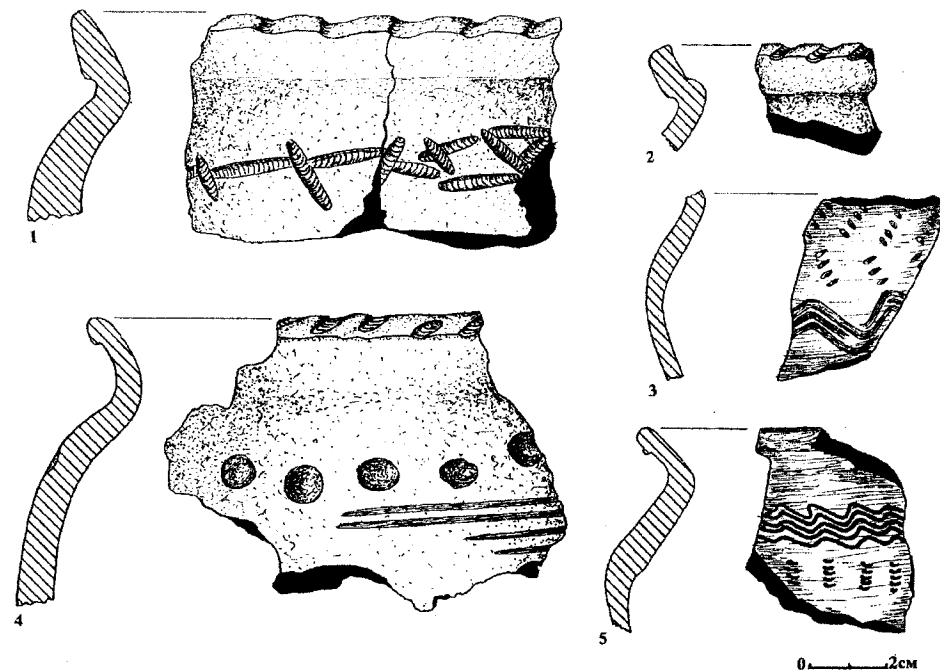

Рис. 50. Образцы взаимного подражания роменской и древнерусской керамики:
1—Горбово, жил. 1; 2—Горбово, жил. 3; 3—Новгород-Северский, раскоп IV а, слой; 4—Ромны, Соборная гора, зачистка, слой; 5—Горбово, яма 15
1, 2, 4—лепная; 3, 5—круговая

подражание веревочному штампу, который, как и в рассмотренных ранее случаях, не соответствует технологии производства.

Отсутствие взаимовлияния основ двух традиций может указывать либо на их замкнутость, чему противоречат случаи внешних подражаний, либо на различия в местах производства. В пользу последнего говорят выборочные анализы глин лепных и круговых древнерусских сосудов с поселения у с. Горбово, где возможность существования мастерских по производству керамики «шестовицкого» типа наиболее велика. Обе традиции здесь сосуществуют около 100 лет, причем на последнем этапе древнерусская керамика составляла более половины комплекса. В то же время анализы показали, что лепная керамика выполнена из однородной по химическому и структурному составу глины. Материал для изготовления древнерусских сосудов брался из разных глинищ, ни одно из которых не идентифицируется с глиной лепной керамики. Несмотря на предварительность результатов, полученных на основе малого количества анали-

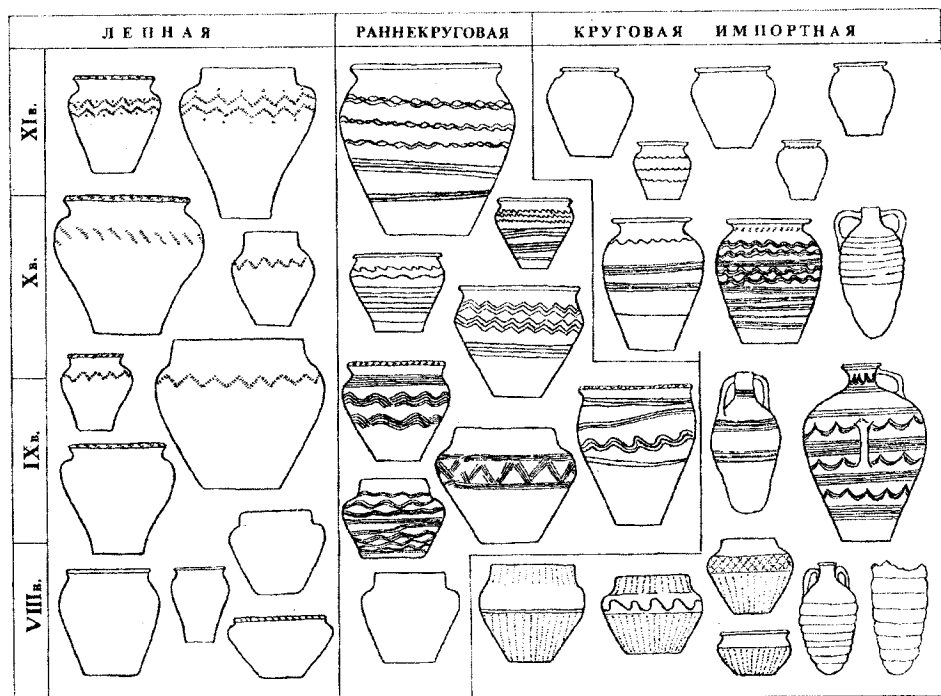

Рис. 51. Схема развития керамического комплекса роменской культуры

зов, учитывая различия в традициях, можно предполагать неместное происхождение древнерусской керамики.

Обзор керамического комплекса роменской культуры показывает, что в нем важная роль принадлежала группе круговых сосудов (рис. 51). Эта группа подверглась значительным изменениям во времени. На раннем этапе ее основу составляла продукция центра, производившего волынцевские сосуды. Вероятно, под влиянием этого центра складываются собственные традиции, которые со временем все больше отходили от своих образцов. Традиции эти доживают до конца существования культуры, но на последнем этапе начинают уступать место потоку древнерусской, вероятно, импортной керамики. С прекращением жизни культуры полностью прерываются все традиции как в производстве лепной, так и круговой керамики. Керамический материал Днепровского Левобережья XI—XII вв. являет собой прямое продолжение древнерусских традиций, формировавшихся и развивавшихся в районах Киева и Чернигова.

Заканчивая описание некоторых основных черт материальной культуры летописных северян необходимо отметить, что даже сего-

дняшний уровень знаний позволяет рассматривать роменскую культуру не как статическое явление, а как развивающуюся, постоянно совершенствующуюся систему. Помимо сменявшихся пластов инородных древностей изменяются и многие черты собственно северянской роменской культуры. С различной интенсивностью преобразуются детали конструкций жилищ, погребального обряда. Развивается ювелирное ремесло, изменяется облик керамических изделий.

Все эти изменения дают возможность использовать их для определения хронологии новых памятников (рис. 52). Приведенная таблица ни в коей мере не претендует на полноту и окончательность. Имеющиеся данные, в частности, наблюдающиеся тенденции в освоении различных ландшафтных зон, конструкциях фортификационных сооружений, употреблении изделий из черного металла и т. д., указывают на широкие возможности дальнейшей работы по этим и другим направлениям исследования.

		VII в.	VIII в.	IX в.	X в.	XI в.
конструк- ции жилищ:	печи-каменки					
	глин. печи тип I					
	глин. печи тип I, вид 3					
	глин. печи тип II					
	стены тип I					
	стены тип II					
погребаль- ный обряд:	стены тип III					
	следы 2-го этажа					
	наземные жилища					
	урна на горизонте					
	урна в верхней части насыпи					
	две и более урны					
керамика:	деревянные сооружения					
	ингумация в яме					
	украшения «дунайских» типов					
	лучевые кольца 1 период					
	лучевые кольца 2 период					
	лучевые кольца 3 период					
	древнерусское оружие					
	шиферные пряслица					
	костяные гребни					
	архаическая волынцевская					
	псевдоволынцевская					
	веревоочный штамп на плечиках сосудов					
керамика:	раннекруговая					
	древнерусская — С. Десна					
	С. Сейм, Сула, С. Ворскла					
	В. Сейм, Псел, В. Ворскла					
	древнерусская тип V					
	типы VI, VII					
керамика:	подтипы А типов I—V					

Рис. 52. Хронологические изменения элементов роменской культуры

ГЛАВА 3

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ VIII — нач. XI в.

Проведенный в предыдущих разделах анализ археологического материала показывает, что многие из поставленных вопросов еще далеки от своего решения. В то же время уже сегодня можно говорить о существовании ряда закономерностей в развитии материальной культуры летописных северян VIII—XI вв. Среди них, в первую очередь, необходимо отметить неравномерность в темпах совершенствования отдельных черт культуры. Намеченные в ходе работы тенденции во многом отличаются от выводов, сделанных в предшествующих исследованиях по роменской археологии. Так, значительно более совершенными представляются навыки в строительстве жилищ и укреплений, много большим объемом торговли, о чем говорит роль импортов в жизни населения. Напротив, уровень ремесленного производства был очевидно ниже, чем это представлялось ранее. Весьма дискуссионными оказываются очень многие сложившиеся представления как чисто археологического порядка, так и общеисторические. Все это делает необходимым еще раз обобщить материалы археологии и сопоставить их с данными других категорий источников, то есть в очередной раз попытаться, пусть в самых общих чертах, реконструировать основные исторические процессы, проходившие в северском обществе рассматриваемого периода.

Историография проблемы необычайно обширна. Краткий обзор той ее части, которая непосредственно касается археологии, приведен в начале работы. Что же касается трудов по истории Древней Руси, то в большинстве из них, присутствует изложенное в той или иной степени полно мнение по поводу так называемых «племен», «союзов племен», или «племенных княжений». Поэтому нет смысла подробно останавливаться на всей историографии Древней Руси, тем более что во многом это уже сделано [Мавродин В. В., Сверд-

лов М. Б. и др. 1978]. Следует лишь отметить, что попытки написания истории Северской земли, причем весьма интересные, предпринимались еще в конце прошлого века [Голубовский П. В. 1881; Багалей Д. И. 1882; Самоквасов Д. Я. 1908 б]. В настоящее время господствует схема, предложенная А. Н. Насоновым и Б. А. Рыбаковым, согласно которой Северская земля являлась составной частью «Русской земли», ядра будущего государства [Насонов А. Н. 1951. С. 29 (карта), 32; Рыбаков Б. А. 1982. С. 72]. В том же ключе звучат и выводы большинства археологов, которые в дополнение к основному постулату добавили высказывания об относительной слабости в развитии этой, провинциальной по сравнению с Киевом, территории [Сухобоков О. В. 1975. С. 153]. Не вступая в полемику с указанными учеными, попытаюсь изложить свою точку зрения на эту принципиально важную проблему.

Поскольку история Северской земли есть неотъемлемая часть русской истории, следует особо оговорить, что автор не является последователем какой-либо одной из существующих теорий происхождения Древнерусского государства. На мой взгляд, и в «государственном» подходе к проблеме, и в подходе с точки зрения колонизации земель, и в классовой теории, и в иных оригинальных взглядах содержатся несомненные достоинства и необычайно интересные наблюдения. Однако придание абсолютного приоритета тому или иному фактору исторического развития неизбежно обедняет и искажает понимание всего процесса в целом. Вероятно, единая закономерность исторического развития общества имеет много более общий характер и не может быть четко привязана к узкому хронологическому и географическому пространству. При рассмотрении конкретной проблемы, очевидно, следует признать равнозначность (но не равновеликость) воздействия всех факторов, поскольку ни один из них не является определяющим в ходе исторического развития общества. Все они — лишь видимые механизмы, действие которых определяется много более общими законами истории.

Вопрос о происхождении северян может быть идентифицирован с чисто археологической проблемой возникновения роменской культуры. По взглядам на истоки памятников этого типа исследователи разделяются на две группы — автохтонистов и миграционистов. К первой группе можно отнести как авторов, считающих, что славянские корни на левобережье Днепра уходят далеко в глубь веков [Березовец Д. Т. 1969; Брайчевский М. Ю. 1968. С. 169, 170], так и сторонников прихода славян на указанную территорию лишь в I тыс. н. э., но ранее появления роменской культуры. К наиболее последовательным сторонникам автохтонности славянского населения в настоящее время относятся С. П. Юренко и О. В. Сухобоков [Сухобоков О. В. 1975. С. 150—152; Юренко С. П. 1985. С. 124, 125].

Ряд исследователей считали роменскую культуру в своей основе пришлой. Так, согласно оригинальной теории П. Н. Третьякова, северяне пришли в область левобережья Днестра из районов Верхней Оки [Третьяков П. Н. 1969. С. 89, 90; 1970. С. 80—92]. По мнению И. И. Ляпушкина и Е. А. Горюнова, предшественников роменцев следует искать в районах, расположенных к западу от р. Днестр [Ляпушкин И. И. 1961 а. С. 356, 366; Горюнов Е. А. 1981. С. 92].

Возникновение обеих теорий происхождения северян обязано прежде всего тому, что в течение долгого времени не были известны памятники предшествующего периода [Ляпушкин И. И. 1947 в. С. 121—136]. Отсутствие материала позволило Д. Я. Самоквасову еще в кон. XIX в. определить время заселения Северской земли VIII в. [Самоквасов Д. Я. 1906 а. С. 9]. С другой стороны, та же фактологическая слабость приводила к попыткам проследить генетическую связь украшений из кладов «древностей антов» с украшениями XI в. [Рыбаков Б. А. 1949. С. 75—90]. Лишь после введения в научный оборот значительного количества памятников 3-й четв. 1-го тысячелетия н. э. появилась возможность провести сравнение этих культур с роменской на основе фактического материала, и такое непосредственное сравнение привело О. В. Сухобокова и Е. А. Горюнова к совершенно противоположным выводам. Поэтому представляется необходимым еще раз провести сопоставление по различным характеристикам культур.

Одним из основных критериев при сравнении раннероменских (волынцевских) памятников с предшествующими О. В. Сухобоков называл топографию. Однако, как мы уже отмечали, для роменской культуры характерны самые разные условия расположения поселений на местности, в т. ч. и открытые поселения на первых надпойменных террасах и невысоких останцах. Появление во 2-й пол. VIII в. памятников, расположенных в иных топографических условиях, может быть связано как с развитием местного общества, как это предполагает О. В. Сухобоков, так и с приходом иноэтнического элемента. Многообразие типов поселений роменской культуры говорит лишь об отличии хозяйственной деятельности населения 2-й пол. VIII—IX вв. от более раннего.

Сложная система оборонительных сооружений, присущая северянам, не имеет прототипов на левобережье Днестра 3-й четв. 1-го тысячелетия н. э. Ее изначальная сложность говорит о том, что традиции фортификации были привнесены извне. Также не имеет местных традиций роменское домостроительство. Значительны различия и в погребальном обряде. Явно не местное происхождение имеют и собственно роменские, северянские украшения, а также формы и технология изготовления лепной керамики.

Таким образом, сейчас совершенно очевидным представляется тот факт, что роменская культура не имела непосредственной генетической связи с предшествующими — колочинской и пеньковской. Находки в ряде раннероменских комплексов отдельных, резко отличающихся от всего состава комплекса украшений и сосудов, характерных для более раннего времени, с одной стороны, указывают на остатки части местного населения, влившегося в северянскую среду, а с другой — еще более подчеркивают принципиальные различия этих культур.

Если признать, что северянское население было пришлым, то автоматически возникают вопросы: когда, откуда и при каких обстоятельствах оно пришло? Не будем останавливаться на теории П. Н. Третьякова. Критика, которой она подверглась в последние десятилетия, вполне достаточна для того, чтобы полностью от нее отказаться [Сухобоков О. В. 1975. С. 138—140]. Общность роменской культуры с синхронными славянскими отмечалась практически всеми исследователями [Ляпушкин И. И. 1956. С. 45—60; 1961 б. С. 203—209 и т. д.]. Близость типов поселений, жилищ, погребений, вещевого материала позволяют рассматривать северян как составную часть славянского мира. На славянское происхождение однозначно указывает и летопись [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 5, 8]. Следовательно, при отсутствии местных корней, прародину роменской культуры следует искать в пределах распространения достоверно славянских памятников.

При всей общности роменской культуры с ближайшими славянскими памятниками правобережья Днестра, у них имеется и ряд небольших, но важных различий.

Отличие культуры северян от синхронных славянских определяется не присутствием тех или иных уникальных черт материальной культуры, а всей их совокупностью, создающей облик культуры в целом. Сравнивая набор археологических признаков материальной культуры северян начального периода с аналогичными показателями других славянских территорий предшествующего времени, можно попытаться, пусть приблизительно, определить вероятное местонахождение прародины носителей роменской культуры.

Первым отличительным признаком славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. исследователи обычно называют городищенский тип поселений. Однако, как уже отмечалось ранее, городище не являлось основным, а тем более определяющим типом поселения роменской культуры даже в период ее расцвета в IX—X вв. В первые десятилетия существования культуры они единичны и встречаются не чаще, чем на других славянских территориях. Таким образом, этот признак, не будучи отличительным, не может служить поставленной цели. Особенности сооружения самих укреплений также

оформились уже в процессе существования культуры. Их истоки, вероятно, следует искать в фортификации салтовских памятников.

Важной особенностью северянского домостроительства ранней поры можно считать тип отопительных сооружений. Печи в виде подбоя, вырезанного в стене котлована, в материковом останце или в специально приготовленном глиняном массиве, известны в это время на весьма обширном пространстве [Смиленко А. Т. 1989. С. 105—112], однако только в Северской земле они являются ведущим, практически единственным типом отопительных сооружений вплоть до рубежа IX—X вв. [Григорьев А. В. 1990 е. С. 151—161].

Тот факт, что печи указанного типа строились на всех поселениях культуры, вне зависимости, а часто и вопреки характеру материковых отложений, однозначно указывает на то, что в данном конкретном случае тип печи был глубоко традиционен. Традиция эта, появившаяся на левобережье Днепра одновременно с роменской культурой, была необычайно устойчива и трансформировалась лишь в кон. IX—нач. X в. Поэтому есть все основания полагать, что первые носители роменской культуры пришли из районов, где этот тип печи успел сложиться. Совершенно не обязательно, чтобы и там, на территории прародин, этот тип был единственным и этноопределяющим. Таковым он мог стать и в процессе переселения, в период, когда уровень самосознания особенно высок, а традициям уделяется особое внимание.

Появление глиняных печей происходит, вероятно, в VI—VII вв., практически одновременно в различных ареалах славянской культуры (рис. 53). Всюду они возникают на фоне обычных для славян печей-каменок и, как полагает И. П. Русанова, отражают особенности того или иного памятника [Русанова И. П. 1976. С. 47]. Малое количество таких печей не позволяет говорить о их принадлежности к какой-либо традиции. Так, печь в жилище 11 поселения Ханска II на Днестре [Рафалович И. А. 1968. С. 96] и, вероятно, печь в жилище 28/68 поселения в Беховцах под Прагой [Vencl S. 1973. S. 346—348] являются исключением среди многочисленных печей каменок, исследованных на этих памятниках и в их окрестностях.

О сложении какой-то традиции можно говорить для районов Волыни. Здесь останцовые печи были ведущим типом на таких памятниках VI—VII вв., как Рипнев [Баран В. Д. 1963. С. 351; 1972. С. 208] и Подриже [Русанова И. П. 1973. С. 44]. Позже глиняные печи становятся обычным явлением в этом регионе [Русанова И. П. 1976. С. 47; Смиленко А. Т. 1989. С. 109]. Вероятно, отсюда они распространяются в VIII—IX вв. на территорию Польши.

Следует отметить, что уже с рубежа VII—VIII вв. подавляющее большинство глинобитных печей Волыни не вырезалось в глиняном останце, а целиком конструировалось из глины, т. е. относилось к

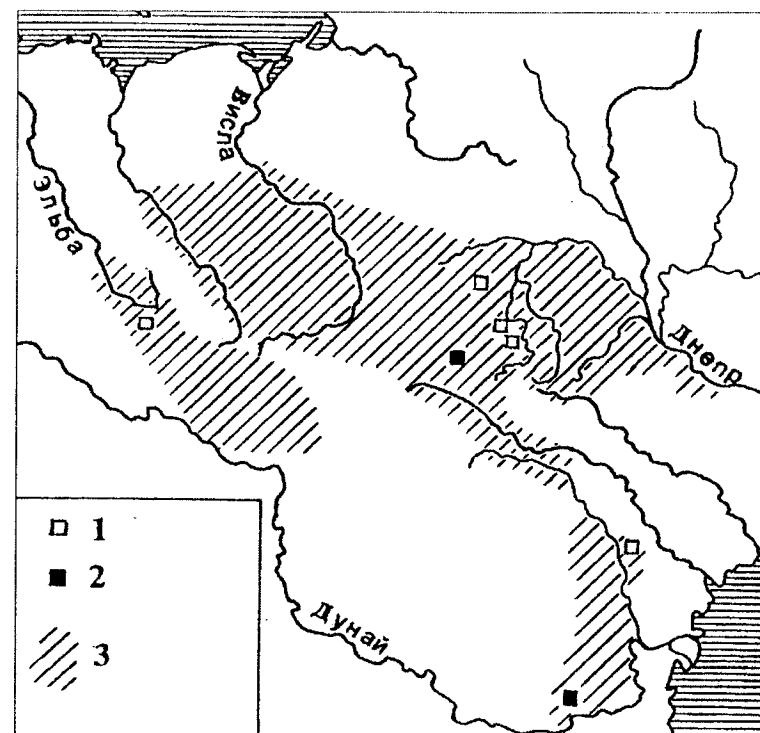

Рис. 53. Распространение останцовых печей на территории славян в VI—VII вв.:

1 — единичные останцовые печи на памятниках с преобладанием печей каменок; 2 — останцовые печи как основной тип отопительных сооружений; 3 — распространение материалов пражского типа (по И. П. Русановой)

типу II по нашей типологии. Появление таких печей на левобережье Днепра относится к рубежу IX—X вв. и связано с развитием местной традиции [Григорьев А. В. 1990 е. С. 155, 156]. Таким образом, на момент формирования роменской традиции в пределах VIII в. в типах глинобитных печей Волыни и Северской земли уже существовали значительные различия, что делает преемственность маловероятной.

Второй регион, где в дороменское время складывается традиция глиняных печей, включает в себя территории нижнего течения р. Дунай. На памятниках, оставленных смешанным, в т. ч. и славянским населением, типа Ипотешть-Кындешть-Чурел, печи, вырезанные в материковом останце, известны уже в VI—VII вв. Здесь, как и на Волыни, они существуют одновременно с печами-каменками [Teodorescu V. 1964. S. 485—504] и также сосредоточены на отдельных поселениях, где составляют ведущий тип [Morintz S., Roman P. 1962.

S. 763. Fig. 2]. Упадок культуры происходит, вероятно, в кон. VII в. и связан с приходом на левобережье Дуная болгар. На правом берегу р. Дунай в VII в. бытуют печи-каменки. Появление и широкое распространение печей, сделанных в виде подбоя, происходит здесь, вероятно, на рубеже VII—VIII вв. Этот процесс хорошо фиксируется на поселениях Джеджова Лозя [Въжарова Ж. Н. 1965. С. 113], Гарван [Въжарова Ж. Н. 1986. С. 23—25], Цар-Асеново [Въжарова Ж. Н. 1965. С. 137, 138. Обр. 94, 11—20] и других памятниках Болгарии.

Таким образом, в области Нижнего Дуная в VII—1-й пол. VIII в. существуют печи, близкие по конструкции наиболее архаичным печам роменской культуры. Причем затухание культуры типа Ипотешть-Кындешть-Чурел на левом берегу Дуная сопровождалось резким ростом подбойных печей на славянских памятниках Нижней Мизии.

Украшения славян Днепровского Левобережья, как уже отмечалось ранее, в качестве своей подосновы имеют ювелирные традиции Подунавья [Григорьев А. В. 1990 в. С. 53, 54]. Украшения этих типов, как в рассматриваемое, так и в предшествующее время были широко распространены на территории Восточной Европы. Известны они и в указанных выше регионах возникновения глиняных печей. Однако следует отметить, что на Волыни подобные вещи появляются в виде импорта относительно поздно и никак не могут рассматриваться в качестве прототипов роменских украшений. Вероятно, поступление ранних дунайских украшений в Северскую землю шло непосредственно из районов их производства. Тот факт, что именно эти вещи послужили основой для возникновения собственно роменской ювелирной традиции, говорит о том, что либо поток импорта в VIII в. был необычайно мощным, либо традиция, как и первые украшения, была привнесена переселенцами.

Столь яркая отличительная черта роменской культуры, как «веревочный» орнамент на сосудах, вряд ли может служить надежным показателем. На раннем этапе культуры он известен в крайне небольшом количестве и, как правило, наравне с пальцевыми вдавлениями, наносился лишь по краю венчика. Развитие этого типа орнамента происходило в IX—X вв., вероятно, уже на левобережье Днепра. Одновременно, но в меньшем количестве, он известен во многих областях славянской культуры, но особенно в западной ее части, прежде всего по всему течению Дуная [Dzieduszycki W. 1982. S. 53. Tabl. XVI; Vana Z. 1968. S. 139, 140. Tabl. II. Obr. 62, 12, 4, 50; Solle M. 1959. S. 466. Obr. 76; Kavan J. 1967. Obr. 20—23; Въжарова Ж. Н. 1965. С. 92—96. Обр. 65 и т. д.]. В интересующий нас ранний период, на рубеже VII—VIII вв., в керамическом наборе славян Нижнего Дуная известны сосуды, вылепленные от руки из теста с крупными примесями дресвы и шамота. Эти сосуды, относимые Ж. Н. Выжаровой к третьему типу первой группы, имеют хорошо выраженный вен-

чик, край которого часто украшен пальцевыми вдавлениями или веревочным штампом [Въжарова Ж. Н. 1986. С. 14, 15. Обр. 7].

В результате приведенного обзора можно отметить, что все небольшие отличия раннероменской культуры от общеславянской в той или иной степени находят свои прототипы в материалах памятников VII—1-й пол. VIII в., расположенных в районе Нижнего Подунавья. Именно в этом районе, согласно сообщению Феофана, в кон. VII—1-й пол. VIII в. находилось крупное славянское объединение Σεβερτζ [Чичуров И. С. 1980. С. 62]. Идентичность этого названия и Приднпровского Σεβέρτιοι Константина Багрянородного [Константин Багрянородный. 1989. С. 50, 51] очевидна и неоднократно отмечалась исследователями. Совпадение это вряд ли случайно. Этимология названия племени отнюдь не очевидна, по вопросу его происхождения высказываются различные, часто взаимоисключающие мнения [Иванов В. В., Топоров В. Н. 1980. С. 30—32]. Поэтому трудно предположить независимое возникновение этого названия на Днепре и Дунае. Перенос этнонима из Поднепровья на Дунай, вместе с переселением части славян, не соответствует фактам. Упоминание в «Диалогах» Псевдо-Кесария о левобережных дунайских славянах, живущих вместе с «фисонитами, которые именуются и дунайцами», находят подтверждение в материалах культуры типа Ипотешть-Кындешть-Чурел. Уже в VII в. славяне начинают осваивать и правый берег Дуная. Достоверные славянские памятники Днепровского Левобережья, как было показано, возникают не ранее рубежа VII—VIII вв. Таким образом, если перенос названия имел место, то он происходил не с Днепра на Дунай, а наоборот.

Название днепровского объединения «сѣверъ» относится к группе наиболее архаичных, «бессуффиксных» этнонимов [Хабургаев Г. А. 1979. С. 210—212]. К этой же группе относятся названия «дульби», «дерева», «поля» — племен, занимавших территории распространения памятников типа Корчак VI—VII вв. Появление столь архаичного названия на территории, освоенной лишь в VIII в., также говорит в пользу того, что этноним был привнесен извне*.

Близость отдельных черт материальной культуры и идентичность названий Дунайского и Приднпровского славянских объединений вынуждают остановиться на вопросе о происхождении северян Днепровского Левобережья несколько подробнее.

Как известно, письменные источники ничего не говорят о славянском переселении с Дуная на притоки Днепра, однако отголоски этого события, возможно, содержатся в летописной легенде о прародине славян. То, что эта легенда не отражает реального процесса

* О соотношении терминов «северяне — севера» и иную точку зрения о происхождении этнонима см.: А. К. Зайцев. 1975. С. 61—64.

происхождения славян, в настоящее время не вызывает возражений. Очевидно, славяне в Подунавье появились позже, чем в центральных районах Европы [Русанова И. П. 1976. С. 194, 195]. Возникает вопрос: что же могло послужить основой этой древнейшей теории происхождения славян?

К тому моменту, когда вопрос «откуда есть пошла...» стал актуален, а произошло это вряд ли ранее X в., славяне коренных территорий, тех, где хорошо представлены памятники VI в., вероятно, не помнили своего происхождения. Поэтому поиски прародины могли базироваться либо на внешних источниках, либо на относительно поздних преданиях. Вероятно, в создании теории Дунайской прародины приняли участие оба источника. С одной стороны, это были сведения византийских историков, для которых славяне появляются в нач. VI в. прежде всего в областях левобережья Дуная и Паннонии, с другой, предания отдельных племен и семей о позднейшей миграции из Подунавья. Традиция не сохранила время прихода славян на Дунай. Соединение этих источников плюс вполне определенные политические выгоды привели к возникновению стройной теории «Дунайской прародины» славян.

Какие же реальные события могли быть отражены в этих преданиях? Общеславянская традиция локализует «прародину» в Паннонии [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 11; Великая хроника. С. 52] или Хорватии [Dalimil. S. 20]*. Крупные переселения отсюда на исконно славянские земли в период существования Аварского каганата (до 803 г.) вряд ли возможны. Основным направлением движения славян из Паннонии в это время были прилегающие земли империи. Дальнейшее вассальное подчинение то Каролингам, то Болгарскому царству, также вряд ли было обременительным. Вплоть до прихода венгров в 896 г., особых причин для движения на исконно славянские, а значит, и уже освоенные земли, не было. Нетерпимость венгров вполне могла подтолкнуть часть населения к бегству. Память этих переселенцев и их ближайших потомков, вероятно, и послужила толчком к возникновению легенды прежде всего в среде западных славян.

Восточнославянский вариант теории охватывает несколько большую территорию. Здесь в качестве «прародины», помимо Паннонии, выступает и Нижнее Подунавье (Дакия и Мизия) — «Во мнозѣхъ же времянѣхъ. сѣли суть Словѣне по Дунаевѣ. гдѣ есть ныне Оугорьска земля. и Болгарьска» [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 5]. Далее летописец поясняет причины, вынудившие славян оставить свои земли — «при-

доша отъ Скуфѣ. рекше отъ Козарѣ. рекомии Болгаре и сѣдоша по Дунаевѣ. и насилници Словѣномъ быша. посемь придоша Оугри Бѣлии и наслѣдиша землю Словѣнскую» [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 11]. Значительные различия в территориях и времени негативных для славян событий («Болгарьска земля» — 680/81 г., «Оугорьска» — 896 г.) позволяют предположить, что в русской теории слились два различных предания. Одно — общеславянское, вероятно, западного происхождения, о паннонской прародине, второе — местное, о прародине в Нижнем Подунавье.

Вероятно, миграция части населения из Нижнего Подунавья коснулась прежде всего восточнославянских земель. Во всяком случае, память о нем сохранилась именно здесь. Причина переселения, указанная летописцем, наиболее вероятна. Появившись на левобережье Дуная еще в нач. VI в., славяне, несмотря на противодействие со стороны Византии, осваивают в VII в. весь левый берег реки, вплоть до «Железных ворот», и начинают проникать в Нижнюю Мизию. Причин для оттока на север или восток в это время не наблюдается. Основанием для этого мог быть лишь приход болгар, которые «насилници Словѣномъ быша».

Ситуация, сложившаяся на Балканах после 680/681 г., не противоречит легенде. Переселение ханом Аспарухом славян в беспокойные пограничные районы [СДПИС. Т. II. С. 231] вряд ли способствовало стабильности их положения. Так, вероятно крупнейшее, объединение $\Sigma\epsilon\beta\epsilon\rho\omicron\varsigma$, было поселено на наиболее опасном участке границы с Византией, между Балканскими горами и морем [Чичуров И. С. 1980. С. 62]. Логично предположить, что в дальнейшем многочисленные конфликты между Первым Болгарским царством и империей, не обходили северов стороной. В то же время, выплачивая дань болгарскому хану, участвуя в крупных и мелких военных столкновениях, славяне не получали со стороны метрополии достаточных гарантий своего спокойствия. Напротив, смута в Болгарии и захват власти ханом Телецом в 761 г. привели к массовому бегству славян со своих земель [СДПИС. Т. II. С. 235, 238]. Патриарх Никифор и Феофан Исповедник отмечают их приход в Малую Азию, однако не известно, было ли это единственное направление в переселении славян. В 764 г. посланцы Константина V схватили «архонта северов Славуна», что не вызвало какой-либо реакции со стороны болгарского хана [СДПИС. Т. II. С. 285].

Исследователи полагают, что северы вплоть до сер. VIII в. пользовались относительной автономией [Чичуров И. С. 1980. С. 122; Литаврин Г. Г. и др. 1985. С. 156, 157], однако очевидно, что их положение, как и других славян региона, было крайне нестабильным [Литаврин Г. Г. и др. 1985. С. 152, 153]. Власть иноэтничной болгарской администрации с одной стороны и конфликты с империей с

* В ранних польских и чешских хрониках место нахождения легендарной прародины не определено [Галл Аноним, 1961; Козьма Пражский. 1962. С. 33, 34], однако позднейшие авторы XIII—XIV вв., вероятно, использовали весьма распространенные древние предания.

другой создавали в кон. VII — сер. VIII в. благоприятные условия для оттока славянского населения.

Как следует из сказанного выше, причина исхода славян из области Нижнего Дуная, указанная летописцем, вполне соответствует историческим реалиям. Возникает вопрос: переселение каких групп восточнославянского населения нашло отражение в летописной традиции. Очевидно, имелись в виду не славянские племена коренных территорий. Возможно, приток небольшой части населения из Подунавья прослеживается на Волини. Появление на рубеже VII—VIII вв. глиняных печей [Русанова И. П. 1976. С. 47], а также характер ювелирных изделий последующей эпохи как будто подтверждают это предположение. Но на Волини указанные следы переселенцев немногочисленны и трудноуловимы, поскольку небольшая группа эмигрантов пришла на уже давно освоенные славянами земли. Материальная культура автохтонов и переселенцев необычайно схожи и потому говорить о возможности такого переселения можно крайне осторожно. Намного ярче и очевидней появление достоверно славянского населения в левобережных районах Днепра. Вероятно, именно в среде носителей роменской культуры сохранилась память о прародине в Нижнем Подунавье.

Другие восточнославянские племена, и прежде всего поляне, могли воспринять это предание в период вхождения в состав Хазарско-го каганата, то есть во время наиболее плотных контактов с северянами. Постепенно племенное предание северян становится общеславянским. Процесс этот отразился в наиболее раннем изложении предания о славянской прародине. У «Баварского Географа», датированного различными авторами временем до 850 г. или ок. 875 г., то есть до прихода венгров в Паннонию, исконной областью славян названа территория племени *Zerüani*, в коих большинство исследователей склонно видеть северян. Несомненно, в Нижнем Подунавье это было крупнейшее славянское объединение. Поэтому не удивительно, что его именем «Баварский Географ» обозначает территорию «гдѣ есть ныне... земля... Болгарьска». В данном случае зафиксирован тот этап развития предания, когда оно, оставаясь племенным, о чем говорит упоминание северян, начинает уже приобретать общеславянское значение, «оттуда якобы вышли все племена славян» [Херманн И. 1988. С. 164]. Позже, когда память о дунайских северянах окончательно была утрачена, а племя с тем же названием в Поднепровье не могло претендовать на роль старейшего в славянском мире, название племени было заменено на географическое указание.

Таким образом, при том что ни одна из групп источников не указывает прямо на Дунай — как прародину днепровских северян, определенная близость славян этих двух регионов прослеживается в материалах археологии, этнонимии и вполне соответствует данным

письменных источников. Полное хронологическое совпадение исторических событий и данных археологии делают предлагаемую гипотезу весьма правдоподобной. Единственное, что вызывает сомнения, так это значительное расстояние, разделяющее два объединения северян. По данным Константина Багрянородного, почти вдвое более далекий путь от устья Дуная до Саркела составлял в сер. X в. 60 дней [Константин Багрянородный. 1989. С. 173]. То есть переселенцам потребовалось бы чуть более месяца для того, чтобы достичь новых земель, что представляется вполне реальным.

Вне зависимости от того, как в ходе дальнейших исследований решится вопрос о прародине северян, сам факт миграции славянского населения на левобережье Днепра в VIII в. не вызывает особых противоречий. Подтверждением тому служит сама обстановка, сложившаяся в пределах Северской земли на раннем этапе существования роменской культуры. Как уже неоднократно отмечалось, для этого времени характерно взаимное наложение трех различных по культурному облику пластов древностей. Различия между ними столь очевидны, что имеются все основания связывать их с несколькими этническими группами и рассматривать отдельно.

Собственно северянские, раннероменские древности были вычленены по ходу анализа отдельных черт материальной культуры. Обобщая их, можно отметить, что основная часть пришлого славянского населения распространилась по территориям, наиболее отвечавшим требованиям оседлого земледелия. Первым из таких требований, было наличие пашенных земель. На значительную роль земледелия уже в первые десятилетия существования культуры указывает постоянный характер поселков, большое количество зерновых ям, случаи находок зерна и орудий земледелия. Тяготение поселков к крупным рекам с широкой поймой, а также характер костных остатков, позволяют говорить о существовании оседлого скотоводства как одной из важных отраслей хозяйства [Цалкин В. И. 1969]. Можно предполагать и наличие нестабильных, вспомогательных промыслов: рыболовства, бортничества и охоты. В целом сельскохозяйственный облик культуры во 2-й пол. VIII — нач. IX в. не вызывает сомнений.

Что касается ремесла, то следы его существования в славянской среде крайне невыразительны. Орудия труда этого времени, как и большинство изделий из железа, выполнены по технологическим схемам, близким к салтовским и, вероятно, не северянскими мастерами. Печи в постройках у с. Волинцево, интерпретированные как железоделательные [Сухобоков О. В. 1975. С. 107, 108; Колода В. В. 1994. С. 12], отражают наиболее низкий, домашний уровень развития этой отрасли ремесла. Ювелирное ремесло, очевидно, также находилось в стадии формирования. Практически все украшения, найденные в ранних комплексах, связаны с иными культурными тра-

дициями, прежде всего с культурой салтовского типа, дунайскими древностями или культурами предшествующих эпох. Предметы западнославянского происхождения, ставшие основой для позднейшей роменской традиции, в это время производились за пределами Северной земли, о чем говорит их технологическая сложность. Местное ювелирное ремесло практически не фиксируется.

Производство керамики, выполненной из грубого теста, в основном без применения круга, печного обжига несомненно было домашним. Также к домашнему производству относятся и первые круговые подражания волынцевским сосудам. Невысок по сравнению с последующим временем был и уровень строительных навыков.

Говорить о сколько-нибудь развитой торговле для 2-й пол. VIII — нач. IX в. также не приходится. Относительно немногочисленные предметы, произведенные за пределами славянских поселков, в основной своей части относятся к волынцевскому пласту древностей и свидетельствуют о существовании внутреннего обмена.

В целом уровень экономического развития северян на раннем этапе был, очевидно, невысок, что вполне объяснимо, если принять гипотезу о их переселении с других территорий. С этой точки зрения понятным становится и слабое развитие социальных отношений в славянской части населения. Материалы поселений не содержат никаких данных о наличии сколько-нибудь серьезной имущественной дифференциации. Нет возможности выделить богатые и бедные постройки или зерновые ямы. На поселениях не известны клады, да и в целом драгоценный металл не многочисленный. Найденные вне поселений клады, такие, как Харьевский и Фативижский, а также относительно богатые погребения ранних могильников, указывают на существование зажиточной части общества, однако эти источники не дают оснований для определения ее этноса. Стертость социальных различий, относительное имущественное равенство — характерное явление для первых поколений колонистов. В ходе переселения большинство членов общества становится в равной степени бедным и свободным.

Самосознание северян как единого общества находилось на стадии формирования. Об этом говорит и отсутствие ярко выраженных индивидуальных черт в материальной культуре, и неустойчивость погребального обряда.

Славяне осваивали, пусть и слабо, но все же заселенную ранее территорию. Каковы были их взаимоотношения с местным населением, установить по имеющимся данным сложно. Можно лишь констатировать, что часть носителей колочинской и пеньковской культур волилась в северское общество. Количество представителей местного населения было, вероятно, невелико, и очень скоро они подверглись полной ассимиляции. Об этом говорит то, что небольшое число архаичных вещей и керамики, встреченных в раннероменских ком-

плексах, не получили дальнейшего развития в рамках культуры и даже не оказали заметного влияния на развитие аналогичных категорий славянского материала. Присутствие на раннем этапе более стабильных элементов материальной культуры автохтонного населения, таких, как жилища и погребения, не зафиксировано.

Более значительное влияние на всю дальнейшую историю северян оказали носители волынцевского пласта древностей. Некоторое время назад автор был склонен интерпретировать волынцевские материалы исключительно как импорт [Григорьев А. В. 1988 б. С. 68]. Однако в ходе новейших исследований, и прежде всего раскопок, проведенных О. В. Сухобоковым на Битицком городище, появилась возможность уточнить отношение к этой группе древностей.

Если материалы, относящиеся к волынцевскому пласту древностей встречаются на большинстве памятников раннего периода, то следы оставившего их населения на сегодняшний день четко фиксируются только на Битицком поселении. На присутствие иноэтнического элемента на городище указывал Д. Т. Березовец [Березовец Д. Т. 1965. С. 55, 56], согласны с этим и авторы новейших раскопок [Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 104]. Значительный процент специфической круговой керамики на памятнике позволяет предположить, что именно здесь находился центр по ее производству. Большое количество металлических изделий указывает на возможность их местного производства. В целом материалы городища характеризуют его как крупный ремесленный центр, продукция которого расходилась по обширной территории. Значительные размеры памятника, большая укрепленная площадь, сложность самой системы укреплений, а также относительно большое количество находок, связанных с вооружением и конской сбруей, указывают на то, что городище служило не только ремесленным, но и административным центром или одним из центров Северной земли.

Население памятника было полиэтнично. Помимо славян в него входили представители совершенно иного этноса. Отмечавшаяся неоднократно связь древностей волынцевского типа с салтово-маяцкой культурой, а также зафиксированные на памятнике жилые постройки в виде юрт с центральным столбом указывают на несомненную родственность этих культур. В то же время отдельные отличия, в частности, в форме горшков, заставляют предполагать, что носители волынцевских древностей принадлежали к одному из племен степной зоны. М. И. Артамонов полагал, что это было болгарское племя кутригуров [Артамонов М. И. 1970. С. 29—31].

Несмотря на явную недостаточность источников, роль носителей волынцевского пласта древностей в ходе становления северского общества определяется весьма ясно. Тот факт, что следы их пребывания отчетливо фиксируются на единственном исследованном круп-

ном укрепленном поселении, что именно там развиты ремесло и торговля, сконцентрированы почти все находки вооружения и сруби, известные для этого времени, позволяет говорить о том, что иноэтничное волынцевское население составляло политическую верхушку Северской земли 2-й пол. VIII—нач. IX в. Одновременное появление волынцевских материалов и ранних роменских памятников указывает на изначальность такого положения. Можно предположить, что именно этим объяснялось вхождение северян в состав Хазарского каганата. Переселенцы, вероятно, пришли на земли в той или иной степени уже подчиненные кагану. Управление сельскохозяйственной окраиной на первом этапе осуществлялось по аналогии с управлением метрополий. Возможно, немногочисленное племя, во главе с князем или наместником—тудуном, составляло основу власти над оседлым земледельческим населением. Подобная государственная организация не являлась исключением в рассматриваемое время. Примером тому служит власть болгар над славянами Подунавья в Первом Болгарском царстве, хазар—над полиэтничным (алано-болгарским) населением каганата [Плетнева С. А. 1982. С. 47, 48, 51; Литаврин Г. Г. и др. 1985. С. 148, 149]. Поэтому не удивительно, что подобная структура сложилась и в Северской земле, входившей в состав Хазарии.

Ранняя зависимость от Хазарского каганата отразилась не только в политической организации северян на первом этапе существования. В это время была заложена основа их дальнейшего развития. В самом переселении северян в районы Днепровского Левобережья был заложен большой экономический потенциал. Он заключался в совмещении земледельческого славянского населения с его традициями хлебопашества и обширных, практически целинных земель, одних из лучших по своему качеству в Европе. Активному использованию этого потенциала способствовала подчиненность Хазарскому каганату. Развитые торговля и ремесло в последнем позволяли удовлетворить потребности славянского населения в орудиях труда, украшениях, столовой посуде, о чем свидетельствует распространение древностей волынцевского типа. Существовавшая государственная структура давала земледельческому населению определенные гарантии, в частности, обеспечивала его безопасность. В то же время сложившаяся этническая специализация обусловила определенную однобокость в развитии северян.

Где-то в 1-й пол. IX в. прекращает свое функционирование центр в Битице. Быстро исчезают из материалов памятников древности волынцевского типа, оставив в наследие позднейшей роменской культуре технологию производства раннекруговой керамики и одну из форм горшков. Столь быстрое исчезновение целого пласта древностей, вероятно, было связано с какими-то политическими собы-

тиями, но оно сильно отразилось на всех сторонах жизни роменской культуры.

В течение IX в. практически было завершено освоение северянами левобережья Днепра. В это время население, родственное северянам по облику материальной культуры, весьма активно колонизирует области Верхней Оки и Среднего Дона [Никольская Т. Н. 1981; Москаленко А. Н. 1981]. О том, что освоение указанных территорий шло вероятней всего со стороны Северской земли, говорит целый ряд очевидных фактов. Прежде всего это географическое положение самих земель. Со всех сторон, кроме как со стороны северян, они были окружены в IX в. различными неславянскими племенами, следовательно, ожидать оттуда прихода славянских переселенцев не приходится. Вещевой материал культур Поочья и Подонья практически идентичен материалу роменской культуры. На непосредственную связь вятичей, радимичей и северян прямо указывает летописец [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 13, 14].

Относительно позднее появление славян на Оке и Дону следует не только из логики их движения с запада на восток, но и находит подтверждения в материальной культуре. Так, в настоящее время на указанных территориях не известно памятников, которые можно было бы идентифицировать с памятниками VIII—нач. IX в. левобережья Днепра и содержащих «архаический» и «волынцевский» пласты древностей. Так называемые волынцевские сосуды, найденные в частности, на поселении Воротынцево, могильнике Лебедка и ряде других памятников Верхней Оки [Никольская Т. Н. 1981. С. 22], на самом деле являются славянскими лепными или раннекруговыми подражаниями, о чем говорит состав теста, характер обжига и степень применения гончарного круга. В то же время хорошо датированные памятники окских вятичей, такие, как поселение и могильник у д. Лебедка, Супрутское городище, поселение у д. Уткино, содержат яркие материалы IX в. О заселении бассейна Среднего Дона не ранее IX в. писала А. Н. Москаленко [Москаленко А. Н. 1981. С. 142]. Удревнить эту дату в последние годы попытался А. З. Винников [Винников А. З. 1991. С. 25]. При этом основой для отнесения части памятников к VIII в. послужили сосуды типов I и II по предложенной автором типологии. О проблематичности применения этой типологии и о спорности ряда типов, прежде всего типов I и II, подробно сказано ранее. Находки в кургане 9 Белогорского I могильника волынцевского сосуда и нескольких раннекруговых «волынцOIDных» горшков в курганах Лысогорского, Белогорских I и II могильников позволяют говорить о рубеже VIII—IX вв. как наиболее вероятном времени прихода славян на Дон [Винников А. З. 1984. С. 141, 142].

Косвенные указания на относительно позднее время формирования вятичей мы находим и в этимологии самого названия племени

[Хабургаев Г. А. 1979. С. 214, 215], и в том, что в первом летописном перечислении славянских племен указаны лишь северяне, а вятичи и радимичи в этом списке отсутствуют [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 6]. Более того, в тексте указано, что рядом со смоленскими кривичами находится племя север [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 8]. Не исключено, что под этим именем были обозначены первые переселенцы радимичей и вятичей еще не утвердившее своих самоназваний.

На собственно роменской территории, на левобережье Днепра, в IX в. отмечаются значительные изменения в деталях материальной культуры. В это время осваиваются земли вторых надпойменных террас, возникает множество небольших крепостей. На протяжении столетия меняется соотношение типов конструкций жилых построек и к концу века уже полностью исчезают наиболее примитивные из них (тип II по нашей типологии), увеличиваются средние размеры жилищ. Уже в начале века окончательно сложился погребальный обряд, возникло собственное северянское ювелирное дело. При том, что в характере орудий труда и оружия особых изменений в этот период не наблюдается, значительное развитие заметно в производстве керамики. В это время получил широкое распространение характерный роменский «веревочный» орнамент, осваиваются начальные стадии применения гончарного круга. Все эти изменения, несомненно, явились следствием развития северского общества.

Увеличение количества известных памятников, освоение новых ландшафтных зон указывают на общий рост населения в регионе. Кроме того, освоение плато второй и третьей надпойменных террас говорит о значительном расширении пашенных земель и еще более возросшей роли земледелия в хозяйственной жизни северян. С другой стороны, увеличение производства зерна в это время, вероятнее всего, шло именно за счет расширения площадей обрабатываемых земель. Сопоставление показателей объемов зерновых ям раннего периода и IX в. говорит о том, что средние запасы зерна на этом отрезке времени практически не меняются. Однако в IX в. значительно меняются принципы его распределения внутри поселений.

Если зерновые ямы условно разделить по объему рабочей части на три группы — малые, вместимостью до 4 четвертей, средние, вместимостью 4–6 четвертей, и большие, свыше 6 четвертей, то большинство ям Опошнянского городища можно отнести к группе средних или близких к ним по значению. Для этого поселения вполне правомерно предположить определенное равенство в запасах зерна. Совершенно иная картина наблюдается на немногим более позднем городище Новотроицком. Здесь большую часть ям составляют малые, но в то же время появляются ямы, способные вместить

до 18 четвертей зерна, что в пересчете на пшеницу составляет около 2,9 т [Hutte. 1935. Т. II. С. 988. Табл. 10].

Как уже отмечалось ранее, в ямах, вероятнее всего, хранилось зерно, предназначенное для посева. Если это предположение верно, то представляется возможным определить примерные размеры земельных наделов, обрабатываемых владельцами зерновых ям. Исходя из нормы высева, остававшейся стабильной в XV–XIX вв. и равной 8 пудам на десятину [Довженко В. И. 1961. С. 186], можно подсчитать размер поля, засеваемого одной семьей и, увеличив полученный показатель на 1/3 (сделав поправку на часть надела, находившуюся под паром), получить размер надела, близкий к реальному. Полученные результаты показывают, что размеры наделов жителей Опошни колебались крайне незначительно, в пределах от 7 до 11,5 десятины. Вполне вероятно, что эти колебания были прежде всего связаны с различиями в плодородии участков, а также с количеством членов конкретных семей. Средние размеры наделов Новотроицкого (ок. 9,3 десятины) не многим превышали опошнянские, средний размер которых составлял 8,7 десятины. Вероятно, это объясняется близким уровнем производственных сил населения этих памятников. В то же время минимальные наделы Новотроицкого, площадью около 4 десятин, даже при хорошем качестве земли могли лишь обеспечить прожиточный минимум их владельцев. Напротив, наиболее крупные наделы, достигавшие размеров 34 десятин (у владельцев ямы 80), несомненно, давали урожай, значительно превышающий потребности семьи. По подсчетам Д. И. Довженко, один работник мог за сезон обработать не более 8 десятин [Довженко В. И. 1961. С. 185], следовательно, столь большой надел должны были обрабатывать не менее трех человек. Это предположение позволяет говорить о той или иной форме использования труда жителей поселка — владельцев минимальных наделов.

Отмеченное перераспределение земельных наделов несомненно связано с перераспределением конечного продукта. Вместе с более полным освоением территории это создавало весьма ощутимые излишки зерна, которые необходимо было реализовать.

Вероятно, в IX в. зерно становится основным экспортным товаром Северской земли. Традиционные для древнерусской торговли мед, воск и пушнина в товарном количестве добывались лишь в более северных лесных районах. В зоне лесостепи такие промыслы, как бортничество и охота, могли быть направлены преимущественно на внутреннее потребление. И количество, и качество продукции не позволяло рассматривать их как возможный предмет серьезной торговли. Вывоз рабов также маловероятен, поскольку подразумевает наличие крупной дружины, ведущей активную разбойничью деятельность. Следов такой дружины ни в археологическом материале, ни в

других источниках не прослеживается. Таким образом, единственным продуктом, который производился в Северной земле в товарном количестве и представлял интерес на внешнем рынке, остается зерно и, возможно, лен.

О том, что зерно в это время действительно реализовывалось за пределами Северной земли, говорит возросший в IX в. приток импортов, и прежде всего серебра. Предметы импорта и характер их распределения по памятникам указывают на то, что уже в IX в. значение торговли в роменском обществе было необычайно высоко. Помимо серебра и некоторых видов металлических и стеклянных украшений, северяне импортировали и технологически сложные орудия труда и оружие. Драгоценный металл и предметы импорта не концентрируются в отдельных пунктах, а равномерно распределены по множеству поселений, часто незначительных по размерам и весьма удаленных от торговых путей. Вероятно, торговля затрагивала в той или иной степени интересы большей части населения Северной земли.

Характерной иллюстрацией торговых связей Северной земли могут служить стеклянные бусы. Наравне с другими импортными товарами, но в большем количестве, они встречены на самых разных по типу и значению памятниках. Значительное количество этой категории находок, по сравнению с другими областями Поднепровья, указывает на интенсивность торговли. Типовой состав, необычайно близкий к салтовским памятникам, определяет основное направление импортных поступлений [Школьников Н. А. 1978. С. 97, 103; Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. С. 102].

Говоря о связи производства зерна и развития торговли, интересно отметить, что на Новотроицком городище «богатые» ямы составляли около 1/5 всех зерновых ям. Монеты и изделия из серебра также были найдены примерно в каждом пятом из исследованных жилищ. Причем четыре из шести крупных зернохранилищ располагались в непосредственной близости от котлованов жилищ, содержащих в своем заполнении драгоценный металл.

Рост производства зерна и, главное, перераспределение ценностей в сельском хозяйстве, развитие торговли не повлекли за собой адекватного роста ремесленного производства. Сельскохозяйственная специализация славянского населения на раннем этапе существования роменской культуры привела к тому, что после исчезновения древностей волынцевского типа начинает ощущаться нехватка прежде всего столовой посуды. В это время качественная круговая керамика, за исключением амфорной тары, по-видимому, еще не стала предметом сколько-нибудь отдаленной торговли. В какой-то степени северяне компенсировали это, увеличив производство лепных и раннекруговых подражаний волынцевским сосудам, а также

начав изготовление раннекруговых горшков славянских форм. Однако качество местных раннекруговых сосудов несомненно указывает на их домашнее производство.

Поступление оружия и орудий труда салтовских типов продолжалось. Вероятно, производство хлеба на экспорт, развитие внутреннего рынка при наличии отлаженной хазарской внешней торговли, привело к неограниченному ввозу ремесленной продукции, что повлекло за собой атрофирование местных ремесел. Сложилась ситуация, при которой купить салтовскую саблю или наральник стало проще, чем произвести на месте. Поэтому поступательное движение наблюдается в тех областях деятельности, результаты которой нельзя было импортировать. В частности, значительные достижения наблюдаются в строительной технике, что отразилось не только в совершенствовании конструкций жилищ, но и в возведении весьма сложных укреплений.

Конкуренция импортов не сказалась и на развитии ювелирного дела. Здесь решающую роль сыграли внеэкономические факторы. Определенное количество салтовских и финно-угорских украшений присутствует на роменских памятниках этого времени. Однако они не смогли составить серьезной конкуренции местной ювелирной традиции, поскольку только она могла удовлетворить в полной мере эстетические запросы северян. Собственные представления о красоте, восходящие к дунайской традиции, несмотря на утрату многих технических навыков, были необычайно устойчивы.

Сложение в это же время характерного погребального обряда может указывать на возникновение устойчивой общности и рост самосознания Севера, как этнической группы. Высокие темпы прохождения этого процесса могут объясняться, во-первых, достаточно быстрым переселением северян из одного района, а следовательно, сохранением существовавшей задолго до того традиции; во-вторых, весьма сильной, особенно на начальном этапе, зависимостью от каганата. Прямое управление, осуществлявшееся иноэтничным элементом населения, в качестве ответной реакции вызвало консолидацию подчиненного этноса.

Как уже отмечалось ранее, исчезновение волынцевского пласта древностей и упадок одного из его центров — Битицкого городища, происходят достаточно быстро, в пределах 1-й пол. IX в. Возможно, это было связано с событиями 20-х — 30-х гг. IX в. в самом Хазарском каганате [Новосельцев А. П. 1990. С. 324—335]. Несомненно, смута, возникшая вскоре после принятия правителями Хазарии иудаизма, ослабила позиции центра на весьма отдаленных окраинах и дала возможность последним укрепить свою самостоятельность. Молодое, набирающее силу северское общество, вероятно, не преминуло воспользоваться этой возможностью.

Археологический материал IX в. позволяет говорить о смене системы управления Северской землей. В то же время летопись однозначно указывает о выплате дани хазарам еще в конце столетия. Как же осуществлялось управление этой обширной областью и каковы были ее взаимоотношения с каганатом? Для ответа на этот вопрос, прежде всего обратимся к самому факту выплаты дани. Летописец не указывает, какую дань выплачивали северяне хазарам в кон. IX в. В более ранней статье говорится, что поляне, северяне и вятичи платят одинаковую дань «по бълби въвериць от дыма» [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 19]. Значение этой записи не вполне понятно и во многом спорно. Из нее лишь следует, что дань подчиненных хазарам славянских племен была одинаковой. В более поздних и конкретных сообщениях мы видим, что радимичи платят хазарам «по шелягу» [ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 65], а посему логично предположить, что такой же размер дани был и у северян.

Название «шеляг» или «шелег» в позднейшее время функционировало как название мелкой «неходячей монеты» [Даль В. И. 1955. Т. IV. С. 627] и производилось из schillinc [Фасмер М. 1987. Т. IV. С. 427].

Однако необходимо помнить, что западноевропейские монеты появились на Левобережье лишь в XI в. и в крайне небольшом количестве. В то же время это название хорошо известно арабским источникам IX—X вв. «Шэлэг», согласно Ибн-ал-Асиру, — название дирхема у еврейских купцов, т. е. то самое название, которое, вероятно, бывало в пределах Хазарского каганата, в т. ч. и в Северной земле [Новосельцев А. П. 1990. С. 117].

Характер дани, по одному дирхему от двора, а позже «от рала», принципиально отличается от даннических отношений, которые устанавливала Русь в X—XI вв. В отличие от «дикого полюдья» и даже от более совершенных форм — «повоза» и «урока», это фактически фиксированный государственный налог, а отнюдь не дань в прямом значении этого слова. Более того, налог, исчисляемый не в натуральном, а в денежном выражении. Это предусматривало, что произведенный товар будет продан и с выручки выплачен налог. Последнее обстоятельство подчеркивает важную роль торговли в подвластных каганату землях.

Взимание налога, а также организация торговли требовали весьма четкой структуры общественных взаимоотношений. Вероятно, после исчезновения центров хазарской администрации основой внутренней связи Северной земли стала система соподчинения населенных пунктов. Появившиеся в это время в большом количестве небольшие городища, очевидно, соответствуют центрам малых территорий. Большинство этих городищ не имело выхода на крупные торговые пути. Они тяготели к пунктам, непосредственно связанным

с внешним миром. Только при такой системе зерно могло попадать к транзитным купцам, скорее всего хазарским, а многочисленные импорты и монеты оказываться во всех, даже самых удаленных уголках Северной земли. По этой же цепочке мог производиться регулярный сбор дани.

Была ли и если была, то в каком виде, центральная власть в Северной земле, каким образом управлялись мелкие и средние центры — на имеющемся материале определить сложно. Однако ясно, что отношения северян и каганата в нач. IX в. изменились. Выйдя из-под прямого подчинения иноэтничной администрации, северяне оказались еще более плотно связаны экономическими и политическими интересами с Хазарским каганатом. Развитые ремесло и торговля каганата, защита со стороны митрополии вполне перекрывали негативные последствия выплаты дани.

Чтобы лучше понять размер выплачиваемой дани, можно обратиться к мировым ценам на пшеницу, которые в VII—XIII вв. оставались практически стабильными [Большаков О. Г. 1984. С. 171]. Говоря о мировых ценах, мы подразумеваем цены арабского Востока и областей Византии, поскольку именно с восточным миром была связана торговая деятельность каганата. Согласно исследованию О. Г. Большакова «нормальная цена» 1 центнера пшеницы на арабском Востоке составляла 2—3 г золота [Большаков О. Г. 1984. С. 186], что соответствовало 7—11 полноценным дирхемам. Даже если предположить, что цены на зерно в Северной земле были значительно ниже, запас зерна усредненной зерновой ямы Новотроицкого городища (7,9 ц) оценивается в несколько десятков шелягов. Примерно такая сумма, как правило, содержится в небольших монетных и вещевыхкладах, найденных в пределах поселений (Новотроицкое, Супруты, Титчиха). Очевидно, что 1 шеляг, соответствовавший на востоке стоимости 1 пуда пшеницы или двух глиняных кувшинов [Федоров М. Н. 1972. С. 75], не был обременительной данью для жителя Северной земли.

Таким образом, в IX в. на рассматриваемой территории сложилась весьма своеобразная экономическая и политическая ситуация, особенности которой наиболее ярко проявились в следующем, 10 столетии. Следует отметить, что в кон. IX в. произошло два важных внешнеполитических события, которые также повлияли на всю дальнейшую жизнь северян.

Первым таким событием было печенежское вторжение кон. IX — нач. X в. в Донские степи. Последствием этого явилось прекращение жизни на ряде крупных салтово-маяцких памятников в пограничных с Северной землей районах, в частности, Дмитровского поселения [Плетнева С. А. 1989. С. 172], Маяцкого городища [Флеров В. С. 1984. С. 197] и ряда других. Урон, нанесенный каганату,

был весьма ощутим [Плетнева С. А. 1981. С. 65]. С печенежским нашествием можно связать и серию пожаров на роменских памятниках. На рубеже IX—X вв. гибнут в огне и позже не восстанавливаются городища Донецкое [Шрамко Б. А. 1962. С. 314] и Новотроицкое [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 190]. К тому же времени относится первый слой пожара на Большом Горнальском городище [Куза А. В. 1981. С. 28—30].

Несмотря на то, что уже к сер. X в. печенеги откочевали в Причерноморские степи [Константин Багрянородный, 1989. С. 157], стройная система взаимоотношений каганата и Северской земли была нарушена. Вероятно, обретая еще большую самостоятельность, северяне лишились надежного заслона со стороны степи и мощного покровителя в лице Хазарии.

Другим важнейшим фактором в истории северян X—1-й пол. XI в. стал выход в кон. IX в. на политическую арену объединения Русь. Чтобы понять реальное соотношение Севера и Руси накануне их первого столкновения в 884 г., необходимо остановиться на состоянии Руси того времени.

Традиционно историки различных направлений сходятся в том, что Русь возникла на территории объединения полян. В независимости от того, какую роль исследователи отводили варяжским дружинам, местному полянскому населению уделялось много внимания как основе или составной части ядра Киевской Руси. Поэтому прежде всего надо постараться выяснить, что же представляли из себя поляне до прихода Олега в 882 г.

Первым, до сих пор не решенным окончательно вопросом является вопрос о территории, занимаемой летописным племенем. «Повесть временных лет» позволяет говорить лишь о центре полян — Киеве и, вероятно, о ближайшей его округе. Поскольку с севера и северо-запада возможная граница определяется территорией древлян, с юга — уличей, была предпринята попытка расширить землю полян на левый берег р. Днепр, в нижнее, Черниговское течение р. Десна [Русанова И. П. 1966. С. 25—27]. Попытки эти нельзя признать удачными уже потому, что, обосновывая их, авторы опирались на археологический материал X в. и более позднего времени, т. е. периода, когда поляне как политическая и этническая единица уже не существовали. В то время для Киева и сопредельных территорий уже существует единый термин — «Русь». Сравнивая же материал IX в., мы заметим, что для Киева и округи характерны древности типа Луки-Райковецкой [Толочко П. П., Боровский Я. Е., Вознесенская Г. А. 1981. С. 57. Рис. 20], в то время как в низовьях Десны распространены древности роменского типа. Наличие двух археологических культур, о различиях которых мы уже упоминали, не позволяет связывать эти две территории в земли одного племени. Одно-

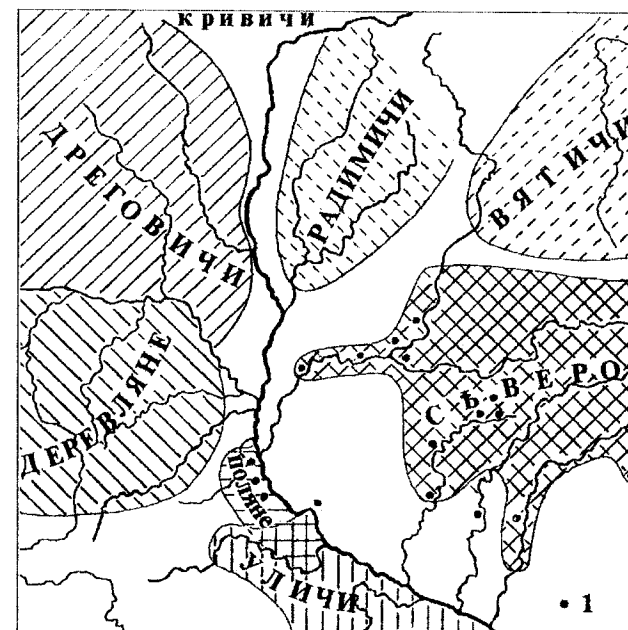

Рис. 54. Славянские объединения в IX в. (до 882 г.):

1 — материалы волынцевского типа

временно нет никаких оснований вычленять Черниговское Подесенье из всего массива раннероменских, северянских памятников. Облик поселений и могильников этого региона абсолютно тождествен памятникам Средней Десны и Сейма. Таким образом очевидно, что поляне занимали высокий правый берег Днепра, «горы», как на это указывает летопись [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 5], в районе г. Киева, между древлянами и уличами. Вероятно, как это уже отмечалось в литературе [Петрашенко В. А. 1990. С. 50], территория полян соответствует зоне распространения на правом берегу Днепра древностей волынцевского типа. Этот пласт древностей отложился, скорее всего, в результате подчинения земли полян хазарам и может таким образом обозначить ее границы. Как бы ни решался в дальнейшем вопрос о распространении полян, фактом остается то, что они являлись одним из самых мелких по территории племен среди всех славянских объединений того времени (рис. 54).

Материальная культура полян в целом едина с культурой соседних объединений уличей и древлян. Ни о каком ее более высоком уровне развития для IX в. говорить не приходится. Сам Киев этого

времени имел укрепленную площадь ок. 1,8 га, т. е. относился к категории крупных городищ, но был отнюдь не самым крупным среди славянских крепостей того времени. Отметим, например, что один из центров Северской земли VIII—нач. IX в., городище Битица, значительно превосходил его по размерам укрепленной части (более 5 га), а так же по качеству самих фортификационных сооружений. Материалы Битицкого городища в большей мере соответствуют политическому центру, нежели те скромные немногочисленные находки VIII—IX вв., которые были обнаружены при раскопках Киева.

Совокупность археологических материалов позволяет говорить о том, что поляне VIII—IX вв. по своему развитию не отличались от сопредельных объединений, а по территории значительно им уступали. Представление о полянах как о наиболее сильном и развитом племени, образовалось в результате использования исследователями ложной посылки о прямолинейности исторического развития, из которой следовало, что центр Киевской Руси мог возникнуть лишь на основе предшествующего центра. Определенную роль в этом сыграла и тенденциозность летописца, всячески поднимавшего престиж киевлян и принижавшего значение враждебных племенных объединений. Однако и летопись, когда касается фактических событий, невольно указывает на реальное положение этого племени. Так, согласно недатированной части «Повести временных лет», после смерти Кия, поляне «быша обидими Деревляны и инеми околными» [ПСРЛ. 1962 Т. II. Стб. 12]. Как видно, это сообщение вполне переключается с представлением о полянах как о небольшом, слабом племени. Хазарская дань, несмотря на то что летописец пытался ее скрасить легендой о полянских мечях, являлась реальностью вплоть до сер. IX в. Необходимо отметить, что поляне стали единственным племенем на правом берегу Днепра, которое хазары смогли подчинить своему влиянию. Впоследствии именно поляне как самое слабое звено в цепи славянских объединений стали объектом экспансии, но уже со стороны варяжских дружин. Судя по летописи, Аскольду не составляло особого труда завладеть Киевом, единственным противником его здесь были хазары. При взятии Киева Олегом в 882 г. борьба также шла лишь между двумя варяжскими дружинами. Вероятно, именно благодаря своей слабости, отсутствию достаточных внутренних сил Киев и стал центром формирования нового политического объединения.

Как следует из дальнейших событий, после захвата Киева Олег располагал не столь большими силами. Ему удалось «примучить» ближайших к Киеву древлян и только начавшее формироваться небольшое объединение радимичей. Столкновения с крупными образованиями уличей и тиверцев, охарактеризованные короткой фразой «имеюще рать» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 17], очевидно, были безре-

зультатны. Тем более удивительным кажется победа над северянами, как видно из всей работы, крупным и весьма сильным объединением. Необычным кажется и упоминание о том, что «взъложи на нихъ дань легьку» [ПСРЛ. 1962 Т. II. Стб. 17]. Подобная «гуманность» в целом не характерна для изучаемого периода истории. Несколько прояснить возникающие вопросы позволяют археологические материалы.

Выше неоднократно упоминалось о том, что Черниговское Подесенье, вероятно, в силу малой пригодности для земледелия, было весьма слабо заселено носителями роменской культуры. Но и те немногочисленные памятники, которые известны и хоть в какой-то степени подвергались раскопкам, несут следы гибели в результате пожара в кон. IX в. В X в. на этой территории и особенно в междуречье Десны и Днепра, происходит бурный рост населения [Шекун А. В., Веремейчик Е. М. 1988. С. 93—110]. Однако памятники этого времени содержат материалы совершенно иной археологической культуры, которую можно определить как культуру Древней Руси. Она идентична синхронной культуре г. Киева и резко отличается от культуры основной Северской земли.

Археологический материал показывает, что в 884 г. Олегу удалось захватить слабо освоенную северянами территорию Черниговского Подесенья. В результате этого граница между Севером и Русью, проходившая ранее по левому берегу р. Днепр, была значительно перенесена вверх по р. Десна, но отнюдь не исчезла. Новая граница, просуществовавшая весь X в., проходила в виде свободной, незаселенной полосы между устьями р. Снови и р. Мены [Григорьев А. В. 1988 б. С. 73, 74; 1993 а. С. 98, 99; Шекун А. В. 1990. С. 23—29]. На большей части Северской земли никаких перемен в материальной культуре, которые можно было бы связать с воздействием Руси, в это время не прослеживается. Вероятно, под натиском Олега, при крайне неблагоприятной ситуации со стороны степи, северяне были вынуждены откупиться от Руси, как это было широко распространено в практике межгосударственных отношений того периода.

Разорение печенегами юго-восточных областей Северской земли, утрата Нижнего Подесенья несомненно нанесли большой урон северскому обществу, однако не смогли остановить его развития. В X в. наблюдается дальнейшее освоение территорий, возникает множество новых поселений, в т. ч. и очень крупных. На новый уровень выходит техника строительства жилищ и укреплений.

В это время на памятниках ощущается значительный рост производства сельскохозяйственной продукции. Так, если судить по размерам зерновых ям, средний запас зерна у жителей Новотроицкого в пересчете на пшеницу составлял 0,79 т, а на поселении X в. у с. Горбово — уже около 1,1 т, т. е. возрос почти в полтора раза.

Однако высокий уровень производства для этого времени характеризуется уже не только и не столько значительными размерами хлебных ям. Современный уровень исследований позволяет говорить о высокой степени специализации производства в северском обществе X в. Такое предположение основывается прежде всего на характере самих поселений. Как уже отмечалось, для роменской культуры на позднем ее этапе характерны самые разнообразные типы поселений. Причем значительная их часть по своей сути не могла являться замкнутой экономической системой. К таким поселениям относятся прежде всего малые селища, состоявшие из одного или нескольких дворов. Примером может служить памятник, исследованный у д. Тазово Курской обл. [Григорьев А. В. 1990 а. С. 26—28]. Расположение этого небольшого поселка среди заливаемой в паводок поймы р. Тускарь, на значительном удалении от пригодных для обработки земель, делало невозможным занятие пашенным земледелием для его жителей. Ближайшие пахотные земли, удаленные от хутора на 1 км, конечно, не пустовали, но они обрабатывались жителями расположенных там поселков.

Таким образом, если земледелие для насельников рассматриваемого памятника было неприемлемо, то для оседлого пойменного животноводства здесь были оптимальные условия. Можно также предположить и занятие рыболовством, поскольку селище располагалось на самом берегу р. Тускарь. Небольшие раскопки, проведенные на памятнике в 1988 г., позволяют несколько уточнить характер занятий его населения. Наличие значительного количества костных остатков домашних животных подтверждает предположение о важной роли животноводства. Напротив, полное отсутствие следов рыболовства, не позволяет говорить о нем как о характерном для этого памятника промысле. Кроме этого, в материалах поселения находились во вторичном использовании куски железной руды и шлаков. Запасы этой руды значительны на участках заболоченной поймы, непосредственно примыкающих к поселению.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что наиболее вероятным занятием жителей этого поселка было пойменное скотоводство и добыча болотной руды. Ни то ни другое не могло быть направлено на удовлетворение собственных запросов и явно предназначалось для использования за пределами селища. В то же время необходимое для жизни зерно могло быть исключительно привозным. Существование небольшого специализированного поселка не было уникальным явлением. Не вызывает сомнения, что большинство известных небольших памятников, расположенных в неблагоприятных для пашенного земледелия условиях, были вынуждены специализироваться на том или ином виде сельскохозяйственной или иной деятельности.

Трудно предположить полную натуральность хозяйства и для наиболее крупных поселений. Примером тому может служить относительно хорошо исследованное поселение у с. Горбово. По данным шурфовки и аэрофотосъемки, сплошная застройка на этом поселении во 2-й пол. X в. занимала площадь свыше 6 га. Максимальная площадь двора не достигала 0,03 га. Следовательно, даже если принимать в расчет несколько заниженную общую площадь поселения и завышенную площадь двора, на последнем этапе существования поселка в нем насчитывалось не менее 200 дворов. Средние размеры зерновых ям указывают на то, что для посева предназначалось около 1 т зерна (в пересчете на пшеницу), т. е. средний земельный надел равнялся приблизительно 12 десятинам, что удивительно точно совпадает с данными, полученными В. И. Довженком для древнерусского времени на основании совершенно иных расчетов [Довженко В. И. 1961. С. 185]. Таким образом, для того чтобы обеспечить автономное функционирование поселка требовалось ок. 2400 десятин пашенных земель.

Считается, что «для населения, занимающегося сельским хозяйством, стоимость эксплуатации района достигает неприемлемой величины на расстоянии свыше 4—5 км от поселения и становится экономически нецелесообразной...» [Афанасьев Г. Е. 1987. С. 24]. Если взять окрестности поселения у с. Горбово в радиусе 5 км, то выясняется, что, во-первых, вся южная часть очерченного пространства занята затопляемой поймой Десны (рис. 55); эти земли, оптимальные для скотоводства, совершенно не пригодны для земледелия. Во-вторых, с запада и востока пространство ограничено целой сетью старых оврагов с протекающими по ним ручьями. Эти широкие и разветвленные овраги, глубиной свыше 40 м, делали практически недоступными для обработки восточную и западную периферию пятикилометровой зоны, поскольку основным критерием в определении рентабельности является не само расстояние до места работ, а время, необходимое для его преодоления, которое не должно превышать 1 часа [Афанасьев Г. Е. 1987. С. 29]. Овраги и ручьи значительно затрудняли доступ в указанные районы, что делало их использование нерентабельным. Пригодными для обработки оставались лишь ближайшие к поселению земли с запада и востока и территории в радиусе 4—5 км с севера. Площадь этих земель была менее 1000 десятин, что в полной мере могло обеспечить лишь 80 хозяйств. Следует также учитывать, что значительная часть этих земель, вероятно, использовалась, как и в настоящее время, под посевы технических культур, в частности льна, зерна которого найдены при раскопках поселения.

Очевидно, для поголовного занятия хлебопашеством местному населению просто не хватило бы пригодных для этого земель. Боль-

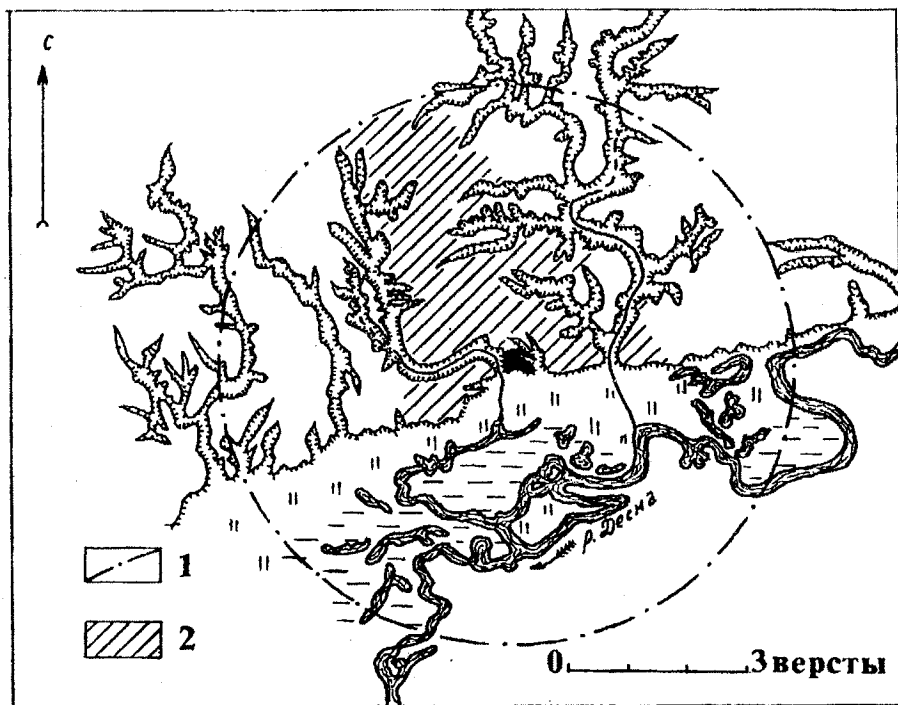

Рис. 55. Зона рентабельного земледелия поселения у с. Горбово:

1 — граница пятикилометровой зоны; 2 — пашенные земли, расположенные на расстоянии до 1 часа пути

шая концентрация населения в поселке говорит о том, что часть его жителей занималась иными видами хозяйства. Это могло быть скотоводство, для которого данная местность является благоприятной, рыболовство, о развитии которого говорят костные остатки и многочисленные рыболовные крючки из раскопок памятника. Несомненна и важная роль торговли, на что указывают не только импорты в материалах памятника, но и само положение поселения на переправе через Десну, на пути из г. Новгорода-Северского в глубинные районы Северной земли [Шинаков Е. А. 1981 б. С. 123, 124; Григорьев А. В. 1988 а. С. 19, 20].

Все выше сказанное еще в большей степени относится к расположенному поблизости Новгороду-Северскому, площадь которого в три-четыре раза превышала Горбовское поселение, а дворы, по крайней мере в детинце, стояли еще плотнее. Вероятно, для рассматриваемого времени, уже сама значительная концентрация населения в одном пункте предполагает многопрофильность хозяйства на этом поселении.

Появление поселений, которые по сути своей не могли существовать натуральным хозяйством, говорит о значительном росте внутренней торговли и о переходе ее на качественно новый уровень по сравнению с XI в. Если в предшествующее столетие, внутренний обмен являлся как бы продолжением внешнеторговых операций и обеспечивал лишь сбор товаров, предназначенных на экспорт и внутреннее распределение импортных поступлений, то в X в. внутренняя торговля приобретает самостоятельное значение, обеспечивая нормальное функционирование многих поселений.

Объемы внешней торговли в это время не уменьшаются. Несмотря на печенежское вторжение в Донские степи и последующее запустение многих населенных пунктов, продолжается интенсивный торговый обмен с Востоком. В X в. туда по-прежнему поступает зерно и лен (ал-Истархи), не прекращается поток куфического серебра в Северскую землю. Упадок каганата и появление Руси привели к постепенной переориентации северской торговли. Салтовские изделия, в частности амфоры и украшения, представлены на роменских памятниках этого времени единичными экземплярами. Количество древнерусских импортов напротив возрастает на протяжении всего столетия. В основном из Древней Руси поступают сложные предметы вооружения и некоторые орудия труда (топоры, ножи). Постоянно увеличивается ввоз круговой керамики, появляются, правда, в небольшом количестве, древнерусские украшения, костяные гребни, позднее — пряслица из розового шифера.

Реконструировать в общих чертах систему торговых связей в Северской земле X в. вполне реально. Она представляла собой результат развития системы, сложившейся еще в предыдущее столетие. Основное производство экспортного товара, вероятно, было сосредоточено на средних поселениях, непосредственное участие в жизнедеятельности которых принимали мелкие, специализированные поселки.

Как уже неоднократно отмечалось исследователями, мелкие и средние открытые поселения концентрировались группами с центром в одном из средних поселков, имевшем, как правило, в отличие от других, укрепленное городище [Узянов А. А. 1985. С. 81, 82; Узянов А. А., Кашкин А. В. 1990. С. 159—162]. Связи внутри такой группы, вероятно, представляли собой мелкую торговлю или же прямой натуральный обмен. Очевидно, что все эти мелкие и средние поселки не имели прямого выхода на внешний рынок. Полученный в них прибавочный продукт концентрировался в центрах этих групп и далее — в центрах, объединяющих отдельные «волости». Выход на внешний рынок осуществлялся через крупные торговые центры, функции которых, скорее всего, исполняли обширные поселения, речь о которых шла выше. Эти поселения, возникшие в основном в

X в., расположены по окраинам Северской земли на торговых путях и часто позволяют определить направление последних.

Можно предположить, что как во внешней, так и во внутренней торговле широко использовались арабские монеты, причем не в качестве товара, а как денежная единица. В пользу этого говорит и характер хазарской дани, указанной в денежном выражении, и многочисленные находки дирхемов как в виде отдельных монет, так и в составе небольших (10—20 монет) кладов на поселениях. Факт концентрации на левобережье Днепра в X в. куфических монет, обретенных в кружок, и подражаний, чеканенных под вес этих монет, с большой долей вероятности может указывать на сложение местной денежно-весовой системы [Зайцев В. В. 1991. С. 110—112; 1992. С. 27—29].

В рассматриваемый период, когда еще не были нарушены прочные связи с Востоком и уже развивалась торговля с Русью, Северская земля оказалась в весьма выгодном положении. Однако такое существование между двумя традициями, двумя различными культурами, между Востоком и Западом не могло быть устойчивым.

Сложившаяся еще в IX в. экономическая система северянского общества, включавшая в себя высокоразвитое сельское хозяйство и торговлю при крайне низком уровне ремесла, еще более оформилась и укрепилась в X в. При росте производства зерна и пеньки, увеличении торгового оборота, развитии градостроительства и домостроительства гончарное и кузнечное ремесла, находившиеся на низком уровне, были подорваны и практически сведены на нет увеличивающимся потоком импорта, теперь уже со стороны Руси.

В X в. наблюдается общая стабилизация северского общества. Освоение Северской земли в это время уже практически завершилось. Памятники, датируемые X в., многочисленны и известны во всех регионах. Каких-либо перемещений на северо-восток также не отмечается. Колонизацию Верхней Оки и Верхнего Дона активно проводили вятичи. Северская земля уже не выступает плацдармом славянской колонизации и переходит в категорию исконных славянских земель.

Экспансия со стороны Руси и степей, вероятно, усилила консолидацию общества, укрепила его самосознание. Об этом говорит приверженность к традициям орнаментации керамики, типам металлических украшений, а также стабильность погребального обряда.

Основные тенденции в развитии погребального обряда показывают, что к X в. сложилась весьма стройная система идеологических представлений северян. В это время уже практически не встречаются курганы, содержащие две урны с остатками сожжения. Редки случаи находок странных. Все это говорит о большой степени распада общинно-родственных связей и упрочнении представлений о

равенстве людей перед смертью. Вероятно, представления северян о мироздании подготовили хорошую почву для появления во 2-й пол. X в. погребений, совершенных по христианскому обряду (Липино, Лебяжье, Радичев).

Особый интерес представляет вопрос о системе социальных отношений и их регулирование в северянском обществе. Письменных источников по этой проблеме практически нет, поэтому гипотеза, построенная исключительно на данных археологии, может быть весьма спорна.

Согласно мнению большинства исследователей, северяне IX—X вв. находились на одной из завершающих стадий общинного строя [Ляпушкин И. И. 1958 в. С. 225, 226; Сухобоков О. В. 1975. С. 128—131]. Однако приведенные выше наблюдения, заставляют усомниться в правильности такого определения. Широкий спектр типов поселений и специализация их хозяйственной деятельности, весьма развитая внутренняя и внешняя торговля позволяют предположить более высокий уровень общественных отношений. Трудно определить, каковы были права жителей средних поселений на прилегающие земли и угодья, но можно с уверенностью предположить, что земли вокруг малых поселений принадлежали владельцу «хутора». Также те или иные формы собственности на пашенные земли должны были существовать и в наиболее крупных поселениях, где ощущался дефицит пригодных для обработки земель. На сложение к X в. в той или иной степени развитых форм землевладения косвенно указывает усадебный характер застройки, зафиксированный на ряде памятников (Горбово, Горналь, Переверзево). Очевидно, сам факт существования «хуторов», крупных поселений и усадеб не вписывается в схему общинной собственности на землю.

Различия в размерах зерновых ям, характере жилых построек, а также распределение драгоценных металлов и само существование торговли указывают на весьма сильную имущественную дифференциацию в северянской среде X в. Удельный вес крупных зернохранилищ, а также построек, содержавших серебро, предметы вооружения и конской упряжи свидетельствуют о существовании широкого класса зажиточных северян, составлявший до 20 % населения.

Характерной особенностью северского общества X в. является, с одной стороны, широта имущего класса, с другой — отсутствие глубокой, очевидной дифференциации, какую мы наблюдаем, например, в материалах Древней Руси. В то же время необходимо учитывать, что наиболее яркие, выделяющиеся своим богатством археологические комплексы Руси X в., как и ряда других ранних государств, связаны прежде всего с дружиной. Основная часть богатств русских дружинников этого времени обязана своим происхождением не землевладению, а грабежу и, отчасти, торговле.

Изученные археологические материалы не позволяют говорить о существовании сколько-нибудь значительной постоянной дружины у северян. Находки, подтверждающие присутствие воинов, такие, как оружие, детали конской сбруи, детали поясов, равномерно распределяются по разным типам памятников. Концентрация подобных находок, известная для 2-й пол. VIII — нач. IX в. на Битицком городище, в материалах более позднего времени не прослеживается. Не нашла отражения дружинная организация и в погребальном обряде, и в каких-либо других признаках. Имеющийся материал позволяет предположить, что определенный процент населения Северной земли был вооружен, но в то же время эти люди не были объединены в постоянные, профессиональные отряды.

Важнейшие задачи по защите интересов Северной земли, вероятно, решались ополчением, состоявшим из представителей зажиточного слоя населения. О том, что такие проблемы существовали, однозначно говорят многочисленные упоминания о столкновении славян Левобережья с Русью. В то же время исход этих столкновений, равно как контекст Лиственской битвы и характеристики арабских авторов, указывают на низкую боеспособность ополчений по сравнению с профессиональной дружиной [Шинаков Е. А. 1990 б. С. 209].

Несомненно, отсутствие дружины и, соответственно, князей в принятом смысле, не может быть установлено доподлинно на основании археологических данных. Не исключено, что определенные функции исполнялись местными князьями и дружиной, однако роль их по своему значению вряд ли была велика и не сопоставима со значением, которое они имели в Древней Руси.

Отсутствие или незначительность дружины у северян вполне объяснима всем ходом развития общества. На начальном этапе для возникновения дружины отсутствовала питательная среда. В ходе колонизации обширных и плодородных земель, несомненно, был заторможен процесс образования изгоев, то есть не было создано необходимого людского потенциала для формирования вооруженных отрядов. Не было и большой необходимости в таких формированиях. Внешняя торговля была уже налажена хазарскими купцами, и вряд ли последние были склонны уступать свою монополию. Безопасность также гарантировалась каганатом. Им же был организован и сбор податей. Таким образом, социальная ниша, предназначенная для дружины, была в это время заполнена хазарской администрацией в лице носителей волынцевского пласта древностей.

С прекращением прямого правления каганата, ситуация изменилась, но не в пользу дружинной организации. Транзитная торговля, по-прежнему осталась в руках хазарских купцов. Внутри самого северского общества к этому времени уже начинает набирать силу

слой зажиточных поселенцев. Сохраняется и влияние метрополии. К моменту окончательного падения влияния каганата, в кон. IX в., имущественная дифференциация в северской среде уже вполне отчетлива. Многочисленный имущий слой, рассредоточенный по разным поселениям, вероятно, составлял основу военной силы Северной земли и был ведущим в ее политической жизни. Социальная ниша дружины вновь оказалась заполненной.

Сам по себе факт отсутствия дружины у северян не может говорить ни о чем, кроме отсутствия дружины. Он никоим образом не указывает на неразвитость классового деления или отсутствия государственности. Поскольку сама дружинная организация, как правило, возникает еще в период общинного строя, в догосударственных образованиях. В то же время возможно существование развитых классовых государств, не имеющих своего постоянного князя и своей дружины, примером чему может служить Новгород.

Политическая организация Северной земли может быть реконструирована на основе предполагаемых направлений внутренней торговли, сбора налогов и отмеченной особенности социальной дифференциации. В этих условиях наиболее вероятным представляется принцип соподчинения населенных пунктов, во многом близкий к более поздней системе организации Древней Руси, а именно структура: «старшие города» — «пригороды» — «волости». Низовые звенья этой системы хорошо фиксируются уже с IX в. в виде групп средних и малых поселений, тяготеющих к относительно крупному, преимущественно укрепленному центру.

Подобные «гнезда» часто связываются исследователями с общинами [Сухобоков О. В. 1975. С. 130]. Возможность сохранения определенных родовых традиций внутри таких «гнезд» вполне вероятна, однако для X в. связь мелких, по сути своей индивидуальных хозяйств и средних поселков, внутри которых роль общины могла быть значительной, с центром в основе своей была уже экономической. Именно в этих центрах первоначально могли концентрироваться излишки продукции округа, происходило их перераспределение между специализированными поселками, откуда продукция отправлялась на рынок. Вероятно, через эти центры шел сбор «по шелягу от рала». С другой стороны, отсюда шло проникновение в окружающие поселки серебра, украшений, орудий труда, оружия, столовой керамики и прочих импортов. Понятно, что в этих центрах концентрировалась и власть над округой. Возведение укреплений, как правило, небольших по площади, но мощных, требовало больших затрат труда. Несомненно к этим работам привлекались жители как самого центра, так и округа. Вероятно, именно формирование округа сделало возможным сооружение многочисленных городищ, известных для IX и, особенно, для X в.

Существование более крупных образований, включающих в себя территории нескольких «гнезд», можно предполагать исходя из логики торговых и податных связей. Так, практически невероятным представляется ежегодное посещение более ста небольших общин купцами и сборщиками дани из одного или нескольких крупных пунктов. Столь же маловероятно и регулярное посещение жителями поселений всей Северной земли крупнейших торгово-административных центров. Наличие среднего звена в этой цепочке, при учете огромной территории всего объединения, более чем оправданно.

Такие территориально-административные образования, которые, с некоторым допуском, можно сопоставить с позднейшим понятием «волость», должны были удовлетворять двум основным требованиям. Во-первых, они связывали несколько центров «гнезд», во-вторых, имели прямой выход на крупные центры, непосредственно участвующие в межгосударственных отношениях. Наиболее выражены археологически могут быть центры таких «волостей». Вероятно, это значительные поселения с городищами средних и больших размеров (более 1 га), а также комплексы из нескольких укреплений. Кроме того, они должны иметь достаточно плотно заселенную округу, включающую группу «гнезд» поселений, расположенных либо в непосредственной близости от центра «волости», либо имеющих с ним удобную транспортную связь. Размеры центров и их значение могут сильно варьировать, в зависимости от размеров и значения «волостей». Различные по масштабам зоны концентрации роменских памятников отмечаются по всей территории Северной земли, в частности в Курском и Путивльском Посеймье, Верхнем Поворсклье, на Средней Десне [Узянов А. А., Кашкин А. В. 1987. С. 15, 16; Приймак В. В. 1990 б. С. 83—86; Куриленко В. Е. 1990. С. 36—40. Табл. I].

Интересная попытка «наметить возможные границы так называемых «малых племен» была предпринята А. А. Узяновым [Узянов А. А. 1993. С. 93—95. Рис. 3]. К сожалению, трудно признать ее достаточно убедительной. Так, группа I, согласно автору, представляет собой «окружность радиусом 60—80 км с центром в Чернигове или Любече» и включает в себя все Нижнее Подесенье, в том числе район устья р. Сейм, а также междуречье Десны и Днепра [Узянов А. А. 1993. С. 93. Рис. 3]. Время существования этого «малого племени», как и других, определяется суммарно IX—X вв. Однако на указанной территории ситуация в IX и в X вв. принципиально различна. В IX в., до начала русской экспансии, область была заселена крайне слабо. Около десятка небольших роменских поселений известно вдоль р. Десна. Какого-либо центра этой небольшой группы, в настоящее время не выявлено. Материалов, позволяющих говорить о существовании в IX в. г. Чернигова, несмотря на активные раскопки этого памятника, не обнаружено. Таким образом, определение

этой группы памятников как «малое племя» весьма проблематично. Крупные роменские поселения в г. Любеч и г. Сновск (пгт. Седнев, уроч. Орешня) находятся на значительном удалении от р. Десна и не имеют непосредственной связи с указанной группой поселений IX в. [Казаков А. Л., Марченко В. М. 1993. С. 30—37; Коваленко В. П. 1984. С. 271, 272]. Крупные размеры этих памятников, при отсутствии синхронной сельской округи, позволяют рассматривать их как опорные пункты славянской колонизации.

Еще менее вероятно существование объединения в указанных А. А. Узяновым границах в X в. В это время на означенной территории функционируют памятники двух различных археологических культур — роменской и древнерусской — с хорошо фиксируемой границей между ними [Григорьев А. В. 1988 б. С. 73, 74; 1993 а. С. 98, 99; Шекун А. В. 1990. С. 23—29; Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А. 1994. С. 35—38].

Не совсем понятен и принцип определения границ группы II с центром в г. Новгород-Северский. В этом регионе можно говорить лишь о памятниках X в., поскольку слои предшествующего времени фиксируются здесь крайне редко (Чулатово, Горбово). Сам город возникает в пределах X в., а его расцвет приходится на 2-ю пол. X — нач. XI в. Тем же временем датируется и большинство исследованных памятников Среднего Подесенья [Григорьев А. В. 1989 б. С. 24]. Роменские поселения этого периода располагаются по всему среднему течению р. Десна весьма равномерно (рис. 56, II). Единственное известное скопление памятников у сел Радичев и Мезин осталось вне выделенных А. А. Узяновым групп. В то же время в группу II включены памятники, расположенные по р. Ипуть, отделенные от роменских поселений Подесенья древнерусскими памятниками и, вероятно, принадлежавшие радимичам. Подчиненность Новгороду-Северскому Трубчевска, а так же поселений, расположенных выше по течению р. Десна и ее притокам — весьма спорна. Нет среди исследователей единодушия и в определении племенной принадлежности этих территорий.

Трудно согласиться с включением в одну группу (III) памятников различных речных систем — Нижнего Сейма, Верхней Сулы и Среднего Псла — при отсутствии следов поселений на водоразделах. При таком подходе Верхнее Посулье совершенно необоснованно оказалось отделено от всей группы памятников, расположенных в бассейне этой реки. Вне всяких групп осталась и часть памятников Псла.

Сам принцип вычленения групп по «распределению плотности населения» и приблизительному равенству территорий, представляется чрезмерно формальным. Он основывается на перенесении закономерностей в распределении поселений в области Курского Посеймья (группа IV) на всю территорию Северной земли. Однако

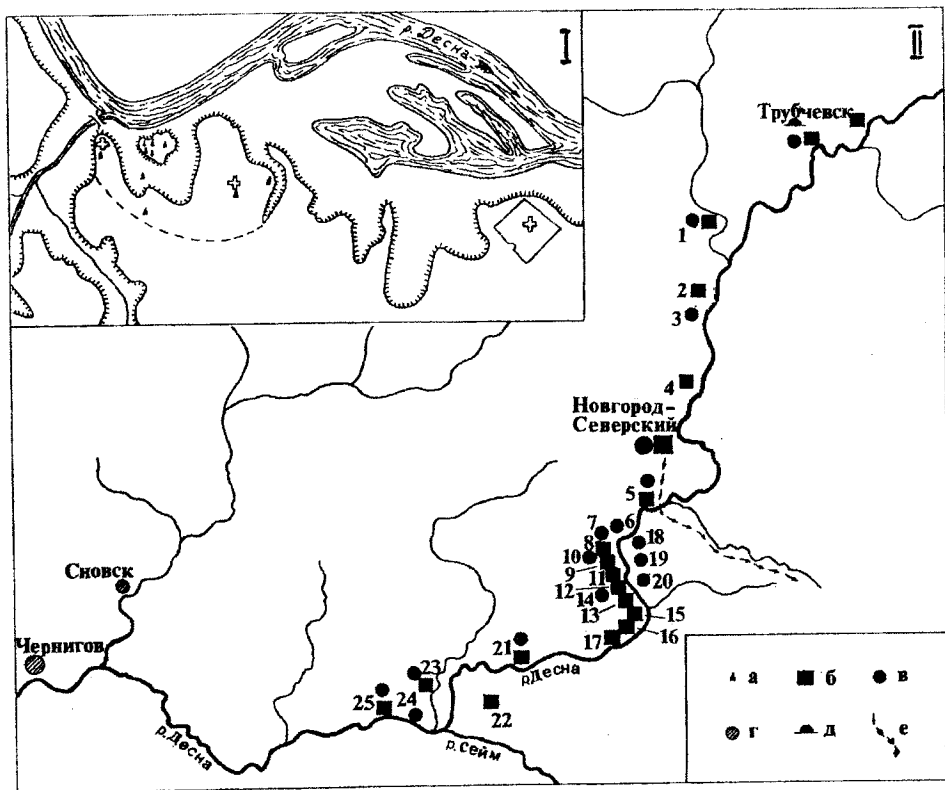

Рис. 56. Новгород-Северский и Среднее Подесенье в X—1-й пол. XI в.:

I — Новгород-Северский; II — Роменские памятники Среднего Подесенья
 а — места раскопок в Новгороде-Северском, содержащих материалы роменской культуры; б — городища роменской культуры; в — селища роменской культуры; г — древнерусские города; д — курганы;
 е — предполагаемый путь из Новгорода-Северского в Путивль (по Е. А. Шинакову)
 1 — Случевск; 2 — Пушкاري; 3 — Пушкари-Роговка; 4 — Ленково; 5 — Горбово; 6 — Хуторище; 7 — Мезин; 8 — Псаревка (Свердловка), городище I; 9 — Псаревка (Свердловка), городище II; 10 — Псаревка, селище; 11 — Хвостинское; 12 — Мещанское, городище I; 13 — Мещанское, городище II; 14 — Мещанское, селище; 15 — Хотынское; 16 — Гай; 17 — Московское; 18 — Тymoновский бор, селище 2; 19 — Тymoновский бор, селище 1; 20 — Звонковое; 21 — Зметнов; 22 — Шебашинов; 23 — Сосница; 24 — Буромка; 25 — Слободка

сами эти закономерности не столь очевидны. Факт существования Курского Посеймья как административной, политической или этнической единицы в IX—X вв. крайне проблематичен. Прослеживаемое по летописям существование этого понятия в XII—XIII вв. [Зайцев А. К. 1975. С. 95, 96] отнюдь не говорит о его реальности в более раннее время. Не является достаточным аргументом и природно-географическое единство этой зоны — внутри нее могло находиться не-

сколько мелких объединений, не обязательно совпадающих с границами Курского Посеймья.

Вопрос об определении территорий и границ относительно крупных образований в пределах Северской земли IX—X вв. остается открытым. Вероятно, неполнота информации, на которую указывает А. А. Узянов [Узянов А. А. 1993. С. 84—86], не позволяет пока решить его. В настоящее время можно лишь достаточно обоснованно предполагать сам факт существования таких объединений и попытаться определить основные их центры.

Рассматриваемые территориальные структуры чаще всего характеризуются исследователями как «малые племена» [Приймак В. В. 1990 б. С. 86; Узянов А. А. 1993. С. 93]. Само понятие «малого племени» является производным из принятого априори положения о том, что славянские объединения VIII—X вв. являлись некими «союзами племен». Ни прямых, ни косвенных указаний на это в источниках не содержится. Поэтому рассматривать подобные определения можно лишь как дань традиции.

Наиболее сложным представляется вопрос об управлении Северской землей в целом. На то, что Север был единым, прочным образованием, указывают различные источники. В письменных упоминаниях русских, хазарских и византийских авторов Север выступает как сложившееся, устойчивое понятие, как субъект внешнеполитической деятельности каганата и Руси. Территориальное понятие «Северская земля» доживает до позднего средневековья, а такие топонимы в пограничных районах, как Новгород-Северский, Северский Донец — до настоящего времени. Самосознание северян как общности отразилось в единстве погребального обряда и некоторых чертах материальной культуры.

Если территориальное и этническое единство северян не вызывает особых сомнений, то их политическое объединение не столь очевидно. В пользу прочных экономических и, как следствие, политических связей внутри Северской земли, могут говорить крупные центры, расположенные по границам территории. Последние отличались от волостных центров не только и не столько своими значительными размерами, но и почти полным отсутствием развитой сельскохозяйственной округи.

Памятники этого типа исследованы еще недостаточно. Наиболее полное представление о них дают материалы раскопок Новгорода-Северского [Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. 1980. С. 280, 281; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. 1981. С. 259; 1984. С. 373; Григорьев А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. 1986. С. 229, 230]. Поселение, включавшее в себя останцовое городище площадью около 3 га, и обширнейший посад, следы которого прослеживаются на площади до 20 га (рис. 56, 1), относится к X—1-й

пол. XI в. Материалов более раннего времени в ходе раскопок зафиксировано не было, но даже если поселение существовало и в 9 столетии, то, очевидно, оно было небольшим. Рост его размеров носит взрывообразный характер и относится, вероятно, к 1-й пол.—сер. X в. Памятник интересен еще и тем, что после разгрома нач. XI в. на его месте возникает древнерусский город, ставший впоследствии, в кон. XI в., столицей удельного княжества. Поэтому археологический материал позволяет сделать определенные сравнения как роменского поселения, так и древнерусского города при соблюдении условия абсолютно равной исследованности.

Площадь, занятая роменским поселением, намного превышает размеры города XI в., когда заселены были лишь городище («Замок») и небольшой участок посада (рис. 56, 1). Новый рост территории города произошел лишь после получения статуса столицы княжества в XII в. В раскопах на городище было зафиксировано шесть жилых построек X в. и только две, имеющие дату XI в., что указывает на большую плотность застройки в роменское время. Застройка «Замка» XII в. не поддается сравнению, поскольку в этот период появляются постройки, связанные с княжеским двором, а с другой стороны, распространенные в то время наземные жилища не всегда фиксируются. Следов производства в процессе раскопок в Новгороде-Северском выявлено не было, за исключением комплекса печей, предназначенных, вероятно, для получения дегтя. Этот комплекс также датируется X в. и относится к роменскому поселению. В слое городища многочисленны находки плинфы и строительного мусора. По типам плинфы и стратиграфически они относятся к строению кон. XII в., вероятно, к упомянутому в летописи храму св. Михаила. Плинфа совершенно иных пропорций, близких к плинфе Десятинной церкви в г. Киеве, была использована для вымостки пода печи жилища (раскоп VI), погибшего в пожаре нач. XI в. Идентичная плинфа была использована в качестве ступеньки в жилище 2-й пол. X—нач. XI в. (раскоп V). Эти находки, вероятно, связаны с другим каменным строением, существовавшим в роменском поселке, скорее всего, тоже храмом.

Даже такое поверхностное сравнение показывает, что Новгород-Северский X в. в большей мере отвечает понятию города, чем во 2-й пол. XI в. В это время здесь налицо достаточное количество признаков, таких, как общая площадь и площадь городища, наличие следов производства и каменного строительства, для того, чтобы отнести это роменское поселение к категории ранних городов [Куза А. В. 1983. С. 21—41].

Ближайшее окружение Новгорода-Северского в X в. составляли два крупных поселения—у с. Горбово и у д. Пушкар. Как уже указывалось ранее, оба этих поселка, равно как и сам город, не были

в достаточной мере обеспечены пахотными землями и потому не могут рассматриваться в качестве сельскохозяйственной округи. Они находились на переправах через р. Десна, на путях, связывавших Новгород-Северский с развитыми сельскохозяйственными районами Посемья (рис. 56, II). Эта группа памятников, состоявшая из города и прикрывающих его с юга и севера поселений, могла существовать и столь бурно развиваться только при условии прочной связи с глубинными районами Северной земли. Отметим, что и в XII в. «вся жизнь» новгород-северских князей связывалась с Курским и Путивльским Посемьем.

Другой раннегородской центр, г. Полтава, расположенный на южной границе региона, также мог существовать только при условии прочных связей с обширными территориями Северной земли. Исследованиями И. И. Ляпушкина 1946 г., а также И. Н. Кулатовой 1990 г. было установлено, что поселение существовало непрерывно с IX по 1-ю пол. XI в. Плотная современная застройка не позволяет проследить остатков каких-либо укреплений. На большую вероятность их существования указывает лишь сама форма мыса (площадь свыше 3 га), на котором находился древнейший центр поселения. В целом же площадь города в X в. составляла более 20 га [Супруненко А. Б. 1988].

При том, что окрестности г. Полтавы изучены археологически весьма полно, памятников IX—X вв. в настоящее время не выявлено. Очевидно, в этот период не существовало мощной сельскохозяйственной округи, за счет которой могло развиваться столь крупное поселение. Возможно, это было обусловлено непосредственной близостью степи. В качестве связующего звена между степью и Северной землей, вероятно, и существовало крупное поселение вблизи устья р. Коломак.

В 20 км ниже Полтавы по р. Ворскла, недалеко от устья еще одной степной р. Тагамлык, близ современного с. Решетняки, в IX—X вв. находились два небольших городища. Как и Полтава, они оторваны территориально от основной массы роменских памятников и могут рассматриваться как пограничные крепости.

Раннегородские центры, подобные Новгороду-Северскому и Полтаве, обеспечивали экономическую связь Северной земли с сопредельными государствами. Они могли существовать только при условии относительного экономического единства территории, и в свою очередь способствовали этому единству.

Наличие единой территории, этнического самосознания, прочных экономических связей, позволяет предполагать и политическое единство Северной земли. Косвенно на такое единство указывают некоторые факты внешней деятельности северян. Так, вероятно, местная администрация занималась сбором налогов для Хазарского кагана

после исчезновения «волынцевского» пласта древностей. От имени всех северян собиралась и выплачивалась «дань легка» Киеву. В качестве целенаправленной деятельности в интересах всей Северской земли можно рассматривать и появление некоторых поселений, известных по данным археологии.

Как уже отмечалось ранее, после захвата Олегом районов Нижнего Подесенья образуется новая граница между Русью и Севером [Григорьев А. В. 1993. С. 98, 99]. При этом, в районе слияния стратегически важных для северян рек — Десны и Сейма — складывается интересная система поселений [Григорьев А. В. 1990 г. С. 18, 19]. Судя по картам последних ста лет, русла указанных рек неоднократно меняли свое положение. Если допустить, что в изучаемое время современные протоки и старицы были частями основного русла, то расположение всех памятников этой группы становится вполне понятным (рис. 57). Так, на протоке, соединявшей еще в XIX в. Десну и Сейм, находится крупное, площадью свыше 1,5 га, городище у с. Шебалинов. К сожалению, раскопки на этом памятнике носили разведочный характер. Материалы, полученные в ходе этих раскопок и сборов, позволяют говорить о том, что поселение существовало в X—1-й пол. XI в. [Виноградский Ю. С. 1928. С. 160, 161; Арх. ИА, р.—1: № 72. Л. 31, 32]. Вероятное перемещение основного русла к западу привело к возникновению второго крупного поселения при впадении р. Убедь в Десну, на месте позднейшего древнерусского г. Сосница [Коваленко В. П., Шекун О. В. 1990. С. 9—13. Рис. 1, 2]. У самого слияния Десны и Сейма располагалось небольшое поселение Буромка [Козловская В. Е. 1912. С. 135—143; Виноградский Ю. С. 1928. С. 152, 153]. Примерно в 6 км ниже по Десне находилось небольшое, 70 x 70 м, городище у с. Слободка. Положение этого укрепления относительно группы памятников в устье р. Сейм указывает на его роль форпоста со стороны Руси.

Расположение памятников указанной группы говорит о том, что все они были подчинены одной главной задаче — обеспечить контроль двух важных рек Северской земли. Важно отметить, что эти поселения находятся в зоне Сосницкого ополья, благоприятного для земледелия и плотно заселенного как в сер. 1-го тысячелетия н. э., так и в древнерусское время [Шекун О. В. 1990. С. 23—29]. Отсутствие в роменское время значительной сельской округи крупных поселений подчеркивает то, что их существование было связано прежде всего с функциями обороны и торговли и имело общесеверянское значение.

Другой район роменско-русского пограничья возник лишь во 2-й пол. X в., после освоения Русью нижнего течения Сулы [Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. 1966; Моргунов Ю. Ю. 1989.

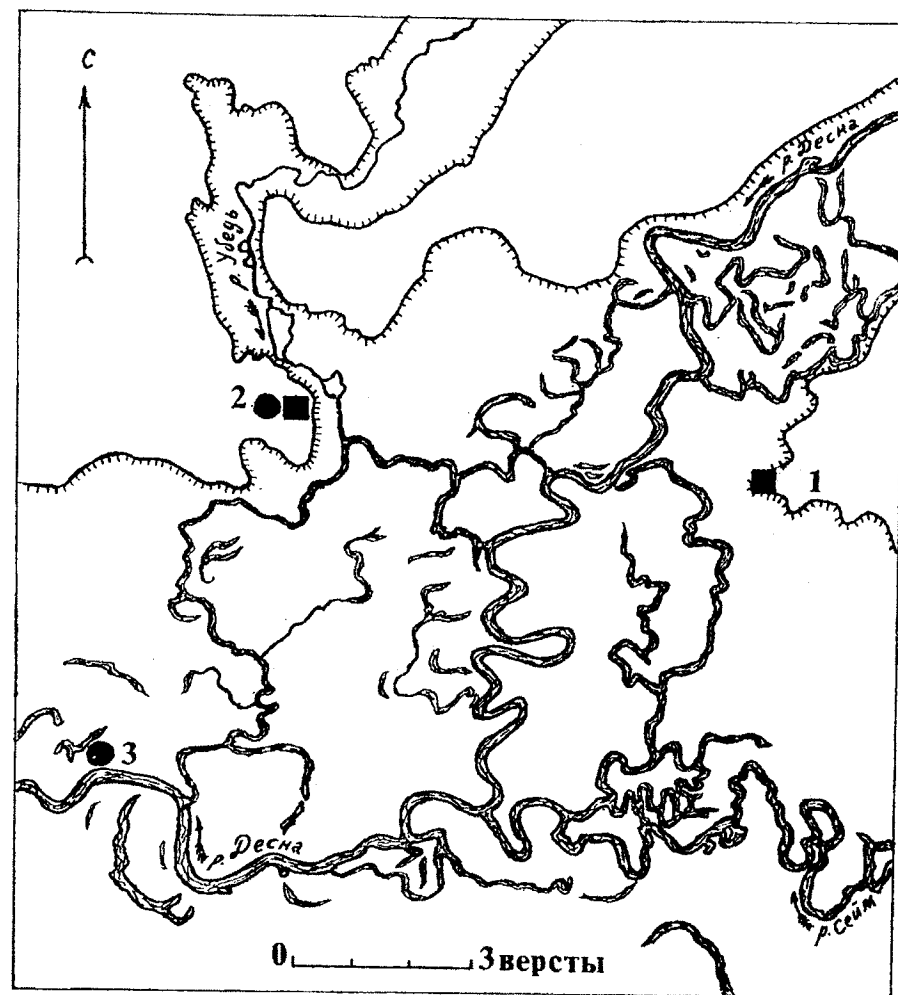

Рис. 57. Памятники X—1-й пол. XI в. в устье р. Сейм (по карте кон. XIX в.):
1 — Шебалинов; 2 — Сосница; 3 — Буромка

С. 66—69. Рис. 10]. Здесь граница была не столь четкая, как в Подесенье, но и она достаточно выражена (рис. 58). В качестве противовеса древнерусскому г. Воиню и целому ряду открытых поселений, заполнивших пространство от устья Сулы до устья Снепорода, производятся мероприятия по защите Верхнего Посулья. К сожалению, характер ближайшего к древнерусским роменского поселения в г. Лубны не совсем понятен [Сухобоков О. В. 1992. С. 148—151], но

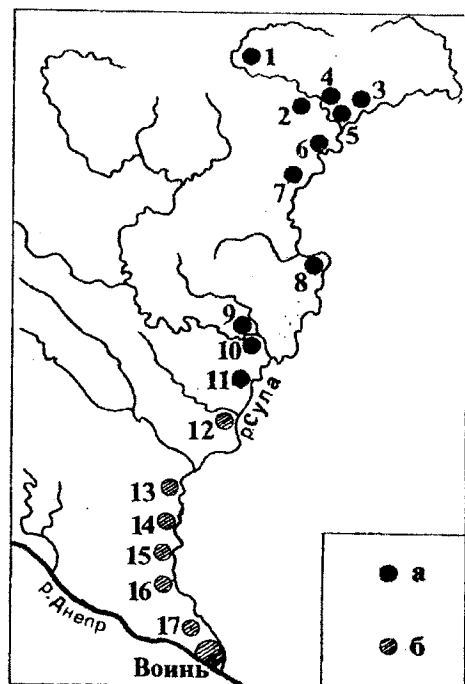

Рис. 58. Памятники Посулья кон. X — нач. XI в.:

а — поселения роменского типа; б — древнерусские поселения (по Ю. Ю. Моргунову)

1 — Красный Колядин; 2 — Медвежье; 3 — Басовка; 4 — Ромны, уроч. Монастырище; 5 — Ромны; 6 — Щумск (имение Вашкевича); 7 — Глинск; 8 — Гаевщина; 9 — Городище; 10 — Хитцы; 11 — Лубны; 12 — Мацковцы; 13 — Чутовка; 14 — Великая Буримка; 15 — Лящевка; 16 — Кизивер; 17 — Жовнин

темой территориального соподчинения поселений, это позволяет говорить о той или иной форме государственного устройства Северской земли. Было ли это княжение, подобное упоминаемым летописью для некоторых восточнославянских «племен», или же иная форма правления, в настоящее время решить вряд ли возможно. Однако управление столь обширной и сложной системой по племенному принципу, маловероятно.

Не противоречат высказанному предположению и немногочисленные письменные источники. Следует оговориться, что речь в них идет не о конкретных славянских объединениях, а о славянах в целом, часто в качестве противопоставления Руси. Русский летопис-

возведение во 2-й пол. X в. роменского городища у с. Хитцы, недалеко от устья р. Удай, весьма показательны [Григорьев А. В. 1989 а. С. 69—72. Рис. 11]. В этом районе, так же как в случаях, описанных ранее, нет многочисленных роменских поселений, которые могли бы вызвать к жизни крупный укрепленный центр. Скопление северянских памятников наблюдается значительно выше по р. Сула. Поэтому быстрое сооружение крупного, до 1,9 га, укрепления может объясняться, прежде всего, необходимостью соблюдения общесеверянских интересов в этом районе.

Несмотря на явную неполноту исследований в порубежных районах Северской земли, можно предполагать достаточно высокий уровень организации как обороны территории, так и обеспечения внешнеторговой деятельности. В совокупности с развитой, очевидно, унаследованной от каганата налоговой системой, важной ролью внутренней торговли, фиксируемым социальным расслоением и сис-

сец однозначно определяет восточнославянские «племена» как «княжения», указывая что «въ Деревляхъ свое, а Дръговичи свое...» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 8]. В более полном описании древлян в связи с событиями 944 г. наличие княжеской власти в этой земле подтверждается [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 43]. То же следует и из предания о полянах и возникновении Киева [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 7, 8]. Ничего не известно об устройстве «славиний» Константину Багрянородному, однако он ясно отличает эти образования от собственно Руси, как по территории, так и по политическому статусу.

Несколько полнее раннегосударственное устройство славян отражено в трудах арабских авторов IX—X вв. [Бейлис В. М. 1986. С. 140—157; Новосельцев А. П. 1965. С. 396]. Интересно отметить, что наиболее полные сведения, содержащиеся, в частности, у Ибн-Русте, вполне вероятно могут относиться к рассматриваемой нами территории. В пользу этого говорят как некоторые общие соображения, а именно, что славяне Днепровского Левобережья, входя в состав каганата, были доступнее других территорий для информаторов арабских авторов, так и отдельные детали повествования. В частности, говоря о погребальном обряде славян, Ибн-Русте подробно описывает обряд, известный нам по археологическим памятникам Северской земли [Гаркави А. Я. 1870. С. 264, 265; Григорьев А. В. 1990 ж. С. 84]. То, что информаторы арабских авторов группы Ибн-Русте — Гардизи начинали описание со стороны степей, также указывает на их лучшее знакомство именно со славянами Днепровского Левобережья [Новосельцев А. П. 1965. С. 392]. Высказанное предположение может объяснить явную схожесть в описании Ибн-Русте государственного устройства славян и хазар.

Несомненно, сообщения арабских авторов следует использовать с крайней осторожностью, однако остается очевидным, что в их восприятии славяне выступают не в качестве племенных объединений, наподобие буртасов, а как формирующиеся или уже сформировавшиеся государственные организации. Примечательно, что одним из результатов, полученных Е. А. Шинаковым при проведении контент-анализа восточных источников о славянах и русах, был вывод о том, что «„славяне“ предстают более развитой в социальном плане общностью, чем „русы“, хотя и уступают последним в военном отношении» [Шинаков Е. А. 1990 б. С. 208, 209].

Рассмотрение Северской земли как территориально-государственного образования вынуждает несколько по-иному взглянуть на весь процесс формирования Древнерусского государства. Не вызывает сомнения, что и другие летописные восточнославянские «племена» при близком уровне экономического развития, могли значительно разниться между собой в плане социально-политического

устройства. Так, вероятно, еще на догосударственном уровне находились родственные северянам вятичи. В пользу такого предположения может говорить еще не завершившийся в X в. процесс внутренней колонизации и как следствие — отсутствие четко очерченной территории объединения. Природные условия земли вятичей менее благоприятны для земледелия, но зато они способствовали большей роли охоты, что несомненно отражалось на характере экспортов. Вятичи, вероятно, не знали прямого управления со стороны каганата и потому не могли получить изначальных традиций государственности. В большей степени, чем хазарское владычество, на системе их внутреннего устройства могли отразиться процессы колонизации и финно-угорское окружение. И то и другое, несомненно, способствовало усилению сельской общины.

Более близким к Северу по уровню своего развития могло быть объединение уличей. Это, вероятно достаточно сильное, объединение не попало под власть Хазарского каганата в период расцвета последнего, и в течение полувека успешно оказывало сопротивление экспансии со стороны Руси.

Развитие древлян сильно отличалось от Севера. Это обусловлено не только отличием природных условий, но и автохтонностью славянского населения, и его независимостью от каких-либо иных государственных образований. Вероятно, древлян можно рассматривать как образец спокойного, постепенного развития восточнославянского племени на протяжении почти пяти веков. К сер. X в. здесь наблюдаются все элементы раннегосударственного устройства, и князь, и мужи лучшие, и «грады». Однако именно отсутствие колонизаторского движения и иноземного владычества, могло послужить большей устойчивости пережитков племенных отношений.

Как бы то ни было, но, укрепившись в земле полян, Русь изначально оказалась в окружении не аморфных союзов племен, а небольших славянских государств. Положение Руси на юге сильно отличалось от ситуации в более северных районах. В землях новгородских словен, кривичей и дреговичей в IX—X вв. шел активный процесс славянской колонизации балтских и финских земель. Интересы находников славян и пришлых воряжских дружин здесь полностью совпадали. Возможно, в ходе взаимодействия этих двух сил и сложилось полиэтничное объединение Русь.

На юге, где славянское население было либо автохтонным (древляне, воляняне), либо славянская колонизация завершилась за два столетия до прихода Руси (уличи, север), пришельцы с Севера встретили сопротивление. Враждебность Руси к южно-славянским государственным объединениям хорошо отразилась в тексте «Повести временных лет». Это не только описания многочисленных походов

и побед киевских князей, но и откровенно негативное описание обычаев древлян и славян Днепровского Левобережья. Подобных сведений о северных племенах летопись не содержит. Более того, именно оттуда «нарубались мужи лучшие» в новые города Владимира. В походе Игоря на Византию в 944 г., помимо варягов, Руси и полян, принимают участие лишь самые зависимые от Руси племена — словене и кривичи. Враждебность Руси и южнославянских объединений подтверждается и арабскими источниками [Шинаков Е. А. 1990 б. С. 208—211].

Социально-политическое устройство Руси во 2-й пол. IX в. значительно отличалось от раннегосударственных славянских объединений. Дружинный характер этого раннего государства не вызывает серьезных возражений. Первоначальная территория Руси непосредственно связана с транзитным путем «из грек в варяги» и в южной своей части ограничивается ближайшей округой Киева (землей полян) и междуречьем Днепра и Нижней Десны. Именно здесь в нач. X в. наиболее полно представлены материалы древнерусского типа, здесь же концентрируются и ранние дружинные погребения.

Столь ограниченная территория на юге и невысокая продуктивность северных земель позволяют предполагать, что на раннем этапе существования Руси земледелие не являлось экономической основой благосостояния государства. Вероятно, Русь этого времени существовала, прежде всего, за счет транзитной торговли и военных набегов и по сути своей являлась государством непродовольственным. Как точно охарактеризовал его Ибн-Русте: «Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... и нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен» [Новосельцев А. П. 1965. С. 397]. Очевидно, при такой системе это объединение долго просуществовать не могло. Требовалась стабилизация поступления внешних доходов.

Первые попытки превратить дань, полученную в ходе военных походов, в постоянный «урок» были предприняты уже Олегом. Ему удалось обложить ежегодной данью древлян, радимичей и северян, а также получить откуп от Византии. Однако на этом этапе вряд ли можно говорить об объединении каких-либо славянских земель вокруг Киева. Выплата ежегодной дани в это время являлась широко распространенной формой межгосударственных отношений. Получение дани, даже с ближайших славянских объединений, приходилось постоянно подтверждать либо демонстрацией силы («полюдье»), либо активными военными действиями (поход Игоря на древлян в 914 г.).

Разница в социально-политическом устройстве Руси и окружающих славянских раннегосударственных объединений была, вероятно,

столь велика, что препятствовала постепенному вращанию подданных территорий в единое государство. Для реального включения в состав Руси того или иного объединения требовалось не только сменить правящую верхушку последнего, но и ликвидировать практически всю социально активную имущую прослойку. Последнее было равнозначно полному изменению сложившихся общественных отношений. Эти различия отразились, прежде всего, в борьбе Руси с уличами, которые прельщали Киев не только как потенциальный данник, но и представляли в определенной степени опасность для Руси. Крупное и, вероятно, сильное объединение контролировало участок нижнего, относительно Киева, течения Днепра — жизненно важной артерии русской торговли. Войны Олега против уличей, похоже, не дали результата. В ходе действий, предпринятых Свенельдом, уличи были полностью разгромлены, но не подчинены, а «приидоша межи Бѣгъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо» [Новг. I лет., С. 109].

Первым из южнославянских объединений, действительно вошедшим в состав Руси, стало объединение древлян. Из полуполюгендарного летописного сообщения фактом можно считать лишь то, что в результате продолжительной и кровопролитной войны, в ходе которой погиб киевский князь Игорь, после массового истребления «лучших мужей» и разгрома всей древлянской земли Ольге удалось установить единую с Русью систему управления. Говорить о вхождении в состав Руси в это время других южных объединений не приходится. Установка Ольгой «погостов» довольно четко очерчивает границы владений Киева [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 48, 49].

Никаких данных о вхождении Северной земли в состав Древнерусского государства в сер. X в. ни в письменных, ни в археологических источниках не содержится. «Повесть временных лет» вообще не содержит каких-либо сведений об этой обширной территории на протяжении более ста лет, вплоть до 1024 г. Такое длительное молчание киевского летописца, равно как и его враждебное отношение, выразившееся в описании традиций северян, само по себе весьма красноречиво. Константин Багрянородный включает северян в число племен, охваченных русским «полюдьем» [Константин Багрянородный. 1989. С. 51], что, однако, не означает единой с Русью государственности. Употребленный автором термин *πακτησταί* говорит лишь о даннических или даже договорных отношениях между Русью и «Славиниями». Вероятно, северяне «мира для» продолжали выплачивать Руси установленную еще Олегом «дань легку», но при этом сохраняли практически полную политическую самостоятельность. Археологический материал Руси и Севера этого времени резко различен и указывает на существование четкой границы между двумя государственными образованиями.

Примерно в то же время, что и Константин Багрянородный, хазарский каган Иосиф относил «с-в-р» к своим владениям [Коковцев П. К. 1932. С. 98]. Неизвестно, продолжали ли северяне в сер. X в. выплачивать дань хазарам. Возможно, приведенное упоминание отражает лишь стойкую традицию, однако ясно, что связи севера и каганата были весьма прочны. Сохраняется поступление в Северскую землю монетного серебра, что указывает на активность восточной торговли. В это же время происходит активное проникновение славян, прежде всего вятичей и, возможно, северян, в глубь Хазарского каганата. Славяне составляли значительную часть населения Саркела [Плетнева С. А. 1959. С. 268]. Роменское поселение известно в низовьях Дона, у хут. Ближняя Мельница [Ляпушкин И. И. 1958 а. С. 242. Рис. 1; 1958 б. С. 337—347]. Роменская керамика в небольшом количестве встречена в хазарском слое Тмутаракани [Плетнева С. А. 1963. С. 16—20. Рис. 9, 15, 16]. Подобного проникновения славян Днепровского Левобережья на территорию Руси в то время не наблюдается. Вероятно, восприятие Севера как составной части каганата было необычайно живуче.

Политика Руси в отношении славян Днепровского Левобережья в сер.—2-й пол. X в. шла по пути расширения территорий, охваченных сбором дани, и одновременно усиления зависимости Северной земли от Киева. Последнему способствовала переориентация северянской торговли со слабого Хазарского каганата в сторону Руси. В это же время Русь активно осваивает пустующие территории в непосредственной близости от северских земель. Этот процесс нашел свое отражение в археологическом материале.

Как уже отмечалось ранее, поход Олега в 884 г. привел к захвату западных районов Северной земли. Дальнейшее продвижение Руси вверх по р. Десна останавливается и здесь, в междуречье р. Снов и р. Мена, складывается довольно устойчивая граница. Расположение памятников древнерусского, дружинного облика говорит о том, что на протяжении X в. со стороны Чернигова идет освоение пути вверх по Снови, к г. Стародуб и далее в верховья р. Десна к г. Трубчевск [Шинаков Е. А. 1986. С. 176, 177; 1990 а. С. 146—149].

Организация пути по Снови имела стратегическое значение. Во-первых, он отсекал земли радимичей от основной территории роменской культуры. Небольшое объединение радимичей оказывало отчаянное сопротивление Руси вплоть до кон. X в. [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 71]. Во-вторых, Русь получила выход в земли вятичей, в бассейн Верхней и Средней Оки, минуя Северскую землю, прежде всего по р. Нерусса, впадающей в Десну недалеко от г. Трубчевск, а в своем верхнем течении почти соприкасающейся с верховьями р. Кром, правого притока Оки. Вероятно, путь, соединяющий Десну

и Оку по рекам Нерусса и Кром, а, возможно, Навля и Цон, был хорошо освоен еще в роменское время и мог служить одним из путей освоения Поочья славянами. В пользу этого говорят роменские памятники, известные на всем протяжении этих речных систем [Никольская Т. Н. 1981. Рис. 2; АКР: Брянская область; АКР: Орловская область]. Вероятно, именно по этому пути шел Святослав Игоревич на вятичей в 964 г. (рис. 59).

Последовательность, в которой «Повесть временных лет» описывает события 964—966 гг., позволяет говорить о том, что Русь шла на хазар через земли вятичей. Однако в этих сообщениях имеется одно явное несоответствие. Так, летопись указывает, что Святослав «иде на Оку рьку. и на Волгу. и нальзе Вятичи» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 53]. Известно, что в низовьях Оки, а тем более на Волге вятичи никогда не жили. «По Оцъ рькъ кде втечетъ, въ Волгу, языкъ свои Муромъ» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 8]. Вероятно поэтому, большинство историков полагало, что из земли вятичей Святослав спустился по Оке до Волги, и далее по Волге пошел либо на Итиль, либо на Саркел, расположенный на Дону [Сахаров А. Н. 1982. С. 97, 98]. Единственным основанием таких гипотез может служить ошибочное упоминание летописцем р. Волга при локализации им вятичей. Ни о каких действиях Руси в Поволжье летопись не упоминает. Разгром крупнейших хазарских городов в низовьях Волги и Прикаспии был произведен на три года позже похода Святослава [Калинина Т. М. 1976. С. 90, 101]. Вероятно, ослабленная Святославом Хазария в 968—969 гг. была окончательно разорена каким-то отрядом русов. Возможно, это были упомянутые анонимным автором книги «Худуд ал-Алам» во 2-й пол. X в. «некоторые из русов», жившие в Поволжье недалеко от «внутренних болгар», и вряд ли зависевшие от Киева [Новосельцев А. П. 1965. С. 389]. Последнее обстоятельство, скорее всего, и объясняет полное молчание русской летописи о столь выдающейся победе.

Важнейшим результатом похода Святослава 965 г. летопись однозначно называет взятие Саркела — Белой Вежи. Движение русской дружины из «вятич» на Саркел по Оке и Волге возможно, но маловероятно. Этот путь нерационален по причине своей вдвое большей протяженности и неизбежно вызывает дополнительные осложнения при пересечении территории волжских болгар. Логичнее предположить, что из земли вятичей, Святослав сразу вышел в верховья Дона. Его путь мог пролегать через верховья р. Упы и Красивая Меча (рис. 58). Судя по расположению памятников, этот путь был хорошо освоен в IX—X вв. В верховьях Упы при впадении р. Уперта расположено поселение у д. Уткино, исследованное М. Е. Смирновой в 1989 г. Хорошо известны роменские памятники и по р. Краси-

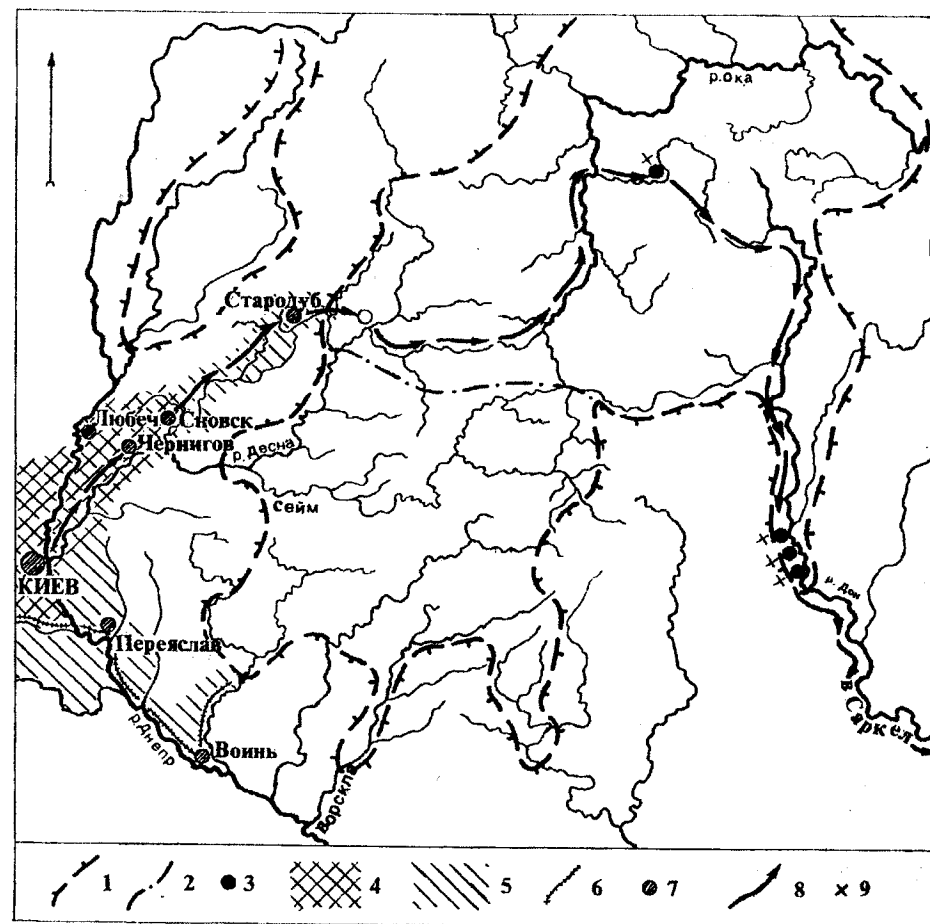

Рис. 59. Русская колонизация Днепровского Левобережья в кон. X—нач. XI в.:

1—граница распространения памятников роменского типа в X в.; 2—предполагаемая северная граница Северской земли; 3—поселения роменского типа; 4—территории Руси в кон. IX—нач. X в.; 5—территории Руси к рубежу X—XI вв.; 6—«Змиевы валы» (по М. П. Кучера); 7—древнерусские города; 8—вероятный маршрут похода Святослава Игоревича 964—965 гг.; 9—поселения, погибшие в пожаре ок. сер. X в.

вая Меча [Москаленко А. Н. 1981. Рис. 1; Разуваев Ю. Д. 1987. С. 121—128]. Вероятно, благодаря существованию этого пути, столь бурно развивалось по-своему уникальное поселение у с. Супруты на р. Упы [Никольская Т. Н. 1981. С. 25].

В пользу того, что Святослав спускался к Саркелу по р. Дон, говорят и материалы расположенных по этому пути поселений.

С деятельностью князя можно связать уничтожение городища Супруты, гибель славянских памятников на Дону, разгром Саркела.

Определение верхней границы существования Супрутского городища в настоящее время условно [Исюмова С. А. 1971. С. 76]. Уточнить ее можно будет лишь после полной публикации материалов этого уникального памятника. Что же касается мнения ряда исследователей о функционировании поселений Среднего и Верхнего Дона вплоть до кон. X—нач. XI в., то оно представляется весьма спорным. Так, определяя верхнюю границу существования боршевских памятников, А. Н. Москаленко отмечала, что все известные в регионе монеты относятся ко времени до сер. X в. [Москаленко А. Н. 1981. С. 103—105]. Не противоречит этой дате и другие находки с указанных памятников [Москаленко А. Н. 1981. С. 105, 106]. Единственным основанием для более поздней датировки послужило предположение о том, что существует некое «известное „запаздывание“ монет в Восточной Европе» [Москаленко А. Н. 1981. С. 105]. Учитывая относительно большое количество монет, найденных в Подонье, а также тот факт, что два клада, найденные в слоях пожара на Титчихинском и Большом Боршевском городищах, были зарыты не позже сер. X в. [Янина С. А. 1965; Москаленко А. Н. 1981. С. 103], предположение о «запаздывании» вряд ли может быть принято.

Дополнительные аргументы в пользу существования указанной группы памятников во 2-й пол. X—нач. XI в. отсутствуют и в работах А. З. Винникова [Винников А. З. 1991. С. 31]. Возможно, некоторые поселения, расположенные по р. Воронеж, несколько в стороне от Донского пути, сохранились после сер. X в. В частности, к таким поселениям можно отнести Животинное городище [Винников А. З. 1975. С. 53; 1978 а. С. 51; 1986. С. 45; 1988 а. С. 54]. Однако и его датировка, основанная, прежде всего, на наличии «ранней круговой» керамики, еще до конца не определена [Винников А. З. 1987. С. 63, 64; 1988 б. С. 28, 29]*.

Одновременность исчезновения славянского и салтовского населения Дона подтверждается как присутствием значительного салтовского элемента на славянских памятниках, так и материалами Левобережного Цимлянского городища, идентифицируемого с Саркелом [Артамонов М. И. 1958. С. 7—11].

* Судя по последней, более полной публикации материалов Животинного городища, этот памятник действительно прекратил свое существование значительно позже, в кон. X—1-й пол. XI в., о чем говорят находки древнерусской керамики, золото- и серебростеклянных бус, фрагменты стеклянной чаши 1-й пол. XI в. А. З. Винников также высказывает мнение о том, что поселения по р. Воронеж прекратили свое существование позже аналогичных памятников среднего течения р. Дон [Винников А. З. 1992. С. 124—126].

В работе, посвященной керамическому материалу этого памятника, С. А. Плетнева указывала на значительность доли роменской посуды в комплексе городища, однако рост ее процентного содержания связывала с периодом после 965 г. [Плетнева С. А. 1959. С. 271, 272]. В то же время анализ, содержащийся в самой работе, однозначно говорит о том, что роменская керамика присутствует и в нижнем, первом пласте культурного слоя, где она составляет до 12 % всех материалов слоя [Плетнева С. А. 1959. С. 262], и в пласте II, датированном 2-й пол. IX—сер. X в. [Плетнева С. А. 1959. С. 268]. В основном со вторым пластом связаны ямы, содержавшие как салтовскую, так и роменскую керамику [Плетнева С. А. 1959. С. 261 Рис. 45]. К тому же периоду относятся и жилища с аналогичным керамическим набором [Белецкий В. Д. 1959. С. 88]. Как следует из данных, приведенных С. А. Плетневой на рис. 45, резкое падение содержания роменской керамики, так же, как и салтовской, наблюдается в пласте III после разгрома Саркела князем Святославом.

Вероятно, активное проникновение славян в Саркел происходило на позднем этапе существования хазарского города, во 2-й пол. IX—1-й пол. X в. [Плетнева С. А. 1963. С. 68]. При взятии крепости в 965 г. в равной степени пострадало как салтовское, так и славянское население этого полиэтнического города. Появление в пласте II отдельных фрагментов древнерусской керамики лишь подчеркивает, что роменское население Саркела по своему облику мало отличалось от населения чисто славянских поселений. Так, древнерусская керамика Саркела [см.: Плетнева С. А. 1959. Рис. 14, 13 и 48] может быть датирована 2-й пол. X в., в то время как сосуда древнерусской Белой Вежи по формам ближе материалам XII в. [Плетнева С. А. 1959. Рис. 14, 1—12, 14].

В результате походов Святослава автономии Северной земли был нанесен непоправимый ущерб. Северяне не только лишились военной и политической поддержки уже слабеющего каганата, но и в значительной мере утратили выход на восточный рынок. Значительная часть каганата—земля вятичей, Подонье и, возможно, Тмутаракань—оказались в положении данников Руси, а Итиль и центральная часть Хазарии были полностью разорены русским войском в 968—969 гг. [Калинина Т. М. 1976. С. 90—101]. Политическая зависимость Севера в такой ситуации несомненно увеличилась. Однако это не сказалось на внутреннем устройстве Северной земли. Вплоть до 1-й пол. XI в. никаких заметных изменений в облике роменских памятников не происходит.

Несмотря на очевидные военные успехи Святослава, за время его княжения территория собственно Древнерусского государства не

увеличилась. Возросло лишь количество объединений, выплачивающих дань Киеву и, возможно, степень зависимости этих объединений от Руси. Территориальные владения Руси определяются по распределению владений между сыновьями Святослава. Это исконная территория Руси с центром в Киеве (Ярополк), недавно присоединенная деревская земля (Олег) и Новгород с подчиненными ему землями (Владимир) [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 57]. Очерченные границы государства полностью совпадают с территорией Руси времен княгини Ольги.

К концу княжения Святослава Северская земля утратила преимущества своего положения между Киевом и каганатом и полностью вошла в политическую орбиту Руси. Окончательное включение Севера в состав Древнерусского государства было уже лишь вопросом времени.

Владимиру Святославичу, вскоре после захвата им киевского стола, вновь пришлось подтверждать право Руси на получение ежегодных уроков с территорий Днепровского Левобережья. Об этом говорят походы на вятичей в 981-м и 982 гг. и на радимичей в 984 г. [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 71]. Источники однозначно указывают на то, что результатом этих походов было лишь восстановление даннических отношений — «и платять дань Руси, и повозъ везуть и до сего дне». Никаких известий об изменении в то время государственного устройства этих земель не имеется.

Однако политика Владимира была направлена не только на расширение и упрочение зон, охваченных данью, но все же самостоятельных земель, но и на полное включение территорий в состав единого Древнерусского государства. Результатом такой политики явилось возникновение новых княжеских столов, непосредственно подчиненных Киеву. Продолжая линию Святослава, Владимир раздает княжества своим сыновьям, пытаясь таким образом упрочить единство государства. Территория, охваченная этим процессом, уже значительно превышает границы Киевской Руси периода княжения Святослава. Традиционно столы остаются в Новгороде, статус которого значительно возрастает, и в земле древлян, роль которой, напротив, снижается. Своих князей получают также давно освоенные Русью, но ранее практически независимые от Киева — Полоцк, Туров, Ростов и Муром. Из вновь подчиненных южных славянских земель княжеский стол устанавливается у волынян, в г. Владимир.

На общем фоне объединительной деятельности Владимира Святославича весьма показательным представляется тот факт, что в областях Днепровского Левобережья органов непосредственного государственного управления установлено не было. Здесь сохранялась традиционная система выплаты фиксированной дани от территорий.

Вероятно для того, чтобы подтвердить право на эту дань, было образовано Тмутараканское княжество.

Время подчинения Тмутаракани Руси определяется исследователями по-разному. Вряд ли можно принять гипотезу о том, что город вошел в состав Руси во времена князя Игоря, ок. 944 г. [Насонов А. Н. 1940. С. 88 и далее]. Константин Багрянородный, говоря о крепости по имени *Ταμάταρχα*, не указывает на ее принадлежность [Константин Багрянородный. 1989. С. 175]. В то же время каган Иосиф относит Самкерц к хазарским владениям [Коковцев П. К. 1932. С. 102]. Из текста так называемого «Кембриджского документа», который П. К. Коковцев датировал XII—XIII вв. и считал изложением неизвестного византийского источника, следует, что во времена царствования Романа Лакапина (920—944 гг.) Русь совершила набег на Самкерц (в тексте источника Самбарай), но после разграбления покинула город и позже была побеждена Песахом [Коковцев П. К. 1932. С. XXVI—XXXVI; С. 118—120].

Более вероятным представляется предположение о том, что Тмутаракань была захвачена Святославом Игоревичем в 965 г., во время его похода на ясов и кософов [Плетнева С. А. 1963. С. 68]. Однако, кроме общей политической направленности в действиях князя, никаких источников, подтверждающих эту версию, не имеется. Крайне немногочисленная древнерусская керамика из раскопок Таманского городища относится ко времени не ранее кон. X в., а в основном к XI в. [Плетнева С. А. 1963. С. 24. Рис. 13, 14]. Поэтому, не исключая самой возможности захвата Тмутаракани Святославом, вряд ли можно говорить о ее подчинении в то время Киеву.

В дошедшей до нас в поздних списках «Памяти и похвале» Иакова Мниха, помимо походов на радимичей, вятичей, ятвягов и болгар, указывается, что Владимир Святославович «и на Козары шедь, побѣди я и дань на нихъ положи» [Срезневский В. И. 1893. С. 28]. После разгрома каганата хазары в русской летописи вплоть до кон. XI в. ассоциируются исключительно с жителями Тмутаракани [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 134, 196]. Поэтому, если сообщение источника достоверно, можно предположить, что поход Владимира был направлен в хазарские районы Тамани и, возможно, Восточного Крыма.

Посадив в одном из крупнейших хазарских городов — Самкерце — своего сына, Владимир тем самым подтвердил право Киева на получение дани со славянских территорий бывшего каганата. Не исключено, что Мстиславу Владимировичу, как князю Тмутараканскому, отводилась роль владельца землями Хазарского каганата.

В начале своего княжения Мстислав точно исполняет возложенные на него Киевом обязанности. Об этом, в частности, говорит его

поход на косогов. Однако после смерти Владимира и междоусобной войны в Руси он, опираясь на хазар и косогов, предпринимает попытку занять киевский стол. «И не прияша его Кыянь, онъ же съде на столъ Черниговъ» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 135]. Очевидно, проблем с занятием черниговского стола у князя не возникло. Помимо хазар и косогов, естественными союзниками Мстислава в его борьбе с Ярославом было население бывшей северянской черниговщины и сами северяне, что зафиксировано в летописной записи о Лиственской битве. После раздела Русской земли по Днепру, под властью Мстислава оказались левобережные славянские объединения, Саркел (Белая Вежа) и Самкерц (Тмутаракань)—то есть большая часть территории Хазарского каганата. В это время происходит практическая реставрация каганата под властью Чернигова, что дало возможность активно противостоять Руси в лице Ярослава Владимировича.

Прямых указаний на то, когда и каким образом Северская земля была включена в состав Русского государства, в письменных источниках не содержится. В то же время весьма красноречивая картина складывается на основе археологических данных. В кон. X—1-й пол. XI в. на территории Днепровского Левобережья происходит практически полная смена материальной культуры. Подавляющее большинство изученных раскопками поселений позднего этапа роменской культуры гибнет в результате пожаров. На основной части этих памятников слои сер.—2-й пол. XI в. не фиксируются, но и там, где на месте роменских поселений возникают древнерусские, преемственности между ними нет.

Примером сказанному могут служить материалы раскопок детинца Новгорода-Северского. Роменский слой X—1-й пол. XI в. перекрывается здесь мощной, до 0,15—0,20 м, прослойкой угля и золы. Непосредственно на этой прослойке залегают слои последующего, уже древнерусского поселения. Материальная культура памятника ниже слоя пожара и непосредственно над ним—резко различны. Так, вскоре после пожара была изменена система укреплений городища. Если в роменское время единственной защитой останца служили его высокие (до 40 м) и крутые склоны, возможно дополнительно эскарпированные, то в древнерусское возводятся дерево-земляные стены по всему периметру площадки. Жилища допожарного периода представлены обычными для позднероменских памятников постройками с углубленной нижней частью и глиняной печью в одном из углов. Две наиболее ранние постройки послепожарного времени также были углублены в землю, но отапливались печами-каменками, стоявшими в одном случае в углу, а в другом—по центру стены. Ни в роменское время, ни в XII в. такой тип печи

в исследуемом регионе не известен. Принципиально меняется и керамический комплекс памятника. Сразу после пожара в нем полностью исчезают лепные роменские сосуды. Определенный разрыв наблюдается и в типах венчиков древнерусских круговых горшков. При том, что керамика из послепожарного слоя, по формам венчиков сосудов, продолжает линию развития древнерусской традиции X—1-й пол. XI в., в материалах памятника не наблюдается постепенного перехода от ранних типов к поздним. В роменских слоях встречаются исключительно ранние типы венчиков—II, III, IV, и V, а в древнерусских—абсолютно преобладают поздние—VI, VII, IX (приложение I). Возможно, это объясняется полной сменой населения и наличием очень короткого, но все же перерыва в жизни города после пожара.

Как следует из обзора материалов, проведенного в главе II, нарушение традиций ощущается в большинстве составляющих материальной культуры. Несмотря на относительную малочисленность памятников сер.—2-й пол. XI в., можно отметить, что изменяется характер поселений, преимущественно неукрепленных в это время. Прерывается традиция в развитии жилых построек, полностью меняется погребальный обряд, происходит смена керамического комплекса и набора украшений. Значительные изменения прослеживаются даже в характеристике домашних животных [Цалкин В. И. 1969. С. 101] и сортах злаков [Пашкевич Г. А. 1990. С. 182—184].

Масштабность разорения Северской земли и последовавшая смена материальной культуры позволяют говорить не о последствиях, пусть даже очень значительного, набега иноплемеников, а о результате планомерных действий, направленных на ликвидацию объединения. Точные временные рамки этих событий установить исключительно на основе археологических материалов весьма сложно. В целом, находки с поздних памятников, датируют их кон. X—1-й пол. XI в. Некоторые из предметов, в частности, древнерусские украшения с поселения у с. Горбово, фрагменты поливной керамики с того же памятника, золотостеклянные бусы из погребений в Липино и кургана 10 у с. Каменное, серебряник Владимира из погребения 70 у с. Липино, указывают на 1-ю пол. XI в. как наиболее вероятное время гибели роменской культуры. Ранние древнерусские памятники на северянской территории, такие, как Гочево и Горналь, также возникают в пределах 1-й пол.—сер. XI в. Вероятно, в этих временных границах и следует искать более точную дату гибели роменской культуры.

В предыдущих работах окончательное присоединение Северской земли мною связывалось с поздним, христианским периодом деятельности Владимира Святославича [Григорьев А. В. 1988 б. С. 74]. Такое предположение основывалось на ряде косвенных данных, по-

мимо общей объединительной активности князя. Во-первых, древнерусская керамика, встречаемая в поздних слоях роменских поселений, идентична керамике древнерусских памятников времен Владимира. Во-вторых, летопись содержит упоминание о строительстве Владимиром Святославичем крепостей по рекам Десне, Трубежу и Суле, т. е. по левым притокам Днепра. И, наконец, в 1024 г. северяне выступали уже как составная часть войска Мстислава.

Возможно, приведенная гипотеза имеет право на существование, однако при ближайшем рассмотрении источников более правдоподобным представляется иное развитие событий. Так, время бытования венчиков сосудов типов II, III, IV, V, и особенно подтипа «а» этих типов, не ограничивается периодом княжения Владимира. На древнерусских памятниках сосуды с подобными венчиками (рис. 60) датируются временем вплоть до сер. XI в. [Кучера М. П. 1986. С. 448, 449. Рис. 106]. Кроме того, следует особо отметить, что все древнерусские сосуды указанных выше типов на территории Северной земли происходят исключительно из роменских комплексов. Они бытовали на северянских памятниках в период, предшествующий всеобщему разорению. На ранних древнерусских памятниках исследуемой территории представлен иной керамический комплекс, более характерный для XI—XII вв., следовательно на протяжении всего периода производства керамики с венчиками ранних типов роменские памятники продолжали свое существование. Время их гибели приблизительно совпало с временем значительного изменения в облике древнерусской керамики и, вероятнее всего, относится к периоду после смерти Владимира.

Летописное свидетельство о том, что Владимир «нача ставити городы по Деснь и по Оустрыи. по Трубешеву и по Суль. и по Стугнь» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 106], похоже, не имеет отношения к Северной земле. Задачей Владимира было укрепить никем не заселенное пространство по левому берегу Днепра от печенежских набегов. Упоминание рек Остра и Трубежа позволяет полагать, что и на Десне, и на Суле укреплялись лишь нижние участки их течения, никогда не осваивавшиеся северянами. Следы строительства по Суле сохранились в виде города Воиня и целого ряда неукрепленных поселений [Моргунов Ю. Ю. 1989. С. 66—69. Рис. 10]. Тот факт, что синхронно с этими поселениями существуют роменские памятники в среднем и верхнем течении Сулы, еще раз подтверждает предположение об относительно поздней их гибели.

И, наконец, последнее упоминание северян в 1024 г., с одной стороны, указывает на их зависимость от Мстислава, но в то же время вычленение и даже противопоставление северян и дружины князя говорит о том, что и на этом этапе они все еще являлись

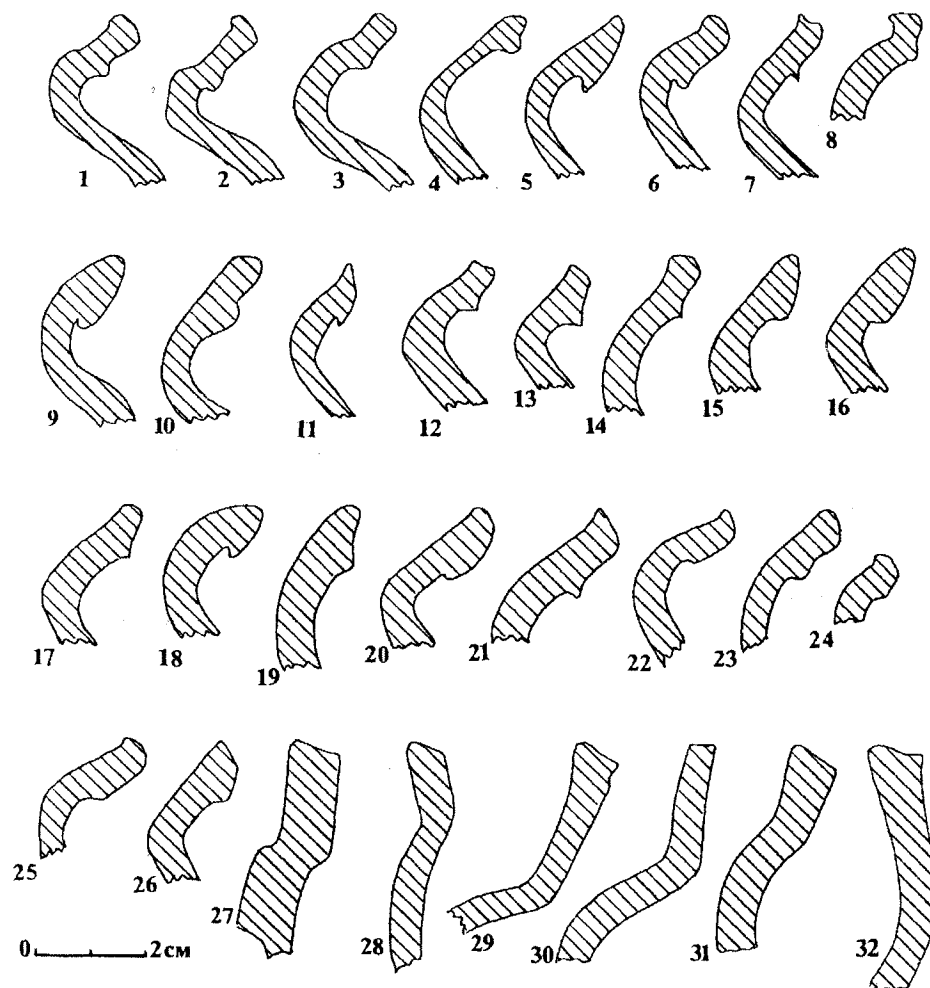

Рис. 60. Некоторые формы венчиков древнерусских сосудов из позднероменских комплексов:

1—4 — Горбово, жил. 1; 5 — Горбово, яма 35; 6 — Горбово, яма 34; 7, 28, 31 — Горбово, яма 14; 8—11 — Новгород-Северский, «Замок», раскоп V, жил. 1; 12—14 — Новгород-Северский, «Замок», раскоп VI, жил. 2; 15—16 — Новгород-Северский, «Замок», раскоп X, жил. 1; 17, 18 — Новгород-Северский, «Замок», раскоп IV а, жил. 1; 19 — Псаревка (Свердловка), городище I, жил. 1; 20 — Ромны, раскоп I, яма 4; 21 — Полтава, Соборная пл., шурф 3, яма 6; 22—25 — Полтава, Соборная пл., шурф 3, яма 5; 26 — Тазово, постр. 1; 27 — Горбово, яма 42; 29 — Горбово, жил. 3; 30 — Горбово, яма 8; 32 — Горбово, вал

собой самостоятельную военную, а следовательно, и политическую, организацию. Вероятно, и новое, созданное на обломках каганата объединение состояло из автономных земель, связанных данническими обязательствами, только уже не с Итилем и Киевом, а с черниговским князем. Слова, вложенные летописцем в уста Мстислава, как нельзя лучше передают отношение русского князя к своим вассалам и союзникам: «кто сему не радъ, се лежить Съверяннѣ, а се Варягъ, а своя дружина цѣла» [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 136].

Все выше сказанное позволяет сузить предполагаемую дату гибели роменской культуры до 2-й четв. XI в. Историческая ситуация в этот период указывает на крайне малую вероятность того, что инициатором разгрома мог быть черниговский князь. Находясь под постоянной угрозой противодействия с Киевом, проводить столь масштабную операцию против своих подданных и союзников было по меньшей мере нелогично и небезопасно. Кроме того, для осуществления акции требовались значительные силы, вероятно, большие, чем дружина Мстислава. Не было у Чернигова и людских ресурсов для последующего заселения обширных земель.

Косвенные указания на то, что во времена Мстислава Владимировича роменская культура еще существовала, содержатся в материалах поселения у с. Горбово, в округе Новгорода-Северского. При обработке керамической коллекции этого памятника И. Г. Сарачев обратил внимание на присутствие в некоторых поздних роменских комплексах небольшого количества фрагментов венчиков типа VII (рис. 60, 1—3), (Приложение I). Сильно отличаясь по технологии изготовления от других венчиков древнерусских сосудов X—1-й пол. XI в., они находят аналогии в материалах памятников 1-й пол. XI в. западных районов Руси и Польши [Малевская М. В. 1974. С. 36, 37. Рис. 3, 2, 3, 5, 6; *Dzieduszycki W.* 1982. S. 179. Tabl. XIV, gr. XVI]. Также к западнославянскому, и прежде всего к польскому материалу XI в. наиболее близки сосуды с прямыми вертикальными венчиками. Несколько десятков фрагментов таких венчиков найдено в позднероменских комплексах Горбово (рис. 60, 27—32).

Если допустить западнославянское происхождение части круговой керамики, появившейся на поселении незадолго до его гибели, то ее проникновение в этот регион можно связать с последствиями совместного похода Ярослава и Мстислава «на ляхы», который летопись датирует 1031 г. Согласно «Повести временных лет», князья разделили захваченных в плен поляков. Ярослав посадил своих плененных в новые города по р. Рось [ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 137]. Интересно отметить, что в одном из таких городов, в Юрьеве, в раннем комплексе 1-й пол. XI в., была найдена керамика с венчика-

ми типа VII, аналогичная горбовской [Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. 1985. С. 38. Рис. 6, 19, 11, 12]. Летопись не указывает, где в пределах Днепровского Левобережья расселил свою часть военнопленных Мстислав. Однако если эти два явления — переселение поляков в пределы владений Мстислава и появление западнославянской керамики в поздних роменских комплексах Горбова — связаны, то очевидным становится, что указанное поселение погибло не ранее 1031 г. Учитывая время, необходимое для распространения керамического материала, поселок погиб через несколько лет после описанных событий.

Если Мстислав не имел ни возможности, ни острой необходимости изменить государственное устройство Северской земли, то для Ярослава это было насущной необходимостью. Его неудачная война с братом и последовавший раздел Руси со всей очевидностью показали, что и остатки разгромленного каганата представляют серьезную угрозу для единства государства. Вероятно, разорение Северской земли произошло вскоре после смерти Мстислава в 1034 или 1036 г. Летопись не сохранила описания этих событий, однако их последствия хорошо известны.

Продолжая политику Святослава и Владимира, Ярослав отдает только что присоединенные земли во владение сыновьям. Однако этим он не ограничивается. Незадолго до того основанный в качестве пограничной крепости небольшой городок Переяславль, возвышается до статуса столицы княжества. В состав нового территориального образования включается значительная часть земли северян и г. Саркел — Белая Вежа. Посадив на переяславский стол своего сына Всеволода, Ярослав тем самым поднял значение нового княжества. Тмутаракань становится отдельным княжеством, причем отнесенным к черниговскому княжескому дому. Создание трех новых княжений на территории бывшего каганата исключало возможность его объединения в дальнейшем. С этого момента Северская земля окончательно прекращает свое существование как единое территориально-политическое объединение. Вероятно, в то же время на эти земли распространяется понятие «Русская земля», поскольку своего названия они более не имели.

Процесс ликвидации северянского объединения, сопровождавшийся массовыми погромами, привел к значительному сокращению населения Северской земли. Известные древнерусские памятники XI в. по количеству и размерам не сопоставимы с памятниками предшествующего, позднероменского периода. Тот факт, что в результате этого разгрома меняется характер материальной культуры и даже отчасти типов хозяйствования, позволяет предполагать резкое сокращение местного населения и частичное восполнение его за

счет переселенцев из других регионов. Ситуация в Северной земле во 2-й четв. XI в. во многом схожа с аналогичными событиями 2-й четв. X в. в земле уличей. Попытка включения территории в состав Руси приводит к оттоку большей части местного населения.

Трудно представить, что все носители роменской культуры были уничтожены. Вероятно, незначительная его часть осталась на месте. Следы северянских, роменских традиций, прежде всего в типах украшений, прослеживаются в материалах целого ряда крупных полиэтнических могильников, таких, как известный могильник у с. Гочево [Шинаков Е. А. 1982. С. 90—97].

Основная масса северян скорее всего, покинула районы Днепро-Днепровского Левобережья. Поиск мест их последующего обитания является темой для отдельного исследования. Можно лишь отметить, что в XI в. наблюдается значительный рост славянского населения в областях, лежащих к северу и северо-востоку от Северной земли. В частности, в 1-й пол. XI в. начинается заселение славянами бассейна р. Москва. Ранние славянские поселения этого региона исследованы пока крайне неполно. Но уже сегодня можно говорить о том, что лепная керамика, в частности, с поселения Покров V на р. Десна, Свято-Данилова монастыря в г. Москва и некоторых других, относится в целом к роменской культуре. Значительный процент раннекруговой посуды сближает эти памятники с поселениями глубинных районов Северной земли — Верхним Посеймьем, верхним течением рек Псел и Ворскла. Появление среди финно-угорских гидронимов Подмоскovie таких названий рек, как Десна и Северянка, тоже вряд ли случайно.

Основную часть населения левобережья Днепра со 2-й четв. XI в., вероятно, составляли выходцы из различных регионов Древнерусского государства, о чем говорят материалы поселений (Новгород-Северский) и могильников (Горналь, Зеленый Гай, Гочево, Журавное и т. п.) этого времени. После разгрома северян начинается как бы вторая волна колонизации Северной земли, закончившаяся лишь в XII в. В процессе этой колонизации сложилась новая общность со своими особенностями в материальной культуре, такими, как погребения на горизонте, спиралевидные, так называемые «северянские», височные кольца и некоторые другие. Остатки северянского населения не оказали сколько-нибудь значительного влияния на облик этой, по сути, новой для Днепро-Днепровского Левобережья культуры.

Интересной, хотя и не бесспорной иллюстрацией процесса вторичного освоения Северной земли может служить житие преподобного Феодосия Печерского. Судя по тексту, сохранившемуся в составе Киево-Печерского Патерика, Феодосий родился в Василеве, одном из городов, поставленных Владимиром для защиты от пече-

негов по р. Стугне. Отец Феодосия, вероятно, относившийся к среднему сословию, был переселен князем из Василева в Курск [Успенский сборник... 1971. С. 74]. Подобное переселение было возможно либо при князе Владимире, до 1015 г., либо при Ярославе, после 1034(36)г. Возраст Феодосия, в нач. 50-х гг. XI в. называемого отроком, более соответствует второй дате. Так как житие не сохранило объяснения княжеской воли, можно предполагать, что семья Феодосия была одной из многих переселенных на бывшие северянские земли.

Интересно также отметить, что для киевлянина, автора жития, писавшего в т. ч. и со слов матери преподобного, Курск был почти легендарным городом. Ему не известно, кто правил в Курске, о чем свидетельствует формула «властелинь града того», не известны и названия ближайших к Курску городов, для коих он находит определения типа «инь градъ не далече» [Успенский сборник... 1971. С. 78]. Неосведомленность автора жития также может указывать на относительно недавнее освоение новых для Киева территорий.

Ликвидация обширного северянского объединения вряд ли носила характер единовременной акции. Современный уровень хронологии не позволяет проследить всех этапов этого процесса. Интересную информацию в этом отношении дают спиралевидные височные кольца. Появление этого, не имеющего прототипов в роменских материалах вида украшений, непосредственно связано с древнерусскими памятниками левобережья Днепра. Единичные находки таких колец в слое Горбовского поселения и в составе Полтавскогоклада говорят о том, что к моменту гибели указанных памятников уже функционировали опорные пункты Руси в Северной земле. Вероятно, именно из таких пунктов проводилось планомерное «огосударствление» территории. В литературе высказывалось также предположение об относительно поздней гибели роменских памятников Подесенья в сравнении с районами Посеймья [Шинаков Е. А. 1990 а. С. 149]. Однако окончательное решение этих вопросов, равно как и определение абсолютной верхней даты роменских памятников, будет возможно лишь после разработки более подробной хронологии материалов позднероменского периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенная работа, несомненно, не дает однозначных ответов на многочисленные вопросы, возникающие в ходе изучения роменской культуры. В то же время она позволяет сделать целый ряд интересных наблюдений. Так, бесспорной представляется возможность рассматривать археологические материалы в динамике. Даже поверхностный обзор показывает, что материальная культура северян претерпела значительные изменения в период с VIII по I-ю пол. XI в. Вероятно, в ходе дальнейших исследований многие датировки, а также характеристика отдельных элементов культуры, будут уточняться и изменяться. Однако тот факт, что работа по периодизации роменской культуры возможна уже на современном уровне знаний, представляется очевидным.

Рассмотрение материалов роменской культуры в динамике делает возможными, и даже неизбежными, попытки объяснения происходящих процессов. Объем информации по истории Северной земли, содержащийся в данных археологии, уже сейчас значительно превосходит все другие источники по указанной проблеме. Таким образом, на современном этапе археологический материал можно рассматривать не как иллюстрацию исторических построений, сделанных на основе иных, прежде всего письменных данных, а как ведущий, и притом чрезвычайно перспективный исторический источник. Подобный подход определяет два основных направления дальнейших исследований. Во-первых, это более тщательное и глубокое изучение собственно археологического материала с целью свести до минимума возможность различных толкований фактов. Во-вторых — пересмотр и проверка существующих исторических построений.

Изложенная в главе 3 попытка реконструкции истории Северной земли VIII—I-й пол. XI в. показывает, что с признанием археологического материала полноценным историческим источником появляется возможность несколько по-иному взглянуть не только на развитие изучаемой территории, но и на весь процесс становления Древнерусского государства. Приведенная в работе схема ни в коей мере не претендует на окончательность и истинность. Она лишь показывает, что проблема требует дальнейшего всестороннего изучения, в т. ч. и по тем вопросам, решение которых казалось общепринятым и очевидным.

Сарачев И. Г.

ТИПОЛОГИЯ ВЕНЧИКОВ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРШКОВ
ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Основой построения хронологических шкал древнерусской посуды чаще всего является изменение формы горшков как наиболее распространенной категории. При этом основное внимание уделяется форме венчика, т. к. большинство исследователей сошлись во мнении, что именно венчик наиболее изменяем во времени. При работе по созданию подобных шкал применялись разные методы изучения венчиков. Одни исследователи строили свои типологии на основе простого визуального сравнения очертаний [Толчко П. П. 1981. С. 298, 299; Кучера М. П. 1986. с. 446—455; Блажевич Н. В. 1992. С. 21—35; Плетнева С. А. 1992. С. 103—130. и др.], другие, следуя методике В. Ф. Генинга [Генинг В. Ф. 1973. С. 114—135], разрабатывали собственные подходы к формализованному описанию венчиков с применением математического анализа и построению типологических и хронологических шкал [Дьяченко А. Г. 1988; Петрашенко В. О. 1992; Гупало В. Д. 1993, и др.]. При всех своих достоинствах эти методы все же недостаточно объективны при выделении типов. Это объясняется тем, что такие типологии построены на субъективной визуальной оценке формы самого венчика или его изображения. При этом совершенно игнорируются причины образования той или иной формы, вследствие чего случайные признаки могут приниматься за типобразующие, а важные критерии формообразования не учитываются. Значит, не исключено, что венчики, весьма удаленные друг от друга во времени, но близкие по морфологическим признакам, могут оказаться в одном типе, а два венчика из разных точек одного сосуда из-за часто встречающейся асимметричности будут отнесены к разным типам и т. д.

В связи с этим становится очевидной необходимость поиска иного подхода к построению типологии венчиков древнерусских горшков. Между тем не вызывает сомнения то, что форма окончания венчика напрямую зависит от техники его формовки, а изменения его формы в первую очередь связаны с изменением техники его формовки. Таким образом, прежде чем рассматривать форму венчика, необходимо изучить причины и способы получения этой формы, т. е. технику его изготовления. Именно на основе сходства и различия технологических процессов формовки венчика представляется возможным достаточно объективное построение типологической шкалы. Ранее уже неоднократно отмечались возможности и принципы создания подобной типологии [Сарачев И. Г. 1990. С. 161—165; 1994 а. С. 135—138; 1994 б. С. 149]. Ниже приводятся результаты работы по созданию типологической и хронологической шкалы венчиков древнерусских круговых горш-

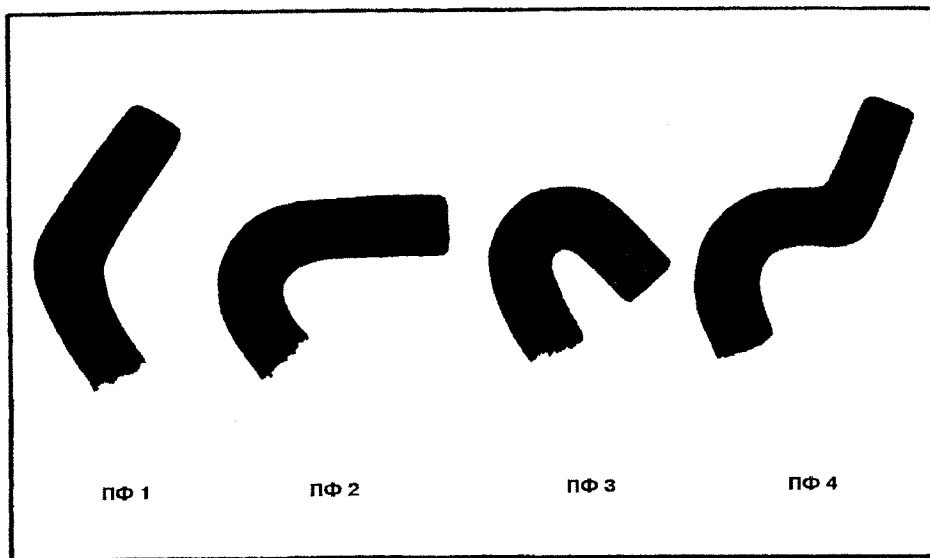

Рис. 61. Первоначальные формы венчиков (ПФ)

ков X—XIII вв. на основе изменений технологии их изготовления. Работа проводилась на материале памятников новгород-северского Подесенья, в частности, из раскопок г. Новгород-Северский, поселений у с. Горбово и Путивск, с использованием менее представительных коллекций с других памятников.

Характер технологических приемов формовки венчика определялся путем теоретического моделирования на основе трасологического анализа микро-структуры глины на поперечном срезе венчика, то есть путем изучения искусственных нарушений в микроструктуре глины, моделирования природы этих нарушений и их последовательности.

Исследования показали, что основным техническим приемом формовки венчика служило срезание, точнее стачивание на гончарном круге верхнего края сосуда и смещение образующихся при этом излишков глины в разные плоскости венчиков с образованием различных наплывов. Типообразующими факторами являются различия в направлении и характере среза, в количестве и характере образованных наплывов, в степени их дальнейшей обработки. Важную роль играют также первоначальные формы венчика к моменту его оформления.

Вначале рассмотрим варианты первоначальных форм венчика (далее ПФ) (рис. 61). При их выделении не учитываются различия в конфигурациях и углах наклонов шеек венчика, равно как и других элементов сосуда.

ПФ-1—венчик равномерно загнут наружу, образуя острые углы к вертикальной и горизонтальной плоскостям сосуда.

ПФ-2—венчик равномерно загнут наружу, параллельно или почти параллельно днищу сосуда.

ПФ-3—венчик равномерно сильно загнут наружу почти параллельно плечу сосуда.

ПФ-4—венчик равномерно загнут в положение ПФ-2, после чего верхняя его часть как бы надломлена и отогнута внутрь до положения ПФ-1.

На основе этих форм и различий технических приемов окончательной формовки венчика была построена типология венчиков, состоящая из двадцати одного типа, восемь из которых имеют свои подтипы (рис. 62).

Тип 1. Первоначальная форма—ПФ-1. Венчик изготовлен самым простейшим техническим приемом. В результате прямого закругленного среза от внутренней стенки венчика наружу образуются излишки глины, которые впоследствии удаляются. Внешняя стенка венчика заглажена. Этот тип имеет два подтипа: А—в результате косого среза наружу излишки глины также удаляются, внешняя стенка заглаживается; подтип Б—в результате прямого закругленного среза наружу излишки глины образуют небольшой наплыв на внешней стенке венчика, границы которого заглаживаются. В целом для типа 1 характерно отсутствие выраженного наплыва, причем срез всегда производится от внутренней стенки к внешней.

Тип 2. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате косого, слегка закругленного среза от внутренней стенки венчика к внешней образуется небольшой наплыв, так называемый «манжет». Стык между нижней частью венчика и наплывом сглаживается. Тип 2 имеет подтип А, технологически идентичный основному типу, но отличающийся тем, что в результате большего нажатия в момент срезания в верхней части венчик слегка отгибается внутрь. В целом тип 2 характеризуется четкостью и тонкостью обработки.

Тип 3. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате прямого закругленного среза наружу образуется «уступ», что достигается большим приложением силы в момент обработки внешнего края венчика. Иногда уступ бывает слегка отогнут наружу. Этот тип также имеет подтип А, который образован по тому же принципу, что и 2 А. В этом случае срезание происходит с одинаково сильным нажатием по внешней стороне венчика. В целом, этот тип характеризуется как результат упрощения технического приема, применяемого в типе 2.

Тип 4. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате прямого закругленного или косого среза наружу на внешней стенке образуется сплошной наплыв правильной формы. Также выделен подтип А, технологически идентичный своему типу, отличающийся лишь большим нажатием в верхней части венчика, в результате чего глина в этой части слегка оттекает к внутренней стенке венчика. Венчики данного типа указывают на упрощение технических приемов, использованных в типе 2 и 3.

Тип 5. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате прямого закругленного среза наружу образуется небольшой наплыв на внешней стенке венчика. Как и в типе 2, нижняя граница наплыва сглаживается при вторичной обработке, но не всегда—встречены и не заглаженные границы. Также имеет подтип А, образованный по тому же принципу, что и в типе 4. В целом тип 5 характеризуется как наиболее близкий к типу 2, но с некоторыми элементами упрощения технологии.

Тип 6. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате прямого, слегка закругленного среза от внутренней поверхности к внешней образуется большое количество излишков глины, которые спускаются на внешнюю стенку венчика в виде массивного наплыва, причем в результате большего применения силы в нижней его части образуется нечто похожее на «манжет»

Тип	Под-тип		Тип	Под-тип	
1	А		5	А	
	Б		6	А	
2	А		7		
3	А		8		
4	А		9		
			10		

Тип	Под-тип		Тип	Под-тип	
11			16		
12			17		
13	А		18		
14	А		19		
			20		
15			21		

Рис. 62. Типология венчиков:

А — направление волокон микроструктуры глины; Б — направление и траектория среза; В — вектор дополнительного применения силы

типов 2 и 5. Иногда для этой цели используется вторичная обработка. Тип 6 также имеет подтип А, который выделен по тому же принципу, что и подтип 5 А.

Тип 7. Техника изготовления этого типа идентична технике изготовления типа 6. Различие заключается в том, что использовалась первоначальная форма—ПФ-4. В целом типы 6 и 7 характеризуются как окончательное упрощение техники оформления, используемой на начальном этапе в типе 2.

Тип 8. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате обработки торцевой части венчика с большим применением силы излишки глины смещаются на обе стенки. Причем с внутренней стороны в процессе срезания образуется небольшой наплыв различной конфигурации, с четко выраженной нижней границей. С внешней стороны излишки глины либо заглаживаются совсем, образуя лишь небольшое утолщение, либо оформляются в нечетко выраженный наплыв, часто с заглаженной границей. В первых шести типах рассматриваемой типологии мы наблюдали постепенное изменение техники среза от внутренней стенки венчика к внешней, а в типе 8 мы видим явное изменение направления среза на обратное—от внешней стенки к внутренней, хотя и с сохранением еще внешнего наплыва.

Тип 9. Первоначальная форма венчика по-прежнему ПФ-1. Морфологически венчики этого типа практически не отличаются от венчиков типа 1 Б. Однако изготовлены они в абсолютно иной технике. В результате прямого закругленного среза от внешней стенки внутрь излишки глины смещаются на внутреннюю стенку и образуется наплыв, который при последующей обработке полностью сглаживается. Венчик, сделанный в этой технике, визуально не носит следов напыла, а имеет лишь небольшое утолщение.

Тип 10. Первоначальная форма—ПФ-1. В результате прямого закругленного среза внутрь образуется округлый венчик с округлым напылом, граница которого сглаживается. Отличительной чертой данного типа является то, что наплыв здесь не выделяется, а представляется как бы утолщением верхней части венчика. Иногда этот наплыв обрабатывается вторично до придания ему подпрямоугольных очертаний.

Тип 11. Первоначальная форма венчика здесь также ПФ-1, однако на позднем этапе бытования наряду с ней встречено использование ПФ-2 с последующим видоизменением. В результате прямого торцевого, иногда закругленного среза от внешней стенки венчика к внутренней образуется узкий, резко выступающий небольшой наплыв с необработанной или слегка обработанной нижней границей. Этот тип характеризуется как один из первых этапов новой сложившейся традиции с явно упрощенной технологией и одновременным отказом от малейших напылов снаружи.

Тип 12. Использование первоначальной формы аналогично типу 11. В результате прямого закругленного среза внутрь и смещения излишков глины на внутреннюю стенку получен венчик с округлым торцом и округлым или слегка приплюснутым напылом, граница которого четко выражена и часто не обработана.

Тип 13. Использование первоначальной формы аналогично типу 11. В результате косого, иногда слегка закругленного среза внутрь, с большим нажатием в торцевой части, образуется небольшой наплыв на внутренней стенке венчика, граница которого иногда сглаживается. В этом типе выделен подтип А, технологически идентичный своему типу, но отличающийся

тем, что в результате дополнительного нажатия в точке стыка торцевой части венчика и внутренней стенки образуется выемка, выделяющая внешнюю сторону напыла, вследствие чего торцевая часть венчика приобретает волнистые очертания. В целом тип 13 характеризуется как дальнейшее усовершенствование и усложнение технической традиции.

Тип 14. Использование первоначальной формы аналогично типу 11. В результате прямого, закругленного среза внутрь и смещения излишков глины вниз по внутренней стенке венчика получен округлый торец и плоский, расплюснутый дополнительным нажатием наплыв с ярко выраженной или слегка заглаженной нижней границей. Здесь также выделен подтип А, образованный по тому же принципу, что и подтип 13 А, с тем лишь отличием, что выемка образуется в верхней части напыла. В целом этот тип можно охарактеризовать как очередной этап развития сложившейся технологии.

Тип 15. Венчики этого типа явились результатом перехода к новому этапу изменения технической традиции, а именно к началу использования только ПФ-2. Срез внутрь начинается с внешней поверхности венчика, что позволяет видоизменять первоначальную форму и делать венчики, похожие на венчики с ПФ-1, придерживаясь сложившейся традиции. Венчики этого типа образуются в результате аналогичного типу 12 среза, но полученный наплыв, а иногда и весь венчик подвергались вторичной обработке. Такая обработка носила различный характер, благодаря чему венчики приобретали самые разнообразные очертания. Общим для них является то, что первоначальный наплыв сильно видоизменяется, приобретая подпрямоугольные формы.

Тип 16. Характер среза идентичен срезу в типе 11, однако коренное отличие заключается в том, что в данном типе используется ПФ-2. На позднем этапе бытования наряду с ней используется и ПФ-3 с последующим видоизменением.

Тип 17. Первоначальная форма венчика также ПФ-2, а на позднем этапе бытования и ПФ-3 с последующим видоизменением. В результате прямого закругленного среза внутрь на внутренней стенке образуется округлый наплыв с ярко выраженной границей.

Тип 18. Использование первоначальной формы аналогично типу 17. В результате прямого закругленного среза внутрь и смещения излишков глины на внутреннюю поверхность венчика образован плоский наплыв с ярко выраженной границей.

В целом типы 16, 17 и 18 характеризуются как очередной этап развития сложившейся технической традиции оформления венчика. Причем сами способы среза, применяемые в типах 11, 12, 13, 14, не изменились, а развитие пошло в сторону постепенного перехода от использования ПФ-1 к использованию ПФ-2, а затем и ПФ-3.

Тип 19. В результате прямого закругленного среза внутрь излишки глины образуют наплыв на внутренней поверхности венчика, границы которого тщательно сглаживаются. Использование ПФ-2 при этом позволяет добиться эффекта утолщения снаружи. По морфологическим признакам венчики этого типа трудно отличить от венчиков первой технической традиции с применением способов среза и смещения излишков глины на внешнюю поверхность венчика.

Тип 20. Технические приемы среза ничем не отличаются от приемов, характерных для типов 11 и 12. Причиной выделения типа послужило использование ПФ-3 без последующего видоизменения.

Тип 21. Здесь также использована ПФ-3. В результате косо-го закруг-ленного среза внутрь излишки глины образуют наплыв, граница которого полностью сглаживается. Морфологически венчики этого типа также трудно отличить от типов первой технической традиции (тип 4).

Все эти типы выделены на основании каких-либо изменений технических приемов формовки, происходящих внутри зарождающихся или уже сложив-шихся технологических традиций. Рассмотрим временные рамки существова-ния отдельных типов и традиций в целом.

Наиболее ранняя древнерусская керамика в этом регионе происходит с Горбовского поселения и относится к 1-й пол. X в. Она немногочисленна, найдена в комплексах роменской культуры и является инородной, не при-надлежащей к роменской культурной традиции продукцией [Григорьев А. В. 1990 б. С. 169—172; Сарачев И. Г. 1993. С. 54—57.]. Поэтому на ее основе сложно делать строгие выводы о развитии технологических традиций в это время. Достаточно полно представлена керамика 2-й пол. X—нач. XI в. Ма-териал этого периода происходит из погибших в пожаре, связанном с гибелью роменской культуры в нач. XI в., комплексов Горбовского поселения, г. Новгорода-Северского и др. Ко 2-й пол. XI—сер. XII в. относятся не-сколько комплексов с детинца Новгорода-Северского и Горбовского поселе-ния. Узкую дату—с 1097 г. до пожара 1147 г. имеет княжеская медуша, открытая на детинце Новгорода-Северского. 2-й пол. XII—1-й пол. XIII в. да-тирован ряд комплексов Новгорода-Северского и селища Путивск. Некото-рые из них имеют более узкие датировки.

На основе взаимовстречаемости типов венчиков в данных комплексах мы получили хронологическую шкалу бытования отдельных типов и техно-логических традиций в целом (рис. 63).

Тип 1. Венчики этого типа появились во 2-й пол. X в., а к моменту гибели роменской культуры в 1-й пол. XI в. составляли 8—10 % от общего числа. К кон. XI в. постепенно исчезают.

Подтип А появляется во 2-й пол. X в., в нач. XI в. его количество не превышает 5 %. К сер. XI в. постепенно исчезает. Подтип Б появляется в кон. X в. и к моменту гибели роменской культуры составляет 4—5 %. В слоях XI в. его около 10 %. К кон. XII в. полностью исчезает.

Тип 2. Это самый ранний тип древнерусской керамики, появившийся на данных памятниках. Его появление относится к 1-й пол. X в. На других тер-риториях он появляется несколько раньше—во 2-й пол. IX в. [Макси-мов Е. В., Петрашенко В. А. 1988. С. 88, 89. Рис. 68; Петрашенко В. О. 1992. С. 90, 91. Рис. 28]. На протяжении X в. с появлением новых типов количество венчиков типа 2 постепенно уменьшается и к моменту гибели роменских памятников в 1-й пол. XI в. не превышает 5 %. Подтип А типа 2 появляется во 2-й пол. X в. и в небольшом количестве существует до нач. XI в.

Тип 3. Венчики этого типа появились чуть позднее типа 2. 2-я пол. X в.—время их наибольшего бытования, к нач. XI в. их количество вместе с подтипом А, появившимся во 2-й пол. X в., составляет свыше 30 %. С гибелью роменских памятников этот тип исчезает.

Тип 4. Появляется во 2-й пол. X в.. В кон. X в. появляется подтип А. В слоях гибели роменских комплексов нач. XI в. тип 4 вместе с подтипом со-ставляет почти 30 %. В 1-й пол. XI в. венчики этого типа постепенно исче-зают.

Тип 5. Этот тип появляется в 1-й пол. X в., несколько позднее типа 2. Ко 2-й пол. X в. относится появление подтипа А. В комплексах нач. XI в.

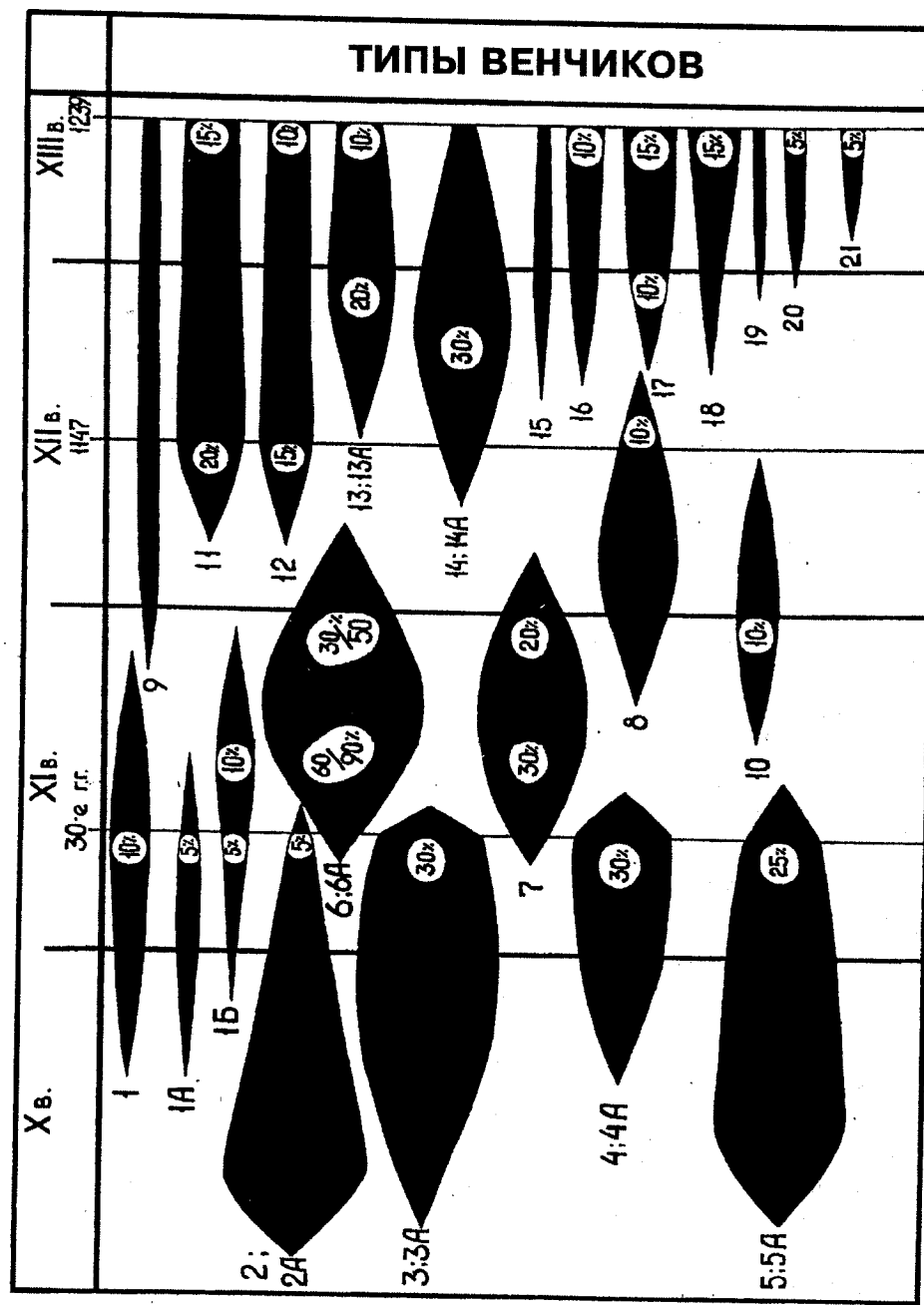

Рис. 63. Хронологическая шкала типов венчиков

тип 5 вместе с подтипом составляет около 25 %. К сер. XI в. полностью исчезает.

Тип 6. Появление этого типа происходит в 1-й пол. XI в. В сер. XI в. количество венчиков типа 6 вместе с подтипом А колеблется от 60 до 90 % на разных памятниках, но уже к кон. XI в. падает до 30—50 %. В 1-й пол. XII в. венчики этого типа постепенно исчезают.

Тип 7. Венчики этого типа встречены лишь на одном памятнике — поселении Горбово. Появились они перед самой гибелью роменских комплексов в 1-й пол. XI в. К сер. XI в. их количество достигает 30 % и к кон. XI в. постепенно уменьшается до 20 %. В нач. XII в. венчики типа 7 исчезают. Венчики этого типа нехарактерны для территории Днепровского Левобережья. Такой способ изготовления венчиков широко распространен в то время на территории Западной Украины и Польши [Малевская М. В. 1974. С. 33—38; Русанова И. П., Тимошук Б. А. 1993. Рис. 25; *Dzieduszycki W.* 1982. Tabl. XIV. Gr. XVI; *Miskiewiczowa M.* 1982. Tabl. 2, 3, 17—19, 30, 35.]. Появление этой керамики лишь на одном памятнике региона (в Новгороде-Северском, расположенном в 10 км от Горбово, не встречено ни одного фрагмента) скорее всего связано не с развитием керамической традиции, а с принесением этой традиции сюда в сложившемся виде непосредственно из мест распространения вместе с ее носителями.

Подобное переселение могло произойти после 1031 г., когда Ярослав и Мстислав предприняли удачный поход «на ляхов» и «многи ляхи приведоста» [ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 137]. Известно, что одну часть их Ярослав посадил по Роси. Исследования, проведенные в Поросье, показали, что там, кроме других черт, характерных для западных славян, имеются венчики сосудов, сделанных в той же технике, что и тип 7 [Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. 1985. С. 38. Рис. 6]. Возможно, появление венчиков этого типа и в Новгород-Северском Подесенье указывает (как и ряд других признаков *) на то, что именно в эти места попала другая часть ляхского населения, приведенного Ярославом и Мстиславом.

Ранее предпринимались попытки связать с этими же событиями находки сосудов с вертикальной шейкой и венчиком в Черниговском Полесье, в частности, в Автуничах [Пархоменко О. В. 1990. С. 149, 150]. К сожалению, керамический комплекс селища Автуничи не опубликован. Однако, исходя из описания этой керамики, можно предположить, что речь идет о сосудах, датированных довольно широко — XI—XIII вв. В XII—XIII вв. в керамических комплексах Днепровского Левобережья довольно часто встречаются западнорусские элементы, поэтому нельзя исключить того, что эта керамика попала сюда не в результате событий 1031 г., а позднее. К тому же ее процент в комплексах Автуничей невелик. Результатом же похода на «Червеньские грады» было полное выселение оттуда польского населения [Головко А. Б. 1988. С. 39], и их влияние на материальную культуру в местах нового расселения должно было быть довольно значительным. Количество «польской» керамики в Горбово как раз и указывает на это. Нельзя не учитывать того, что и остальные типы XI в. характерны также для западных территорий.

Тип 8. Венчики этого типа появляются во 2-й пол. XI в. Первая пол. XII в. — время их основного бытования. К сер. XII в. их количество падает до 10 %, и во 2-й пол. XII в. они исчезают.

Тип 9. Этот тип появляется в кон. XI в. и встречается вплоть до нач. XIII в. в количестве, не превышающем 3—4 %.

Тип 10. Возникает во 2-й пол. XI в., к кон. XI в. составляет более 10 %, к сер. XII в. полностью исчезает.

Тип 11. Появляется в 1-й пол. XII в. и к сер. XII в. составляет почти 20 % от всей керамики. Во 2-й пол. XII в. его количество постепенно уменьшается, однако даже в 1-й пол. XIII в. составляет еще около 15 %. Со 2-й пол. XII в. при изготовлении венчиков этого типа начинает применяться ПФ-2 наряду с ПФ-1.

Тип 12. Венчики этого типа появились в нач. XII в. К сер. XII в. они достигают 15—17 % и к 1-й пол. XIII в. их количество уменьшается до 8—10 %. Со 2-й пол. XII в. также используется ПФ-2 вместе с ПФ-1.

Тип 13. Появление венчиков этого типа вместе с подтипом А относится к сер. XII в., и к кон. XII в. их количество достигает 15—20 %, а к нач. XIII в. опускается до 8—10 %. Со 2-й пол. XII в. к ПФ-1, так же, как и в типах 11 и 12, добавляется ПФ-2.

Тип 14. Вместе с подтипом А появляется в 1-й пол. XII в., а период наибольшего его распространения приходится на 2-ю пол. — кон. XII в. В то время их количество достигает 25—30 %. К 1-й пол. XIII в. процент венчиков этого типа резко снижается. Первоначальные формы используются так же, как в типах 11, 12 и 13.

Тип 15. Встречается в очень небольшом количестве начиная со 2-й пол. XII в. Бытует до 1-й пол. XIII в., при этом не превышая 5 %.

Тип 16. Венчики этого типа появляются во 2-й пол. XII в. Постепенно их процент растет и в 1-й пол. XIII в. составляет около 10 %. С кон. XII — нач. XIII в. наряду с ПФ-2 при изготовлении венчиков этого типа начинает использоваться ПФ-3.

Тип 17. Появляется также во 2-й пол. XII в. и к рубежу XII—XIII вв. составляет уже около 10 %. К 1-й половине XIII в. их количество достигает 15 %. Использование ПФ аналогично типу 16.

Тип 18. Этот тип возникает во 2-й пол. XII в., и его количество плавно увеличивается. В 1-й пол. XIII в. он составляет свыше 15 %. С рубежа XII—XIII вв. при его изготовлении, параллельно с ПФ-2, начинают применять ПФ-3.

Тип 19. Появление этого типа относится к кон. XII в. Широкое распространение до монгольского нашествия он получить так и не успел: его количество не превышает 2—3 %.

Тип 20. Возникает в самом кон. XII в., в нач. XIII в. он составляет ок. 5 %.

Тип 21. Венчики этого типа появляются в нач. XIII в. И ко времени монгольского нашествия уже составляют более 5 %.

Мы рассмотрели хронологическую шкалу полученных типов до монгольского нашествия. Выделенные нами технологические традиции, объединяющие эти типы, также имеют свои хронологические рамки.

Первая традиция, представленная типами 1—7, развивается в сторону упрощения и огрубления напыла на протяжении X—XI вв. Во 2-й пол. XI—1-й пол. XII в. происходит изменение технологической традиции. Однако типы 8, 9, 10, которые могли бы быть отнесены к переходным, имеют слишком узкие рамки бытования и представлены незначительным количеством. К тому же первые типы новой традиции (11, 12) появляются почти одновременно с ними. Все это не позволяет говорить о постепенной трансформации первой технологической традиции формовки венчика во вторую. Вероятно,

* Подробнее об этом см. в главе 3 этой книги.

на смену первой, сильно деградировавшей, пришла новая, вполне сложившаяся традиция, с успехом заменившая старую. А типы 8, 9, 10 являются результатом приспособления или привыкания к новой традиции. Вопрос об истоках этих традиций и факторах, повлиявших на их изменения, еще ждет своего решения.

XII в. явился временем расцвета новой технологической традиции. Она постепенно развивается, создаются новые типы. Со 2-й пол. XII в. первоначальная форма ПФ-1, используемая с X в., постепенно сменяется ПФ-2, хотя полностью до нач. XIII в. так и не исчезает, а та в свою очередь сменяется ПФ-3.

Развитие этой технологической традиции привело к постепенному формированию в кон. XII—нач. XIII в. новой традиции, к которой относятся типы 20 и 21. Ее окончательное становление произошло после монгольского нашествия. Венчики, относящиеся к этой традиции, встречены в комплексах кон. XIII—XIV в. в Новгороде-Северском, но их происхождение ранее не было объяснено [Виногородська Л. І. 1988. С. 47—53; Виногородская Л. И. 1990. С. 96—99].

Таким образом, выделенные изменения в технике формовки венчика не случайны, а происходят внутри технологических традиций и имеют четкие хронологические рамки. Выделение типов на основе таких изменений позволяет не допустить ошибок, которые были бы неизбежны при построении типологии на основе морфологических признаков венчика. Ярким примером тому могут служить типы 1Б и 9, морфологически абсолютно идентичные, но изготовленные в различной технике и имеющие разное время бытования. Показательны также типы 19, 20, 21, которые, являясь результатом развития технологической традиции кон. XII в., по морфологическим признакам могут быть отнесены к типам X—XI вв.

Сарачев И. Г.

ДРЕВНЕРУССКАЯ КРУГОВАЯ КЕРАМИКА В КОМПЛЕКСАХ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам раскопок в г. Полтава в 1990 г.)

Соотношение керамики роменской и древнерусской культур является одним из спорных вопросов в современной археологической науке. Длительное время существовала теория, поддерживаемая многими учеными, согласно которой роменская керамика за время своего бытования видоизменялась и в XI в. постепенно трансформировалась в общерусские типы керамической посуды [Сухобоков О. В. 1975. С. 80, 81; 1985. С. 131; 1991. С. 79]. Были выделены даже «переходные» типы керамики. Однако в настоящее время появилась другая точка зрения, автор которой убедительно доказывает, что древнерусская керамика на роменских памятниках является либо предметом импорта (в отдаленных от древнерусских центров районах), либо продукцией деятельности живущих неподалеку древнерусских гончаров (в районах, прилегающих к территории Руси) [Григорьев А. В. 1990 б. С. 169—172]. Также было отмечено, что развитие древнерусской керамики происходило вне памятников роменской культуры. Эту точку зрения поддерживали некоторые ученые [Орлов Р. С. 1992. С. 28]. Однако этот вопрос по существу остается открытым до сих пор, и требует более глубокого рассмотрения и более четких доказательств. В данной работе предпринята попытка сравнения двух керамических традиций—роменской и древнерусской—с технологической точки зрения, поиска точек их взаимного соприкосновения и различий.

Роменская керамическая традиция на протяжении всего своего существования постоянно подвергалась различным влияниям со стороны других культур. Так, на одном из начальных этапов существования на роменских памятниках наряду с традиционной лепной керамикой появляется импортная гончарная керамика салтовского круга [Сухобоков О. В. 1975. С. 76; Приймак В. В. 1990 в. С. 160; 1991. С. 65]. По своим качествам она значительно превосходит лепную роменскую и используется населением как столовая посуда. Вероятно, с влиянием салтовской керамической традиции можно связать и появление в IX в. на некоторых памятниках местной роменской круговой керамики (Новотроицкое, Горналь). С прекращением существования Хазарского каганата в X в. керамика салтовского круга постепенно исчезает [Приймак В. В. 1990 в. С. 160; Белинская Л. И. 1990. С. 76], а к местной круговой керамике, или, как ее еще называют, «раннегончарной»,

постепенно прибавляется гончарная керамика общерусского типа. Причем в западных районах, ближе к центрам Древней Руси, количество раннегончарной керамики уменьшается в пользу общерусской [Григорьев А. В. 1990 б. С. 170]. Раннегончарная керамика в это время часто приобретает черты, характерные для общерусских типов (орнамент, иногда оформление венчика), что дает повод одним ученым искать в этом переходный этап к общерусским типам посуды [Сухобоков О. В. 1991. С. 79], другим — говорить о подражании местных мастеров древнерусским аналогам [Григорьев А. В. 1990 б. С. 171].

Как уже отмечалось, в изготовлении гончарной керамики общерусского типа и раннегончарной роменской керамики применялись две различные технологии. Это наблюдается в составах формовочных масс, в функциях гончарного круга при изготовлении изделий, в орнаментации сосудов [Григорьев А. В. 1990 б. С. 169; Приймак В. В., Белинская Л. И. 1988. С. 15]. Для более глубокого исследования технологии изготовления керамики этих типов, автором был привлечен материал из роменского комплекса нач. XI в., обнаруженного при раскопках в г. Полтаве на бывшей Соборной (ныне Красной) площади, на месте роменского, а впоследствии — древнерусского городища, в 1990 г.*.

Этот комплекс (№ 5) представлял собой яму подпрямоугольной формы размерами 1,5 × 1 м, глубиной до 0,3 м, вырытую в культурном слое. Она располагалась в юго-западном углу раскопа, а краями уходила в его обе стенки. В ее заполнении встречались многочисленные угольки, сверху она также была перекрыта слоем золы и угля. По характеру слоя можно утверждать, что заполнение ямы было практически одновременным. По данным стратиграфии и находкам яма датируется нач. XI в. По составу керамики она ничем не отличается от других роменских комплексов этого периода, открытых не только здесь, но и на других памятниках Посемья, Посулья и Подесенья. Однако комплекс ямы 5 выделяется тем, что в относительно одновременном заполнении найден весь спектр керамики, характерный для роменской культуры в этот период — от фрагментов лепных роменских горшков, раннегончарной посуды до круговых горшков общерусского типа и венчиков с характерными для X в. наплывами с внешней стороны (см. Приложение I).

Для реконструкции технологических процессов изготовления керамики было изучено несколько образцов, в частности, донце лепного сосуда, раннекруговой горшок, донце с клеймом и нижняя часть горшка общерусского типа.

Первый фрагмент представляет собой нижнюю часть лепного роменского горшка (РФК-0) [Бобринский А. А. 1978. С. 191], сделанного методом скульптурной лепки без малейшего использования гончарного круга или поворотной подставки. В качестве отошителя в тесто добавлен крупный шмот; обжиг неполный, вероятнее всего, произведенный в домашней печи. Представленный фрагмент весьма характерен для роменской керамической традиции этого периода.

Второй образец представляет собой лепной роменский горшок, сделанный с использованием навыков скульптурной лепки и заглаженный на кругу

* Коллекция хранится в Полтавском краеведческом музее. Автор выражает благодарность одному из авторов раскопок — Кулатовой И. Н. за предоставленный материал.

с внешней и с внутренней стороны (РФК-2). Об этом свидетельствуют характерные полосы на стенках сосуда и отпечатки круга на донце в виде годовых колец, а также отпечаток оси округлой формы диаметром 55–60 мм в центре донца. Аналогичные отпечатки найдены на донцах роменских сосудов Донецкого городища [Дьяченко А. Г. 1988. С. 49, 52]. В качестве примесей в тесто добавлен крупный шмот, обжиг неполный. Этот горшок также весьма характерен для роменской керамической традиции. Он представляет собой так называемый раннегончарный тип роменской керамики и, по утверждению некоторых ученых, является переходным этапом к керамики общерусских типов [Сухобоков О. В. 1975. С. 80, 81. Рис. 48].

Таким образом, эти экземпляры керамики являются яркими представителями развитой роменской керамической традиции, для которой характерно изготовление сосудов из грубой формовочной массы, содержащей в качестве искусственных примесей крупный шмот, сконструированных навыками скульптурной лепки (РФК-0) с использованием составных донно-емкостных начинов [Бобринский А. А. 1978. С. 131–133. Рис. 44, 3, 4]. Часть таких сосудов заглаживалась на ручном, медленно вращающемся гончарном круге (РФК-2). Следует отметить, что для роменской керамической традиции также характерны сосуды, сконструированные навыками скульптурной лепки на поворотной подставке и отвечающие признакам РФК-1 [Бобринский А. А. 1978. С. 52], но в этом комплексе они не представлены. Обжигались сосуды либо на костре, либо в домашней печи, вследствие чего обжиг неполный, глина недостаточно прокалена. Горновый обжиг встречается крайне редко [Бобринский А. А. 1978. С. 52]. Однако это не может свидетельствовать о низком уровне технологии роменского керамического производства, так как сосуды, изготовленные из формовочной массы, отощенной шмотом, приобретали достаточную прочность за счет мелких и пылевидных зерен, и достаточную огнеупорность — за счет крупных зерен шмота, вследствие чего они не нуждались в высокой степени обжига [Сайко Э. В. 1965. С. 164].

Третий и четвертый образцы керамики относятся к общерусским типам сосудов.

Третий фрагмент представляет собой донце древнерусского горшка, изготовленного на кругу. Следы заглаживания на внутренней стороне донца, а также утоньшенные стенки позволяют отнести его к РФК-5. Формовочная масса тонкая с естественными примесями крупных (до 2 мм) фракций песка и органики. Искусственных примесей нет. Обжиг сосуда в окислительной среде при высоких температурах (от 600 ± 50 °С) и малой выдержке. Обжиг полный, горновый. На внешней стороне донца есть отпечаток клейма. Клеймо отпечатано с деревянной матрицы, о чем свидетельствуют следы скола дерева в момент вырезания резцом изображения в местах пересечения линий изображения с волокнами [Бобринский А. А. 1972. С. 182–190]. Клеймо выпуклое в виде круга с одним диаметром. Отпечаток нечеткий, вероятно, неполный (об этом свидетельствуют нечеткие следы еще одного диаметра). В качестве подсыпки на круг использована мелко просеянная зола. С внешней и внутренней стороны сосуд был покрыт белым ангобом. Донце, безусловно, является типичным для керамики общерусского типа.

Четвертый образец представляет собой нижнюю часть древнерусского горшка, изготовленного на гончарном круге. В качестве подсыпки использовалась мелко просеянная зола. Горшок изготовлен из беложгущей глины, из очень тонкой формовочной массы. В качестве отошителя в большом количестве использовался мелко просеянный калиброванный песок разме-

ром до 0,3 мм (формовочная масса 2—3 вида) [Бобринский А. А. 1978. С. 110]. В качестве естественных примесей встречены крупные (до 2 мм) фракции бурого железняка. Обжиг полный горновый. На представленном экземпляре сохранились четкие следы, позволяющие смоделировать довольно сложную технологию изготовления сосуда.

Начин составной донно-емкостный, не выделенного до сих пор вида. Изготовление сосуда началось с изготовления небольшой «лепешки», которая укладывалась на круг как при донном начине. Затем сверху прилепливалась еще одна «лепешка» большего размера, из которой, как при донно-емкостном начине, изготавливались придонные части стенок сосуда. Далее конструирование полого тела было продолжено методом скульптурной лепки с частичным вытягиванием стенок, что соответствует признакам РФК-5. После этого дно было дополнительно уплотнено (вероятно, для лучшей сцепки двух «лепешек»), при этом от центра до середины радиуса донца производилось примазывание пальцем. В этот момент горшок поворачивался на круге по часовой стрелке, в результате чего на донце образовались веерообразные отпечатки. Таким же образом была уплотнена оставшаяся околостенная часть донца. Излишки глины, полученные при этом, были смещены на стенки. После этого были заглажены внутренние, а возможно, и внешние стенки сосуда. Донце изнутри не заглаживалось.

После обработки поверхностей мастер по каким-то причинам не удовлетворился профилем придонной части и слегка выгнул его наружу. Для этого боком указательного пальца левой руки он выгибал стенку, а правой рукой поворачивал круг по часовой стрелке и придерживал стенку снаружи. Об этих движениях свидетельствуют отпечатки ногтя и самого пальца. Далее было произведено окончательное заглаживание внешней поверхности вплоть до самого дна, в результате чего образовался бортик на дне, а также, возможно, и внутренней поверхности в верхней ее части. Следует отметить, что обнаруженные здесь следы чаще всего не сохраняются, так как уничтожаются в результате заглаживания внутренней поверхности донца сосуда. Но некоторые следы описанного выше начина были обнаружены автором при осмотре коллекций древнерусской керамики с разных памятников Днепро-Донецкого Левобережья. Не исключено, что при дальнейшем изучении этот начин может оказаться весьма распространенным среди древнерусской керамики. Аналогичный начин встречен в единственном экземпляре в одном из городов Волжской Болгарии — Муромском городке [Васильева И. Н. 1988. С. 161].

Таким образом, мы рассмотрели технологические процессы производства керамики роменского и общерусского типов на примере образцов из одного роменского комплекса. Сравнивая навыки изготовления этой керамики, можно отметить следующие различия.

Формовочная масса, применяемая для изготовления роменской керамики, отошлась почти исключительно шамотом, употребление дресвы, песка или толченых ракушек в качестве отощителя не носит массового характера, хотя на некоторых памятниках довольно распространено. Выше уже отмечалось, что добавление шамота в глину увеличивает прочность и огнеупорность сосуда, а потому такие сосуды не требуют сильного обжига. Вероятно, этот факт играл немаловажную роль в роменском керамическом производстве. Напротив, формовочные массы, применяемые при изготовлении керамики общерусских типов, отличаются тонкостью (отсутствием искусственных грубых примесей), что в большей мере связано с частичным вытяги-

ванием полого тела. В качестве отощителя почти повсеместно используется калиброванный песок. Это способствует уменьшению усадки изделий во время сушки перед обжигом. Очень часто глина вовсе не отошлась, при этом для получения пластичной формовочной массы, пригодной для изготовления подобной посуды, вероятно, используется прием смешения различных сортов глины.

Все эти особенности формовочных масс, используемых для изготовления посуды общерусских типов, а также использование беложгущих глин (что никогда не встречается в роменской керамической традиции), говорит о том, что формовочные массы, используемые для изготовления роменской и древнерусской посуды, не только различны, но и прямо противоположны друг другу, так как каждая отвечает своему конкретному требованию.

С составом формовочных масс связано также и различие в степени обжига. Посуда роменского типа не требовала сильного обжига. Напротив, посуда общерусских типов редко когда обжигалась вне горна при температуре менее 600—700 °С, так как тонкий черепок требовал сильной прокаленности для придания ему прочности.

При сравнении способов реконструирования начинов мы видим много общего. Однако донно-емкостный начин, представленный здесь, является характерным практически для всего населения Восточной Европы с древнейших времен до наших дней [Бобринский А. А. 1978. С. 115—117]. Хотя усложненный вариант такого начина, встреченный в одном из образцов общерусского типа, говорит о том, что различия здесь все-таки есть.

Уровень РФК у представителей этих двух керамических традиций также весьма различен. Если в роменской традиции использование круга в целом не выходит за рамки заглаживания поверхности (а из-за свойств грубых формовочных масс и не может выйти), то в древнерусской керамической традиции сочетание навыков скульптурной лепки с частичным вытягиванием полого тела (РФК-5) является почти повсеместным.

Традиция клеймения посуды, уже достаточно распространенная в X в. у древнерусских мастеров, по мнению ряда исследователей, говорит о ремесленном производстве [Рыбаков Б. А. 1949. С. 352—365 и др.]. Однако известные фрагменты роменских сосудов с признаками РФК—1, 2, на донцах которых также есть клейма. Такая керамика вряд ли могла быть продукцией ремесленного производства, так как такому уровню производства соответствовали сосуды с признаками РФК—3—7 [Бобринский А. А. 1978. С. 34]. Вполне вероятно, что клеймение роменскими мастерами некоторой части своей посуды было результатом копирования древнерусских образцов, так же, как иногда встречающийся орнамент общерусского типа на роменской посуде и оформление венчика в подражание древнерусским аналогам [Григорьев А. В. 1990 б. С. 171].

Широкое распространение ангоба (как правило, белого на красножгущей посуде) среди керамики общерусского типа также не находит аналогий среди продукции роменских мастеров.

Таким образом, мы видим, что все приведенные выше различия носят технологический характер и обусловлены различиями в традиционных технологических процессах изготовления керамики. Развитие этих процессов всегда происходит плавно, без резких скачков. В случае если бы переход от роменской традиции керамического производства к общерусской имел место, то этот переход должен был пройти шесть этапов смешения традиций [Бобринский А. А. 1978. С. 243, 244]. Первый этап — изменение взглядов на

сырье и приобретение навыков использования нового сырья. Второй — изменение рецептуры формовочных масс, появление смешанных рецептов, привлечение к новым формовочным массам. Третий этап фиксирует навыки в обработке поверхностей. Четвертый — начало изменений приемов формообразования, конструирования начина и полого тела. Пятый этап — полное изменение способов конструирования полого тела. Шестой этап — изменение способов создания начина. На основании этнографических данных можно предполагать, что полное перерождение субстратных навыков способно произойти в течение жизни пяти-шести поколений гончаров, при условии, если каждое поколение будет вступать в контакт с носителями иных технологических традиций изготовления керамики [Бобринский А. А. 1978. С. 244].

Таким образом, предположить, что представленный комплекс ямы 5 собирался в то время, пока осуществлялся переход от роменской керамической традиции к общерусской, невозможно, так как заполнение его является практически одновременным. Предположение о том, что часть местных гончаров полностью отказалась от своих навыков изготовления керамики и приобрела инородные, а часть осталась верной своим традициям, было отвергнуто еще ранее [Григорьев А. В. 1990 б. С. 171, 172]. В целом в роменском керамическом комплексе раннекруговая керамика, принимаемая ранее как переходный этап к общерусским типам, имеющая аналогичный орнамент и иногда оформление венчика, появляется не за 100—150 лет до проникновения древнерусской керамики в роменские комплексы (как должно было бы произойти в случае поэтапного перехода), а одновременно с ней или даже немного позднее. К тому же раннекруговая керамика демонстрирует нам прохождение третьего этапа смешения традиций, минуя первый и второй, то есть изменения касаются лишь внешнего оформления сосудов, а не технологии их изготовления. Это говорит о развитии керамической традиции роменской культуры и подражании древнерусским аналогам, но никак не о переходе от одной традиции к другой.

Подводя итоги всему вышесказанному, необходимо отметить, что мастера, производившие роменскую керамику и керамику общерусских типов были носителями двух разных культурных традиций. Керамика общерусских типов на роменских памятниках являлась, безусловно, импортной и поступала сюда в виде готовой продукции. Ее огромное количество в крупных роменских центрах, особенно на последнем этапе существования культуры, наводит на мысль о том, что она могла производиться древнерусскими мастерами, жившими где-то рядом с этими центрами, однако подтверждений этому пока не обнаружено.

Фомин А. В.

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ У С. ГОРБОВО

№ 1. Раскоп 4 (1981 г.), жилище 3, под слоем пожара.

Фельс, Аббасиды, кон. VIII — нач. IX в. Принадлежит к числу редких находок мусульманских медных монет в Европе. Время его выпадения можно установить, принимая в расчет то, что ранние халифские монеты обращались в IX и в самом нач. X в. Позже ранние монеты халифской чеканки не встречаются, за исключением кон. X — нач. XI в. Последнее было вызвано кратковременным поступлением мусульманских монет из западных районов Халифата, где скопилось довольно много денежных знаков, отчеканенных в VIII—IX вв. и даже VII в.

№ 2. Раскоп 7 (1982 г.), отдельно стоящая печь II.

Дирхем, Аббасиды, Сурра ман-Раа, 250—252 г. х. (864—866 гг.) [Тизенгаузен В. Г. 1873. № 1941]. Время выпадения этой монеты определяется теми же обстоятельствами, что и попадание в слой монеты № 1. В данном случае возможны два периода: 2-я пол. IX — нач. X в. или кон. X — нач. XI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А. 1967. К вопросу о происхождении Смоленска // Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск.
- Айбабин А. И. 1973. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. № 3.
- Алексеев Л. В. 1980. Смоленская земля в IX—XIII вв. М.
- Амброз А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2, 3.
- Артамонов М. И. 1958. Саркел — Белая Вежа // МИА. № 62.
- Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.
- Артамонов М. И. 1970. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Докл. Географического общества СССР. № 15. Л.
- Археологическая карта России: Брянская область. М., 1993.
- Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992.
- Арциховский А. В. 1930. Курганы вятичей. М.
- Аулих В. В. 1961. Материалы з верхнього горизонту городища біля с. Зимне Волинської області // МДАПВ. Вип. 3.
- Афанасьев Г. Е. 1984. Исследования южного угла маяцкой крепости в 1977—1979 гг. // Маяцкое городище. М.
- Афанасьев Г. Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вип. II. М.
- Багалец Д. И. 1882. История Северной земли до половины XIV ст. Киев.
- Багалец Д. И. 1890. Общий очерк древностей Харьковской губ. // Харьковский сборник. Вип. 4. Харьков.
- Багалец Д. И. 1905. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. // Тр. XII АС. Т. I. М.
- Баран В. Д. 1963. Раннеславянское поселение у с. Рипнев (Рипнев II) на Западном Буге // МИА. № 108.
- Баран В. Д. 1972. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ.
- Баранов И. А. 1977. Ранние болгары в Крыму / Локальный вариант салтовомаяцкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Баранов И. А. 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.
- Башилов В. А., Куза А. В. 1977. Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище // КСИА. Вип. 150.

- Бейлис В. М. 1986. Арабские авторы IX—первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1985 г. М.
- Белецкий В. Д. 1959. Жилища Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75.
- Белинская Л. И. 1990. К вопросу о связях славян и племен салтовской культуры на Днепровском лесостепном Левобережье в VII—X вв. // Питання археології Сумщини. Суми.
- Беляшевский Н. 1900. Раскопки могильника у д. Богданово Глуховского у. Черниговской губ. // АЛЮР. Т. II. Киев.
- Березовец Д. Т. 1952 а. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // АП Т. III.
- Березовец Д. Т. 1952 б. Харківський скарб // Археологія. Т. VI. Київ.
- Березовец Д. Т. 1953 а. Археологические памятники летописных северян // КСИА АН УССР. Вип. 2.
- Березовец Д. Т. 1953 б. До питання про літописних сіверян // Археологія. Т. VIII. Київ.
- Березовец Д. Т. 1955. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. // АП. Т. V.
- Березовец Д. Т. 1965. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. Т. XIX. Київ.
- Березовец Д. Т. 1967. Новые раскопки в с. Волынцево // АИУ. Вип. I.
- Березовец Д. Т. 1969. Северяне (перед образованием Киевской Руси): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Березовец Д. Т. 1975. Лівобережжя Дніпра: Пам'ятки волинцівського та роменського типів // Археологія Української РСР. Т. III. Київ.
- Беспальчев В. Ф. 1911. Поле погребений в Роменском у. Полтавской губ. // Тр. XIV АС Т. III. М.
- Бессарабова З. Д. 1973. Славянские курганы второй половины I тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вип. 15.
- Блажевич Н. В. 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI—XIII вв. // Древнерусская керамика. М.
- Бліфельд Д. І. 1952. Дослідження в Шестовицях // АП. Т. III.
- Бліфельд Д. І. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Бобринский А. А. 1972. О некоторых результатах трассологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. М.
- Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Большаков О. Г. 1984. Средневековый город Ближнего Востока VII—сер. XIII в. М.
- Борисевич Г. В. 1978. Рец. на кн.: Раппопорт П. А. Древнерусское жилище [САИ. Вип. Е1—32 М. 1975] // СА. № 4.
- Борисевич Г. В., Узанов А. А. 1987. Микрорельеф и грунт как вспомогательные источники для реконструкции этапов застройки Новотроицкого городища // Методы естественных наук в археологии. М.
- Борови Лубинкови М. 1951. Метални нажит Белобродског типа. Гроздолике минђуше // Старинар. Нова серија. Кн. II. Београд.
- Брайчевский М. Ю. 1968. Походження Русі. Київ.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.
- Васильева И. Н. 1988. Керамика Муромского городка: Результаты технико-технологического анализа // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Великая хроника. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М.: 1987.

Винников А. З. 1975. Раскопки славянских памятников на р. Воронеж // АО 1974 г. М.

Винников А. З. 1977. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Вып. 6. Воронеж.

Винников А. З. 1978 а. Раскопки Животинного городища на р. Воронеж // АО 1977 г. М.

Винников А. З. 1978 б. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М.

Винников А. З. 1982. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э. // СА. № 3.

Винников А. З. 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.

Винников А. З. 1986. Раскопки Животинного городища на р. Воронеж // АО 1984 г. М.

Винников А. З. 1987. Исследования славянского Животинного городища на р. Воронеж // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М.

Винников А. З. 1988 а. Раскопки Животинного городища // АО 1986 г. М.

Винников А. З. 1988 б. Славянские поселения на р. Воронеж // Древности славян и Руси. М.

Винников А. З. 1991. Древнерусское население лесостепного Дона в VIII—нач. XIII в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Винников А. З. 1992. Славянское Животинное городище на р. Воронеж // Путь из Булгара в Киев. Казань.

Винников А. З., Пряхин А. Д. 1983. Боршевский курганный могильник на р. Дон // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж.

Виноградський Ю. С. 1928. Сосниця та її околиці // Чернігів і Північне Лівобережжя. Київ.

Виноградский Ю. С. 1952. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница // КСИА АН УССР. Вып. 1.

Виногородська Л. І. 1988. До питання про хронологію середньовічної кераміки з Новгорода-Сіверського // Археологія. Вип. 61. Київ.

Виногородская Л. И. 1990. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли втор. пол. XIII—XV в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф. 1972. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М.

Въжарова Ж. Н. 1965. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI—XI век. София.

Въжарова Ж. Н. 1976. Славяни и прабългари. София.

Въжарова Ж. Н. 1986. Средновековното селище. С. Гарван, Силистренски окръг. VI—XI в. София.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей Польских. М. 1961.

Гаркави А. Я. 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб.

Генинг В. Ф. 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.

Головко А. Б. 1988. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. Киев.

Голубева Л. А. 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3.

Голубева Л. А. 1984. Шумящие подвески с изображением коня из катакомб Маяцкого селища // Маяцкое городище. М.

Голубовский П. В. 1881. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев.

Городцов В. А. 1905. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда // Тр. XII АС. Т. I. М.

Горюнов Е. А. 1971. Поселение у с. Чулатово // КСИА. № 125.

Горюнов Е. А. 1975. О памятниках волынцевского типа // КСИА. № 144.

Горюнов Е. А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Григорьев А. В. 1983 а. Раскопки у с. Горбово // АО 1981 г. М.

Григорьев А. В. 1983 б. Поселение у с. Горбово // КСИА. Вып. 175.

Григорьев А. В. 1984. Раскопки поселения у с. Горбово // АО 1982 г. М.

Григорьев А. В. 1985. Раскопки в окрестностях Новгорода-Северского // АО 1983 г. М.

Григорьев А. В. 1987. Домостроительство Новгорода-Северского и его округа // К 20-летию Черниговского архитектурно-исторического заповедника: Тез. докл. Чернигов.

Григорьев А. В. 1988 а. Об одном участке пути из Новгорода-Северского в Путивль // Древнерусский город Путивль: Тез. докл. Путивль.

Григорьев А. В. 1988 б. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Киев.

Григорьев А. В. 1989 а. Городище у с. Хитцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Тез. докл. Полтава.

Григорьев А. В. 1989 б. Округа Новгорода-Северского в X—нач. XI в. // Новгороду-Северскому 1000 лет: Тез. докл. Чернигов; Новгород-Северский.

Григорьев А. В. 1990 а. Поселение X в. в пойме р. Тускарь: Тез. докл. Первой Сумской обл. научной историко-краеведческой конференции. Сумы.

Григорьев А. В. 1990 б. О соотношении роменской и древнерусской керамики // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тез. докл. Чернигов.

Григорьев А. В. 1990 в. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Григорьев А. В. 1990 г. Сосниця и роменско-русское пограничье в X в. // Минувше Сосниці та її околиці: Тез. докл. Чернігів.

Григорьев А. В. 1990 д. О времени функционирования городища Монастырище // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини/Проблеми і перспективи: Тез. докл. Суми; Ромни.

Григорьев А. В. 1990 е. Некоторые хронологические изменения в конструкциях жилищ роменской культуры // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Григорьев А. В. 1990 ж. К вопросу о погребальном обряде северян VIII—нач. XI в. // Питання археології Сумщини. Суми.

Григорьев А. В. 1991. О датировке Полтавского клада // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею: Тез. докл. Полтава.

Григорьев А. В. 1992. Укрепления городища у с. Горбово // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини: Тез. докл. Чернігів.

Григорьев А. В. 1993 а. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова: Тез. докл. Чернігів.

Григорьев А. В. 1993 б. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів.

Григорьев А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. 1986. Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1984 г. М.

Гупало В. Д. 1993. Средневековая керамика запада Украины (кон. VIII—XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А. 1994. «Внутренние пограничья» Древней Руси: К постановке проблемы // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Тез. докл. Білопілля.

Давидан О. И. 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4.

Даль В. И. 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.

Дмитрюков А. 1854. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник Русского географического общества. Ч. II. Кн. 4. СПб.

Дмитрюков А. 1863. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Тр. Курского губернского статистического комитета. Вып. I. Курск.

Довженко В. И. 1952. Розкопки біля с. Волинцево Сумської області // АП. Т. III.

Довженко В. И. 1961. Землеробство древньої Русі. Київ.

Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. 1966. Древньоруське місто Воїнь. Київ.

Дьяченко А. Г. 1988. Источниковедческий анализ древней керамики с применением методов математической статистики. Белгород.

Дьяченко А. Г. 1991. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX—начале X в. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Дьяченко А. Г. 1992. О датировке поселения роменской культуры на Донецком городище // История и археология Слободской Украины. Харьков.

Егорейченко А. А. 1991. Очковые подвески на территории СССР // СА. № 2.

Енуков В. В. 1992. К вопросу о судьбе роменской культуры в Курском Посеймье // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. Липецк.

Енукова О. Н. 1992. Позднероменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. Липецк.

Ефименко П. П. 1931. Раннеславянские поселения на Среднем Дону // СГАИМК. № 2.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.

Зайцев А. К. 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.

Зайцев В. В. 1991. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности: Тез. докл. Елец.

Зайцев В. В. 1992. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // ГЭ. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.: Тез. докл. СПб.

Засурцев П. И., Лисицына Н. К. 1968. Липинское городище // Славяне и Русь. М.

Зеленин Д. К. 1991. Восточнославянская этнография. М.

Звагельський В. Б. 1990. Дослідник історії України М. Макаренко: Література про М. О. Макаренко // Питання археології Сумщини. Суми.

Звіздецький Б. А. 1993. «Гради» древлян VIII—X вв. // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: Тез. докл. Суми.

Иванов В. В., Топоров В. Н. 1980. О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы // Славянские древности. Киев.

Иванов П. П. 1952. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск.

Изюмова С. А. 1971. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1970 г. М.

Изюмова С. А. 1978. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // ВМГУ. № 6.

Изюмова С. А. 1989. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М.

Іллінська В. А. 1952. Верхньосулська експедиція 1947 р. // АП. Т. IV.

Казаков А. Л. 1994. Радичевский курганный некрополь // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Тез. докл. Білопілля.

Казаков А. Л., Марченко В. М. 1993. Посадка в IX—XII ст. // Старожитності Південної Русі. Чернівці.

Казаков Е. П. 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблеми археології і древньої історії угров. М.

Калинина Т. М. 1976. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1975 г. М.

Каншин В. П. 1911. Археологические памятники в области реки Большой Курицы, впадающей в Сейм // Тр. КГУАК. Вып. I.

Кашкин А. В. 1980. Разведки по Сейму, Пслу, Рати // АО 1979 г. М.

Кашкин А. В., Узанов А. А. 1994. Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем Псле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Тез. докл. Білопілля.

Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие: Вып. 1 // САИ. Вып. Е1—36. М., Л.

Кирпичников А. Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. Л.

Ковалевская В. Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв.: Пряжки // САИ. Вып. Е1—2. М.

Коваленко В. П. 1984. Исследования летописного Сновска // АО 1982 г. М.

Коваленко В. П. 1993. Старожитності Чернігово-Сіверської землі в творчій спадщині Д. Я. Самоквасова // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова: Тез. докл. Чернівці.

Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. 1981. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1980 г. М.

Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. 1983. Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1981 г. М.

Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. 1984. Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1982 г. М.

Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. 1980. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1979 г. М.

Коваленко В. П., Шекун О. В. 1990. Літописна Сосниця // Минуле Сосниць та її околиць: Тез. докл. Чернівці.

Козловская В. Е. 1912. Остатки славянского городища и донная стоянка неолитической эпохи на озере Буромка Черниговской губ. Сосницкого уезда // ИТУАК. Вып. 47. Симферополь.

Козловская В. Е. 1914. Славянские курганы и городища как исторический источник. Киев.

Козловська В. Е. 1928. Срібний скарб часів великого переселення народів з с. Фатівиж на Чернігівщині // Юбілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Т. I. Київ.

Козьма Пражский. Чешская хроника. М. 1962.

Коковцев П. К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.

Колода В. В. 1994. Памятники черной металлургии волынцевской культуры // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Тез. докл. Білопілля.

Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989.

Корзухина Г. Ф. 1954. Русские клады. М.; Л.

Кравченко Н. М. 1979. Исследования славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. Киев.

Кропоткин В. В. 1971. Византийская чаша из Крылосского клада VII в. // ВВ. № 31.

Кропоткин В. В. 1978. Топография кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М.

Куза А. В. 1981. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М.

Куза А. В. 1983. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.: Методика исследования // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж.

Куза В. А. 1990. Некоторые уточнения в стратиграфии Большого Горнальского городища // Питання археології Сумщини. Суми.

Кулатова І. М., Супруненко О. Б. 1990. Археологічні дослідження І. А. Зарецького в Полтаві // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Тез. докл. Полтава.

Куник А. А., Розен В. Р. 1878. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. I. СПб.

Куриленко В. Е. 1985. Археологічні дослідження Коропського музею в Середньому Подесенні // І Чернігівська обл. наукова конференція з історичного краєзнавства: Тез. докл. Чернігів.

Куриленко В. Е. 1989. Памятники археологии на стыке Черниговской и Сумской областей у с. Мезин // Проблемы археологии Сумщины: Тез. докл. Сумы.

Куриленко В. Е. 1990. Памятники археологии на стыке Черниговской и Сумской областей у с. Мезин // Питання археології Сумщини. Суми.

Кухаренко Ю. В. 1957. Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. Вып. 68.

Кухаренко Ю. В. 1961. Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1—57.

Кучера М. П. 1986. Керамика // Археология УССР. Т. 3. Киев. Левашева В. П. 1967. Височные кольца // Тр. ГИМ. Вып. 43.

Левенок В. П. 1941. Археологические работы Трубчевского музея // КСИИМК. Вып. X.

Липкинг Ю. А. 1974. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Литаврин Г. Г. и др. 1985. Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М.

Ляпушкин И. И. 1946. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. // КСИИМК. Вып. XII.

Ляпушкин И. И. 1947 а. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы (г. Полтава—с. Бельск) // КСИИМК. Вып. XVII.

Ляпушкин И. И. 1947 б. О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. № IX.

Ляпушкин И. И. 1947 в. Поселения эпохи железа в бассейне р. Ворсклы // КСИИМК. Вып. XXI.

Ляпушкин И. И. 1948. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы: Из полевых изысканий 1945 г. // КСИИМК. Вып. XIX.

Ляпушкин І. І. 1949. Старослов'янське поселення VIII—XIII вв. на території м. Полтави // АП. Т. I.

Ляпушкин І. І. 1952 а. Дослідження Дніпровської Лівобережної експедиції 1947—1948 рр. // АП Т. III.

Ляпушкин И. И. 1952 б. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // СА. № XVI.

Ляпушкин И. И. 1956. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей // ВЛГУ. № 20. Серия ист., яз., лит. № 4.

Ляпушкин И. И. 1957. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. // КСИИМК. Вып. 68.

Ляпушкин И. И. 1958 а. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА. № 62.

Ляпушкин И. И. 1958 б. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница // МИА. № 62.

Ляпушкин И. И. 1958 в. Городище Новотроицкое // МИА. № 74.

Ляпушкин И. И. 1959 а. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. № XXIX—XXX.

Ляпушкин И. И. 1959 б. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны // КСИИМК. Вып. 74.

Ляпушкин И. И. 1961 а. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104.

Ляпушкин И. И. 1961 б. К вопросу о культурном единстве славян // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л.

Ляпушкин И. И. 1966. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.) // Культура Древней Руси. М.

Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.) // МИА. № 152.

Ляскоронский В. Г. 1901. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС. Т. I. М.

Ляскоронский В. Г. 1907. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рек Псла и Ворсклы // Тр. XII АС. Т. II. М.

Мавродин В. В., Свердлов М. Б. и др. 1978. Советская историография Киевской Руси Л.

Мажитов Н. А. 1981. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.

Макаренко Н. Е. 1907. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // ИАК. Вып. 22. СПб.

Макаренко Н. Е. 1908. Материалы по археологии Полтавской губ. // Тр. ПУАК. Вып. 5.

Макаренко М. О. 1925 а. Городище Монастирище // Науковий збірник історичної секції УАН. Вип. XIX.

Макаренко М. О. 1925 б. Орнаментация керамических виробів в культурі городищ роменського типу // *Niederlyv sbornik: Obzor praehistoricky, ročník IV. Praha.*

Макарова Т. И. 1963. О происхождении поливной посуды на Руси // *СА. № 2.*

Макарова Т. И. 1965. Поливная керамика древнего Любеча // *СА. № 4.*

Макарова Т. И. 1967. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // *САИ. Вып. Е1—38. М.*

Максимов Е. В., Петрашенко В. А. 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.

Макушников О. А. 1990. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // *Проблемы археологии Южной Руси. Киев.*

Малевская М. В. 1974. Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче // *Культура средневековой Руси. Л.*

Мальм В. А. 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // *Тр. ГИМ. Вып. 43.*

Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. // *САИ. Вып. Е1—36. М.*

Мельниковська О. М. 1978. Поселення поблизу с. Свердловка на Чернігівщині // *Археологія. Вип. 28.*

Мокляк В. О. 1990. Меч із Посулля // *Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Тез. докл. Полтава.*

Моргунов Ю. Ю. 1977. Три древнерусских городища Верхнего Посулья // *КСИА. Вып. 150.*

Моргунов Ю. Ю. 1983. Древнерусские городища течения р. Ромен // *КСИА. Вып. 175.*

Моргунов Ю. Ю. 1986. Круглые городища левобережья Днепра // *СА. № 2.*

Моргунов Ю. Ю. 1989. Динамика формирования и развития посульской границы // *Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Тез. докл. Полтава.*

Морозов Ю. А. 1902. О городищах Харьковской губ. // *Тр. Харьковского подготовительного комитета по устройству XII AC. Т. I. М.*

Москаленко А. Н. 1965. Городище Титчиха. Воронеж.

Москаленко А. Н. 1981. Славяне на Дону. Воронеж.

Моця А. П. 1987. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв.: По данным погребальных памятников. Киев.

Моця А. П. 1989. Погребальные памятники VIII—XIII вв. в междуречье Десны и Ворсклы // *Проблемы археологии Сумщины: Тез. докл. Сумы.*

Моця А. П. 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв. Киев.

Насонов А. Н. 1940. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // *Исторические записки. Вып. 6.*

Насонов А. Н. 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.

Недошивина Н. Г. 1960. К вопросу о связях радимичей и вятичей // *Тр. ГИМ. Вып. 37.*

Недошивина Н. Г. 1967. Перстни // *Тр. ГИМ. Вып. 43.*

Никольская Т. Н. 1958. Шуклинское городище // *КСИИМК. Вып. 72.*

Никольская Т. Н. 1959. Культура племен Верхней Оки в I тысячелетии н. э. // *МИА. № 72.*

Никольская Т. Н. 1981. Земля вятичей. М.

Новосельцев А. П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. П., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.*

Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Орлов Р. С. 1972. Поселення з керамікою волинцевського типу на Київщині // *АДУ. Вип. 4.*

Орлов Р. С. 1992. Возможности древнерусского гончарного производства на Полесье // *Проблеми вивчення середньовічного села на Поліссі: Тез. докл. Чернівці.*

Орлов Р. С. 1994. Серебряные украшения северян Курского Посеймья // *Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Тез. докл. Білопілля.*

Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. 1985. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // *Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев.*

Падин В. А. 1948. Поселение домонгольского времени в районе Трубчевска // *КСИИМК. Вып. XXIII.*

Падин В. А. 1970. Ранние курганы Кветуньского могильника // *МИА. № 176.*

Пархоменко О. В. 1990. Западные элементы в керамическом комплексе поселения у с. Автуничи // *Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тез. докл. Чернигов.*

Пассек В. В. 1839. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // *РИС. Т. III. Кн. 2.*

Пашкевич Г. А. 1990. Изменения в системе зернового хозяйства Древней Руси (время, причины и следствия) // *Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тез. докл. Чернигов.*

Петрашенко В. А. 1985. Городище Монастырек VIII—X вв. в свете новых исследований // *Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев.*

Петрашенко В. А. 1990. Волинцевская культура на Правобережном Поднепровье // *Проблемы археологии Южной Руси. Киев.*

Петрашенко В. О. 1992. Слов'янська кераміка VIII—IX вв. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ.

Плетнева С. А. 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи // *МИА. № 75.*

Плетнева С. А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.*

Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам // *МИА. № 142.*

Плетнева С. А. 1981. Салтово-маяцкая культура // *Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.*

Плетнева С. А. 1982. Кочевники средневековья. М.

Плетнева С. А. 1989. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плетнева С. А. 1992. Древнерусская керамика с городища Саркел—Белая Вежа // *Древнерусская керамика. М.*

Приймак В. В. 1988 а. О взаимоотношениях славян Днепровского Левобережья с населением салтовской культуры // *Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Тез. докл. Полтава.*

Приймак В. В. 1988 б. Орудия земледелия населения Днепровского Левобережья VIII—X вв. // *Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тез. докл. Чернигов.*

Приймак В. В. 1990 а. Памятники VIII—X вв. бассейна р. Клевень // *Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тез. докл. Чернигов.*

Приймак В. В. 1990 б. Охранные исследования памятников VIII—X вв. в Верхнем Поворсклье // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.

Приймак В. В. 1990 в. Про деякі питання слов'яно-салтівських стосунків на Лівобережжі Дніпра // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини / Третій обласний науково-практичний семінар: Тез. докл. Полтава.

Приймак В. В. 1991. К вопросу о происхождении гончарной волынцевской керамики // Археология и история Юго-Востока Руси: Тез. докл. Курск.

Приймак В. В., Белинская Л. И. 1988. Позднероменские комплексы городища Курган у с. Волынцево (по раскопкам В. И. Довженка) // Древнерусский город Путивль: Тез. докл. Путивль.

Пряхин А. Д., Винников А. З. 1980. Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

ПСРЛ. 1846. Т. I. Полное собрание русских летописей: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.

ПСРЛ. 1962. Т. I. Полное собрание русских летописей: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.

ПСРЛ. 1962. Т. II. Полное собрание русских летописей: Ипатьевская летопись. М.

Пушкина Т. А. 1987. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Тр. V МКСА. Т. III. Вып. 1 б. М.

Разуваев Ю. Д. 1987. Городище у д. Дубки // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Раппопорт П. А. 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. № 52.

Раппопорт П. А. 1975. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е1—32.

Рафалович И. А. 1968. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска // КСИА. Вып. 113.

Розенфельдт Р. Л. 1964. О производстве и датировке шиферных пряслиц // СА. № 4.

Русанова И. П. 1966. Курганы полян X—XII вв. // САИ. Вып. Е1—24.

Русанова И. П. 1973. Славянские древности VI—IX вв. Между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. Е1—25.

Русанова И. П. 1976. Славянские древности VI—VII вв. М.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков Б. А. 1939. Анты и Киевская Русь // ВДИ. № 1(6).

Рыбаков Б. А. 1945. Жернова Вщижского городища // КСИИМК. Вып. XI.

Рыбаков Б. А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б. А. 1949. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII.

Рыбаков Б. А. 1951 а. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. // КСИИМК. Вып. XXXVIII.

Рыбаков Б. А. 1951 б. Вщиж—удельный город XII в. // КСИИМК. Вып. XLI.

Рыбаков Б. А. 1952. Проблема образования древнерусской народности // ВДИ. № 9.

Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.

Сагайдак М. А. 1989. К истории хозяйственного освоения киевской территории в конце I—начале II тысячелетия н. э. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Сайко Э. В. 1965. Технология керамики средневековых мастеров // Археология и естественные науки. М.

Самоковасов Д. Я. 1878 а. Историческое значение городищ // Тр. III АС. Т. I. Киев.

Самоковасов Д. Я. 1878 б. Северянские курганы и их значение для истории // Тр. III АС. Т. I. Киев.

Самоковасов Д. Я. 1906. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического съезда // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. М.

Самоковасов Д. Я. 1908 а. Могила Русской земли. М.

Самоковасов Д. Я. 1908 б. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.

Самоковасов Д. Я. 1915 а. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обо-янского уезда Курской губернии, произведенных в 1909 г. М.

Самоковасов Д. Я. 1915 б. Атлас Гочевских древностей. М.

Самоковасов Д. Я. 1916. Могиленные древности северянской Черниговщины. М.

Сарачев И. Г. 1990. К построению типологии древнерусской круговой керамики на основе изменений технологии формовки венчика // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Сарачев И. Г. 1993. Древнерусская круговая керамика в комплексах роменской культуры // Роль ранних мисских центров в становлении Київської Русі: Тез. докл. Суми.

Сарачев И. Г. 1994 а. Принципы построения типологии древнерусской керамики на основе изменений в технологии ее изготовления // Историко-культурное наследие / Памятники археологии Центральной России: Охранное изучение и музеефикация. Рязань.

Сарачев И. Г. 1994 б. Некоторые итоги изучения технологии изготовления древнерусской керамики // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии: Тез. докл. Санкт-Петербург.

Сарачева Т. Г. 1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX—первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М.

Сахаров А. Н. 1982. Дипломатия Святослава. М.

Седов В. В. 1973. Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135.

Седов В. В. 1982. Археология СССР: Восточные славяне в VI—XIII вв. М.

Смиленко А. Т. 1989. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII—X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Соловьева Г. Ф. 1956. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. № XXV.

Соловьева Г. Ф. 1978. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М.

Спицын А. А. 1922. Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пгр.

Срезневский В. И. 1893. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. // Зап. Имп. Академии Наук. Приложение к Т. LXXII. № 5. СПб.

Супруненко А. Б. 1988. Археологические памятники территории г. Полтава и окрестностей [Каталог]. Полтава.

Супруненко А. Б. 1990 а. Археологические исследования Полтавского краеведческого музея: К 100-летию со дня основания // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.

Супруненко О. Б. 1990 б. Археологічні дослідження і зібрання Г. С. Кир'якова // Питання археології Сумщини. Суми.

Сухобоков О. В. 1975. Славяне Днепровского Левобережья. Киев.

Сухобоков О. В. 1980. Новые исследования древнерусского Путивля // АО 1979 г. М.

Сухобоков О. В. 1983. Исследования Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1981 г. М.

Сухобоков О. В. 1985. Роменская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тысячелетии н. э. Киев.

Сухобоков О. В. 1986. Славянские древности последней четверти I тысячелетия н. э. Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культуры) // Археология Украинской ССР. Т. III. Киев.

Сухобоков О. В. 1990. К характеристике могильника у с. Каменное // Питання археології Сумщини. Суми.

Сухобоков О. В. 1991. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Сухобоков О. В. 1992. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII вв. Київ.

Сухобоков О. В. 1994. Деякі спірні питання (історії населення Дніпровського Лівобережжя другої половини I тис. н. е. // Старожитності Русі—України. Київ.

Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Сухобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С. 1978. Раскопки у с. Каменное // АО 1977 г. М.

Сухобоков О. В., Иченская О. В., Юренко С. П. 1976. Новые исследования раннеславянского поселения близ Опошны // АО 1975 г. М.

Сухобоков О. В., Моця О. П. 1987. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумської області // Археологія. Вип. 58.

Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1977. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1976 г. М.

Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1990. Керамический комплекс Опошнянского городища // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.

Сухобоков О. В., Юренко С. П. 1993. Битицьке городище VIII вв. н. е.: Перспективи вивчення // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: Тез. докл. Суми.

Сухобоков О. В., Юренко С. П., Моця А. П. 1985. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1983 г. М.

Тизенгаузен В. Г. 1873. Монеты Восточного Халифата. СПб.

Тихомиров М. Н. 1953. Пособие для изучения Русской Правды. М.

Толочко П. П. 1981. Массовая застройка Киева X—XIII вв. // Древнерусские города. М.

Толочко П. П. 1987. Древняя Русь. Киев.

Толочко П. П., Боровский Я. Е., Вознесенская Г. А. 1981. Новое в археологии Киева. Киев.

Третьяков П. М. 1947. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли // Археологія. Т. I.

Третьяков П. Н. 1949. Археологические памятники древнерусских племен // Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. № 13.

Третьяков П. Н. 1969. Об истоках культуры роменско-боршевской группировки // СА. № 4.

Третьяков П. Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Л.

Третьяков П. Н. 1974. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточно-славянские древности. Л.

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.

Уварова П. С. 1906. Выборы из дел Черниговского статистического комитета, Исторического Общества Нестора Летописца и архива граф. П. С. Уваровой: Городища и курганы // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV AC. Т. I. М.

Узянов А. А. 1979. К проблеме оценки однородности распределения материалов в синхронных слоях и жилищах // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.

Узянов А. А. 1981. Переверзевское II городище // АО 1980 г. М.

Узянов А. А. 1982. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.

Узянов А. А. 1983. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // АО 1981 г. М.

Узянов А. А. 1985. Динамика заселения долины реки Тускарь: Диахронический анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.

Узянов А. А. 1986. Раскопки курганов и городища в долине р. Тускарь // АО 1984 г. М.

Узянов А. А. 1993. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Узянов А. А., Кашкин А. В. 1987. Путивльское и Курское Посемье в IX—XIII вв. / Сравнительная характеристика по археологическим данным // «Слово о полку Игореве» и Путивльщина: Тез. докл. Путивль.

Узянов А. А., Кашкин А. В. 1990. Историческая динамика размещения населения на юго-восточной границе Черниговской земли: Поселения IX—XIII вв. долины р. Рать // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тез. докл. Чернигов.

Узянов А. А., Смирнов Ю. А., Верещинский Л. И. 1979. Мешковские курганы и городище // АО 1978 г. М.

Успенский сборник XII—XIII вв. М. 1971.

Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.

Федоров М. Н. 1972. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв. // СА. № 2.

Фехнер М. В. 1968. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.

Филарет (Гумилевский). 1852. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 1. Харьков.

Филарет (Гумилевский). 1857. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 2. Харьков.

Филарет (Гумилевский). 1874. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. Чернигов.

Флеров В. С. 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.

Хабургаев Г. А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет». М.

Ханенко В. И., Ханенко Б. И. 1902. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев.

Херманн И. 1988. Ruzzi. Forsdererliudi Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М.

Цалкин В. И. 1969. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ // СА. № 4.

Чичуров И. С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М.

Шаскольский И. П. 1978. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. Л.

Шекун А. В. 1990. Памятники Сосницкого ополья IX—XIII вв. // Минувле Сосниці та її околиць: Тез. докл. Чернігів.

Шекун А. В., Веремейчик Е. М. 1988. Селища IX—XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Киев.

Шинаков Е. А. 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3.

Шинаков Е. А. 1981 а. Население междуречья Десны и Ворсклы в кон. X—пер. пол. XIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Шинаков Е. А. 1981 б. Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тез. докл. Киев.

Шинаков Е. А. 1982. Население верхнего течения р. Псёл в XI—XII вв. // По материалам Гочевского археологического комплекса // ВМГУ. Сер. ист. № 2.

Шинаков Е. А. 1985. Раскопки в с. Случевск // АО 1983 г. М.

Шинаков Е. А. 1986. Брянский участок пути «большого полюдья» X в. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. М.

Шинаков Е. А. 1990 а. Северные границы «Русской Земли» X в. // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тез. докл. Чернигов.

Шинаков Е. А. 1990 б. «Русы» и «славяне» IX в.: Контент-анализ восточных источников // Тр. VI МКСА: Тез. докл. М.

Школьников Н. А. 1978. Стекланные украшения конца I тысячелетия н. э. на территории Поднепровья // СА. № 4.

Шрамко Б. А. 1958. Археология в ХГУ за сорок лет [Путеводитель по выставке в археологическом музее ХГУ]. Харьков.

Шрамко Б. А. 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Шрамко Б. А. 1970. Раннеславянское поселение VIII—X вв. на Донецком городище // МИА. № 176.

Щеглова О. А. 1986. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. Вып. 187.

Щеглова О. А. 1987 а. Волынцевский горизонт поселения Вовки // КСИА. Вып. 190.

Щеглова О. А. 1987 б. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Щеглова О. А. 1988. Фативижский клад как основание для датировки памятников волынцевского типа // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тез. докл. Чернигов.

Щеглова О. А. 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Эдинг Д. Н. 1938. Экспедиционные работы московских археологов в 1937 г. // ВДИ. № 1 (2).

Юренко С. П. 1984. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X вв. // Археологія. Вип. 45.

Юренко С. П. 1985. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев.

Якобсон А. Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л.

Янин В. Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.

Янина С. А. 1965. Опись куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха // Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж.

Aspelin J. K. 1878. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. III, Helsingfors.

Belosevic J. 1965. Nekoliko ranosrednjovekovnih metalnih nalaza S Podrucja, Sjeverne Dalmacije // Diodora. Vol. 3. Zadar.

Chropovsky B. 1962. Slovanske pohrebisko v Nitre na Lupke // SA. X—1.

Chropovsky B. 1971. Vyvoj a stav archeologickeho vyskumu doby velkomoravskej // SA. XIX—2.

Chropovsky B. 1985. Vcasnoslovansky a predvelkomoravsky vivioi na uzemi Ceskoslovenska // Poulik J. a kolektiv. Velka Morava... Praha; Bratislava.

Cilinska Z. 1963. Slovansko—avarske pohrebisko v Zitavsej Toni // SA. XI—1.

Cilinska Z. 1975. Frauenschmuck aus dem 7—8. Jahrhundert im Karpatenbecken // SA. XXIII—1.

Csallany D. 1948. Rapports archeologiques entre les trouvailles tombales de l'epoque avare de Szeged et des cors a boire hunno—bulgares // AE. VII—VIII—IX. Budapest.

Dalimil. Nejstarsi ceska rumovana kronika tak recenoho Dalimila. Praha. 1958.

Dekan J. 1971. Vyvoj a stav archeologickeho vyskumu doby pred velkomoravskej // SA. XIX—2.

Dostal B. 1965. Das Vordringen der gros Bmahrtschen materiellen kultur in die Nachbarlander Magna Moravia. Praha.

Dostal B. 1966. Slovanska pohrebiste ze sredni doby hradistni na Morave. Praha.

Dzieduszycki W. 1982. Wczesnomiejska ceramika kruszwicka w okresie od 2 polowy Xw. do polowy XIVw. Wroclaw.

Fettich N. 1951. Archaeologische Studien Geschichte der spathunnischen Metallkunst // AH. XXXI.

Fettich N. 1965. Das avarenzeitliche Graberfeld von Pilismarot-Basaharc. Budapest.

Hampel J. 1905. Alterthumer des Fruhen. Mittelalters in Ungarn. Braunschweig.

Hanuliak M., Zaboynik J. 1982. Pohrebisko zo 7—8 stor. V Cataji okr. Bratislava—Vidiek // AR. XXXIV.

Horedt K. 1958. Contributii la istoria Transilvaniei in secolele IV—XIII. Bucuresti.

Hruby V. 1926. Puvodni hranice beskupstvi prazckego // CMM.L. Hutte: Справочник для инженеров, техников и студентов. М.; Л. 1935. Т. II.

Karaman L. J. 1940. Rad JAZU. 268, umj r. 4. Zagreb.

Kavan J. 1967. Slovanske hradiste Hradec nad Jizerou a nektare problemy jeho datovani // PA. LVIII. 1.

Kivikoski E. 1947. Die Eisenzeit Finnlands. I. Helsinki.

Kivikoski E. 1951. Die Eisenzeit Finnlands. Porvoo. Helsinki.

Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki.

Markine Poll K. 1934. Kurtosvegu karkotok az avar-korbol / Armringe mit Trichterenden aus der Avarenzeit // AE. 58.

Miskiewiczowa M. 1982. Mazowsze plockie we wczesnym sredniowieczu. Plock.

Mitrea B. 1959. Sapaturile de la Satu Nou // MCA. VI.

Morintz S., Roman P. 1962. Sapaturile archeologice din Bucuresti. Sepaturile de pe dealul Ciurel // MCA. VIII.

Orsi P. 1910. Buzantina Siciliae // BZ. XIX. 3/4.

Poulik J. 1948. Staroslovanska Morava. Praha.

Poulik J., Chropovsky B. 1985. Velka Morava a pocatky ceskoslovenske statnosti. Praha; Bratislava.

- Solle M. 1959. Knizeci pohrebiste na Stare Kourimi // PA. L. 2.
 Stenberger M. 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 2. Lund.
 Stenberger M. 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I. Stockholm.
 Svoboda B. 1953. Poklad Byzantskeho kovotepce v Zemianskem Vrobovku // PA. XLIV.
 Teodor D. Ch. 1969. Regiunile rasaritene ale Romaniei in secolele VI—VII. // MA. I.
 Teodor D. Ch. 1970. Elemente si influente, Bizantine in Moldova in secolele VI—XI. // SCIV. XXI. 1.
 Teodorescu V. 1964. Despre cultura Jpotesti—Cindesti in lumina cercetarilor arheologice din nord-estul Munteniei // SCIV. XV. 4.
 Tocik A. 1963. Pohrebisko a sidlisko z doby Avarskej rise v Prsi // SA. XI—1.
 Vana Z. 1968. Vlastislav, Vysledky vyzkumu slovanskeho hradiste v letech 1953—55 a 1957 az 60. // PA. LIX. 1.
 VencI S. 1973. Casne slovanske osidleni v Bechovicich o. Praha—Vychod // PA. LXIV.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив ИА РАН, р — 1:

- № 72. Воеводский М. В. Отчет о полевых исследованиях в 1946 г.
 № 870. Москаленко А. Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища (Гремячский р-н Воронежской обл.).
 № 902. Никольская Т. Н. Отчет о раскопках городища Кудеярова гора на правом берегу Сейма в 1953 г.
 № 927. Засурцев П. И. Отчет о раскопках в 1951 г. Липинского городища на правом берегу р. Сейм к западу от г. Курска.
 № 928. Засурцев П. И. Альбом фотоснимков находок и чертежей к отчету о раскопках в 1951 г. Липинского городища к западу от г. Курска.
 № 1921. Москаленко А. Н. Отчет об археологических раскопках на городище у хут. Титчиха Давыдовского р-на Воронежской обл. в 1959 г.
 № 2285. Москаленко А. Н. Отчет об археологических раскопках на Титчихинском и Воргольском городищах в 1961 г.
 № 4226. Изюмова С. А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской обл. в 1969 г.

Архив ИА РАН, р — 2:

- № 2142. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы. М. 1973. Дис. ... докт. ист. наук.

Архив ИИМК РАН, р — 2:

- Ф.1. 1907. Ед. хран. 41. Гатцук А. С. О раскопках в Черниговской губ. в 1907 г.
 Ф.1. 1907. Ед. хран. 54. Абрамов И. С. Отчет о раскопках в Черниговской губ. в 1907 г.

Архив ИА АНУ:

- № 1975/26 а. Сухобоков О. В. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г.
 Ф.12. 1969. Ед. хран. 379. Березовец Д. Т. Северяне перед образованием Киевской Руси. Киев, 1969. Дис. ... докт. ист. наук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ
 АИУ
 АКР
 АЛЮР
 АО
 АП
 Арх.
 АС
 АСГЭ
 ВВ
 ВДИ
 ВИ
 ВЛГУ
 ВМГУ

ГАИМК

ГИМ
 ИА АНУ
 ИАК
 ИА РАН
 ИИМК
 ИТУАК
 КГУАК
 КСИА
 КСИА АН УССР
 КСИИМК

ЛГУ
 МГУ

- Археологічні дослідження на Україні. Київ
 — Археологические исследования на Украине. Киев
 — Археологическая карта России. М.
 — Археологическая летопись Южной России
 — Археологические открытия. М.
 — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
 — Архив
 — Археологический съезд
 — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 — Византийский Временник
 — Вестник древней истории
 — Вопросы истории
 — Вестник Ленинградского государственного университета
 — Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
 — Государственная академия истории материальной культуры
 — Государственный Исторический музей
 — Институт археологии Академии наук Украины
 — Известия Археологической Комиссии
 — Институт археологии Российской Академии наук
 — Институт истории материальной культуры
 — Известия Таврической Ученой архивной комиссии
 — Курская губернская Ученая архивная комиссия
 — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
 — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 — Ленинградский государственный университет
 — Московский государственный университет

МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКСА	— Международный конгресс славянской археологии
НПЛ	— Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л. 1950.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПУАК	— Полтавская Ученая архивная комиссия
РАН	— Российская Академия наук
РИС	— Русский исторический сборник
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СДПИС	— Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М. 1995.
УАН	— Украинская Академия наук
AE	— Archaeologiai Ertesito. Budapest
АН	— Archaeologiai Hungarica. Budapest
AR	— Archaeologicke rozhledy. Praha
BZ	— Bizantinische Zeitschrift. Leipzig
ČMM	— Časopis Matice moravske. Brno
MA	— Memoria antuquitatis. Bucuresti
MCA	— Materiale si cercetari arheologice. Bucuresti
PA	— Památky arheologicke. Praha
Rad JAZU	— Rad Jugoslavenska akademija zznosti u umjetnosti. Zagreb
SA	— Slovenská arheologia. Bratislava
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche. Bucuresti

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ОСНОВЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	13
Глава 2. РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	52
Глава 3. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ VIII — НАЧАЛА XI в.	162
Заключение	224
Приложение I. И. Г. Сарачев. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья	225
Приложение II. И. Г. Сарачев. Древнерусская круговая керамика в комплексах роменской культуры (по материалам раскопок в г. Полтава в 1990 г.)	237
Приложение III. А. В. Фомин. Монеты из раскопок у с. Горбово	243
Литература и архивные источники	244
Список сокращений	261

Научное издание

Александр Вадимович Григорьев

**СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
В VIII – НАЧАЛЕ XI ВЕКА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Ответственный за выпуск О. Ю. Кузнецов

Редактор Е. А. Телушкина

Корректор С. Т. Ковалёва

Компьютерная верстка С. М. Ситников

Подписано к печати 10.11.99.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Pragmatica. Печать офсетная.

Печ. л. 16,5. Тираж 1000 экз.

Заказ № 54.

Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»:

300041, г. Тула, пр. Ленина, 47.

Тел./факс: (0872)36-43-06, 36-28-34.

Отпечатано в издательстве «Гриф и К°»,

г. Тула, ул. Свободы, 38,

(ЛР № 065454 от 13.10.97).

Тел.: (0872) 31-12-29.